

Мишель Бюсси

Детективщик № 1
во Франции

БЕЗУМСТВО
МАЗАРИНИ

Annotation

Остров Морнезе в проливе Ла-Манш. Когда-то Колен провел здесь с родителями-археологами счастливые годы. Сейчас ему почти шестнадцать, и он давно уже сирота. Мать погибла в автокатастрофе, а отец утонул в море. У Колена всегда было смутное чувство, что с его родителями связана какая-то тайна. И накануне шестнадцатого дня рождения ему выпадает шанс вновь оказаться на острове Морнезе. Парню хочется побывать на развалинах того старого аббатства, где он жил с родителями и их товарищами. Но главное – он сомневается, что его отец умер, и надеется хоть что-то выяснить о его судьбе. В этих местах гуляет легенда, что кардинал Мазарини когда-то спрятал на Морнезе удивительное богатство, и три сотни лет не утихают попытки найти сокровище, получившее название «Безумство Мазарини». В те же дни, когда Колен приезжает на Морнезе в летний лагерь для подростков, из знаменитой тюрьмы, расположенной на дальней оконечности острова, сбегают двое заключенных... Охота за сокровищем Мазарини начинается.

- [Мишель Бюсси](#)
 - [Предисловие](#)
 - [1. Конец](#)
 - [2. Четырьмя днями ранее. Дембель](#)
 - [3. Возвращение на Морнезе](#)
 - [4. Конная полиция](#)
 - [5. Сирота](#)
 - [6. Смутные предчувствия](#)
 - [7. Папа!](#)
 - [8. Без паники](#)
 - [9. Мигалки в ландах](#)
 - [10. Разбойничий остров](#)
 - [11. Опасная несдержанность](#)
 - [12. Полуночное купание](#)
 - [13. Недоверчивая сова](#)
 - [14. Оставление водителем места ДТП](#)
 - [15. Руины воспоминаний](#)
 - [16. Куличики](#)
 - [17. Язычки](#)

- [18. Сангвинарии](#)
- [19. Массовое бегство](#)
- [20. Разрешение на строительство](#)
- [21. Надругательство](#)
- [22. Что и требовалось доказать](#)
- [23. Путь испытаний](#)
- [24. Безумство Мазарини](#)
- [25. Сарай в Чаячьей бухте](#)
- [26. «Honestyuu»](#)
- [27. Другой свидетель](#)
- [28. Подарок ко дню рождения](#)
- [29. Второй подарок ко дню рождения](#)
- [30. Служебная машина](#)
- [31. Он?](#)
- [32. Тупик](#)
- [33. Папа](#)
- [34. Ночное вождение](#)
- [35. Миссия](#)
- [36. Желтая ночь](#)
- [37. Красная ночь](#)
- [38. Бессонная ночь](#)
- [39. Беспросветная ночь](#)
- [40. Бухта Ангелов](#)
- [41. Бункер мэтра Бардона](#)
- [42. Плотоядные муравьи](#)
- [43. Мышеловка](#)
- [44. Воскресение](#)
- [45. Эдипов экспресс-комплекс](#)
- [46. Последний свидетель](#)
- [47. За стеной](#)
- [48. «Шато Лодюк» 1978 года](#)
- [49. В темноте](#)
- [50. Секрет Люсьена Верже](#)
- [51. Под землей](#)
- [52. Прохладный душ](#)
- [53. Истина](#)
- [54. Десятибалльные пробки](#)
- [55. Мой детский кошмар](#)
- [56. Упоительная ночь](#)

- [57. Мальчик-с-пальчик](#)
 - [58. Три портрета](#)
 - [59. Призраки крипты](#)
 - [60. След оборвался](#)
 - [61. Конец тоннеля](#)
 - [62. Махинация](#)
 - [63. Признания](#)
 - [64. Свет в ночи](#)
 - [65. 00.11.08](#)
 - [66. Страх высоты](#)
 - [67. Безумство Мазарини](#)
 - [68. Прощание навсегда](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
-

Мишель Бюсси

Безумство Мазарини

Michel Bussi: “Sang famille”, 2018
Перевод: А. Н. Василькова

Моему отцу

Предисловие

От воображаемого к чудесному...

«Безумство Мазарини» — одна из первых моих книг. С сюжетом и героями я сроднился задолго до выхода романа «Следы на песке», а если покопаться в глубинах памяти, окажется, что эта история — мой писательский дебют.

Возможно, с вами такое тоже случалось. Представьте, вы встречаете человека, решаете, что знаете его, и... тут же чувствуете себя идиотом: да он же умер! Воображение опередило разум. Очертания фигуры, тень, голос, смех не могут принадлежать вашему деду, другу детства или бывшей соседке.

Вот из такого смутного, неприятного ощущения и родился мой роман.

Я закончил. Убрал рукопись в ящик стола, и прошло больше десяти лет, прежде чем решил вернуться к ней. Меня поразило, что, едва ступив на литературное поприще, уже в дебютном произведении я обозначил темы, которые буду затрагивать во всех своих сочинениях. Спросите — какие? Поиски себя, родственные связи, подростковый возраст, манипулирование, иррациональное, которому в конце концов находится логическое объяснение. Кроме того, меня влечет замкнутое пространство — остров, лабиринт, который надо исследовать, но нельзя выбраться, в чьих недрах кроется глубинное «я» личности, тайна, ставшая явной.

Помимо интриги, роман дает возможность вылепить ряд более или менее второстепенных персонажей, каждый из которых добавляет истории затаенности и юмора... Особенную нежность я испытываю к Дельпешу, Кларе, Мадихе, Арману...

«Безумство Мазарини», как и другие мои романы, особенно первые, — это квест, который олицетворяет Безумство Мазарини: герои отправляются на поиски сокровища, пользуясь зашифрованной картой, блуждают в подземных ходах... В этом смысле «Безумство Мазарини» может показаться простеньким чтивом, игрушкой, но я считаю его самым личным из своих романов. Хвалю себя (уж простите за нескромность!) за то, что придумал такого вот Колена, подростка с несчастливой судьбой, который в ходе квеста с неожиданными поворотами не может доверять никому из взрослых и все-таки не теряет надежды, становясь только сильнее.

Роман «Безумство Мазарини» увидел свет в 2009 году. Тираж, составлявший несколько тысяч экземпляров, давно распродан. Готовя переиздание, я мало что переписал — если говорить о стилистической правке, — но счел необходимым внести одно важное изменение: в первом издании Колен вел расследование вместе с двумя друзьями. Мне показалось, что эта веселая команда из трех мальчиков пришла прямоком из моих воспоминаний о летних лагерях и прочитанных в детстве книг.

Рядом с Коленом явно не хватало женского персонажа. Не один год у меня в голове дремала идея добавить в эту историю Мадиху, чтобы образовался куда более увлекательный треугольник Арман — Мадиха — Колен. Был ли я прав? Жду ответа от тех, кто прочел оба варианта...

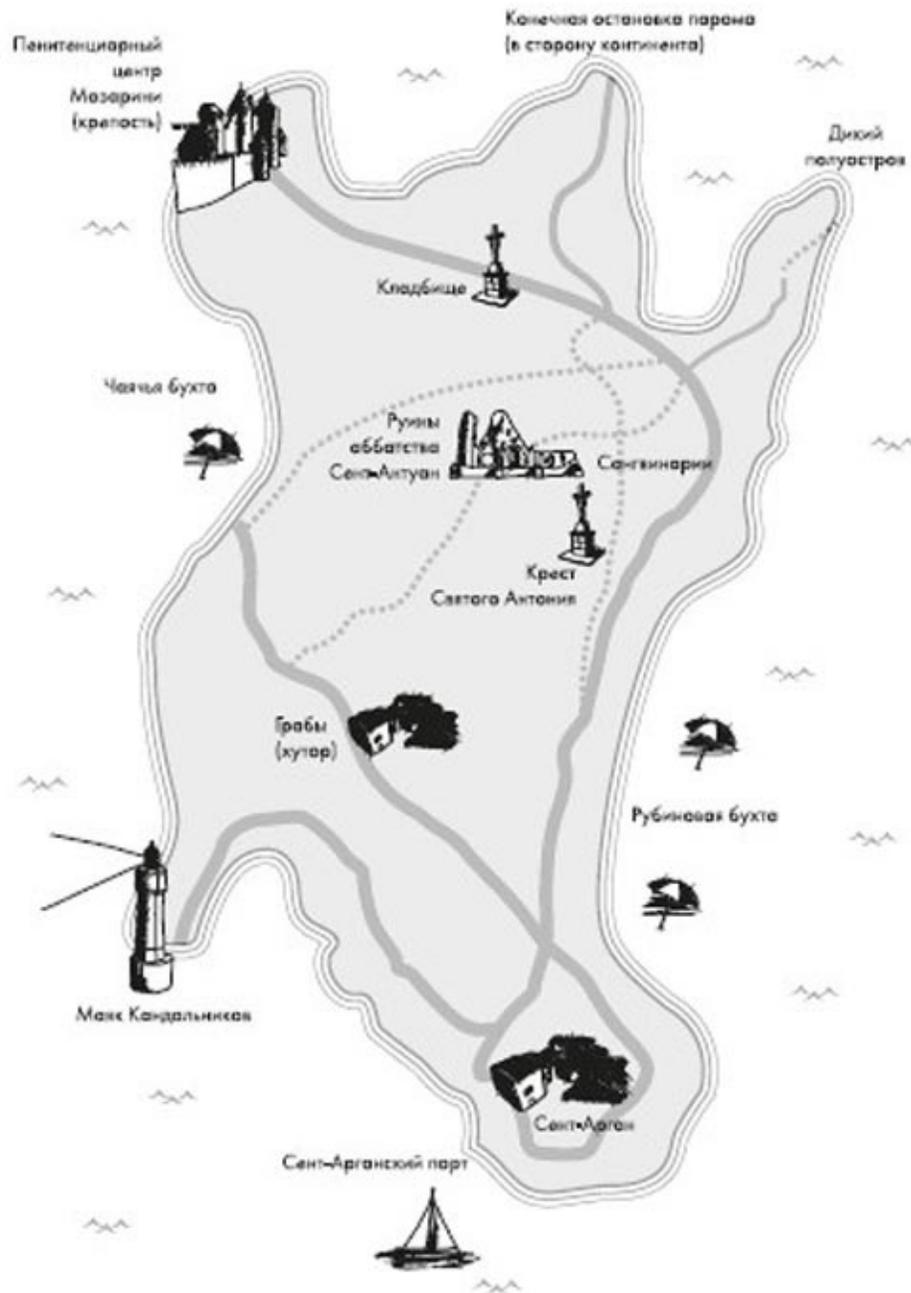
Я люблю роман за то, что сумел соединить в нем легкость с леденящими кровь «страшилками». Мне нравится, что он почти не поддается классификации, и это делает его книгой для всех поколений: юным — захватывающие приключения, остальным — океан любви.

Действие самого личного из моих романов происходит в придуманном месте. Странно, не правда ли?

От воображаемого до чудесного рукой подать. Ни одна следующая книга не уносила меня за пределы нашей реальности. Не будь «Безумства Мазарини», я не смог бы двигаться дальше.

Мишель Бюсси

Остров Морнезе

1. Конец

Воскресенье, 20 августа 2000, 02:51

Остров Морнезе

Грязную комнату заливают свет маяка Кандальников — словно на миг в нее хлынуло солнце. Но через секунду вновь побеждает тьма, пронизанная лишь слабыми лучами фонарей, почти серыми от удушливой пыли, — кажется, в них копошатся тысячи насекомых.

Здесь, в этой мерзкой норе, я умру.

Так и будет.

Меня терзает один, самый последний вопрос: решатся ли эти люди меня пытаться, перед тем как прикончить, и как далеко они готовы зайти, чтобы заставить меня заговорить? Станут ли они кромсать меня на куски? Будут ли копать в черепушке, надеясь вычленивать нужные воспоминания?

Взломщики памяти.

Все ясно. Несколько минут назад я сложил все части головоломки. Картина прояснилась. Я все вспомнил, но не знаю, выдал себя или сумел скрыть чувства.

Насколько до них это дошло?

Мертвая тишина. Сквозь толстые каменные стены не просочится ни один звук острова Морнезе. Я слышу только трудное дыхание моих палачей. Их четверо. Трое мужчин и одна женщина. Четверо взрослых, которым я, по идее, должен безоговорочно доверять. И доверял.

К большому сожалению.

Дуло пистолета все еще смотрит на меня. Они стоят неподвижно, прислонившись к грязным стенам, и я различаю только их тени. Сколько еще они продержатся, прежде чем набросятся на меня?

Они не хуже моего знают, что по всему острову рыщут десятки полицейских, разыскивают меня, гонятся за ними и сейчас, наверное, уже спустились в подземелья и идут по бесконечным ходам, прорытым в недрах острова. Прочесывают каждый метр Морнезе, облава ведется по всем правилам, но у полицейских нет ни малейшего шанса на удачу. Во всяком случае, вряд ли они успеют вовремя. Мои палачи перекрыли все выходы, они давно начали готовиться и все предусмотрели.

На что еще надеяться?

У меня даже бутылки не было, чтобы бросить в море, как делают

потерпевшие кораблекрушение, а клочки красной бумаги, оброненные несколько часов назад, бессильны против ветра с Ла-Манша. Но есть несколько дорогих мне людей, те, кому я еще доверяю и кто способен... На что они способны? Разве что догадаться.

А уж о том, чтобы найти...

Снова луч маяка. Мимолетная слепящая вспышка. Трое мучителей с тусклыми лицами обитателей преисподней, никогда не видевших дневного света, уставились на меня без малейшего сочувствия. Только она, стоящая у камина, прячет глаза.

Коротко блеснул осколок стекла, последнее жалкое оружие, лежащее на земле в трех метрах от моих ног.

Я скоро умру.

Они не могут меня пощадить. Теперь я слишком много знаю. Я видел их, разглядел настоящее лицо. Все случилось очень быстро, всего каких-то пять дней назад меня беспокоило совсем другое — сейчас и вспомнить смешно.

Тогда я был обычным подростком.

Одним из многих.

Нелегко бывает восстановить и описать свои мысли и чувства, то, как они менялись в течение нескольких дней, как час за часом, минута за минутой с головокружительной скоростью ускользала логика. И тем более трудно угадать мысли и чувства других участников событий — Симона, Мади, Армана.

Но я попытаюсь.

2. Четырьмя днями ранее. Дембель

Среда, 16 августа 2000, 13:51

Дорога, ведущая к цитадели, остров Морнезе

Покинув паром на острове Морнезе, фургон около километра катил вдоль моря по направлению к пенитенциарному центру Мазарини. Жереми с завистью смотрел на сотни парусников, скользивших по воде Ла-Манша и образовавших почти затор у входа в пролив, который отделял остров от континента. Цепочка маленьких оранжевых «Оптимистов» боролась с затихавшими волнами, поднятыми паромом. Несколько морских байдарок лавировали среди серфингистов.

В середине августа, думал Жереми, канал Морнезе превращается в шоссе, и все же, несмотря на тесноту, ему сейчас очень хотелось оказаться на месте одного из парней в комбине зонах, скользивших на досках со скоростью больше двадцати узлов.

Всего-то два часа осталось, утешил себя Жереми. Через два часа он повесит ключи от тюрьмы Мазарини на гвоздик, форму — на вешалку, а пушку сдаст на оружейный склад. Дембель! Пока-пока, англо-нормандские острова. Он влезет в эспадрильи и цветастые шорты и возьмет курс на полуостров Жьен, в сторону Иера.

Жиль, сидевший рядом, вел машину осторожно. За тридцать лет работы он совершил несколько тысяч рейсов по маршруту «тюрьма Морнезе — Гранвильский суд» и обратно, выучил наизусть расписание паромов и знал, на сколько метров растягивается очередь на причале.

Жереми обернулся поглядеть, что делается в задней части фургона. Там, лицом друг к другу, сидели двое заключенных в наручниках. Сидели спокойно. Присматривался он главным образом к тому, что был слева. Жонас Новаковски. Тяжелый багаж. Рецидивист, неоднократные вооруженные нападения, стрельба в упор по полицейским при исполнении. Ему еще семь лет отбывать. Опасный клиент. Другой, сидящий напротив, совсем другого разлива. Жан-Луи Валерино был осужден за финансовое правонарушение — личное обогащение за счет государственного контракта. Мелкий служащий с завидующими глазами, хапнувший не по чину. Он должен был выйти на свободу через два месяца, так что вряд ли собирался нарываться.

Фургон катил вдоль ограды кладбища. В этот послеполуденный час

дорога, которая вела к тюрьме, была свободна. Время сиесты.

До вечера еще много дел, подумал Жереми. Надо будет пошевелиться, как только освобожусь. Приладить багажник к «опелю астра», закрепить доску... и детское кресло.

Впервые с ними в отпуск поедет маленькая Леа, которой только что исполнилось полгода.

Жереми поморщился. Ему придется торговаться, снова и снова повторять одно и то же Лидии, когда той надоест торчать Пенелопой на пляже. Нет, доска для него — не развлечение на досуге, не спорт и не хобби. И даже не страсть. Она его продолжение. Смысл жизни. Насущная необходимость. Как вода, солнце и кислород. Дерьмовую должность тюремного охранника и ночные дежурства он терпел только потому, что у него оставалось время выходить в море, скользить по воде. Так уж вышло, животная потребность.

Полурыба-полуптица.

Лидия к нему прислушивается. Если и не поймет, все равно стерпит, ну, может, подуетса немного, а потом забудет.

Фургон резко затормозил, и замечтавшийся Жереми разом опомнился.

— Ты спятил? — завопил Жильдас.

Жереми мигом обернулся посмотреть, что происходит в задней части фургона. Жонас Новаковски, сложившись пополам, бился в конвульсиях, задыхался, на губах пузырилась пена.

Жильдас кое-как припарковался, Жереми вытащил из кобуры свой «зигзауэр» и вылез из кабины. Жильдас последовал за ним.

Жереми с опаской открыл заднюю дверь. Он не доверял Жонасу Новаковски, этот псих вполне способен изобразить припадок, чтобы попытаться сбежать. Жильдас наставил на заключенного оружие. Жереми чувствовал, как поднимается давление, учащается сердечный ритм. Так бывает, когда он на доске набирает больше тридцати пяти узлов, доводя тело до изнеможения.

Жонас Новаковски взвыл от боли. Жереми наклонился над ним. Жильдас в машину не полез, стоял снаружи, держа на прицеле бьющееся в конвульсиях тело. Должно быть, эпилептический припадок. С заключенными такое случалось. Надо только следить, чтобы он не поранился, пока не приедет врач.

— Кинь мне одеяло, — сказал Жереми коллеге. — Оно за сиденьем. Но не расслабляйся и глаз с него не спускай.

Жильдас, в свою очередь, влез в фургон, стараясь не приближаться к

Новаковски, который продолжал извиваться от боли, и свободной рукой взялся за коричневый плед.

Мгновение спустя спину Жильдаса взорвал чудовищной силы удар, он рухнул, выронил оружие и, падая, успел увидеть, как Новаковски вскочил и скованными руками сжал запястье правой руки Жереми.

Той, что держала пистолет.

Оба упали на пол фургона и покатались, сцепившись. Жильдас стиснул кулаки. Надо встать. Он должен перевернуться.

Даже если придется ползти — все равно должен.

Надо помочь коллеге. «Зигзауэр» лежал на полу, в двух метрах от него.

Забуть о боли, о перебитой спине. Протянуть руку, еще несколько сантиметров...

Тень раздавила ему пальцы, наклонилась, подняла пистолет.

— Стреляй, мать твою! — крикнул Новаковски. — Стреляй, Валерино! Прикончи их!

Жан-Луи Валерино был единственным, кто остался стоять, держа пистолет в скованных наручниках руках.

— Стреляй, придурок! — снова заорал Новаковски.

Арестант пытался удержать Жереми. Четыре руки боролись за второй пистолет. Валерино поочередно целился в охранников, лицо было залито потом.

— Ключ от наручников. Живо. Или я сделаю, как он сказал. Клянусь вам. — Голос его дрожал.

Жильдас не ответил, изо всех сил стараясь не потерять сознание. Жереми продолжал сопротивляться, не отдавал оружие. Новаковски навалился на него всем телом.

— Пристрели его!

Валерино не выстрелил. Его трясло.

— Кретин! — заорал Новаковски и вцепился зубами в запястье Жереми, чуть ли не прокусив насквозь.

Тюремщик разжал руку. Новаковски вскочил, схватил пистолет, попятился, не глядя на Валерино.

Теперь все будет зависеть от него.

— Ключи от наручников! Даю три секунды.

Жереми сжимал запястье, пытаясь остановить кровь.

— Ты на острове! — прохрипел он. — На Морнезе. Пять километров на три. Куда ты денешься?

— Один!

Жереми перевел умоляющий взгляд на Валерино. Этот тип дал втянуть себя в преступление, когда сидеть ему оставалось два месяца. Он потеряет все. Действительно все. Новаковски его прикончит, как только сможет без него обойтись. Как внушить это идиоту? Валерино избегал его взгляда.

— Два.

Тем хуже для него.

— Отсюда до тюрьмы всего километр! — крикнул Жереми. — В ближайшие несколько минут десятки полицейских оцепят здесь все. У вас нет ни малейшего шанса...

— Три!

Жонас Новаковски выстрелил ему в ногу. Пуля пробила правое бедро, Жереми хотел что-то сказать, выругаться, что-нибудь сделать, но боль придавила его к полу.

— Ну ладно, ладно, — дребезжащим голосом откликнулся из глубины фургона Жильдас.

Полицейский протянул два ключа:

— Берите. Но мы еще встретимся.

Перепуганный Валерино рванулся к связке.

— Надо валить, Новаковски. Ты не должен был стрелять. Сейчас все сюда сбегутся.

Жонас Новаковски оставался на удивление спокойным. Побег, видимо, напомнил ему о налетах, о том, как, захлебываясь адреналином, ведешь обратный отсчет до первых сирен, мигалок и бегства с места преступления. Он протянул руки Валерино, чтобы тот его освободил.

Жереми безвольно уронил голову. Он потерял сознание.

Вроде бы.

Но рука его медленно ползла вдоль здоровой ноги. Жильдас заметил это, он знал, что Жереми всегда прячет над щиколоткой кинжал — на случай рукопашной, такое иногда случалось в тюремных коридорах. На что этот идиот рассчитывает, когда против него двое с оружием? Собрался поиграть в героя с ножиком? Лучше отпустить гадов и остаться в живых. Беглецов поймают еще до наступления темноты.

Обе пары наручников упали на пол фургона. Жан-Луи Валерино дернул Жонаса Новаковски за рукав:

— Уходим!

Новаковски попятился, развернулся вполоборота, настороженно прислушиваясь.

Пальцы Жереми сомкнулись на кинжале. Если он ранит Новаковски, Валерино ничего не сделает. Он не будет стрелять. Он сдастся. На самом

деле Новаковски один. Достаточно всадить лезвие подонку между лопаток, как только он повернется спиной.

Новаковски сделал еще шаг, медленно повернул голову, втянул ноздрями воздух свободы.

Пора!

Несмотря на боль, Жереми рывком выпрямился, его рука рассекла воздух.

Слишком быстро.

Он промахнулся почти на двадцать сантиметров, нож пролетел мимо плеча преступника, со зловещим скрежетом чиркнул по закрытой двери фургона, упал на пол и крутанулся, как стрелка взбесившегося компаса.

— Игра окончена, — пробормотал Новаковски и снова направил на Жереми пистолет.

Полицейский понял, что сейчас умрет, глупо погибнет в двадцать девять лет и больше никогда не увидит Лидию, ей придется одной воспитывать полугодовалую малышку. Леа не запомнит его, он станет для нее незнакомцем с фотографии.

Дуло пистолета слегка опустилось.

Во время перевозок между Морнезе и Гранвилем Жонас Новаковски не раз перехватывал мечтательный взгляд Жереми, устремленный на паруса в океане.

Он выстрелил два раза. Первая девятимиллиметровая пуля пробила левое колено полицейского, вторая — правое. Жереми взвыл от боли, его крик наверняка слышали в цитадели.

Перед тем как потерять сознание, Жереми понял, что ноги больше никогда не будут держать его, как прежде.

Восторга скольжения по волне ему больше не испытать.

Не быть ни рыбой, ни птицей.

Он навсегда останется моллюском.

3. Возвращение на Морнезе

Среда, 16 августа 2000, 14:00

Порт Сент-Аргана, остров Морнезе

Казалось, маленький порт Сент-Аргана залит стоящим в зените августовским солнцем, но я не обманывался и оставался за молом. Знал, что стоит поднять голову — и ветер исподтишка хлестнет по лицу, а едва я выберусь из своего надежного укрытия и двинусь к причалу, проберет до костей.

Не говоря уже о температуре воды. Самое большее — восемнадцать градусов. Я поеживался при одной мысли о ней. Парусный спорт — это для психов. А заниматься им в Ла-Манше — пытка даже в середине августа. Арман, сидевший рядом со мной, думал так же. Так что мы оба прятались за молом, поглядывая на террасу ресторана при гостинице «Большой баклан» как раз напротив нас и на загорелые ноги под юбками, которые ветер с Ла-Манша задирает, будто желая заслужить прощение за то, что нас вымораживает.

— Восемьдесят! — выкрикнул Арман. — На одиннадцать часов.

— Что?

Я повернулся на одиннадцать часов. Ничего!

— Ложная тревога, — засмеялся Арман. — Ты можешь представить себе девчонку, которая будет разгуливать в порту голая по пояс?

— Всякое бывает, — не слишком убежденно ответил я.

Как бы там ни было, Арман мог не выступать. Я выигрывал в этой дурацкой игре, начатой десять дней назад, со счетом 84:79. Игра проще не бывает: первый, кто увидит девушку в монокини, получает очко! Надо было только незаметно указать направление: 85 и на 9 часов, 80 и на 11...

Я продолжал разглядывать террасу «Большого баклана» без особой надежды улучшить счет.

Проклятый ветер!

Нас было восемнадцать — восемнадцать подростков из лагеря мерзли за молом, дожидаясь, пока соизволит явиться наш тренер.

14:05.

Йойо опаздывал. Как обычно.

Три минуты спустя Йойо наконец вышел из парусной школы вместе со Стефани. При виде Стеф в красном купальнике из «Спасателей Малибу»

Арман напрочь терял голову. Вот и теперь он завопил:

— Эй, Памела^[1], скорее, тону!

Она посмотрела огорченно, вот и вся реакция. Выглядела она как чемпионка мира по кролю, и все в лагере с ума по ней сходили. Почти все. Кроме меня. Для меня она была слишком спортивной. Недостаточно женственной. Вообще-то я придирался, Стефани была обалденно хороша. Но я чувствовал себя увереннее, когда говорил остальным, что не запал на нее. Что-нибудь вроде: «Стеф? Ну не знаю... Не слишком в моем вкусе», пусть даже это никого не обманывало.

С нами на Морнезе было трое взрослых. Отец Дюваль, начальник молодежного лагеря, и два воспитателя, Стефани и Йойо. Мы со страстью обсуждали один-единственный вопрос: есть ли между ними что-нибудь? Это нас занимало вот уже десять дней. Я разделял мнение меньшинства: нет.

Йойо изобразил на своем глупом загорелом лице широкую улыбку и крикнул:

— Ну, пошли, ребятки, сегодня выбираем шкоты на правом и левом галсе.

Арман высунулся из-за мола и ляпнул:

— А тем, кто уже умеет, можно остаться в порту и клеить девчонок?

Все мы, видевшие, как Арман сражается с парусником, не смогли удержаться и заржали. Арману было пятнадцать лет, но выглядел он самое большее на двенадцать. Шорты болтались вокруг тощих волосатых ножек, тело было белым в красных пятнах. И очки, куда же без них, на большой уродливой голове. Йойо тоже беззлобно засмеялся, он хорошо относился к Арману. Подошел к этому недомерку, посмотрел на него с высоты своих метра восьмидесяти и притворно серьезным тоном заявил:

— Это мои охотничьи угодья. Если хочешь клеить девчонок в порту, спрашивай разрешения у меня.

И, довольный произведенным впечатлением, начал раздавать паруса. Арман неохотно поднялся и выдал:

— Отличный план, парни... Это означает, что все девчонки в порту еще нетронутые!

Группа захохотала, и Стефани — первая. Я видел — ей понравилось, как щенок огрызнулся на Йойо. Наш тренер по парусному спорту снова поглядел Арману в глаза:

— Эй, малявка... Как только выйдем в открытое море, я тебя утоплю!

Веселье прекратилось. Йойо закончил раздавать паруса. Я получил свой.

Ужас!

Парус был вдвое больше меня. Я подозревал, что как только мы выйдем из-за мола, на нас набросится холодный ветер. Я сделал шаг вперед, ветер забрался во влажную ткань, облепил ею мою беззащитную плоть.

Кошмар!

Я с трудом двигался, казалось, еще шаг — и меня унесет ветром. Я старался не поднимать парус слишком высоко, но тогда низ мачты скреб по камням. Стефани-Памела кинула на меня недобрый взгляд, означавший: «Какого черта, нельзя ли поаккуратнее?»

Надо было всего-навсего взять свой парус, пройти с ним через порт, потом через стоянку, стараясь по возможности не задевать машины, спуститься на пристань и попытаться перейти на судно, не промочив кеды насквозь.

Пытка!

И так каждый день. Я всякий раз плелся в хвосте, позади меня оставался только Арман. И Йойо — замыкающим, чтобы подгонять нас пинками.

Проклятые каникулы!

Я задумался и тут же зацепил мачтой зеркальце припаркованной впереди черной машины.

— Осторожнее, болван! — заорал Йойо.

Я пошел дальше, к выходу со стоянки и холодной воде порта, которая плескалась в грязном песке. За парусом я вообще ничего не видел. Заехал по спине Мадихе, и теперь завопила она. Мадиха была главной бунтаркой в нашей группе, девочка из интерната, — в любом лагере находится хоть одна такая, всеми командует и навязывает собственные правила, способна выхватить нож из-за того, что ее задела реей по плечу. Высокая. Широкоплечая. Из тех, кто успокаивает нервы, занимаясь капоэйрой. Силы были неравны.

— Извини, Мади.

Мадиха посмотрела на меня, как на комара-самоубийцу, который зудит у нее перед носом, хотела было прихлопнуть, но передумала.

Я шел к паруснику, ошвартованному, но всю болтавшемся у причала. Попытался запрыгнуть с песка на борт, но нога соскользнула, я ступил в воду, и дрожь пробрала меня от мокрой пятки до затылка.

Подумать только — вот так уже десять дней.

Подумать только — я сам выбрал этот кошмар.

По собственной воле!

В море ветер немного утих. В спасательных жилетах нам было почти тепло. Мы с Арманом, как всегда, были на паруснике вдвоем. Он завалился спать и видел во сне восьмидесятую пару сисек, Стефани, которая делает ему искусственное дыхание изо рта в рот, или еще что-нибудь такое. Арман давно отказался от попыток научиться управлять судном, определять направление ветра, стягивать шкоты и осваивать прочие морские премудрости. Просто невероятно, до какой степени Арман, самый умный мальчик в нашей группе, был неспособен понять самые азы навигации. Он не меньше десяти раз получал гиком по башке и никогда не мог сообразить, откуда дует ветер. На самом деле он просто плевать хотел на все это с высокой колокольни. Родители отправили его в лагерь в наказание, уж не знаю, за какую провинность. Арман не из тех, кто валяет дурака, он скорее из породы примерных отличников. Загадка!

Когда Йойо и Стефани шли мимо на своем «Зодиаке», я лениво брался за штурвал, создавая видимость интереса. Они обходились без паруса, перемещались от лодки к лодке на надувной моторке, раздавая указания. Теоретически мы должны были за определенное время пройти между оранжевыми и желтыми буйками. Мы с Арманом давно отказались соревноваться. Йойо наши достижения уже не волновали, и только Стефани пока не сдалась окончательно. Заглушив движок, она крикнула:

— Вы справитесь! Вы не глупее других. Ваши родители заплатили за то, чтобы вы научились...

Я изобразил на лице безнадежную улыбку, а вот Арман и глаз не приоткрыл.

— Не старайся, Стеф, — заметил Йойо. — Дохлый номер, от этих ничего не добьешься.

«Ты прав, Йойо, — подумал я. — Не старайся, Стеф. Моим родителям безразлично, умею я править лодкой или нет».

Там, где они сейчас.

Моторка двинулась дальше — к более усердным начинающим рулевым.

Плеск воды и робко пригревавшее солнце убаюкивали. Арман спал рядом. Парусники остальных придурков из нашего лагеря шли очень, очень далеко. Мне было хорошо. Впервые за долгое время.

Я один.

Наконец-то.

Как меня сюда занесло?

Я так и вижу каталог летних лагерей. Почтальон принес нам его в феврале, и я сразу начал его изучать, потому что Тьерри и Брижит выбора мне не оставили.

— Этим летом ты куда-нибудь поедешь! Будешь общаться с ровесниками!

Им хотелось от меня отделаться, хотя не так уж я им и мешал — сидел тихо у себя в комнате, читал или смотрел телевизор, и меня часами не было видно и слышно. А может, именно это им больше всего и мешало. Я все сильнее отгораживался от них, и у меня на то имелись смягчающие обстоятельства. А главное — я ничем не был им обязан! Но ни одна отговорка на свете ничего изменить не могла, от поездки в лагерь было не отвертеться... По правде сказать, меня это скорее устраивало. Мы с Тьерри и Брижит почти никогда никуда не ездили. Лето укладывалось в схему «телевизор-книжки-интернет». Даже для такого идейного одиночки, как я, июль и август стали тянуться до бесконечности долго.

Так вот, в тот февральский вечер, вернувшись из лицея, я оказался дома один на один с каталогом. Довольно толстым перечнем лагерей по всей стране. Я быстро пролистывал худшее: каньонинг, верховая езда, походы, квадроциклы, парусный спорт... Задерживался на лучшем: театр, кино и аудиовизуальные искусства, цирк и даже ролевые игры.

Я на такое и не надеялся!

Уже загнул угол страницы и облизывался в предвкушении. Ролевые игры в средневековом замке, в Оверни. Все, что я люблю. А потом открылась эта подлянка на странице 37: парусный лагерь на острове Морнезе, семнадцать дней. «Самый солнечный из англо-нормандских островов», — заманивала реклама. Наставники, прошедшие специальную подготовку. Под руководством отца Дюваля. Двадцатипятилетний опыт. Размещение в палатках. Участие каждого в жизни коллектива. Увлекательные игры. Каждый день плавание под парусом в Ла-Манше.

Я чуть не выронил из рук каталог.

На программу — парусный спорт и участие каждого в жизни коллектива — я едва взглянул. Меня поразило одно-единственное слово. В самое сердце.

Это было неминуемо, неизбежно.

Морнезе!

Мое прошлое. Моя история.

Моя незавершенная история.

Мог ли я тогда догадаться, что надо было выкинуть проклятый каталог

в мусорное ведро? Разодрать его на страницы, а потом сжечь их, одну за другой, в дядиной пепельнице?

Мог ли я себе представить, что, выбрав этот лагерь, сам, добровольно, без малейшего принуждения открываю дверь урагану лжи, который за несколько дней сметет все, в чем я был уверен, от безобидных фактов до самых прочных убеждений.

И все же, даже если бы я обо всем догадывался, даже если бы заподозрил самое худшее, думаю, поступил бы точно так же.

Потому что мне надо было встретиться лицом к лицу с правдой, какой бы невероятной и неприемлемой она ни оказалась.

4. Конная полиция

Среда, 16 августа 2000, 14:48

Дорога, ведущая к аббатству, остров Морнезе

Симон Казанова, двадцати пяти лет от роду, выполнял на острове Морнезе увлекательные обязанности молодого сотрудника по обеспечению безопасности на дорогах. Поначалу он был в восторге, получив эту работу в Нормандии, на берегу моря, на весь туристический сезон, пусть даже она имела мало общего с его будущей специальностью — он изучал публичное право.

Симон заменял большую часть муниципальных служащих на время их отпусков. В мэрии он остался практически в одиночестве, и задача его была несложной: обеспечить отдыхающим дорожную безопасность. Для того чтобы он мог наилучшим образом справляться со своими обязанностями, мэрия Сент-Аргана, столицы острова Морнезе, даже предоставила в его распоряжение роскошный служебный горный велосипед рубинового цвета. Конная полиция с англо-нормандским оттенком! Симон крутил педали на островных тропинках, преследуя всевозможных нарушителей: собак без поводка, велосипедистов на пляже, роллеров на пешеходных улицах Сент-Аргана, мотоциклистов на велосипедных дорожках.

Предупреждение, вмешательство, переговоры.

Разумеется, Симон Казанова не обладал и малой толикой власти полицейских. Работа не увлекала его, но позволяла общаться с туристками, хотя, несмотря на свои метр восемьдесят, загар, мускулы, коротко стриженные светлые волосы и красный внедорожник, сам себе он казался немного смешным. На тропинках ему, как правило, встречались семьи, бабушки-дедушки с внуками, а красотки весь день проводили на пляже, и подступиться к ним он мог только после работы, приходилось ждать вечера. Так что в двух вещах он им никогда не признавался. Во-первых, не называл им свою фамилию, Казанова, — нелегко ему приходилось с таким наследством, но у каждого свой крест. Во-вторых, не говорил о своей работе: молодежная должность грозы собачек, присевших, где запрещено, не вызывала ничего, кроме смеха. Уж лучше называться студентом — пятый курс, специализация — формы экономической политики государства.

И чем он займется потом?

Симон колебался. Адвокат? Комиссар? Судья? Он старался не распространяться на тему хронической безработицы среди дипломированных специалистов с его образованием — хоть и считалось, что оно дает верный кусок хлеба.

Набравшись терпения, Симон все же сумел затащить нескольких июльских и августовских отпускниц в свою холостяцкую квартирку с видом на порт, как раз над «Большим бакланом», но ему пришлось смириться с очевидностью: ни одна из Мисс Приморский Кемпинг острова Морнезе не станет его любовью на всю жизнь. Когда речь шла о чувствах, Симон Казанова был разборчив.

И все же он вот уже три дня встречался с девушкой, которая продавала билеты посетителям развалин аббатства Сент-Антуан. Кандис, студентка из Арраса, хорошенькая блондинка, умудрявшаяся выдавать свой легкий северный выговор за скандинавский акцент. Вдруг ему повезет и с ней будет чуть полегче поддерживать разговор, чем с туристками? У него было назначено свидание — как стемнеет, на пляже у Рубиновой бухты. Кандис готовилась стать преподавателем истории, но Симон не был уверен, что они так и будут сидеть, рассуждая при свете луны о жизни бенедиктинцев или островных владениях кардинала Мазарини.

У Симона хватало амбиций — и в учебе, и в личной жизни. Он споро карабкался вверх по образовательной лестнице. Что касается внешности — он принадлежал к спокойному и естественному типу, был в ладу со своим телом, умел за ним ухаживать и выставлять в лучшем свете. Не подкачала и психика — природа наделила его редким упорством, какое мало кто из близких мог в нем заподозрить. Он был уверен в себе и ждал подходящего случая, чтобы рвануть вперед. И было бы удивительно, если бы за эти два летних месяца ему так ничего и не подвернулось.

Без чего-то три пополудни Симон, перегордив железным конем велосипедную дорожку, которая тянулась вдоль ведущего к аббатству шоссе, читал нотацию славному семейству отдыхающих, чьи дети в возрасте от четырех до восьми лет катались без шлемов. Отец кивал с понимающим видом, мать не скрывала раздражения, а старшая дочь, очень хорошенькая и очень загорелая, смотрела в землю. Симону казалось, что ее глаза, занавешенные длинными черными волосами, должны быть темными. Красивая девушка из тех, что весь день скучают в обществе родителей и младших братьев и ждут вечера, когда все святое семейство ляжет спать и можно будет свалить к друзьям у костра на пляже. Вообще-то в задачу

Симона входило запрещать незаконные костры — из-за кораблей и рифов, но, представив, как он преследует малолетних береговых разбойников, как появляется на своем красном велосипеде среди ночных купальщиков, он не мог не вспомнить жандарма из Сен-Тропе^[2].

Думая о другом, он продолжал пересказывать семейству кодекс поведения велосипедистов на острове. Старшая красotka по-прежнему не поднимала глаз. При родителях притворяется паинькой, а сама, наверное, мечтает о красавце-голландце, к которому побежит, как только стемнеет. Симон дошел до опасностей, которыми угрожает дозорная тропа из-за обвалов в скалистой части острова, — и тут на поясе завибрировал мобильник.

— Извините.

Он отошел от них на несколько метров. Посмотрел на экран: Клара. Секретарша мэрии, единственная из служащих, которая не ушла в отпуск и не была на лето переброшена в туристско-информационную службу.

— Да, Клара?

— Каза? Рядом с цитаделью творится что-то подозрительное. В мэрию позвонили туристы. — Голос Клары выдавал панику.

— Что значит «подозрительное»?

— Они толком не объяснили. Вроде бы слышали выстрелы. И крики. Напротив кладбища, рядом с тюрьмой.

Клара была не из тех, кто трепыхается по любому поводу. Симон быстро распрощался со славным семейством отдыхающих, напоследок еще раз попытавшись перехватить взгляд хорошенькой девчонки.

«Черт возьми, — думал он, крутя педали и с удовольствием ощущая выброс адреналина, — неужели на этом острове наконец происходит что-то интересное?»

До кладбища Симон добрался за десять минут. На первый взгляд все выглядело спокойно. На дороге почти пусто. Никаких гильз, дымом не пахнет. На серой кладбищенской ограде грелась на солнышке неподвижная ящерица, она сбежала, как только Симон прислонил к стене велосипед.

Бдительных островитян и след простыл.

Никакой суеты.

Ничего.

Было даже слишком спокойно, тишина казалась не вполне естественной, как будто все затихло по команде священника, учителя или режиссера. Только высокая трава на откосе шуршала под морским ветром.

Симон Казанова посмотрел в сторону северо-западной оконечности острова, той его части, куда почти не заглядывали туристы и где не было ничего, кроме цитадели, теперь превращенной в тюрьму.

Там суета была.

Он мало что мог разглядеть — только фигурки, мечущиеся, как сбившиеся с пути муравьи. Снова оседлав велосипед, Симон проехал оставшиеся шестьсот метров по дороге к тюрьме.

С каждым оборотом педалей перед ним открывалось огромное восьмиугольное сооружение, стали видны валы в стиле Вобана, пологие склоны, заросшие чуть пожелтевшей травой, — точно как в Сен-Ва-ла-Уг или на острове Татиу. Двести лет назад цитадель стала каторжной тюрьмой, промежуточным этапом для преступников, которых затем отправляли в Гвиану, на Реюньон или в Новую Каледонию. После Второй мировой войны крепость превратили в тюрьму. С моря к ней было не подступиться. Со стороны острова ее защищали глубокие, метров по десять, рвы, теперь осушенные, но огражденные двойным рядом колючей проволоки. Преодолеть оплот из камня, земли и металла можно было, только пройдя через широкий сводчатый проем в крепостной стене и бетонный мост.

Какой-то тип с автоматом, в военной форме, больше похожий на наемника, вернувшегося из Чада, чем на сотрудника министерства юстиции, преградил ему дорогу.

«Не поддаваться!» — подумал Симон и решительным тоном представился:

— Служба безопасности острова Морнезе. Жители прибрежных районов сообщили мне...

Наемник поднял автомат. В его снаряжении ничего упущено не было. Тесак вдоль ноги. Патронташ через плечо. Бинобль на шее. Стрекочущая рация. Симон увидел еще десятка три таких же солдат в форме десантников, вооруженных до зубов, — они выходили из ворот крепости и садились в джипы, четверо в машину. Один человек в каждой группе сидел за рулем, второй неотрывно смотрел в бинокль, третий и четвертый целились из автоматов в невидимого врага. Два джипа уже покинули крепость.

Странно — летом тюремная охрана остается неприметной. Надо было встать на рассвете, чтобы увидеть, как взмыленные бритоголовые парни с мускулистыми ногами маленькими группами бегут по велодорожкам.

Клара была права! Что-то происходило. Дуло автомата чадского

наемника было наставлено точнехонько в отчаянно колотившееся сердце Симона.

— Мсье, вам нельзя здесь оставаться, — строго сказал военный.

Симон притворился раздраженным.

— Говорят вам — служба безопасности острова. Мэрия Морнезе!

И уверенно протянул ему свое «молодежное» удостоверение. Тип с автоматом внимательно изучил карточку с печатью мэрии. Она его не очень убедила, и он не знал, что делать.

Симон начал терять терпение.

— Сколько можно! Я хочу поговорить с кем-то из ваших командиров!

Военный с облегчением пробормотал в свою рацию что-то совершенно неразборчивое, и тут же под сводом появился человек лет сорока с отличной выправкой. Все в нем контрастировало со зрелищем метавшегося по двору апокалиптического отряда: зеленовато-синий мундир, фуражка с лакированным козырьком, надвинутым на высокий лоб, орлиный взор, способный и на горизонте высмотреть перископ вражеской подводной лодки.

Он внимательно изучил удостоверение Симона и с сообщнической улыбкой вернул его владельцу.

— Лейтенант Дюллен. Благодарю вас, мсье Казанова, за то, что добрались сюда, но вы напрасно беспокоились. Все в порядке. Обычная работа.

Обычная работа?

Ага, как же!

5. Сирота

Среда, 16 августа 2000, 15:51

Вблизи порта Сент-Аргана, остров Морнезе

Парусник мягко покачивался, баюкая мои воспоминания. Арман все еще спал, свернувшись калачиком рядом, и улыбался во сне, как большой младенец, угнездившийся в коляске, которую катят по ухабистой дороге. Я смотрел на линию берега, на смешение красок Морнезе, словно на картинах импрессионистов, — дома над серым гранитом отвесных прибрежных скал, красные пятна, разбросанные по ландам с сотней оттенков зеленого.

Остров Морнезе.

Мое незавершенное прошлое.

Я жил здесь в детстве, до шести лет. Мои отец и мать были не то археологами, не то историками, не то чем-то средним между тем и другим. Они восстанавливали аббатство Сент-Антуан, стоявшее посреди острова, лет десять потратили на эту работу. Жили там вместе с группой молодых любителей древних камней, среди которых были Тьерри, брат моей матери, и его жена Брижит. Все происходило в начале восьмидесятых. Я родился на пятом году раскопок и был единственным ребенком в этой научно-хипповой общине. От того времени у меня в памяти сохранились расплывчатые картины: солнце, ветер, пыль, большие столы, за которыми взрослые смеются и пьют, я — одинокий и несколько заброшенный ребенок.

Вот, собственно, и все, что я помню про первые шесть лет.

Все закончилось в 1990 году.

Внезапно оборвалось.

Однажды утром на школьном дворе во время перемены появился муж моей няни. Зачем так рано? Он велел мне идти с ним, ничего объяснять не стал, сказал только, что это срочно и важно и чтобы я ни о чем не спрашивал. Я-то больше всего волновался из-за своего мяча. Нянин муж взял меня за руку как раз после того, как я сделал пас другу по имени, кажется, Лоран. Я толком этого Лорана теперь и не помню, мы с ним с тех пор больше не виделись. Тогда он даже не успел отбить мяч мне обратно.

Вполне вероятно, что мой мяч с того дня так у него и живет.

Нянин муж отвел меня к себе домой. Мне дали поесть и сказали,

чтобы я шел играть. Все были очень ласковы и до ужаса фальшивы, что я отчетливо сознавал. Я и сейчас, хотя напрочь забыл, что ел на обед, что смотрел по телевизору и во что играл, помню странную атмосферу неловкости, ощущение беспокойства и неестественно заботливых людей вокруг меня.

А потом, уже под вечер, ко мне пришла Мартина, моя няня. Она плакала. Я впервые видел ее в слезах. Она сказала, что с моим папой произошел несчастный случай. Что он ушел на небо. Что я должен держаться. И все время твердила: «Это несчастный случай, это несчастный случай».

Кажется, я не плакал. Потому что не понимал.

Мой папа на небе?

Что это значит? Я больше никогда его не увижу? Я не грустил, но мне было не по себе. Равновесие нарушилось, и как теперь себя вести? Меня этому не учили. Я думал: «А можно мне поиграть, покататься на велосипеде, включить телевизор? Когда будет можно?»

Я и сегодня спрашиваю себя, чудовищной ли была такая реакция или нормальной. Смерть казалась мне взрослым делом, таким взрослым, что я ничего не понимал, не был знаком с правилами. Это была запретная тема, как взрослые разговоры про секс. Именно так я это ощущал — нечто грязное, тайное, предназначенное только для взрослых. Запретная тема.

Я не плакал. Я не знал, надо плакать или нет. С тех пор я больше никогда не плакал. Никогда.

Моему детскому уму понятно было одно, и только за это я и цеплялся.

Несчастный случай.

Няня все твердила про несчастный случай.

Но это звучало фальшиво. Что-то было не так. Иначе зачем няне настаивать, мне-то было все равно. Такому малышу, каким я был тогда, дела не было до объяснений взрослых.

Если она так на этом настаивала... значит, это не был несчастный случай.

И я, шестилетний, уже тогда знал, что она врет.

Наверное, осознание этого все и расшатало.

Мне не хотелось плакать, слез не было, только вопросы, много вопросов. Произошло нечто страшное, ужасно печальное, и мне не хотели об этом рассказывать. Отодвигали подальше от взрослых тайн. И потому это становилось важнее смерти моего отца самой по себе. Мои детские рассуждения были просты.

Это не был несчастный случай...

Мой отец не погиб в результате несчастного случая. А значит, если он не умер из-за несчастного случая...

Вполне может быть, что он вообще не умер.

Два дня спустя дядя Тьерри и тетя Брижит увезли меня с острова Морнезе. Помню, что ехал на заднем сиденье их «рено» и смотрел, как меняется пейзаж за окном. Во всяком случае, мне кажется, что я это помню. Все затянулось туманом, остались только отдельные вспышки. Крест аббатства Сент-Антуан вдалеке, самая высокая точка острова. Это — да, это я помню. От парома, на котором мы плыли на материк, и от остальной части пути — дороги через Нормандию — ни одной картинке в памяти нет. Должно быть, я спал. Сначала мы с Тьерри и Брижит два года прожили в дешевой квартирке в Понтуазе, я ее почти совсем забыл. Потом они купили домик в Кормей-ан-Паризи, предместье, зажатом между Аржантеем и Мезон-Лаффитом. Убогая лачуга в уродском поселке. Соседи, в том числе и в первую очередь дети моего возраста, все тупые.

Можно было сдохнуть от скуки.

Родственники сделали все, что смогли, на те деньги, какие удалось наскрести. Наверное, ради домика влезли в долги, с которыми им до самой пенсии было не расплатиться. Я на них не в обиде. Во всяком случае, за это.

С мамой я виделся еще один раз, в понтуазской квартире, вскоре после того, как вместе с Тьерри и Брижит покинул Морнезе. В какой именно из дней, я не очень отчетливо помню. Она пришла вечером, когда я купался. И об этом у меня тоже не осталось в памяти ни слов, ни картинок — только обрывки воспоминаний, только впечатления.

И главное среди них — мама меня испугала!

Она была пугающе серьезной. Темнота — единственное, о чем я думал. Темнота и холод. Мама была грустная, осунувшаяся. Почти как мертвая. Чувствовалось, что все дни и часы перед нашим свиданием она не переставала плакать. При мне она сдерживалась, но у нее не было сил даже на улыбку, шутку или ласку. А ведь я только того и ждал. Чтобы все стало как раньше.

Выбраться из темноты.

Выбраться из вранья.

Снова жить по нормальным правилам. Снова стать обычным ребенком. Играть.

Но нет — женщина, которая наклонилась надо мной в ванной комнате, моя мать, выглядела так, будто уже умерла. Я ее не узнавал. Она говорила важные вещи, но это было не то, что я хотел услышать.

Ты должен быть мужественным. Ты уже большой. Ты мужчина.

Но я не был ни большим, ни мужественным.

Нет!

В тот вечер она осталась ужинать. Потом они втроем уложили меня спать в моей комнате, но я не уснул и слышал, как они разговаривают за стенкой, хотя ничего не понимал. Во всяком случае, я ничего не помню, кроме того, что часто звучало имя отца.

Жан.

Они всегда говорили о нем в настоящем времени. Каждый раз я поживался в своей постели, как будто они говорили о призраке. Как будто они говорили о ком-то живом.

Поздно ночью ко мне в комнату пришла мама. К тому времени я, наверное, уже спал. Она меня разбудила. Постаралась улыбнуться, но лицо у нее было... За все эти годы я не нашел другого слова: мертвенное. После этого мне долго снились кошмары, и во всех кошмарах я видел это лицо. Мама наклоняется надо мной, чтобы поцеловать. Ее дрожащая рука с серебряным обручальным кольцом. И потом — последняя картинка, которая от нее осталась. Осунувшееся лицо с запавшими щеками, мне страшно на него смотреть, она и сама почти призрак. И последние слова, которые она произнесла, такие странные.

Твой папа теперь далеко, Колен, очень далеко. Но ты не грусти. Надо набраться терпения. Ты снова его увидишь. Когда-нибудь ты с ним встретишься.

Когда-нибудь ты с ним встретишься...

С тех пор мне не дает покоя вопрос: мама прошептала это, чтобы меня утешить? Она говорила про рай и про небо? Это были всего лишь сказки, которыми обычно успокаивают детей? Вся эта чушь, в которую я никогда не верил?

Назавтра ко мне пришла Брижит. Мне кажется, была уже вторая половина дня. У меня тогда было смутное представление о времени. Она рассказала, что моя мама тоже отправилась на небо, к папе. Пробормотала скороговоркой, что она попала в автомобильную аварию. Что не мучилась. Что хотела уйти к папе. Что ушла к нему.

Я сразу поверил Брижит, поверил и продолжаю верить каждому ее слову. Не про небо, само собой, про аварию. Наверное, потому, что это

звучало правдиво. Наверное, потому, что я уже видел маму почти мертвой. Потом Брижит сказала, что теперь я буду жить с ней и с дядей Тьерри. Насколько я помню, она почти ничего к этому не прибавила. Не говорила, чтобы я держался или еще что-нибудь в том же роде, не спрашивала, грустно ли мне, скучаю ли я по родителям. Вероятно, ей тоже было не по себе. А сам я, думаю, предпочитал, чтобы все это прошло так, без разговоров. Брижит ни о чем меня не спросила. Тьерри тоже, он ждал в соседней комнате.

За десять лет мы больше ни разу об этом не говорили. Ни разу. День шел за днем, а о моей матери и моем отце, Анне и Жане, больше никто не упоминал.

По молчаливому согласию между нами.

Это называется табу.

Теперь я понимаю, что не говорить со мной о родителях — лучшее, что Брижит и Тьерри сделали для меня. Не донимали ласками, психологическими разборами или ностальгическими воспоминаниями.

Не обсуждали это, забыли, оставили меня в покое.

Я не слишком привязан к дяде и тете и не в восторге от них. Они, скажем так, люди другого типа. Мне стало тесно в их пошлом мелкобуржуазном мире. Надоел бытовой расизм. Тупые друзья. Убогие знакомые. Но они, по крайней мере, никогда не доставали меня моими чувствами к родителям, обошлись без слезливых воспоминаний о трагедии. Ни разу меня не выставляли диковиной, которую выводят к гостям после ужина: *Бедный ребенок, потерял родителей, когда ему и шести лет не исполнилось... Мы его приютили. Нелегко тебе пришлось, должно быть, да, малыш?*

От этого, дядюшка и тетушка, вы меня все же избавили. И на том спасибо.

6. Смутные предчувствия

Среда, 16 августа 2000, 16:02

Пенитенциарный центр Мазарини, остров Морнезе

Симон Казанова и лейтенант Дюллен несколько мгновений молча изучали друг друга. Из цитадели на большой скорости вылетели два джипа. Лейтенант почти дружески улыбнулся, явно рассчитывая на ответную улыбку Симона. Нашел способ привлечь его на свою сторону, ничего не объясняя.

— Не пугайтесь, мсье Казанова, это всего лишь тактические учения.

— Тактические учения? — удивился Симон.

Лейтенант наградил его еще одной заговорщической улыбкой — можно подумать, они вместе воевали в Афганистане или Катанге. Приблизившись, офицер доверительно произнес:

— Вот именно, мсье Казанова. Тактические учения. Тренировка, если вам так больше нравится.

— Для обычной тренировки они слишком уж стараются. Вы им пообещали вечером костер на пляже и пение под гитару?

Лейтенант, не сумев скрыть раздражения, стиснул рукой в перчатке белый ремень.

— Мсье Казанова, не думаю, что должен рассказывать вам что-то еще. Мы на вас рассчитываем. Серьезно. Вы играете решающую роль в том, что касается местных жителей и туристов. Я говорю искренне. Ваша задача — убедить их, что нет никакой опасности, никакого повода для беспокойства.

Решающая роль? На его-то должности? Симон Казанова не верил ни единому слову Дюллена.

Из крепости вышли еще три охранника с немецкими овчарками, похоже, отсидевшими двадцать лет в заключении — если судить по тому, как они натягивали поводки, приносясь к вольному воздуху.

— Полагаю, собаки тоже тренируются, — заметил Симон. — Им же тоже надо размять лапы.

Офицер и глазом не моргнул, стоял все так же прямо в своем безупречном мундире, смотрел из-под козырька.

— Лейтенант, — начал Симон, стараясь не отводить глаз, — давайте начистоту. Если хотите, чтобы я с вами сотрудничал, будьте поразговорчивее.

Лейтенант поправил козырек, не сдвинувшийся ни на миллиметр. Веки прикрыли глаза подобно двум железным занавесам. Улыбка исчезла. Тело напряглось, как у классного надзирателя, когда тот свистком оповещает об окончании перемены.

— Я сказал все, что вам надо знать, мсье Казанова. А теперь займемся каждый своей работой. Я знаю, что должен делать. Вы тоже. Постарайтесь, чтобы на острове Морнезе не случилась паника.

Кинологи уходили в ланды, двигаясь прямо на юг. За ними, держа строй, следовал десяток тюремных охранников, методично прочесывавших территорию. Симон Казанова не сдавался.

— Прибрежные жители слышали выстрелы рядом с кладбищем. Туристы звонили в мэрию.

Лейтенант Дюллен хотел было одернуть наглеца, но не успел. Краснобелый «пежо», зигзагом пробравшись между военными автомобилями, припарковался, подняв облако пыли, в нескольких сантиметрах от рвов.

Симон разглядел на дверце логотип «Островитянина», местной газеты. На водителя тут же наставили три автомата. Он не спеша вылез из машины, улыбаясь, вскинул руки:

— Спокойно, парни. Я всего лишь хозяин «Островитянина», местной газеты. Дидье Дельпеш. Я не военный репортер.

Симон знал Дидье Дельпеша. Вернее, знал его в лицо и был о нем наслышан. Дельпеш издавал «Островитянина», единственную газету на Морнезе. Весь год она выходила раз в неделю, но на два летних месяца становилась ежедневной и тираж ее вырастал в десять раз. Несколько тысяч экземпляров. Раньше Дидье Дельпеш работал в «Либерасьон», потом ушел на вольные хлеба и основал собственную газету. Наверное, ему порой приходилось нелегко, но газета делала его влиятельной фигурой. Он был со всеми знаком. На Морнезе от него некуда было деться. Он вечно болтался в сент-арганском порту, с легкостью переходил на «ты» и запоминал имена. Крепко пожимал руку, не стеснялся обниматься и целоваться с мужчинами. Обладал отточенным стилем, писал цинично и смешно. Симон не мог этого не признавать и с удовольствием читал его статьи.

И наконец, Дельпеш в свои пятьдесят лет был настоящим мачо. Не скрывал возраста и седины, любил белые рубашки. Хищник. Лето было его временем: фотографии местных красоток, сделанные камерой с крутым телевиком, какие теперь редко встречаются. Бредовые гороскопы. Куча хороших кадров со всего побережья. «На самом деле, — думал Симон, — Дельпеш развлекается на всю катушку, выпуская свою газетку».

Журналист почти с вызовом продолжал держать руки над головой. В этой своей белой рубашке, распахнутой на седеющем торсе, он выглядел героем-освободителем, в одиночку и без оружия вышедшим на бой против тирана, — словно прямиком с картины Гойи.

Лейтенант Дюллен приблизился к журналисту и исполнил ему ту же песню, что и Симону. Нет, на острове ничего тревожного не происходит. Да, речь идет о простой тренировке. Нет, население острова не подвергается ни малейшей опасности.

Дельпеш, которого все еще держали под прицелом, слушал почти с радостным видом и явно верил Дюллenu не больше, чем если бы тот сообщил, что репетирует со своими людьми «Лебединое озеро» к празднику местного святого.

— Я действительно рассчитываю на ваше чувство ответственности, — заключил Дюллен, обращаясь одновременно к Дидье Дельпешу и Симону.

Ответа он не ждал. В облаке охристой пыли выехал последний джип. Лейтенант помахал свите, и вооруженные охранники вернулись в цитадель — за исключением двоих, замерших у моста с таким серьезным видом, будто заступили на пост у Букингемского дворца. В окрестностях пенитенциарного центра Мазарини снова воцарилось спокойствие. Опять стало слышно, как чайки дразнят заключенных, пролетая вплотную к бойницам крепости, узким щелям свободы.

— Ты-то что об этом думаешь, мальчик? — спросил Дельпеш. — Они над нами издеваются, да?

Симону не понравилось ни то, что журналист назвал его мальчиком, ни то, что он сам ответил на свой вопрос. И все же он послушно кивнул.

— Что они, по-твоему, затевают? — продолжал Дельпеш. — Я считаю — кто-то сбежал из тюрьмы. Ничего другого в голову не приходит. Так что они тянут время, надеются поймать его до того, как придется протрубить тревогу и перепугать население. Эвакуировать кемпинги, устраивать облаву в ландах, прочесывать пляжи... Они сильно рискуют, правда?

Симону удалось вклиниться в монолог журналиста:

— Необязательно. Если положить на одну чашу весов размер острова, эти несколько квадратных километров, а на другую — имеющиеся ресурсы, тот отборный отряд, который мы только что видели, то весы вряд ли склонятся на сторону беглеца.

Дельпеш смерил его взглядом:

— Ты на острове новичок?

Симону и это не понравилось, но он стерпел.

— Тебя наняли на лето, чтобы обеспечить безопасность отдыхающих, так, да? Видишь ли, мальчик мой, на ту чашу твоих весов, где беглый арестант, надо добавить несколько гирек. К примеру, все, что ты видишь на острове Морнезе, это кемпинги, площадки для игры в петанк, семейные прогулки на велосипедах и девушки топлес. Но ты наверняка слышал, что под всем этим монахи за восемь веков выкопали настоящий лабиринт, километры коридоров, которые начинаются от аббатства Сент-Антуан. И теперь ни у кого нет планов этих подземелий.

Симон хотел ответить, но не успел. Дельпеш продолжил:

— И еще не надо забывать, что с 1794-го по 1946-й остров Морнезе был каторгой, тогда соседями честных островитян были самые отъявленные бандиты Франции и Наварры. Ведь отношения таким образом завязываются, правда? Ты вряд ли мне поверишь, мальчик мой, решишь, что я делаю рекламу своей газете, но на острове Морнезе самая высокая плотность жулья на квадратный километр во всей Франции. Так что если этот беглый арестант хоть как-то подготовился, то они не скоро его поймут даже со своими биноклями и псынами, и вся эта тайная операция может обернуться очень фигово!

Дельпеш улыбнулся, вытащил компактную камеру и сделал несколько снимков цитадели. Симон решил, что журналист драматизирует ситуацию. Естественно — страх повышает продажи.

Сам он на это не повелся. Дельпеш повернулся к нему:

— Ты работаешь в мэрии? Кажется, я тебя уже видел. Может, будешь собирать для меня информацию?

Симон вздохнул. Этот тип не отцепится. Упрямый, как чайка, нацелившаяся на пакет чипсов.

— Послушай, мальчик, с виду ты сообразительный. Ты...

У Симона завибрировал телефон.

Клара.

Он извинился и отошел на несколько шагов. Дельпеш явно будет подслушивать, этот наверняка способен даже по губам читать.

— Каза? Это Клара. Возвращайся в мэрию, ты мне нужен.

— Это срочно? Я возле тюрьмы, тут что-то затевается, и...

— Возвращайся, говорю! — перебила его Клара. — Речь именно о тюрьме! Я только что получила свежие новости. И очень паршивые. Мы крупно влипли, Каза!

7. Папа!

Среда, 16 августа 2000, 16:37

Вблизи порта Сент-Аргана, остров Морнезе

Арман, все так же лежа, приоткрыл один глаз.

— Не спишь? — спросил он.

— Нет. Думаю.

— Правильно делаешь, дураком не останешься. Разбудишь меня к аперитиву?

Арман снова закрыл глаза, повернулся на бок и почти бессознательно сунул руку в плавки. На его губах появилась довольная улыбка. Наименее дебильный из всех ребят в этом лагере — но все равно озабоченный.

Что я здесь делаю?

Море спокойное, где-то у самого горизонта маячат белые треугольники парусов. На этот раз меня все устраивало — море, штиль, парусник. Мне надо было подумать.

Полгода назад, листая каталог лагерей для подростков, я наткнулся на этот унылый и скучный парусный лагерь, но он находился на острове Морнезе.

И немедленно всплыли воспоминания, дремавшие близко к поверхности. Точнее, впечатления. Солнце и большие столы, за которыми сидят взрослые. Тень от креста Святого Антония. Камни и пыль. Кажется, цитадель. Или маяк, точно не скажу.

Я сижу в дядином псевдовольтеровском кресле. Святотатство!

Чем строже я приказывал себе образумиться, тем сильнее мне хотелось вернуться на Морнезе.

И все из-за сомнения, от которого я не мог отделаться с того дня, когда няня сообщила мне о смерти отца, упирая на то, что это был несчастный случай. Слишком упирая.

Я долго размышлял. Если это не было несчастным случаем, значит, мой отец, скорее всего, покончил с собой. Я всегда так считал с тех самых пор, как дорос до мыслей о подобных вещах. Свою роль сыграли и намеки из подслушанных разговоров Тьерри и Брижит. В аббатстве случилась какая-то беда, что-то серьезное. Трагическое происшествие. Команде пришлось прекратить раскопки и в страхе бежать с острова. Мой отец

отвечал за работу, он возглавлял товарищество или что-то такое. Наверное, из-за этой истории он покончил с собой, а мама не перенесла и нарочно разбилась на машине. Официально — еще один несчастный случай, на самом деле — еще одно самоубийство.

Вот к чему я пришел после того, как десять лет складывал вместе краденые обрывки разговоров и разрозненные улики. И вот на какой версии остановился.

Наиболее правдоподобной версии...

Той, в которую меня поневоле заставили верить.

Я долго выстраивал гипотезу преступления. Меня защищали от чудовища! Мои родители были убиты. Меня поспешно увезли с острова Морнезе под охраной, может быть, целого отряда полицейских, которых я, маленький, не заметил. Я был ребенком. Я был в опасности. Синдром Гарри Поттера. По дороге в школу я смотрел, не сопровождают ли меня невидимые телохранители.

Те времена прошли, хотя иногда я все еще продолжал искать улики. Помню, как высматривал признаки страха у окружавших меня взрослых. Лежа в постели, настораживался, если где-то в городе внезапно начинали завывать сирены, за окном шуршали шины, вспыхивали мигалки. Сейчас явятся полицейские. Они придут за мной.

Это помешательство прошло. Тем более странным было безотчетное желание вернуться на Морнезе. Станным и в то же время объяснимым.

Со временем в глубине души поселилась убежденность. Маленькое сомнение день ото дня все разрасталось и несколько лет назад превратилось в уверенность, которая окрепла за последние месяцы.

Мой отец не умер!

К такой мысли меня подталкивал целый ряд признаков. Например, моя тетя Брижит до сих пор не вычеркнула папино имя из своей записной книжки. Она каждый год ее меняла, переписывая на страничку с буквой «Р» все имена нашей семьи: «Реми Мадлен», моя бабушка... и «Реми Жан», мой отец. Вот уже десять лет она переписывала из книжки в книжку один и тот же адрес: «1012, шоссе де л'Аббе» — дорога, ведущая к аббатству, — и тот же номер телефона. Я ни разу не решился позвонить по этому номеру или написать на этот адрес. Думаю, боялся прямого ответа. Я так и не научился принимать реальность, привык к намекам и недомолвкам.

Конечно, улика может показаться незначительной — всего-навсего имя и адрес в записной книжке, но были и другие, много других. Так что, увидев в этом каталоге лагерей для подростков «остров Морнезе», я и не

посмотрел на то, чем там занимаются, парусным спортом или макраме. Я лишь подумал: «Это знак судьбы, единственный шанс, который нельзя упустить, сейчас или никогда». Вечером вернулись Тьерри и Брижит, я сказал им, что согласен ехать в лагерь, что не буду все лето путаться у них под ногами и что сделал выбор.

Дядюшка с тетушкой были в восторге.

До тех пор, пока я не объявил, что выбрал лагерь с парусным спортом. Вот тут-то они заподозрили подвох — парусным спортом я не увлекался. И тогда я показал им картинку в каталоге и решительно — чуть ли не впервые за десять лет — произнес:

— Я хочу поехать туда!

Они смертельно побледнели.

— Думаешь, это удачный выбор? — спросил Тьерри.

Сказать больше означало нарушить табу.

В тот момент я едва не взорвался, меня бесило, что они никогда не упоминают моего отца. Но нет. Мы, все трое, знали, почему я хочу поехать на остров Морнезе. Мы, все трое, знали, почему им не хочется, чтобы я туда ехал. Мы разговаривали, зная, какие слова под запретом. Так зачем их произносить? Это был дурацкий, бредовый разговор, но по-другому повернуть его было невозможно.

— Хочу поехать туда, — уперся я.

Спокойно и твердо.

Брижит полистала каталог, попыталась соблазнить меня театром или ролевыми играми, тем, что могло бы меня увлечь, но оба быстро поняли, что я не уступлю. И Тьерри — а решал всегда именно он — в конце концов сдался.

— Ну, раз ему этого хочется...

Вот так и вышло, что в тот день, 16 августа 2000 года, я мерз на паруснике посреди Ла-Манша, а тупой тренер орал на меня. Ему не нравилось, что я боюсь откренивать.

И так уже десять дней!

Арман продолжал спать. Я опустил руку в воду, чтобы почувствовать холод.

Я точно для этого не создан. Вдали, за западе, возвышался маяк Кандальников, и на мгновение мне привиделись каторжники, которых насильно везли на работы на остров Морнезе. Отец Дюваль иногда рассказывал нам историю острова во время посиделок после ужина. Он был неплохим рассказчиком, но большинство подростков во время

навязанных им уроков истории хихикали или приставали к девчонкам.

Веками маяк Кандальников был последним, что видели тысячи каторжников, навсегда покидая мир свободы.

Покинуть Морнезе.

Вернуться на Морнезе?

Собираясь вернуться на остров, я не забыл списать из тетушкиной записной книжки старый папин адрес — шоссе де л'Аббе, 1012. Не попасть на это ведущее к аббатству шоссе невозможно, оно тянется от Сент-Аргана, столицы острова, к причалу парома, в сторону континента, проходя мимо расположенного посреди острова аббатства Сент-Антуан. Можно сказать, оно идет вдоль берега моря. Единственная проблема — на этом шоссе не оказалось дома № 1012!

Нумерация здесь была по расстоянию, номер 1012 означал, что от порога дома до мэрии Сент-Аргана ровно 1012 метров. Но на расстоянии 1012 метров от мэрии находилось... поле! Маленькое кукурузное поле. Чуть ближе — старая ферма под номером 927. Чуть дальше — другая ферма, под номером 1225.

А между ними — ничего.

Ошибиться я не мог, по этой самой дороге мы каждый день ходили на занятия и обратно. Мне удалось поговорить с фермером, и он заверил меня, что между двумя фермами никогда никакого дома не было. Только поле. Шоссе заканчивалось на отметке 1521, слева было аббатство, справа — дикий, пустынный полуостров, где разместился наш лагерь.

Загадка.

Может быть, Брижит ошиблась, переписывая адрес? Может быть...

А что я, собственно, искал на острове Морнезе, зачем вернулся сюда? Не стану ходить вокруг да около, мне представлялось, что воспоминания так и посыплются на меня, что на месте я все так и увижу заново. Аббатство Сент-Антуан. Порт Сент-Аргана. Маяк Кандальников. Цитадель Мазарини. Рубиновая бухта. Дикий полуостров. Я думал, что шесть первых лет моей жизни пройдут у меня перед глазами, будто фильм.

Результат оказался нулевым — полное разочарование.

Воспоминаний у меня, можно считать, нет.

К тому, что было, ничего не прибавилось.

И я почти ничего не узнал на острове. Аббатство за эти годы окончательно разрушилось, туда лишь изредка забредали случайные туристы. Окрестности Сент-Аргана и порта были теперь хаотично застроены унылыми, безликими домами. Повсюду, откуда было видно

море, то есть почти по всему острову, как грибы выросли кемпинги. Цитадель, маяк, Рубиновая бухта выглядели в точности как на фотографиях, которые я восемь лет тайком собирал дома, в Кормей-ан-Паризи. Обыкновенные виды, ничего особенного.

Обычный остров без всяких красот, куда летом толпами валят туристы. Скучный и насквозь продуваемый ветром.

Я все это ненавижу. Ничего таинственного. Заурядный современный остров обывателей во вьетнамках и парусиновых панамах. Перенаселенный. Здесь невозможно побыть в одиночестве, собраться с мыслями. До приезда в лагерь я надеялся напасть на след отца и узнать тайну его исчезновения.

Обшарить аббатство.

Рыскать повсюду. Находить.

Ничего! Ровным счетом ничего! Ни малейшего следа чего бы то ни было.

Я томился в лагере для подростков, где мне было совсем не место. День за днем я сталкивался с очевидной, неотвратимой реальностью: моя личная история была удручающе банальной. Я жил здесь в детстве, до шести лет. Потом мой отец умер, погиб в результате несчастного случая, какого-то местного происшествия. Возможно, покончил с собой. То же самое можно сказать о матери. Я остался сиротой. Мы покинули остров. Никто из аборигенов не помнит этих давних событий.

Или никому нет до них дела.

Возможно, папа изменял маме. Возможно, у него были долги. Несомненно, что-то там было — мутное, но ничего таинственного. Я сам вдали от острова моего детства придумал все это кино.

Мне оставалось свалить в одну кучу и выкинуть все свои бредни, набраться смелости и поговорить об этом с Брижит, Тьерри или бабушкой Мадлен. Вести себя по-взрослому. Расстаться с детством, с воображаемым миром, населенным готовыми воскреснуть умершими и королевскими сыновьями, от которых скрывают их благородное происхождение и отдают на воспитание крестьянам, чтобы те тайно растили их вдали от дворца. Мне оставалось повзрослеть, разделаться с прошлым и смотреть в будущее.

В конце концов поездка на остров Морнезе оказалась полезной.

И даже необходимой.

Она дала мне возможность поставить на всем этом крест.

Окончательно.

Плеск волн убаюкивал. Открыты у меня были глаза или закрыты?

Наверное, закрыты. Во всяком случае, я был погружен в собственные мысли. Впервые за десять дней я настолько ясно все понимал.

Мой отец умер, и мне надо было приехать на остров, чтобы это осознать, расчитаться с детством и его призраками.

Прощай, papa!

Я всегда мучился с этим словом — «папа», мне невероятно трудно было его написать, произнести и даже подумать.

Но это в последний раз, и я готов сделать усилие.

Прощай, papa.

Решено — отныне я стану самостоятельным!

В этом дебильном лагере мне осталась всего неделя, и я продержусь. К тому же через четыре дня меня навещают Брижит и Тьерри. Приедут в мой день рождения, 19 августа. Они тоже воспользовались случаем вернуться на остров. Может, хотят присмотреть за мной. Может, им тоже надо поставить крест на смутном периоде их жизни. Или соскучились по старым друзьям? Не исключено, что они просто решили доставить мне удовольствие.

Нет, я не превратился в наивного дурачка.

После лагеря мы проведем вместе на острове несколько дней.

Я похороню прошлое.

Здравствуй, жизнь!

Я открыл глаза и окунулся в солнечный свет. Мне было хорошо, очень хорошо. Наш парусник незаметно отнесло течением. Арман все еще спал. Я немного посидел, не думая ни о чем, но внезапно затарахтел мотор лодки Йойо и Стефани, я дернулся, Арман проснулся.

— Хватит отдыхать! — заорал Йойо. — Возвращаемся. И я надеюсь, что на этот раз мне не придется тащить вас на буксире!

Что правда, то правда, нам редко удавалось самим добраться до входа в порт. Ветер всегда исхитрялся дуть в свое удовольствие и не туда, куда надо. Я потрянул сонного Армана:

— Давай, друг, шевелись.

Несколько секунд он тупо на меня таращился.

— А? Что?

— Пора возвращаться!

— Не будем ждать, пока они возьмут нас на буксир?

— Йойо, похоже, сегодня не настроен нас тащить.

— Этому придурку больше нравится прохладиться со Стеф. Не выйдет! Клиент всегда прав. Зарплату он получает от нас. Йойо платят не

за то, чтобы он у меня под носом клеил подружку.

— Арман, ты увлекся...

Но он размахивал руками до тех пор, пока не вернулись Йойо со Стефани.

— Йойо, у нас не получается.

— Да вы и не пробовали, — вздохнула Стефани.

— Пробовали — не вышло!

— Арман, ты чистое наказание! — Йойо разозлился.

— Ты прекрасно знаешь, — ответил недомерок, — что даже если мы будем очень стараться, то раньше чем к двум не доберемся. А к этому времени все девчонки на пляже уже оденутся.

Стефани расхохоталась, а Йойо вздохнул.

— В последний раз тащу эту обузу. Завтра я вас разделю!

— Завтра у нас нет занятий, — возразил Арман. — Завтра четверг, а по четвергам мы на стоянке.

— Тем лучше, отдохнем от вас, — сказал Йойо, накидывая канат.

Тренер доставил нас в порт на буксире, мы добрались раньше всех. Многие возмущались, видя, что мы их обгоняем.

— Под парусом, как все! — орали они во все горло, стараясь перекрыть шум мотора.

Арман, окончательно проснувшись и разгулявшись, выдавал направо и налево неприличные жесты. Ветер, как мне показалось, разом утих. Наши из лагеря трудились в поте лица без особых результатов. Вытащив лодку на песок, я сел рядом и стал ждать отстающих.

Небо было ясное. Солнце пригревало сквозь тесный спасательный жилет, я чувствовал приятное тепло.

Арману все было мало. Стоя на пляже и выпрямившись во весь полтораметровый рост, он вопил остальным:

— Чего вы там копаетесь? Шевелитесь! У нас полно дел. У меня сегодня вечером свиданка.

Почти всех это смешило. Они-то обожали ходить под парусом. Фанаты. Так что глупые шутки Армана их не задевали. В конце концов я решил, что мне здесь скорее хорошо. Солнце иногда проглядывает. Вокруг ровесники, почти всегда готовые повеселиться. В лагере есть несколько девушек — правда, ни одну настоящей красавицей не назовешь, хотя я с самого начала с ними почти не разговаривал, а девушки часто хорошеют, когда узнаешь их получше. Они, наверное, примерно так же думают про нас. Последние дни в лагере могли бы пройти приятно, если бы я немного

постарался, если бы оставил призраков в чулане и согласился быть нормальным подростком.

Не заикленным на себе.

Договорились?

Воспрянув духом и преисполнившись лучших намерений, я схватил свой парус и потащил его в лагерь. Через стоянку я прошел, не задев ни одной припаркованной машины.

Впервые!

Порт к концу дня оживал, террасы кафе заполнялись. Несколько торговцев продавали свежий улов, и туристы с детьми толпой валили фотографировать умирающих крабов и креветок. Улица была пуста. Только один белый фургон стоял как раз напротив, ждал, пока туристы разойдутся и можно будет проехать.

Видя, что мне неудобно тащить огромный парус, водитель высунул руку в открытое окно и махнул, чтобы я переходил через дорогу. Так что я двинулся вперед, подняв голову, чтобы поблагодарить смотревшего на меня шофера.

Это был он!

Едва увидев лицо, я сразу понял, что это он. Не кто-то похожий на него, нет.

Взгляд, выражение и черты лица — у меня не осталось и тени сомнений. Хотя он носил бороду, которой в моих воспоминаниях не было.

Это он.

Фургон покатил дальше, шофер и не взглянул на меня, но, каким бы невероятным это ни показалось, меня переполняла уверенность.

Водителем фургона был мой отец.

Машина скрылась в конце порта, а я не успел, да и не сообразил запомнить номер. Или хотя бы побежать следом. Так и стоял с мокрым парусом в руках и сумятицей в голове.

Я не сомневался, что этот человек — мой отец.

Живой.

8. Без паники

Среда, 16 августа 2000, 16:40

Дорога, ведущая к аббатству, остров Морнезе

Симон Казанова ловко переключал скорости своего железного коня. Велодорожка расстилалась под колесами длинной лентой вдоль Ла-Манша. Подача адреналина закончилась, и Симону казалось, что он выглядит довольно глупо, когда вот так крутит педали, привстав в седле. Он подумал, что в фильмах герои, которых призывают на помощь, обычно седлают чистокровок с объемом двигателя 500 кубов, а не служебные внедорожники мэрии.

До Сент-Аргана он домчался меньше чем за десять минут и пулей пролетел через него, не обращая внимания на прохожих. Он знал наизусть переулки с красными ставнями, узкие проходы между лотками торговцев и тротуаром. Проехал в обратном направлении через центральную площадь со статуей Мазарини и, не сбавляя скорости, влетел во двор мэрии, которая находилась сразу за портом. Меньше чем в метре от ступенек крыльца Симон нажал на оба тормоза, позволив себе управляемый занос на гравии. Бросил велосипед и взлетел по трем ступенькам к дверям.

Клара его ждала. Она протянула Симону лист бумаги.

— Я знаю, что не должна, что это не подлежит разглашению, но в мэрии никого нет, только мы с тобой. Так что читай, Каза.

Это была распечатка письма, отправленного меньше четверти часа назад.

Взгляд скользнул вниз, где стояла подпись директора тюрьмы. Текст занимал одну страницу.

Господину мэру Сент-Аргана.

16 ч. 31 мин. Двое заключенных пенитенциарного центра Мазарини на острове Морнезе, Жонас Новаковски и Жан-Луи Валерино, объявлены в розыск. Они бежали во время транспортировки из центра Мазарини на континент. Заключенный Жан-Луи Валерино, осужденный за мошенничество, отбыл почти весь срок, его должны были освободить через два месяца. Жонас Новаковски на первый взгляд куда более опасен, он несколько раз был осужден за вооруженные нападения и нанесение тяжких телесных повреждений представителям закона. Ему оставалось провести в заключении семь лет. Служба безопасности пенитенциарного центра не

сомневается, что беглецы будут пойманы очень быстро. Мы уверены, что они не могли покинуть Морнезе. Для того чтобы облегчить их поимку, в настоящий момент наиболее важным представляется избежать паники, особенно сейчас, когда на острове много приезжих. Вот почему, господин мэр, мы просим вас как ответственного за городскую безопасность сохранять все с этим связанное в строжайшей тайне. Мы будем держать вас в курсе и сообщим, как только у нас появятся новые сведения.

Симон ликовал.

— Мэр, кажется, в Доминикане?

— Да!

— Надо любой ценой его известить.

— Уже сделано, — спокойно доложила Клара.

Симон подумал, что всегда считал ее дурой, а она иногда оказывается на удивление толковой секретаршей. Уже сумела связаться с мэром, Бертраном Гарсья, нашла его на другом конце планеты.

— Вот как?

— У меня есть номер его мобильного. Я поговорила с ним десять минут назад.

— И что?

— И ничего. Он не собирается возвращаться из Африки. Распорядился ничего не делать, ничего не говорить, предоставить действовать тюремщикам, или полицейским, или армии. В конце концов, это их работа!

Симон пожал плечами и не стал указывать Кларе на пробелы в ее географических познаниях. Несколько минут он метался по комнате, как лев по клетке. Дидье Дельпеш угадал верно. Или почти, поскольку отряд, рассыпавшийся по всему острову, искал не одного беглого арестанта, а двух! Повернувшись к Кларе, Симон спросил:

— А я что должен делать для безопасности острова?

— Ничего! Приказ мэра, Каза. Ничего не предпринимать, не гнать волну...

— Ты же меня знаешь.

— Вот именно... Ну и дура же я. Не надо было давать тебе это письмо.

Клара, считая задание выполненным, развернула стул к компьютеру. Новость явно не слишком ее напугала. Симона такое безразличие изумило. Изумило, но не так уж и удивило.

Он больше месяца провел рядом с Кларой в покинутой всеми мэрии и успел ее узнать. В свои тридцать восемь она принадлежала к тем женщинам, которые то и дело с кем-то расстаются. Изменница местного

разлива. У нее была досадная склонность влюбляться в мерзавцев и мгновенно прыгать к ним в койку. Однако Симон не мог не признать, что Клара была довольно привлекательна. Стройная блондинка, уже в июне отлично загоревшая. Черты лица не слишком правильные, но что касается фигуры — тут ее усилия, должно быть немалые, окупались, она практически не уступала молоденьким официанткам из портовых ресторанов. Зато по части работы ей было до шустрых официанток далеко, поскольку почти весь рабочий день Клара торчала в интернете, ходила по сайтам караоке. Она специализировалась на песнях Мишеля Берже и их исполнителях. Симона это бесило, как и манера называть его Каза. После школы от него это прозвище отлипло.

Симон растерянно смотрел на Клару, которая скачивала запись Франс Галль.

— И мы так и будем здесь сидеть? — спросил он.

Клара обернулась:

— Не горячись, Каза. На острове площадью пятнадцать квадратных километров этим парням далеко не уйти. Кстати, тебе не кажется, что глупо бежать на острове? Здесь гораздо труднее спрятаться.

Симон начал закипать.

— А тебе не приходило в голову, что тюрьмы потому и строят на островах?

Клара надела наушники.

Бабакар

Где ты?

Где ты?^[3]

Симон перечитал письмо.

— Клара! — заорал он, и секретарша неохотно сняла наушники:

— Что?

— Ты в курсе всех местных происшествий за последние сорок лет, слышала что-нибудь раньше про этих двоих беглецов?

Клара выпрямилась, как будто хотела, чтобы Симон полюбовался ее загорелой грудью в вырезе блузки.

— Сорок лет назад я еще не родилась, малыш!

— Ладно, шучу, ну так что?

— Про Жонаса Новаковски ровным счетом ничего не знаю, он не местный. Зато Жан-Луи Валерино...

— Зато?

— Зато его я знаю отлично. Лет десять назад он работал в мэрии. Мы пересекались два года, когда я только пришла. Он попался на налоговых махинациях, мухлевал с тендерами и государственными контрактами. Отдавал объекты тем, кто отстегивал самый большой процент. Представляешь себе схему?

— Представляю... А дальше что?

— Дальше ничего. Года два назад был большой скандал. Замараны оказались все, но за решетку попал только Валерино.

— И это все?

— Все. Но ты же меня знаешь, если я могу избежать пятен... Предпочитаю чистых людей.

Симон помолчал.

А когда Клара вернулась к своей песне, он внезапно выскочил из мэрии и вскоре вернулся с большой стремянкой.

— Зачем тебе эта лестница, Каза? Собрался подглядывать за девчонками в порту?

— Все муниципальные архивы хранятся на чердаке?

— Влипнем мы из-за тебя, Каза, — вздохнула Клара.

9. Мигалки в ландах

Среда, 16 августа 2000, 17:10

Дорога, ведущая к аббатству, остров Морнезе

— Заткнись! — крикнул я Арману, не дав ему рта раскрыть и помешав испробовать на мне одну из его излюбленных тупых шуток.

Хорошо, что он быстро сообразал, не стал настаивать и отправился приставать к кому-нибудь еще, у кого настроение получше.

Мне требовалось уединиться. Я машинально делал то же, что все. Убрать паруса, переодеться в сухое, пешком двинуться в лагерь. Покинуть порт, пересечь городок Сент-Арган, пройти по площади 20 Мая 1908 года мимо статуи Мазарини, шагать по улочкам с красными ставнями до выхода из городка. Один и тот же маршрут, одни и те же действия вот уже десять дней.

Я мог все это проделать, не отрываясь от своих мыслей.

Мой отец жив! В самом начале у меня в голове словно образовались два полюса.

С одной стороны — все, что было в этой ситуации невозможного. Иррационального. Сирота, которого все уверяли, что отец умер... встречает его десять лет спустя вполне живым! Спятить можно.

Но с другой стороны, на противоположном полюсе — логическое развитие событий.

Я рассуждал на ходу, и мерный шаг помогал выстраивать мысли. Нет, если хорошенько подумать, в этом нет ничего иррационального. Все выглядит очень логично. Последние слова моей матери — ее предсказание — были совершенно ясны. *Когда-нибудь ты с ним встретишься.*

Что она имела в виду?

Что он уехал далеко... Но не умер?

Все становится понятным. Прежде всего — мои глубинные чувства. То, что шестилетним я не плакал. То, что следующие десять лет после этого не грустил. Отсутствие нормальной реакции, той, какую ждут от ребенка, узнавшего о смерти отца, — слез, истерики, депрессии. Чем еще можно объяснить это безразличие, если не тем, что я знал — меня обманывают. Мой отец жив. Он меня ждет.

Разумеется, я подумал и о том, что вообразить отца живым — удобный способ избавиться от чувства вины. Тайная работа моего бессознательного.

Идущие впереди Йойо и трое наших затанули «Самый долгий день», они не столько пели, сколько орали в такт шагам, громко топая по пыльной дороге. «Под огнем, под обстрелом... порохом и пушками... мы пойдем к победе... потому что это самый долгий день»^[4]. Этим кретинам нравилось маршировать под самые бездарные военные песни, и больше всех — Йойо. Когда они не могли вспомнить слова — свистели.

Укрыться в оболочке.

Черной оболочке моего траура.

Я не видел отца мертвым. Я не видел его тела. Я никогда не был на его могиле. Я даже не знал, как он умер. Разум ребенка, не испытывающего скорби, изобретает всевозможные уловки, чтобы не признавать смерти. Все это я читал. Прочел кучу книг, бродил по сайтам, посвященным скорби, знаком со всеми теориями примирения со смертью. Но этого оказалось недостаточно, чтобы пошатнуть мою уверенность... Просто-напросто потому, что мой отец был жив, а меня все эти годы обманывали!

Мы вышли из Сент-Аргана и двигались мимо новых построек. Маленькие страшенькие белые двухэтажные домики. Все одинаковые. Они казались оскорблением рядом с гранитными домами в центре Сент-Аргана, с хуторами и фермами Морнезе. Сегодня утром, на пути туда, современные здания выглядели заурядными, не более того, а теперь — непрочными и одновременно зловещими, будто кто-то расставил путешественникам западни. Скрытая тюрьма для туристов. Пейзаж, который я несколько часов назад находил безвкусным, внезапно сделался таинственным.

Впереди оставались еще пять километров длинного шоссе, которое тянулось через пустынные ланды. Чтобы не соваться под машины, мы шли по велосипедной дорожке. Шорох высоких трав под ветром внезапно растревожил мне душу. Вдали, как почти из любого места на острове, виднелся крест аббатства Сент-Антуан. Он стоял на невысоком пригорке — феодальной глыбе, как уточнил отец Дюваль. Этот крест выделялся на фоне начавшего уже темнеть неба и придавал пейзажу сходство с плохим фильмом ужасов. Остальные, не разделяя моего мрачного взгляда на окрестности, усердно насвистывали мелодию из «Большого побега».

Казалось, под сумрачным небом открывалась потаенная сторона острова. Порождения ланд, призраки монахов. Я знал о подземных ходах, связывающих аббатство Сент-Антуан с цитаделью Мазарини, с сент-арганским портом, с пляжами Рубиновой и Чаячьей бухт. Целая сеть подземелий, настоящий лабиринт, в котором мой отец вел раскопки. Мне

чудилось, будто веселые и нестройные завывания Йойо и ребят, топот их сапог по пыльной дороге будят существ, дремлющих внизу, в недрах острова. Вроде этих современных домов-кубиков, которые одним своим присутствием оскверняли священные места.

Что-то нарушилось.

Нынешний Морнезе не был островом моего отца и моего детства, и все же тот, прежний, существовал — погребенный, скрытый, ожидающий и готовый появиться снова.

Как и мой отец.

Дорога слегка отклонялась в сторону моря, сужалась и триста метров шла над самым красивым пляжем острова, над знаменитой Рубиновой бухтой. Странно, что ее так окрестили, когда пляж был окружен деревьями и кустами, которые под ветром переливались всеми оттенками зеленого.

Рубиновая бухта?

Я впервые задался вопросом, откуда взялось такое странное название. Почему красный цвет? Чью кровь должна была унести с собой вода с пляжа, чтобы такое говорящее название сохранилось в преданиях? Рубиновая бухта. Кровь моряков, напоровшихся на рифы во время отлива? На эти сотни скал, которые обнажаются в открытом море, когда вода уходит? Здесь самые сильные приливы и отливы во всей Европе. Стефани хотела, чтобы мы запомнили названия скал. Я их путал. Кипящий Камень. Спящий. Три Брата. Девственник... Я так же неспособен был запомнить названия скал в открытом море, как и названия созвездий в ночном небе.

Возможно, все гораздо проще и название связано с цветом, который чаще всего здесь встречается. Красный. Почти у всех домов на острове такие ставни, особенно в Сент-Аргане. Остров красных домов, как Бель-Иль-ан-Мер — остров синих ставен. Знаменитые красные тона Морнезе, расхваленные во всех туристических проспектах Нормандии и не только, — что они скрывают?

Подростки горланили песню британских военнопленных из фильма «Мост через реку Квай», но, кажется, только я видел связь между песней и островом, известным своей каторжной тюрьмой. Развалины аббатства остались слева, мы подошли к большому перекрестку. Справа — дикий полуостров и наш лагерь. С противоположной стороны, на северо-западе, можно было разглядеть тюрьму Мазарини.

И вдруг отряд умолк.

Несмотря на расстояние, мы заметили непривычное оживление у ворот крепости. Много штабных автомобилей, фургоны, крики, собачий лай. Обычно там все было спокойно, разве что несколько не бросающихся в

глаза полицейских, немногочисленные туристы, но сейчас мы ясно различали свет вращающихся мигалок, его ни с чем не спутаешь.

Там суетилась целая толпа.

— Пойдем посмотрим? — предложила Мадиха.

Все радостно согласились.

Йойо колебался, хотя его тоже разбирало любопытство, но Стефани была начеку.

— Еще чего, и речи быть не может! Возвращаемся в лагерь!

Ребята смирились, пусть и неохотно.

Арман, пожав плечами, сказал:

— Всего-навсего заключенных переправляют. Привезли кого-нибудь или увозят. В тюрьме такое, наверное, раза три за день происходит. Нечего так возбуждаться из-за пары джипов и трех мигалок...

Никто не осмелился возразить. И я не стал, но подумал, что он не прав. В другие дни заключенных перевозили без всякой такой помпы. В крепости затевалось что-то важное, непривычное, ненормальное, но меня это не касалось, у меня были другие заботы.

В лагерь мы вошли уже без песен — отряд не мог промаршировать перед отцом Дювалем гусиным шагом под звуки трубы.

— В душ, скунсы! — заорал Йойо.

Отец Дюваль вышел на порог своего кабинета — кое-как отремонтированного курятника — и глядел на нас со своей неподражаемой улыбочкой священника, которая, в зависимости от настроения, могла выражать и христианскую доброту, и откровенную насмешку.

Отец Дюваль поддерживал в лагере железную дисциплину. Священнику было за семьдесят, и он представлял собой гремучую смесь «зеленого» с полувоенным. Лагерь расположился в старых фермерских постройках, посреди наименее населенной части Морнезе. Мы были заперты на этом полуострове, в древних зданиях, чьи стены кое-как держались, и там можно было устроить для нас нечто вроде телячьих загонов. Спали мы в военных палатках, натянутых среди коровьих лепешек. Свободное время было строго отмерено — не больше часа. И никогда поодиночке. Между парусным спортом и совместной работой времени оставалось немного. Словом, уединиться было почти невозможно.

Стефани, в свою очередь, выкрикнула распоряжение:

— Эмили, Нико, Одри — через двадцать минут на кухню!

Все общие работы мы выполняли группами по трое: готовили еду, мыли посуду, убрали... Дежурства повторялись довольно часто, через каждые шесть дней. Я был в наряде накануне, так что в ближайшие дни

меня трогать не будут.

Повезло.

В этом я тоже увидел один из маленьких знаков судьбы.

10. Разбойничий остров

Среда, 16 августа 2000, 17:15

Мэрия Сент-Аргана, остров Морнезе

Симон Казанова шел по коридору мэрии, задрал голову — искал люк чердака.

— Не валяй дурака, Каза, — вздохнула Клара.

Тот, не ответив, поставил стремянку под люком, без труда его открыл, подтянулся на руках и оказался на пыльном чердаке мэрии. Он совершенно точно знал, что ищет — муниципальные архивы крепости Мазарини. Тюрьма, заключенные. Симон умел обращаться с документами такого рода: изучая пять лет публичное право, он не раз бывал на стажировке в органах местного самоуправления и разукрупненных государственных службах. Стратегическое благоустройство — в этом он разбирался. Планы отторжения земли, право преимущественной покупки и выселения, договоры на государственные поставки.

Симон решил, что на чердак никто не поднимался годами. Толстый слой пыли, запах плесени и мышиного помета — он почувствовал себя спелеологом. Симон постарался сосредоточить поиски на том, что могло касаться крепости, — перестройки зданий, муниципальных решений, реакции объединений местных жителей. Владельцы загородных домов точно искали способы закрыть пенитенциарный центр, поскольку нелегко, надо думать, совместить строго охраняемую тюрьму с развивающимся туристическим объектом.

Он довольно быстро наткнулся на коробки с архивами, на которых большими буквами черным маркером было написано: «ЦИТАДЕЛЬ МАЗАРИНИ». В первой, самой тяжелой, лежала одна толстенная книга, том в семьсот страниц. Докторская диссертация, защищенная в 1957 году, автором был некий Даниель Садурнан, преподаватель из Кана. У диссертации было странное заглавие: «Разбойничий остров». Подзаголовок оказался более ясным: «Исследование тюремного населения каторги острова Морнезе с 1794 по 1946 год». 1794-й — это год, когда крепость превратили в каторгу, а 1946-й — год, когда ее превратили в тюрьму, а главное — перестали отправлять преступников с Морнезе в Кайенну^[5] или на другие каторги на заморских территориях.

Диссертация выглядела историческим трудом, которому профессор посвятил свою жизнь. Симон прислонился к неудобной чердачной балке и погрузился в чтение семисот страниц. Должно быть, он одним из первых читал этот кирпич. Симон настроился на длинное и нудное чтение, сухое перечисление усыпляющих сведений, однако, едва взявшись за введение, испытал смешанное чувство мгновенно пробудившегося любопытства... и странного беспокойства.

Даниель Садурнан начал с неожиданного упоминания о Тасмании, острове к югу от Австралии, размерами не уступающем Бенилюксу. Тасмания была населена аборигенами-меланезийцами. Англичанам пришлось в голову превратить весь остров в тюрьму, как французы позже поступили с Новой Каледонией. Шестьдесят восемь тысяч квадратных километров острова Тасмания стали тюремным двором. Каторжники могли обрабатывать землю, иметь ферму, жить нормально — при условии, что оставались на острове. Через несколько поколений все аборигены вымерли из-за эпидемий, завезенных каторжниками, и, как неизбежное следствие, Тасмания оказалась заселенной одними рецидивистами, все ее население составляли преступники, осужденные за кражи, предательства или убийства. Они женились, у них рождались дети. Шло время. Остров открылся миру. Сейчас там более пятисот тысяч жителей. И практически у каждого есть предок-преступник.

Симон недолго искал связь между Тасманией и Морнезе. Во введении к диссертации все было ясно сказано. Между 1794-м и 1946-м через каторгу острова Морнезе прошли 12 538 арестантов. Для них это был лишь этап на пути к месту назначения. Чаще всего узники проводили на острове несколько месяцев в ожидании судна, уходящего из Гранвиля. Но Даниель Садурнан изучил архивы каторжной тюрьмы, отчеты нескольких начальников цитадели, найденные в архивах департамента, а также нотариальные акты, завещания и дарственные, составленные на острове.

И пришел к ошеломляющему выводу.

Каторжники, прибывавшие с этапом на остров Морнезе, были по большей части политическими заключенными, опальными аристократами, анархистами, но чаще всего — разбогатевшими преступниками. Во всех случаях узники крепости были людьми более богатыми и влиятельными, чем бедные местные крестьяне, они прибывали сюда под охраной жандармов в бронированных фургонах, а затем, закованные в кандалы, в трюмах судов отправлялись к другим континентам.

И очень быстро на острове завелась доходная практика. Арестанты, у

которых были средства, платили за то, чтобы на каторжные работы вместо них отправлялись другие.

Такая практика предполагала молчаливое соглашение между всеми: каторжниками, крестьянами, тюремными сторожами и тюремным начальством, и самые опасные преступники в этом не участвовали. Кроме того, узники, нашедшие себе замену, обязывались жить на острове. На континенте они были преступниками в розыске, на острове пользовались своего рода свободой под надзором. Вместо каторжников, которые могли купить себе условное освобождение, отправляли местных бедняков, которым нечего было терять. Лишь бы на судно в Гранвиле загрузилось в точности столько каторжников, сколько было предусмотрено. Иногда некоторые добровольно соглашались попытать счастья и торговались из-за платы за обмен. Сын или отец ввязывался в это ради спасения слишком большой семьи. Бывало, что некоторые родители продавали сына, а то и дети — больного отца. Изредка подкупленная островная жандармерия тайком сплавляла перебравшего одинокого парня.

Такое практиковалось не только на Морнезе. По словам историка, облавы ради подмены на галерах были обычным делом в окрестностях любой каторги мира. Даниель Садурнан подавал это как секрет Полишинеля. Но главным вопросом — и в первую очередь автор в своей диссертации задавался именно им — было определение количества таких случаев. Историки в большинстве своем рассматривали обмены на каторгах как маргинальные, сводили их к продажности одного охранника или одного судьи. По мнению Даниеля Садурнана, у острова Морнезе было два существенных отличия — здесь обмены были напрямую организованы руководством пенитенциарного центра, и такая практика существовала долго. По его мнению, больше нигде во Франции подобного не встречалось. Автор диссертации предполагал, что от 15 до 25 процентов каторжников, прибывших на пересыльную каторгу, не покидали остров и оставались жить на Морнезе. В сумме это давало две с половиной тысячи человек. Некоторые впоследствии вызвали на остров семьи, но чаще женились на местных.

Две с половиной тысячи каторжников на свободе — не так уж и много. Но не на острове с населением меньше трех тысяч жителей.

Остальное — большую часть диссертации — составляли доказательства и свидетельства. Все выглядело серьезным, точным, безупречным. Насколько Симон мог оценить, работа была превосходная, настоящий научный исторический труд.

Балка все ощутимее впивалась в спину. Симон пролистал страницы до

заключительной главы. Даниель Садурнан высказывал смелое предположение. Какие последствия могли иметь тюремные обмены в течение ста пятидесяти лет для сегодняшнего острова? По его мнению, у 40 процентов жителей острова был предок-преступник, и это нижний предел. Он сумел отследить только официально зарегистрированные случаи — те, где нашел след, имя, доказательство. У автора не было возможности подсчитать сделки, которые совершались неформально, подпольно, а так, несомненно, делалось чаще всего.

Даниель Садурнан оставлял место для сомнений: криминального гена не существует, никто и никогда его не выделял. Можно наивно думать, будто преступники перевоспитались, вернулись на истинный путь и всю оставшуюся жизнь возделывали землю острова, любили жен и растили детей. Но можно представить и другое — что они продолжали преступную деятельность и приобщали к ней своих детей. И внуков.

Совершенно очевидно, что Морнезе — не Сицилия, на острове нет ни организованной преступности, ни мафии, ни сведения счетов между бандами. Это спокойный остров. Здесь регистрируется не больше преступлений, чем в других местах. Но веками ходили слухи, что остров служит бандитам тыловой базой. Морнезе иногда называли «разбойничьим островом». Из осторожности и по уговору с тюремными властями на острове не воровали. Впрочем, там и красть было нечего. Многие англо-нормандские острова, Джерси, Гернси, Сарк, Ориньи, уступленные Францией Британской короне, стали богатыми курортами для англичан, тоскующих по югу, и даже налоговым раем с особым статусом. Маленькие нормандские острова, позабытые и оставшиеся французскими, Шозе, Татуи, Анере, Морнезе, напротив, впали в крестьянскую бедность. Преступления совершались на континенте, в Англии, в Европе. Остров служил лишь убежищем, мозговым центром, юридическим адресом, как сказали бы теперь. И веками шли разговоры о пресловутом сокровище острова — сокровище, погребенном в его недрах, знаменитом Безумстве Мазарини.

Но главное — «остров разбойников» не сделался пристанищем преступной организации, как Сицилия, на нем попросту образовалась необычайная географическая концентрация опасных и бессовестных людей, не соблюдающих законы. Однако чаще всего эти люди никак не были связаны между собой.

Даниель Садурнан завершал свой труд вопросом без ответа: «Кто может знать, что осталось от них теперь?»

Изумленный Симон захлопнул диссертацию. Он впервые встретился

со скрытой стороной острова, таящейся за туристической витриной, и с книгой в руках спустился к Кларе, которая так и сидела в наушниках.

— Выыыыключи!

Она неохотно согласилась уделить ему немного времени, и Симон начал вкратце пересказывать ей прочитанное. Клара слушала, надув губы и со скучающим видом разглядывая лак на своих ногтях. Когда Симон закончил, она делано расхохоталась:

— Нет, вы, интеллектуалы, точно малость свихнутые.

Симон разозлился.

— Послушай, Клара, это серьезный труд. Диссертация. Все, что пишет автор, подкреплено доказательствами — семьсот страниц доказательств!

— Каза, — вздохнула Клара, — я тут тридцать лет загораю на пляже, и у меня нет ощущения, что кругом одни серийные убийцы.

— У тебя — да. Это все витрина. Но ты местная и должна знать какие-нибудь примеры. Может, соседи? Или кто-то у тебя в семье?

Симон сразу нащупал болевую точку. Клара отрезала:

— Моя семья — другое дело, это не пример.

Симон понял, что перевес на его стороне, но заметил, что секретарша в смятении. Может, она знает куда больше?

— Ну? — поторопил Симон. — Поподробнее!

Клара вздохнула, ей было неловко, но явно хотелось выговориться.

— Да рассказывать-то особенно нечего, мой отец-подлец вместе со своим братцем много чего навалил на континенте. Всякие темные делишки. Они оба уже много лет за решеткой.

— В Мазарини?

— Нет, на большой земле. В предместье Парижа. Мама просто убита горем. А для этих придурков, обоих моих старших братцев, отец и дядя — герои и пример для подражания.

— Вот видишь... — не утерпев, заметил Симон.

— Только не надо обобщать! — огрызнулась она.

Симон мысленно обругал себя: «Идиот! Не мог придержать язык».

— А твои одноклассники? Знакомые тебе семьи местных уроженцев? У них такая же история?

— Хватит, — буркнула Клара. — Мне уже страшно...

— Этого, несомненно, никто никогда не изучал, но может оказаться, что Морнезе удерживает мировой рекорд по числу заключений под стражу. Остров невелик, но проверить нелегко, особенно если все преступления совершались в других местах.

— Довольно! — почти закричала Клара. — Ты меня совсем запугал.

Теперь мне кажется, что вокруг одни бандиты. Все, кого я знаю, немного мутные.

Симон улыбнулся:

— Я тебе уже месяц твержу, что ты встречаешься только с мерзавцами. Но, похоже, это не твоя вина. На острове выбирать не из чего, других просто не водится.

— Шутки у тебя...

Симон понял, что Клара прокручивает в голове список типов, с которыми познакомилась на острове и с кем лучше бы не иметь ничего общего.

— Все — темные личности. У всех в жилах течет кровь преступников. Даже у тебя, Клара. Сама когда-нибудь убедишься. Совершишь преступление под воздействием страсти.

Теперь Клара выглядела по-настоящему испуганной, да и Симон внезапно разволновался. Сейчас она была такая трогательная в открытой белой блузке и джинсовой мини-юбке, Симон был почти готов обнять ее и начать утешать. Вряд ли дело зашло бы дальше, она, конечно, хорошенькая, но для него старовата.

Клара вскочила:

— Это не смешно, Каза. Совсем не смешно. После всего того, что ты наплел, я смогу думать только о беглых психах...

— Особенно опасен один, — поправил ее Симон. — Этот Жонас... как его там. Жан-Луи Валерино производит впечатление мелкого жулика. Я бы не удивился, если бы оказалось, что Жонас выбрал его, потому что тот хорошо знает остров. В ближайшие несколько часов кто-нибудь найдет в укромном месте труп твоего бывшего коллеги.

— Прекрати!

— Ах да, вот еще что, чуть не забыл. Что это за история с сокровищем, зарытым в землю острова? Безумство Мазарини. Историк о нем упоминает.

Клара непонимающе уставилась на него:

— Ты сегодня решительно взялся за сказки и легенды.

— Ну и?

— Не меня надо спрашивать о Безумстве Мазарини, это по части Дельпеша.

Дельпеш, ну конечно... Симон был в курсе их отношений, знал, что Клара запала на местного журналиста, а для того она лишь источник сведений обо всем, что творится в мэрии, ценный осведомитель. Клара романтична. Ей нужны свидания в ресторанах, ночные клубы, прогулки по пляжу, а Дельпеша интересует только информация. Клара сама рассказала

об этом Симону.

Дельпеш норовил побольше у нее выведать, а Клара норовила подольше его потомить. Иногда Дельпеш делал вид, что ему не больно-то и надо, или говорил, что получит сведения в другом месте. Бывало, что он в самом деле уходил после аперитива, и Клара проигрывала вчистую, так что ей тоже приходилось быть осмотрительной. Она его приманивала. Закидывала наживку в ресторане, чтобы удержать до дискотеки. *Чуть позже, милый...* Иногда она не выдерживала. Дельпеш смотрел на нее влюбленными глазами, сулил луну с неба, и она выкладывала сенсационные новости за десертом, а в одиннадцать вечера уже была дома — в полном одиночестве.

— Так, значит, главный специалист по сокровищам Мазарини у нас Дельпеш?

— Он каждое лето заново это повторяет, — ответила Клара. — Историю с Безумством Мазарини. Вообще-то я думаю, что он на нее всех и подсадил. Сам понимаешь, история про сокровища хорошо продается. Я ни разу не прочитала внимательно, но ты найдешь кучу статей в «Островитянине» за прошлые годы.

— Вечнозеленая тема, — сказал Симон.

— Что?

— Да нет, ничего. Продолжай. Насчет сокровища — это серьезно?

— Еще бы! Ловушка для туристов. Сколько себя помню, столько слышу про сокровище. Про клад, зарытый где-то на острове.

— И это называется Безумством Мазарини?

— Да, но я толком не вникала. Как-то оно связано с ним, с этим Мазарини. Кажется, он знаменитый художник.

На мгновение Симону показалось, что она нарочно притворяется, придуривается.

— Господи, Клара, он кардинал! Можно сказать, премьер-министр. Это его статуя установлена на площади!

— Ну и ладно. Не держи меня за дуру. Так вот, этот Мазарини вроде бы иногда приезжал на Морнезе и в одном письме написал, что на острове есть сокровище, такое сокровище, на которое зарились все короли и принцы Франции. Ходят слухи, будто потом кто-то к сокровищу подобрался, но умер, так и не успев ничего рассказать. Еще говорят, что в начале века сокровище нашел один молодой крестьянин из местных. Но в четырнадцатом году он ушел на войну и не вернулся, в общем, погиб, и с тех пор... ничего нового, пока Дельпеш не стал каждое лето напоминать об

этой истории, из-за которой по всему острову рыщут туристы с лопатами. Сам понимаешь, никто никогда ничего не находил.

Легенда разожгла любопытство Симона, и он подумал, что надо поговорить об этом с Дельпешем.

— Ты прямо как ребенок, Каза, — вздохнула Клара. — Я тебе говорю, что по острову свободно гуляют два психа, а у тебя на уме только бредни про сокровища. Мэр, возможно, сделал глупость века, решив никому не сообщать. Если хоть что-то пойдет не так, скандал выйдет грандиозный. Тебя это радует?

— Тебя, Клара, это тоже должно радовать.

Секретарша непонимающе уставилась на Симона:

— Почему это, Каза?

— Хватит называть меня Каза! Мое имя Симон! Но для тебя все складывается удачно. У цитадели я встретил Дельпеша. Он уже почуял сенсацию, даже попытался у меня что-нибудь выпросить. Не удивлюсь, если он сейчас болтается около мэрии в надежде узнать побольше.

— Ага, как же. — Клара внезапно посерьезнела. — Про это я ничего не могу рассказать. Меня уволят!

— Вот именно. Ты-то это знаешь, а он — нет. С двумя сбежавшими психами, если только их сразу не поймают, ты сможешь целую неделю мурыжить Дельпеша — розы, ужин при свечах и все такое прочее...

— И поездка в Венецию! — прибавила она, оживившись.

Симон вышел на крыльцо. День подходил к концу. Перед мэрией стояла машина Дельпеша с логотипом газеты, сам он ждал на тротуаре, спокойный, расслабленный, с сигаретой в зубах. До семи оставалось всего ничего, мэрия вскоре закроется, Клара выйдет. Дидье Дельпеш кивнул Симону, как приятелю, но не сказал ни слова — ястреб был уверен, что добыча у него в когтях.

11. Опасная несдержанность

Среда, 16 августа 2000, 19:15

Лагерь на диком полуострове, остров Морнезе

Остаток вечера пролетел очень быстро. Душ — как всегда, холодный. Иногда я выходил в мокрой одежде, потому что вешал ее слишком близко к струе, иногда в грязной, если вещи падали на землю.

Иногда — и то и другое.

Сегодня шорты и майка были всего-навсего влажные. Ужин оказался не таким отвратным, как в другие дни, — может, потому, что в команду дежурных входили две девушки из наших пяти. Даже картошка в запеканке с мясом почти пропеклась. После ужина у нас было свободное время, делай что хочешь. Ко мне подошел Арман, предложил поиграть в таро. Я ответил, что ложусь спать, и он уставился на меня круглыми совиными глазами:

— В четверть десятого?

Я держался загадочно — и не только для того, чтобы он отстал, просто хотел проверить на нем, ощущается ли атмосфера загадочности, которой я, как мне казалось, себя окутал.

— Извини, Арман, мне надо разобраться с одним делом.

— О чем ты? Замутил с кем-то?

— Мне не до того. Сегодня вечером случилась невероятная вещь, от которой и спятить недолго. Так что надо навести порядок в голове. Разработать план.

— План?

Обычно он успешнее поддерживал разговор. Значит, я подцепил его на крючок.

— Ага, план. И вообще-то мне понадобится твоя помощь.

— Никаких проблем, — небрежно бросил Арман и тут же добавил: — Раз так, воспользуюсь случаем и пойду по бабам. Мне кажется, Ванесса только того и ждет. Я побежал, надо ковать железо, пока горячо. Тем более если в ближайшие дни придется заниматься тобой.

Арман уверен, что я ему лапшу на уши вешаю. Вот и отлично. Когда завтра утром выложу свою историю, сам увидит, блефую я или нет.

Арман ушел. Все остальные разбрелись кто куда. Одни разговаривали, другие пели под гитару, кто-то играл в футбол. Мне было хорошо в

одиночестве. Я не спеша причесался — волосы у меня прямые и чуть длинноваты, но не настолько, чтобы это выглядело действительно вызывающе. Почистил зубы. Переоделся в сухую футболку. Потом пошел в пустую палатку, куда по ночам набивалось двенадцать человек. Большая армейская, она была разделена занавеской на две половины, с одной стороны семь парней, с другой — пять девчонок. Залез в спальник и попытался привести мысли в порядок.

Мне было удивительно хорошо. Я не связывал это напрямую с тем, что мой отец оказался жив. Эйфория, оттого что воскрес человек, которого я любил, которого считал умершим и которого снова увидел? Нет, мной владело другое чувство.

Я всего лишь хранил в памяти его лицо и немногие обрывочные картинки прошлого.

Ничего такого, о чем можно было сказать: «Я любил отца».

Не чудовищно ли так думать?

И не обманывал ли я себя и на этот раз, думая так?

Ответа у меня не было, я всего лишь отметил, что ощущение утраченной и возвращенной любви не главное. Главным было другое — логика цепи событий подтверждала мои догадки. Каждое из предположений казалось бредом, грезой, фантазией, и тем не менее все они оказались верными, я нисколько в этом не сомневался.

Я с самого начала был прав!

Эта уверенность наполняла меня невероятной силой, я чувствовал, как эта сила в меня вливается. Чувствовал свое превосходство над всеми остальными парнями и девчонками в этом лагере. Мой статус сироты и так ставил меня в особое положение, а уж теперь... На такое я и не надеялся. Арман с его картами таро и нелепыми любовными планами; Мадиха с ее воровством по мелочам в портовых сувенирных лавках — солнечные очки и прочая ерунда; футбол и убогие шутки — словом, то, чем занимались остальные в лагере, выглядело таким ничтожным. Запросы у них ограниченные и предсказуемые. Они все еще обсуждали последние нашумевшие кровавые ужастики. «Театр смерти», «Ведьма из Блэр». Для меня с этим покончено, я больше не смотрю ужастики для подростков, которым недостает сильных ощущений.

Я сам оказался внутри фильма.

Я стал его героем.

Мне повезло. Именно так я думал. Повезло! Как подростку, который понимает, что он самый талантливый в своем поколении, лучше всех играет на каком-нибудь инструменте, или бьет по мячу, или божественно танцует.

Такой подросток уверен, что никогда не будет таким, как все, не окажется в стаде. Какое это чудо, когда тебе шестнадцать лет и ты уверен, что будешь единственным там, куда отправишься.

Остальные одиннадцать пришли укладываться спать, девчонки — на своей половине, парни — на своей. Я притворился спящим. В этой игре я был чемпионом с шестилетнего возраста. Я мог продержаться сколько угодно, накрывшись с головой одеялом и мерно дыша. Тело приподнимается и опускается, время от времени ворочается. Но разум и не думает спать, он начеку.

— Папенькин сынок уже дрыхнет?

Это голос Мадихи. Как только воспитатели уходили, она перебиралась из девчачьей спальни к мальчикам и устраивалась на свободной кровати. Не для того чтобы нас клеить, все знали, что она встречается с восемнадцатилетним парнем, он ждет ее дома, в предместье Руана, но она предпочитала наши разговоры той чуши, которую несли девчонки. Мадиха, альфа-самка. Заводила в нашем коллективе, главнокомандующая казармой.

Папенькин сынок! Я ликовал. Когда Мади все узнает, ее предместье, ее дом, ее братья-арестанты — весь этот семейный детерминизм мало чего будет стоить.

Начался классический ритуал.

Конкурс пердежа. Симуляция оргазма. Шутки одна глупее другой.

— Хватит дрочить, Дав, дыру в матрасе протрешь.

Понемногу разговоры стали более осмысленными.

— Все-таки сиськи у Стефани — это что-то! — Голос Давида. — В лодке у меня стоял всю дорогу.

— И такие крепкие, — подхватил Арман.

— Ты-то откуда знаешь?

— А я потрогал.

Вся палатка хохочет. Даже я, поскольку научился смеяться под одеялом, затаив дыхание.

— Ты их потрогал? — переспросил Кевин.

— Ага, — сказал Арман. — Почти. Я их задел. Будто бы нечаянно. Просто дотронулся и сразу извинился.

Тишина.

Надо же, кретины верят всему, что сочиняет Арман! Эти дебилы все еще не раскусили его?

— Правда? — спросил кто-то — кажется, Йохан.

— Ага, — подтвердил Арман. — Говорю тебе, твердые, как дыньки.

— Может, они ненастоящие? — Я узнал голос Юго. — Пластиковые титьки.

— Силиконовые, кретин! — крикнул кто-то неопознанный.

— А они не бибикали, когда ты лапал Стеф?

Это Мадиха! Очко в ее пользу! Я улыбнулся.

А в палатке раздался дружный смех.

Слишком дружный.

Я отчетливо расслышал шум шагов снаружи, шорох гравия. Мадиха метнулась на половину девочек. А потом сразу луч фонаря в лицо каждому из семерых парней. Йойо заорал:

— Скоро этот бардак закончится? Сколько можно, каждый вечер одно и то же!

— Да ладно, — отозвался Йохан, — мы же не дети.

— Так докажи это! Здесь некоторые спать хотят. Прояви уважение.

— Это кто же? Кому хочется спать? — спросил Юго.

Кретин Йойо направил фонарь на меня.

— Колену Реми, например.

Ну и придурок, я же ни о чем его не просил! Опять сделал все, чтобы восстановить против меня остальных. Да еще прибавил:

— Он лег спать в девять, потому что совсем вымотался. Ему и так с парусом нелегко приходится!

Да, такого кретина поискать! Я еле сдержался, чтобы не выскочить из спальника и не затолкать ему в глотку его же фонарь. Терпение. Пока молчу и притворяюсь спящим, ситуация у меня под контролем.

— А нам надо работать, — продолжал Йойо, — готовиться к завтрашнему дню. Так что будьте любезны, болтайте молча.

Еще один взрыв смеха.

— Ладно, Йойо, будем болтать молча, — согласился Кевин.

Йойо решил договориться по-хорошему.

— Я на вас надеюсь, ребята. Мы тоже вымотались.

Несколько голосов ответили «ага» и «ладно». Йойо, видимо, остался доволен. Он справился. Но Арман завел все по новой:

— А нельзя, чтобы в следующий раз нас навестила Стефани?

— Она не может, уже разделась догола! — подхватил Йохан.

— Ничего страшного, — отозвался неизвестно кто.

Арман подал очередную реплику:

— Ребята, будьте так добры, отпустите Йойо к Стеф. Им надо поработать вдвоем...

Вся палатка снова грохнула, и Йойо ушел в ярости, пригрозив

напоследок:

— Если не прекратите, натравлю на вас отца Дюваля!

Никто не решился спросить, голого или одетого.

Отец Дюваль — тяжелая артиллерия, перед ним даже Мадиха и Арман стелились. Его реакцию невозможно было предвидеть, но в лагере поговаривали о страшных наказаниях. Отец Дюваль редко куда-то ходил. Почти всегда водить доставалось Йойо. Я не часто участвовал в ночных словесных поединках, но слушать мне нравилось. Вот только в тот вечер Йойо на мне оттоптался. Как только он ушел, Мадиха откинула занавеску и вернулась в нашу спальню.

Она заговорила первой, тише, чем раньше, почти шепотом, словно боялась меня разбудить:

— Этот папенькин сынок всех уже слегка достал. Знаю я таких подлиз, у нас в интернате их полно. Надо ему объяснить, что к чему.

Она говорила обо мне.

Не отвечать. Притвориться спящим. А потом, когда настанет подходящий момент, действовать.

Постепенно все затихли. Каждую ночь непременно находился человек, готовый напоследок ляпнуть какую-нибудь глупость, и раз никто ему не ответил — значит, все закончилось. Обычно в последний раз слышался скорее шепот, чем голос: «Эй, вы там спите?» — и на этом все.

Мне оставалось прожить в этом лагере всего несколько дней, в субботу должны приехать Тьерри и Брижит. Я любой ценой хотел найти отца до их приезда, потом это будет намного сложнее. Нарушить табу. Объясниться. Поверить им?

Во что верить?

Надо было действовать.

Я перебирал в голове вопросы, на которые требовалось найти ответы. Что делал на этом острове мой отец? Где он жил? Как его теперь зовут? И главное — почему мне внушили, что он умер десять лет назад?

Я должен был начать с нуля. Все проверить. Имена и места представлялись само собой разумеющимися: позвонить бабушке Мадлен; навестить няню Мартину, если она по-прежнему живет на острове; сходить в аббатство Сент-Антуан, чтобы поискать сведения о происшествии десятилетней давности и команде моего отца. Может быть, найти журналиста из «Островитянина», местной ежедневной газеты, ее редакция находится в Сент-Аргане, и там наверняка есть архивы. Так что работы выше крыши... И решимости мне хватает.

Чего у меня нет, так это времени.

Нам дают час свободного времени, этого мало, да еще приказано держаться группами. И как мне действовать? Все рассказать отцу Дювалю или Йойо? С таким же успехом можно напрямую оповестить Тьерри или Брижит, после чего мне шагу спокойно не дадут ступить. Поговорить со Стеф? Почему бы и нет? Хотя это кажется слишком рискованным. Она не станет прикрывать несовершеннолетнего сироту в такой безумной истории.

Бежать?

Да, это выход. Но чтобы заниматься поисками, надо действовать в открытую и в общественных местах, потому бежать и прятаться совершенно бессмысленно. И кроме того, побег на острове... Нет, единственное решение — простое и очевидное: подключить пару друзей, которые прикроют меня в случае необходимости.

Я собирался покинуть лагерь уже завтра, и как можно раньше. Если бы меня стал искать кто-то из взрослых, в дело вступили бы сообщники: «Колен? Он спит в палатке», «Вышел пописать, сейчас вернется», «Я пять минут назад его видел, он пошел письмо отправить», «Он чуть дальше в поле, читает, хотел побыть один».

Арман, разумеется, самый подходящий для этого человек. Он бы все понял и соврал бы прекрасно, у него есть и воображение, и уверенность. Но тут проблема — мы с ним неразлучны, он не сможет долго меня прикрывать. Мое отсутствие очень скоро покажется подозрительным.

Нужен еще один помощник. По возможности — самый умный в нашей компании после Армана и посмелее, чем он, чтобы хватило решимости защищать меня перед Йойо и даже отцом Дювалем. И чтобы никто не смог заподозрить, что мы сговорились. Имя пришло в голову немедленно.

Мадиха.

Главнокомандующая — идеальная сообщница.

Осталось ее уговорить.

Было два часа ночи.

Я пару раз тронул Мадиху за плечо, присев на корточки у ее кровати. Она неохотно приоткрыла один глаз.

— Ты правда встречаешься с Арманом?

Она помедлила, убеждая себя, что ей это не приснилось. За секунду до того, как она схватит меня за шиворот и, скорее всего, обругает последними словами, я отодвинулся и шепотом повторил:

— Ты правда встречаешься с Арманом?

Мадиха инстинктивно ответила тоже шепотом:

— Ты спятил?

— Говорят, что ты встречаешься с Арманом.

— Ты меня разбудил, чтобы поделиться со мной этой бредятиной?

Она села на постели. Я подумал: «Похожа на кобру, готовую к броску».

— Это не бредятина, мне Арман сказал. Вы, оказывается, целуетесь в туалете. И не только. Я вас видел, мы вдвоем это подтвердим.

— Ты больной на всю голову. Да тебя убьют!

Я сел на ее кровать, не спросив разрешения.

— Кто убьет-то? Думаю, остальные скорее повеселятся, узнав, что ты трахаешься с очкастым недомерком. Ты же знаешь парней, а девчонки еще хуже. Мади и Гремлин. Сама понимаешь, Арман отлично умеет раздувать слухи, и я тоже, вот увидишь. У папенькиного сынка и подлизы воображения хватит. — Я сделал короткую паузу. — По твоему авторитету будет нанесен серьезный удар! И не забудь про дружка, знаменитого дружка, который ждет тебя. Если до него дойдут слухи...

Она сверлила меня взглядом черных глаз.

— Не знаю, во что ты играешь, папенькин сынок, но погоди минутку, я сейчас встану, схожу за ножиком, вернусь и прирежу тебя!

— Ага, валяй, а я тем временем наассу в твою постель.

— Что ты сказал?

— Думаю, ты все прекрасно расслышала. Я наассу на твою койку. Может, дождусь завтрашнего утра, когда все пойдут в душ... Или сделаю это среди ночи, пока ты будешь спать.

Мадиха все еще не понимала.

— Ты извращенец, да? Грязный извращенец. Да я соберу народный суд, и они с тобой разберутся. Уверена, когда я все расскажу остальным, тебе яйца оторвут.

Я заставил себя улыбнуться. Я был уверен в себе — во всяком случае, выглядел уверенным.

— И ты думаешь, тебе поверят? Поверят, что в твою постель отлил папенькин сыночек, который дрыхнет без задних ног? Воображаешь, что они это проглотят? Может, и сделают вид, что поверили, доставят тебе удовольствие, но как же они будут ржать у тебя за спиной! Грозная Мади писается в постель!

До нее дошло. Кобра обмякла, превратилась в диванную подушку. Я догадывался, о чем она думает: одно дело, если весь лагерь поверит, что она целовалась с Арманом, но если ее будут называть зассыхой... ужас! Хихиканье за спиной. Она не сможет защититься. Тут хоть убеждай, хоть объясняй, хоть угрожай — все равно все будут думать, что она дует в

постель по ночам.

— Я тебя убью, — спокойно заявила Мадиха. Кобра дернулась в последний раз. — Собственными руками.

Она сделала вид, что хочет встать. Я удержал ее:

— Сиди спокойно! Или я подниму шум и разбужу остальных, а сам рвану в постель. Но вернусь через час, или завтра, или послезавтра. Ты не сможешь все время следить за мной, надо же когда-то и спать!

Мадиха посмотрела на меня с уважением, чего я и добивался. Она поняла, что я не боюсь. Должно быть, умела распознавать решимость и удивилась, открыв это качество во мне сегодня ночью.

— Чего ты хочешь? Это из-за того, что я тебя обзывала?

— Нет. Мне по барабану.

Я выдержал очередную рассчитанную паузу.

— Мади, ты должна мне помочь.

По глазам было понятно, что она считает меня опасным психом. Тем лучше.

— Я должна тебе помочь?

— Ага.

И тут я выложил ей свою историю, всю, от и до, уложился в полчаса. Мади выглядела уставшей, но слушала заворуженно. Ни на мгновение не усомнилась в моей версии, не лезла с идиотским вопросом: «А ты уверен, что это на самом деле твой отец?» В ее глазах я стал совсем другим человеком. Она увидела во мне таинственность. Казалось, теперь я могу просить о чем угодно, Мади ни в чем мне не откажет. Теперь она, похоже, гордилась тем, что я выбрал ее доверенным лицом. Когда я собрался вернуться в постель, она сказала:

— Ладно, Колен, я тебя прикрою. Ты правильно сделал, что обратился ко мне. — И весело прибавила: — Незачем было угрожать, что насышь мне в постель. И уж тем более врать про Армана!

— Ты легко отделалась, — ответил я. — Я сначала подумывал рассказать, что ты затаскивала к себе под одеяло девчонок.

— А с чего ты взял, что я этого не делала?

12. Полуночное купание

Среда, 16 августа 2000, 23:49

Пляж у Рубиновой бухты, остров Морнезе

— Пойдешь купаться?

Кандис лежала рядом с Симоном. На ней было коротенькое платье из ткани, похожей на лен. Светло-желтое. Пляж освещал лишь один фонарь, да и тот вдалеке, и в темноте девушка сливалась с песком, Симон видел только загорелые ноги выше колен, руку, которая шарила по его груди, пытаясь расстегнуть рубашку, и хрупкие плечи. Светлые волосы Кандис тоже терялись на фоне золотистой ткани и песка, казалось, лицо девушки парит в воздухе, прелестное лицо с кошачьими глазами и улыбкой.

Симон не шевелился. Он не мог заставить себя думать ни о чем другом, кроме истории с беглыми арестантами и диссертации, в которой остров Морнезе представал логовом мафии. Кое-чем он поделился с Кандис, не вдаваясь в подробности и не называя имен. Она выслушала его терпеливо и с пониманием, ожидая продолжения. Ее, похоже, возбуждало, что Симон к ней не пристаёт.

Дерзкая, рискованная... и сиюминутная тактика.

— Кандис, ты ведь продаешь билеты в развалины аббатства? — спросил Симон. — И учишься на историческом, правильно?

Верхняя пуговица рубашки отлетела. Рука принялась исследовать его грудь. Он поежился от холодного прикосновения браслета.

— Я на пятом курсе. Пишу работу об античных тиранах. Точнее, о Периандре Коринфском. Бессовестный тип, который убил мать и жену. Мне очень нравится... Не знаю, какую работу смогу найти с таким образованием, но хотя бы на это лето удалось пристроиться в аббатство, на берегу моря... Кстати, купаться пойдём?

Отскочила вторая пуговица. Умелая рука двигалась все ниже, браслет перекачивался по его коже. А Симон гнул свое:

— Ты, наверное, хорошо знаешь историю аббатства Сент-Антуан? Подземелья, спрятанные сокровища, Мазарини?

Третья пуговица.

— Я здесь на каникулах, милый мой! Извини, но я пришла к тебе не для того, чтобы поговорить про развалины, где за день и десятка туристов не наберется. Уж скорее ты должен мне что-нибудь рассказать. Ты ведь

отвечаешь за безопасность на этом бандитском острове? У тебя наверняка припасено для меня какое-нибудь подозрительное дело, убийство, что-нибудь волнующее.

— Ты себе даже представить не можешь. Но ты ничего не узнаешь. Извини. Не подлежит разглашению!

— Как хочешь.

Пальцы Кандис потеряли светлые волосы на груди Симона, потом внезапно вспорхнули.

— Если не можешь решиться, то пойду одна!

Кандис вскочила. Платье соскользнуло на песок.

Красавица знала, что делает.

Разбойники острова за два столетия, Жонас Новаковски и Жан-Луи Валерино, Мазарини со своими монахами — все они словно по волшебству исчезли. Стоя над Симоном, девушка с обезоруживающей естественностью продолжала раздеваться. Небрежно брошенный лифчик растворился в сумраке, будто его и не было.

Сердце Симона отчаянно колотилось.

Девушка приподняла ногу, удерживая равновесие, как прима-балерина, и кружевные трусики скользнули вдоль одного, затем другого бедра.

Симон целомудренно отвел глаза.

На миг.

Кружева внезапно легли ему на лицо, накрыв глаза, нос и рот.

Почти все органы чувств. Ну и меткая эта чертовка!

— Так тебе и надо.

Смех веселой нимфы прозвенел над Рубиновой бухтой.

— Это... это запрещенный прием, — пробормотал Симон.

Кандис уже шла к морю.

Волны набегали на песок метрах в двадцати от них. Легкая пена тянулась светлой чертой, рисуя странные, изменчивые линии, будто слова, небрежно написанные и брошенные в океан, — пусть плывут к континенту, чьи огоньки угадываются вдали.

Симон сел. Взгляд поднимался от удалявшейся восхитительной попки к тонкой талии, на которую налез бы и детский спасательный круг, вдоль обнаженной спины, будто притягивавшей слабый свет.

Совершенство.

Тень удлиняла силуэт Кандис, теперь она казалась рослой богиней.

И вот богиня исчезла в воде. Прошло всего несколько минут — Симон даже не успел встревожиться или присоединиться к ней, — а она уже

вышла на берег. Улыбающаяся. Мокрая. Бесстыжая.

От холода соски встали торчком, она выгнулась, подставила лицо, груди, низ живота лунному свету.

И мужскому взгляду.

Симон не обманывался — все это продумано, каждый жест просчитан и отрепетирован. И он, конечно, не первый видит этот спектакль. Но не все ли равно, сейчас-то он единственный зритель.

Кандис не спешила, она шла мелкими шажками, подбиралась к нему бочком, словно сексапильный краб. Как будто и песок хотел насладиться прикосновением к ее голым ногам.

«Девушка с эротической открытки, — подумал Симон, — безупречное тело в лунном свете».

Всем шлю поцелуи с Морнезе.

Глянцевая бумажная куколка — и через несколько мгновений он прижмет ее к себе и почувствует ее тепло.

Симон продолжал сидеть. Кандис подошла еще ближе.

Слишком медленно. Симону стало невтерпех.

Ее загар не уродовала ни одна светлая отметина. Каким чудом, она же весь день сидит в своем окошке?

Женская тайна.

Еще несколько сантиметров.

Она стояла перед ним. Прелестная Кандис была натуральной блондинкой.

Кандис толкнула Симона, опрокинула на песок и чувственным голосом протянула:

— Ну что, мой детектив, так и не расскажешь про какое-нибудь ужасное расследование?

Улеглась на Симона. Мокрая.

Не спеша поцеловала в губы, сползла на грудь.

— Мой маленький Брюс Уиллис. Только мой...

Сползла еще ниже. Симон закрыл глаза, желание было таким сильным, что он запутался, не знал, куда девать руки, то тянулся к задку Кандис, то тербил пряжку ремня.

В темноте что-то грохнуло.

Выстрел.

В нескольких метрах от них.

Симон, повинувшись рефлексу, извернулся, закрыв своим телом девушку,

продолжавшую его целовать.

Наступила тишина.

— Жди здесь! — приказал он Кандис. Она осталась лежать. Живая. Дрожащая.

Симон полз по песку. Грохнуло где-то севернее. Это явно выстрел. В темноте он почти ничего не видел перед собой.

Если подумать, стрелять могли и дальше, ветер относит звук на сотни метров. Пляж Рубиновой бухты был самым большим на острове, несколько километров длиной. Симон приподнялся и продолжил двигаться согнувшись, почти на четвереньках. Выстрел среди ночи на пляже. Два беглеца, Жонас Новаковски и Жан-Луи Валерино.

Прозвучал второй выстрел.

Симон на несколько секунд замер, потом выплюнул песок, который набился в рот, когда он бросился ничком, и снова пополз.

Второй выстрел тоже донесся с северной стороны. Десять метров? Пятьдесят? Сто?

Как определить?

Симон застыл. Теперь он знал.

Ровно двадцать метров.

Два тела лежали на песке прямо перед ним, одно поверх другого. Убиты чуть ли не у него на глазах.

Симон снова пополз, не задумываясь, не просчитывая. До тел оставалось всего несколько метров, и невидимый убийца мог продолжать целиться.

И он идеальная мишень.

И все же Симон упорно продвигался вперед. Рука коснулась серой полотняной куртки, потом тела. Симон вздрогнул. Он впервые касался трупа. Тело было еще теплым.

Труп дернулся, рука с силой обрушилась на грудь Симона. Падая, он сумел ухватиться за полу куртки, и они покатались по песку. Симон ненадолго одержал верх и попытался заломить противнику руку.

— Не дергайся, а то сломаю.

Вместо ответа человек второй рукой ухватил его за волосы. Симон взвыл от боли и выпустил противника. Тут же последовал удар в живот, Симон скорчился. Человек решил, что может встать, но Симон не сдался, перекатился по песку, увлекая его за собой, ткнул кулаком в плечо, в поясницу. Противник зарычал. Он был килограммов на десять тяжелее Симона.

— Ублюдок, — прохрипел человек, вскакивая.

— Служ... служба безопасности острова, — выдохнул Симон, тоже рывком поднимаясь.

Магическое заклинание.

Человек замер. Мужчины, измотанные короткой, но яростной борьбой, уставились друг на друга. Тишину разорвал женский голос, метрах в двух позади них. Второй жмурик не мертвее первого, подумал Симон.

— Хватит, Дени!

Симон икнул. Перед ним стоял человек лет пятидесяти, рубашка на выпирающем животе была разорвана. С виду вполне приличный обыватель. Женщина у него за спиной была примерно того же возраста, она прикрывалась какой-то тряпицей. Взгляд Симона скользнул вниз, на песок, уперся в красные стринги, валявшиеся рядом с юбкой, тоже красной.

Женщину трясло.

— Вы... вы тоже слышали выстрелы? — пробормотал Симон.

— Да, — сказал толстяк. — Мы не знали, откуда стреляют, подумали, что это в нас. Особенно после второго выстрела. Я... я прикрыл собой Сюзанну. Мы... мы притворились убитыми.

Влюбленная парочка. Скорее всего, они обошлись без стриптиза и ночного купания, но все же парочка.

Симон мысленно обругал себя за тупость.

— Это... что это было? — спросил Дени.

Симон не ответил. Кажется, на пляже все успокоилось. Делать нечего, разве что, дождавшись завтрашнего утра, идти с заявлением в полицию. Наверняка найдутся и другие свидетели. Другие пары.

А может, и парочка трупов обнаружится где-нибудь на острове.

13. Недоверчивая сова

Четверг, 17 августа 2000, 02:47

Лагерь на диком полуострове, остров Морнезе

Возвращаясь в постель, я снова почувствовал в себе огромную силу. Ничто меня не остановит.

В пять утра, когда все, в том числе Мади, еще спали, я разбудил Армана. Он уставился на меня совиными глазами, я его растолкал окончательно и выложил свою историю. Пока я рассказывал, он несколько раз засыпал, и мне приходилось его трясти. Я старался подольше держать его в напряженном ожидании, не говорить раньше времени, что видел в порту живого отца. Когда я дошел до эпизода с угрозами на кровати Мади, до их выдуманного мною псевдофлирта, Арман мгновенно проснулся.

— Ты правда это сделал? Я не буду встречаться с этой валькирией!

— С этой чем?

— С валькирией. Это воительницы из северной мифологии, они утаскивают мужчин в ад.

— Вот уж кто не нордического типа, так это Мади.

— Ничего, я знаю, о чем говорю. Международное сообщество деспотичных баб, которым нравятся только накачанные придурки.

Я вздохнул, потом рассказал про свою вторую угрозу — насрать Мади в постель. Мне показалось, что это он воспринял как рыцарский поступок. А под конец я выложил про белый «форд» и моего живого отца, который вел фургон. Арман тут же откликнулся, но совсем не так, как я ожидал. Он посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

— Колен, ты бредишь! Я ни на секунду не поверил в твою историю.

— Ты мне не веришь?

— Нет!

— Думаешь, я трепло?

— Нет, я не думаю, что ты треплешься или врешь. Просто ошибаешься. Подумай, как ты мог узнать своего отца, если много лет его не видел? Человек забывает лица людей, которых последний раз видел, когда ему было шесть лет.

— Да в шесть лет люди запоминают! А лицо своего отца я вот уже десять лет вижу каждый день. Каждое утро и каждый вечер! Через несколько дней после гибели родителей мои дядя и тетя дали мне

фотографию папы и мамы. Увеличенную. В рамке. Я поставил ее на тумбочку у кровати. Они никогда со мной не разговаривают о моих родителях, но хоть это сделали. На фотографии мы втроем — я, папа и мама. Мы все улыбаемся, стоим на фоне аббатства, под солнцем острова Морнезе. Лица крупным планом. Так что сам понимаешь...

— Угу...

— А чуть больше года назад я рылся в дядиных ящиках и нашел коробку с фотографиями. Мои фотографии от нуля до шести лет. И десятки снимков родителей, на острове и даже до того. Их свадебные фотографии. Отпускные. Я даже фильм нашел!

— Фильм?

— Да, видеокассету. Коротенький фильм, моя тетя сняла его на портативную видеокамеру здесь, на острове. Там минуты три, не больше.

— И что там, на этой кассете?

— Почти ничего. Взрослые едят под открытым небом, рядом с руинами. Я на этой кассете тоже есть, мне там пять или шесть лет. Играю рядом.

— И на этой кассете есть твой отец?

— Да.

— Твой отец и твоя мать?

Я на мгновение замялся.

— Да.

Я и в самом деле узнал отца и мать. Мама все время смеялась. Она держала большую тарелку с нарезанными овощами и угощала сидящих за столом — красивая, радостная. Но отец сидел не рядом с ней. Он был на другом конце стола, рядом с очень молодой и очень хорошенькой девушкой, спортивной, рыжей, с очень короткой, под мальчика, стрижкой, и одежда у нее тоже была очень короткая. Камера медленно двигалась вдоль стола, снимая всех общим планом. Мой отец под столом — мама не могла этого видеть, она была напротив — гладил голую ляжку девицы. Поведение отца было недвусмысленным. Он это проделывал незаметно, но долго, даже залез под юбку. Судя по моему возрасту, фильм был снят за несколько месяцев до гибели родителей.

— За десять лет люди стареют, — продолжал убеждать меня Арман.

— Не настолько. С тридцати пяти до сорока пяти не так уж и стареют. И потом, какого черта, если я говорю, что узнал его, можешь ты поверить или нет?

Армана и это не убедило.

— Ты видишь то, что хочешь увидеть. Из-за предсказания твоей мамы,

ты мне сам рассказывал. «Ты еще встретишься с папой». Ты думаешь, что твой отец жив, а на самом деле она говорила про рай и боженьку. Логично? И вот ты возвращаешься сюда, надеясь снова увидеть отца живым, и принимаешь за него первого встречного, который на него похож. Как утенок, который принимает за свою маму первое, что увидит, вылупившись из яйца, даже если это покрывка или башмак. Говорю тебе, все логично.

— Арман, там не только мамино предсказание. Есть еще и доказательства. Куча доказательств.

Арман приподнялся на постели и посмотрел на меня с улыбкой, как следователь на адвоката какого-нибудь мафиозо.

— Валяй, я слушаю.

— Видишь ли, мои дядя и тетя знают, что папа жив. Они никогда не упоминают о нем при мне, но иногда проговариваются. Когда Тьерри или Брижит созваниваются с давними друзьями, которые остались на острове, я вылавливаю из разговоров фразы типа «передай ему привет, скажи, что все в порядке, Колен здоров». А когда я спрашиваю, кому это — ему, они всегда смущаются и говорят: никому, ты его не помнишь.

— И это ты называешь доказательствами? — зевнул Арман.

Он меня достал! Мади приняла мою версию, не задав ни одного вопроса.

— Это еще не все. Тьерри и Брижит говорят о моем отце в настоящем времени, например: «Жан, он такой», «Жан так думает»... Но никогда не произносят его имени в моем присутствии — только когда говорят между собой и думают, что я уже сплю. А я со временем прямо-таки профессионально научился притворяться глубоко спящим.

— Повезло.

Глаза у Армана закрывались сами собой. Я встряхнул его за плечи:

— Подожди! Я не закончил! Я собрал и другие доказательства. Задолго до кассеты я нашел в старом альбоме с семейными фотографиями, спрятанном в шкафу в спальне дяди с тетей, открытки с подписью «Жан». А мне было категорически запрещено туда залезать. Я порылся и нашел с десяток открыток, полученных за десять лет, первая была послана, когда мне еще и семи не исполнилось. Все отправлены с острова Морнезе или откуда-нибудь поблизости, с пляжей или из городов на берегу Ла-Манша, из Портбая, Барневиля, с Шозе, из Сиувиля. И во всех ерунда вроде «погода хорошая, только ветрено; у меня все в порядке, надеюсь, у вас тоже; думаю про малыша». А главное — слушай внимательно: все подписаны «Жан». Что ты на это скажешь?

— Что на берегу Ла-Манша не один Жан, балда, и что ты наверняка не

знаешь почерка своего отца.

Этот тип способен рассуждать, засыпая на ходу. До чего же он меня бесит!

— Допустим, но это обычные открытки, зачем же их спрятали? Сохранили и спрятали?

— Понятия не имею. Но разве не все так поступают? Хранят разное барахло?

— погоди! Еще как-то раз я нашел в корзине для стирки, на дне, записку от Брижит: «Звонил Жан. Свяжись с ним завтра, пока Колен будет в театральной студии». Я это не выдумал!

Арман опять зевнул, посмотрел на свою руку и, кажется, пожалел, что на ней нет часов.

— Если правда хочешь знать, я думаю, что постоянно шпионить за дядей и тетей, везде шарить, выворачивать карманы или рыться в ящиках, как только тебя оставят одного, — это поведение парня, у которого едет крыша и которому лучше бы сходить к психологу.

Ну до чего тупой!

— Вот зануда! Есть еще Мадлен, моя бабушка с папиной стороны. Она единственная в открытую произносит при мне имя Жан. Я каждый раз дергаюсь. И вижу, что дядю и тетю это тоже страшно смущает. Они незаметно делают ей знаки, чтобы молчала, но она не слушается. И говорит о моем отце в настоящем времени. И всегда что-нибудь хорошее, например: «У твоего отца богатое воображение, как у тебя». Тьерри каждый раз на нее глазами сверкает, но...

— А почему ты с ними не поговоришь откровенно? — перебил меня Арман.

— С кем?

— С дядей и тетей, балда! Не с призраком же твоего отца. Они в субботу точно приедут? На твой день рождения? Тебе надо только подождать!

Я взорвался, рискуя разбудить всю палатку:

— До тебя не доходит?! Если от меня десять лет скрывают правду, если мне врут, значит, есть из-за чего, и это важно. Что-то серьезное и, может, даже опасное. Они так запросто не расколются!

— Ты прав, — прошептал Арман, — мне не понять. Если хочешь, я тебе помогу. Завтра. Может, развлекусь. Только не рассчитывай, что я как дурак поверю в твою историю с живым мертвецом.

Арман повернулся на бок и почти мгновенно уснул. Или тоже профессионально притворился?

Я вернулся в постель.

Ждать субботы? Поговорить с дядей и тетей? Так было бы намного проще.

Вот только это невозможно.

Десять лет недомолвок не перечеркнуть.

Арман ничего не понял, он слишком рациональный, у него слишком взрослый ум. Я ни на секунду не соглашался с тем, что он может оказаться прав. Что я все навывдумывал. Что принимал желаемое за действительное.

А вот Мади мне поверила.

К шести утра я заснул.

Меня разбудил леденящий душу смех.

Надо мной склонилась темная фигура. Я различал только черный монашеский капюшон без лица и два безумных красных глаза.

Беззубый рот.

И замогильный голос завывал: «Безумство Мазарини, Безумство Мазарини!»

Безликая тень наклонилась надо мной, как будто хотела всосать. Как будто я мог уместиться под ее капюшоном.

Я огляделся. Все остальные кровати были пусты. Я ущипнул себя, чтобы убедиться: это просто кошмар, сейчас проснусь.

Но мне это не снилось.

И я не спал.

Я был в палатке один на один с ходячим ужасом.

14. Оставление водителем места ДТП

*Четверг, 17 августа 2000, 08:30
Порт Сент-Аргана, остров Морнезе*

Полусонный Симон Казанова сошел вниз из тесной студии над «Большим бакланом», где поселился на два летних месяца. Он не выспался — хорошо, если пять часов удалось урвать. Накануне, после выстрелов на пляже у Рубиновой бухты, он вернулся к Кандис. Она так и ждала его голая, и ни сантиметра гусиной кожи, как будто и под луной способна была загорать. Они наскоро перепихнулись. Невыразительно. Во всяком случае, он. Симон не мог себя заставить думать о чем-нибудь, кроме тех беглых зэков и выстрелов. Расстались они около часа ночи, Кандис надо было в девять открыть окошко кассы в руинах аббатства Сент-Антуан. Она, кстати, разочарованной не выглядела и сама назначила ему свидание сегодня вечером, на этот раз в своей квартире. Симон отчаялся понять женскую психологию.

Когда он вышел на площадь, взгляд сразу привлекла реклама «Островитянина». Дидье Дельпеш завел привычку с утра пораньше расклеивать на всех улицах Морнезе красно-белые листки с заголовками своей газеты.

Сегодня утром Дельпеш пошел напролом. Заголовок был кричащий: «Паника на острове Морнезе: двое заключенных все еще в бегах!»

Симон купил газету у стойки бара, не вступая в разговор с хозяином, хотя тому явно не терпелось все обсудить. Прошел несколько десятков метров до площади 20 Мая 1908 года.

Городок просыпался, оживление уже чувствовалось. Тираж «Островитянина» должен был подскочить до небес.

Симон решил немного посидеть на одной из тяжелых гранитных скамей на площади, напротив статуи кардинала Мазарини, а уж потом идти в мэрию. Бегло просмотрел первую полосу газеты. Что и говорить, главный редактор Дельпеш управился быстро. Не иначе, из Клары вытянул информацию.

Мысли Симона разбредались.

Он подумал про ночные выстрелы на пляже. Какая у него самого роль в истории с беглыми арестантами? Никакой, разумеется, разве что в полицию сообщить. Но он не откажется поучаствовать в расследовании и

сыграть собственную партию.

Симон не считал себя умнее или хитрее всех, но сознавал, что у него есть важное преимущество — решимость, возможно даже чрезмерная. Он знал за собой ослиное упрямство. Там не на одного осла хватило бы, а на нескольких. В девять лет он сложил пазл из двух тысяч деталей с изображением Мон-Сен-Мишеля, а над последними тремя сотнями деталей, где не было ничего, кроме голубого неба, упорно трудился три месяца. В выпускном классе он полгода, с декабря по май, клеил девчонку, которая не была привлекательнее других и с ума не сводила, просто не сдалась с первого раза. Он полгода ломился к ней в комнату и бросил ее через неделю после того, как она его впустила. На последнем курсе он две недели преследовал своего преподавателя по общественному праву, даже добыл его личный электронный адрес и номер мобильного, потому что преподаватель забыл добавить полбалла к его оценке за письменную работу. Средний балл у Симона так и так выходил достаточный, но для него это было делом принципа. В конце концов он поймал неуловимого парижского профессора на вокзале, отдал ему свою работу и заполучил заслуженные полбалла, а также стойкую ненависть до конца года — не только этого преподавателя, но и всей администрации факультета.

Сложив газету, Симон двинулся в мэрию.

Он улыбался, представляя лица мэра и начальника тюрьмы, читающих первую полосу «Островитянина». С государственной тайной промашка вышла. Мэру Гарсья придется раньше, чем намечено, вернуться из Доминиканы. «Так ему и надо! — подумал Симон. — Нечего было платить мне такую нищенскую зарплату».

Под ногами уже скрипел гравий двора, и взгляд Симона задержался на фронтоне здания. Как ни странно, там было выбито только слово «Свобода», два других — «Равенство» и «Братство» — отсутствовали. Он пробовал найти объяснение этой республиканской особенности, но никто не смог ему дать точного ответа. Места не хватило? Средства закончились? Мастер внезапно скрылся? Упущение? Несчастный случай? Вандализм?

В нескольких путеводителях было предназначено для туристов ироническое упоминание об этой особенности Морнезе. Но со вчерашнего дня, после чтения диссертации Садурнана о разбойничьем острове, Симон не мог отделаться от другого предположения: что, если мэр — не Гарсья, а тот, кто построил здание, намеренно велел выбить это единственное слово «Свобода»? Потомкам каторжников ни равенство, ни братство ни к чему.

Симон попытался отогнать странные мысли. Все это давно мхом

поросло, значение имел только сегодняшний день, а он начался беспокойно. Мысли Симона переключились на Клару.

Бедная Клара!

Секретарша была на месте, сидела перед выключенным компьютером. С несчастным лицом. Симон понял, что и в самом деле источник утечки — она.

Экземпляр «Островитянина» лежал рядом с клавиатурой.

«Сегодня караоке отменяется», — подумал Симон.

— Привет, Клара.

Нет ответа.

— Дуешься? Не выспалась?

— Вот именно что выспалась! — взорвалась Клара.

Симон заразительно расхохотался, а следом за ним улыбнулась и Клара.

— Значит, ты ему все выложила?

— Ну да...

— Давно?

Она потупилась:

— Стыдно сказать...

— Когда?

— За аперитивом!

«Вот бедняжка, — подумал Симон. — Ни ресторана, ни мохито под дискотечную музыку, ни койки. Ничего! Всего-навсего кир с простым белым вином, даже не кир-рояль!»

Клара продолжала:

— Без четверти девять я уже сидела перед телевизором. Фильм смотрела с самого начала, ничего не пропустила.

— Ну и дура. Зачем раскололась? Ты же знаешь Дельпеша.

Клара улыбнулась, сверкнув белоснежными зубами.

— Против этого гада не устоять. Он на меня надавил. Уверял, что это вопрос жизни и смерти. Он знал, что в цитадели что-то случилось, ему просто надо было выяснить имена и время. И говорил: «Если завтра найдут задушенного ребенка, который попался со своим велосипедом на пути одному из сбежавших, виновата будешь ты».

— Но ты же не повелась?

— Нет... не совсем. Но за аперитивом он вроде бы собрался уходить. Сказал, что его раздражает моя ребячливость. Что это не игрушки, а серьезное дело. Пообещал, что если я назову имена и расскажу подробности, то он за час напишет статью, а потом придет ко мне.

— И что?

— И ничего. Через час позвонил и сказал, что не успевает. Заметь, Каза, некоторая логика в этом есть. Обстоятельства исключительные.

Симон захохотал.

— Ты всерьез на него запала. Завязывай с этим, Клара. Найди себе хорошего мужа.

— *Красивого* мужа, — поправила она. — А хороший он или нет, мне все равно!

Симон наклонился к ней и дружески погладил по спине. Сел рядом, и они стали вместе читать статью. Дельпешу удалось за рекордно короткий срок воссоздать биографии обоих беглецов. Жизнеописание Жонаса Новаковски выглядело устрашающе, список совершенных им преступлений занимал целую страницу, среди прочего там были три доказанных убийства. Дельпеш исхитрился раздобыть даже фотографии объявленных в розыск преступников.

Клара не утерпела:

— А Дельпеш крутой, правда?

— Ага... А уж какая паника из-за него на острове поднимется — подумать страшно!

Раздался телефонный звонок, Клара сняла трубку, и Симон увидел, как она побагровела, пытаясь хоть что-то промямлить в ответ.

— Я... я... я соединю вас с более компетентным сотрудником. — И протянула трубку Симону, испуганно шепнув:

— Это гранвильская полиция!

Симон уверенно представился:

— Служба безопасности острова Морнезе, мэрия Сент-Аргана.

Собеседник не дал ему продолжить.

— Отлично. Вы-то нам и нужны. Мы только что получили срочный звонок с пляжа у Рубиновой бухты. Мать семейства в полной истерике. Она говорила бессвязно, но мы поняли, что речь идет о трупе. Похоже, это серьезно. Мы уже едем, но вы, наверное, доберетесь раньше.

— Не сомневайтесь, мигом домчусь! — выкрикнул Симон Казанова.

15. Руины воспоминаний

Четверг, 17 августа 2000, 08:45

Лагерь на диком полуострове, остров Морнезе

Монах без лица все ниже склонялся надо мной. Я чуть было не завопил — и тут услышал у него за спиной голоса этих кретинов. Безумный монах откинул капюшон — и я увидел веселое лицо Йойо.

— Подъем, монашек! Его высокопреосвященство ждет вас. Все остальные бенедиктинцы уже молятся в зале капитула.

Он кое-как осенил меня крестным знамением и ушел.

— Лег первым, встал последним, — донесся голос Армана. — Колен, ты, верно, сил набрался выше крыши.

Он явно считал, что меня уже пора прикрывать. На самом деле я ночью почти не спал и вышел из палатки, не до конца проснувшись. Юго, ветеран, который уже пять лет ездил в лагерь, все нам рассказал.

— Здесь каждый год так. В свободный день, когда мы не ходим под парусом, они устраивают игру в поиски клада. У них все хорошо обкатано. Костюмы слегка поистрепались, но на новичков всегда производят впечатление. А старичков просят раньше времени не разболтать. Нормально, да?

— А дальше что? — спросил Арман.

— Разбиваемся на команды и на весь день уходим искать подсказки. Нам дают такой типа пергамент с вопросами про остров. Маршрут размечен клочками жатой бумаги, у каждой команды свой цвет.

— Супер, — вздохнула Мади.

Стефани тоже оделась монахом и в таком виде выглядела не слишком сексапильно. Отец Дюваль в красной рясе изображал кардинала.

— Тебе не кажется, что у старичка Дюваля мания величия? — шепнул мне Арман.

Кардинал и два монаха толкнули хорошо отрепетированную речь. Нам следовало найти клад, проявив себя смелыми, хитрыми, умными и ловкими. Знаки были верные и неверные. Подсказки и ловушки. Нам раздали «пергаменты» из плотной цветной бумаги с несколькими десятками вопросов и добавили, что мы должны разбиться на команды по три-четыре человека.

Мади с Арманом подошли ко мне, злобно переглядываясь.

— Это выглядит подозрительно, — тут же высказался Арман. — Мы трое, вместе.

— Да, — сдержанно согласилась Мади.

Арман уставился на нее. Мади была выше его ростом сантиметров на тридцать и заметно шире в плечах, в бейсболке и темных очках, майка свободно болталась на плоской груди.

— Не могла бы ты, — обратился он к Мади, — правдоподобия ради подарить мне французский поцелуй?

— Шел бы ты со своим правдоподобием знаешь куда?

Арман встал на цыпочки, как будто хотел полюбоваться своим отражением в стеклах ее очков.

— Я пошутил, старушка. Ты совершенно не в моем вкусе, мне нравятся только девушки с мозгом и большими буферами. А у тебя всего этого нет!

Мади замерла в боевой позиции капоэйры.

— У тебя, головастик, скоро не будет ни яиц, ни твоей воробьиной пипки.

День начинался многообещающе.

Арман не сдавался.

— Мы с тобой два мужика, — продолжал он, глядя на меня, — и в идеале нам надо найти девчонку. Настоящую.

— И все ей рассказать? — спросила Мади.

— Мы не собираемся оповещать весь лагерь, — сказал я.

— Надо было мне ночью забраться к девчонкам со своей воробьиной пипкой, чтобы сделать пипи им в постель.

Мади поняла, что Арман в курсе, и смолчала. Этот придурок может все загубить. К счастью, с Мади я сделал удачный выбор. У нее крепкие нервы, и она не ввязывалась в философские споры.

— Настоящие девчонки не умеют держать язык за зубами.

Почувствовав, что Арман сейчас выдаст очередной грязный намек, я сказал:

— Ладно, все. Мы втроем в команде. За поворотом я сваливаю.

Мы взяли с собой чем перекусить и с «пергаменами» в руках потянулись из лагеря. Было прохладно, но небо уже наливалось синевой. Легкий ветерок щекотал ноздри запахом йода и разносил в вышине над головами приглушенные крики чаек.

Чудесный день.

Арман разрушил очарование момента.

— Ну ты нас и втравил, Колен, — проворчал он. — Весь день будем торчать с ней как идиоты. И все из-за твоего бреда.

Похоже, Армана совершенно не радовала перспектива провести весь день наедине с Мади. Она, по-моему, не ожидала от него такого эгоизма.

— Арман, это совсем не глупости.

Я все больше ценил зрелость Мади, ее спокойную решимость, находил ее опасной и надежной одновременно. Впрочем, опасной она казалась все меньше.

— Нет, глупости, — уперся Арман. — Колен, ты спятил. Ты думаешь, это кино. Ты сам себе его показываешь. Прямо как герой «Вертиго».

— Чего? — переспросила Мади.

Я вздохнул. Ну вот, Арман нашел повод показать свою образованность.

— «Вертиго», «Головокружение», — пояснил он. — В нашем прокате — «Холодный пот», если тебе так больше нравится. Это фильм Хичкока, я тебе коротко перескажу. Одного типа, бывшего полицейского, наняли, чтобы присматривать за девушкой, которая потом покончила с собой. Он себе не может этого простить, впадает в депрессию и потому первую же девушку, которая была похожа на умершую, принял за нее. Попросил одеваться, как та девушка, которая умерла. Как будто хотел ее воскресить. Примерно представляете?

Я должен был признать, что Арман выступил удачно.

И тут Мади ляпнула:

— А девушка — это она и была?

— Как это — она и была? — Арман притворился, что не понял.

— Вторая девушка. Это на самом деле была другая? Или это была та, первая, и она не умерла?

Арман что-то пробормотал.

Я почувствовал слабинку и надавил.

— Та же самая, — сдался он. — Все было подстроено, она не умерла.

Я был в восторге. Спасибо, Мади!

Мы дошли до перекрестка, и там я их бросил. Они свернули направо, к цитадели, а я двинул напрямик к аббатству, до которого и двухсот метров не было. Напоследок я их подбодрил:

— Вперед, монашки, и не забывайте: смелость, хитрость, ум... Не вздумайте весь день целоваться. Мы рассчитываем на выигрыш, и я хочу вечером, когда вернусь, получить сокровище!

Арман плотоядно улыбнулся, Мади показала ему средний палец. Арман повернулся ко мне:

— Чудила, ты все-таки мог бы нам помочь. Мы ищем красные бумажки. Если они тебе попадутся...

Я помахал им рукой и пошел по тропинке к аббатству.

— Будь осторожен, — крикнула мне уж издали Мади. Прозвучало трогательно.

Наконец-то свободен.

Я не спеша шагал к аббатству Сент-Антуан, пытаюсь привести в порядок мысли. Если все пойдет хорошо, у меня впереди целый день. Я мысленно повторял свою программу: посетить аббатство; попытаться увидеться с няней; позвонить бабушке; сходить на кладбище посмотреть на могилу отца. Время терять нельзя.

Я прошел метров сто вверх по дороге, ведущей к аббатству. Большой крест Святого Антония, главное, что осталось в здешних развалинах, уже маячил на фоне неба прямо впереди.

Меня потоком несла новая сила, пробудившаяся во мне вчера. Я всегда был обыкновенным подростком. Учился не то чтобы блестяще. Средне, не более того. По французскому оценки неплохие, математика и прочие науки даются не очень. Обычное дело. Что касается внешности — здесь тоже радоваться нечему. Рост средний. Непреодолимое отвращение к спорту. Не красавчик. По крайней мере, я себя таким не считал и девушки восторженных взглядов на меня не бросали.

Ничем не примечательный. Что может быть хуже этого в пятнадцать, почти шестнадцать лет?

Особенно когда ненавидишь все стандартное.

К счастью, у меня было мое положение сироты. Мой козырь, мой джокер. Не у всякого оба родителя умерли, когда ему было шесть лет. Каждый раз, когда я рассказывал свою историю, окружающие начинали смотреть на меня иначе, я в их глазах делался значительнее. Моя неуверенность превращалась в загадочность, робость становилась маской, доброжелательность — внутренней силой и сопротивлением отчаянию.

Я был скорее сдержанным и даже зажатым, к своей истории прибегал не слишком часто, но с двумя девочками из школы, на которых я западал, сиротство сработало оба раза. Вторая по времени, Лорин, была мне не по средствам, но согласилась посидеть в школьном баре. Я выдал ей свою историю — и готово дело. Да, все быстро закончилось, мы сходили в кино, и она меня бросила. Но я встречался с Лорин!

Было ли это некрасиво — превращать свой сиротский статус в инструмент, как теперь говорят? Одно было несомненно: мне становилось

лучше, когда я рассказывал свою историю, решался поделиться ею с девочкой или с ребятами.

Я ничего не добавлял.

Просто рассказывал о смерти родителей. Думаю, что поскольку я никогда не говорил об этом с Тьерри и Брижит и вообще ни с кем из взрослых, это помогало мне... с ними проститься. Это был мой личный метод. Я наконец становился кем-то. В лице я был местной знаменитостью, обо мне шушукались: «А ты разве не знаешь? Колен в шесть лет потерял родителей. Да, отца и мать. Обоих!»

Местный Гарри Поттер!

Правда, у меня на лбу не было отметины в виде молнии, но не сомневаюсь, что некоторые кретины готовы были в это поверить. Неплохо придумано: позволить другим верить, будто моя заурядность кажущаяся, она скрывает душевные травмы, раны, надрывы.

Вот почему у меня появилось желание и даже потребность десять лет спустя вернуться на остров Морнезе.

Меня привела туда не ностальгия.

Скорее тщеславие.

Вернуться, чтобы найти новые улики, новые данные. Чтобы добавить несколько страниц к маленькой личной легенде. Когда мне было шесть лет, я молился, чтобы все снова стало нормальным, без теней и тайн. В шестнадцать захотел прямо противоположного. И исполнение желаний превзошло все ожидания. Вокруг сплошное вранье, а где-то на острове меня ждет правда — при условии, что я отмотаю свою жизнь на десять лет назад. До границы воспоминаний.

Поднявшись на самый верх, я оказался перед развалинами аббатства. Рядом была маленькая заасфальтированная стоянка с тремя припаркованными машинами. Большой крест отбрасывал длинную тень. Еще не было и десяти, а от жары уже нечем дышать. За стоянкой приютилась деревянная будочка кассы, перед окошком разложены несколько открыток и лежит местная газета «Островитянин».

А в окошке... Ну и красotka!

Я, вообще-то, требователен, но тут не к чему было придраться. Светлые волосы забраны в конский хвост. Вздернутый нос. Широкая приветливая улыбка. Коротенький сексуальный топик с кружевами и тонкими бретельками на безупречно загорелой коже. Все как я люблю. Мое расследование начиналось как нельзя лучше. Но я себя приструнил. Не расслабляться!

Сделав умное лицо, вежливо попросил:

— Один билет, пожалуйста.

— Вы студент?

Она говорила с легким акцентом, фантазия предлагала признать его скандинавским. А она приняла меня за студента, хотя мне и шестнадцати не исполнилось.

— Да нет, — ответил я, глупо покраснев.

Она, не переставая улыбаться, протянула мне билет:

— Четыре евро.

Руины обходятся недешево. Она, наверное, учится на археолога или что-нибудь в этом роде, а я ей показался интеллектуалом. Не часто подростки ходят смотреть на руины.

Я мимоходом глянул на первую полосу «Островитянина», ее пересекал огромный красный заголовок: «Паника на Морнезе: двое заключенных все еще в бегах!»

Меня это зацепило. Я тут же связал статью с мигалками, которые мы видели накануне рядом с крепостью. Полоса было ловко скроена, сразу хотелось узнать побольше, для чего требовалось развернуть газету, а стало быть, купить. Хорошо, что отец Дюваль не читал этого с утра, он ни за что не выпустил бы нас из лагеря.

В руинах мне встретились две пары туристов. Одна пара — пенсионеры, другие помоложе, учительского вида. Он, в очках и в сандалиях, надетых на носки, сидел на корточках, разглядывая камни. У нее в руках был путеводитель из синей серии. Трогательное единение. Я медленно прогуливался на солнцепеке.

Руины были совершенно неинтересные, просто нагромождение каменюк. Кое-где следы старинной монастырской галереи и того, что называлось залом капитула, — он сохранился лучше всего. Я подошел к небольшой табличке с объяснениями и прочитал, что этот зал был единственным помещением, в котором монахи имели право разговаривать. Ладно, хоть что-то узнал, Йойо утром произносил эти слова.

Руины нагоняли тоску, напоминая стройку. Пустырь. Там еще и ограждения были, веревки, за которые нельзя заходить. И таблички «Опасность обвала» и «Посторонним вход воспрещен».

Ничего мне не вспоминалось — во всяком случае, ничего нового. Да, я узнавал пыль, розовато-серый оттенок камней, тот же, что на фотографиях и в коротком украденном видео.

Пыль и старые булыжники.

Картина, конечно, знакомая, но никаких указаний на мое прошлое. На табличках не было ничего для меня интересного: монастырь основали в 1337 году, принадлежал он ордену бенедиктинцев, восстановил его кардинал Мазарини, монахи до революции занимались виноградарством... Все эти подробности меня не занимали. Мне до них не было дела.

Я испытывал смутное чувство вины: мои родители страстно любили эти старые камни.

А я — нет!

И что я мог поделаться?

Я подозревал, что самое интересное находится по ту сторону ограждений, что именно там вход в подземелье. Настоящие раскопки. Мои воспоминания, возможно, тоже уходили за ограждения. У меня почти сразу родилась мысль незаметно пробраться в запретную зону. Ни один из редких туристов не обращал на меня внимания. И никаких сторожей я не видел, если не считать «шведки» из кассы.

Я пригнулся и пролез под веревкой. Почти сразу начиналась небольшая впадина, и теперь никто не мог меня увидеть, но если что случится, я всегда могу покричать, и кассирша примчится сделать мне массаж или искусственное дыхание.

Дно впадины заросло высокой травой, колючим кустарником и крапивой, которые тут же исхлестали мне ноги. Я шел медленно, стараясь наступать на старые обтесанные камни.

И по-прежнему ничего не узнавал.

Чуть дальше, между несколькими каменными глыбами, которые показались мне особенно неустойчивыми, я заметил что-то темное — вход в подземелье или типа того.

Я подошел поближе и сунул голову в дыру. Даже солнечным днем ничего не разглядеть. И было похоже, что все вот-вот рухнет. В темноту уходили несколько ступенек. Я не решался туда лезть, проклиная собственную глупость: не взял с собой фонарик. Даже если бы я захотел совершить героический поступок, все равно ничего бы не увидел.

Ну какой из меня искатель приключений! Дилетант. Смешно было и соваться в этот лаз. Я повернул обратно, сделав крюк, чтобы на этот раз обойти колючки, и наступил на какой-то металлический предмет. Наклонился и поднял старую табличку. Перевернув ее, прочитал надпись: «Археологические раскопки в аббатстве Сент-Антуан. Разрешение 1982—05—511. Жан и Анна Реми. Ассоциация Сент-Антуан».

И все.

Только знак — вот этот знак, старая погнутая табличка. Мне захотелось разрушить все, что осталось от старых камней, в голове звучал голос, нашептывал, что мои родители провели жизнь в этих развалинах, годами вытаскивали их на поверхность, разбирали, сортировали, складывали.

И умерли из-за них.

Почему?

Ради этих заброшенных развалин? И нескольких случайных туристов, которые никогда бы и не узнали об их существовании?

Жан и Анна Реми.

Имена ни разу не были упомянуты ни у входа в аббатство, ни на билете за четыре евро, ни на плакате. Наверное, не было ни слова и в синем путеводителе. Только забытая, помятая табличка.

Что такого важного было в этих камнях для моих родителей? Настолько важного, что из-за этого они готовы были умереть?

Я еще несколько минут покрутился там и ушел. Мне было грустно. «Шведка» в кассе нацепила очки и уткнулась в книгу, а на меня даже не взглянула.

Все меня бесило.

Требовалось успокоиться. Мне надо было сосредоточиться на втором этапе. Я размышлял.

Следующим пунктом в списке дел на этот день были поиски няни. Я стал вспоминать. Она жила рядом с аббатством, чуть дальше к югу, в отдельно стоящем доме. По утрам я часто приходил к ней с мамой, в полдень Мартина приводила меня в аббатство, чтобы я поел вместе со всей командой археологов, и то же самое повторялось вечером. Значит, я проделывал этот путь по четыре раза в день.

Мне было шесть лет.

Когда я увижу эти места, память непременно вернется.

За аббатством я машинально повернул направо. Пройдя еще метров двести, добрался до перекрестка, который мне ровно ни о чем не напомнил. Наугад снова пошел направо и через пятьсот метров все еще углублялся в ланды. Никаких домов, только трава на склонах по обе стороны дороги. Стефани уже одиннадцать дней пыталась научить нас узнавать разные травы: молочай прибрежный, зайцехвост, полевая горчица, песчаный овес.

Благоуханно и увлекательно, но я не мог терять время на курс прикладной ботаники. Я не туда свернул. Вдали, точно на западе, я увидел

море, маленький пляж Чаячьей бухты.

Надо поворачивать назад.

Вернувшись на перекресток, я на этот раз пошел прямо, по направлению к Сент-Аргану, и сразу за поворотом увидел хутор. Три низеньких домика, темный мох на толстых гранитных стенах напоминал старческие пятна на увядшей коже, фасады омолаживала мальва всех мыслимых оттенков. И разумеется, ставни были ярко-красные.

Синяя табличка подсказала, что хутор называется Грабы.

Смутное ощущение, будто этот пейзаж мне знаком.

Я пришел куда надо — по крайней мере, мне так показалось.

Мою няню звали Мартина, но я напрочь забыл ее фамилию. Имя владельца первого почтового ящика — Мишель, второго — Бернар. На третьем была маленькая черная железная табличка с гравировкой.

Мартина Шамар.

Есть!

Сад при сером домике отделяла от дороги деревянная изгородь, тоже красная, как ставни. Довольно крутой спуск в гараж. В саду копошились куры.

Глубоко зарытые воспоминания вроде начали всплывать.

Я бегал по этому спуску в гараж? Не знаю... А почему все такое... маленькое? Откуда этот приземистый деревенский дом?

Я позвонил.

За дверью залаяла собака, кто-то отдернул занавеску на окне. Я разглядел за грязным стеклом морщинистое лицо.

Дрожащая рука открыла окно:

— Вам чего?

Это она! Я был уверен, хоть и не понимал, откуда взялась моя убежденность.

Ее голос?

Ее движения?

Все вместе, атмосфера?

Я ничего не узнавал по отдельности, но теперь все здесь казалось знакомым. Я ничего отчетливо не помнил и все же готов был поклясться, что смогу описать обстановку и безошибочно найти кухню, гостиную или спальню.

— Вам чего? — повторила она, подозрительно глядя на меня.

Я молчал.

У меня перехватило горло.

Что сказать? Как к ней обращаться?

Мадам? Няня? Мартина?

Ни разу за последние десять лет я так не волновался.

И наконец решился:

— Это я. Колен. Колен Реми.

16. Куличики

*Четверг, 17 августа 2000, 09:10
Рубиновая бухта, остров Морнезе*

Симон Казанова на своем красном внедорожнике побил очередной рекорд скорости на дистанции «Сент-арганский порт — Рубиновая бухта». Он проехал еще несколько метров по пляжу, продолжая крутить педали, но потом увяз в песке, бросил велосипед и остаток пути преодолел бегом. Он уже видел цель.

Ни малейших сомнений. На просторном пляже собралось человек десять. Натренированный Симон пробился в середину, почти не запыхавшись. Протолкался, громко выкрикивая:

— Пропустите! Служба безопасности!

Он успел первым. Ни одного полицейского. Ни одного пожарного.

Перед ним была плачущая мамаша.

Она обнимала двух маленьких светловолосых мальчиков — близнецов в одинаковых плавках. Им было года по четыре, может, по пять, оба глаз не сводили с матери. Симон наклонился к ней:

— Мадам, что тут происходит?

Женщина всхлипывала и не могла выговорить ничего, лишь «мои дети, мои дети».

— Что происходит? — повторил Симон.

— Мои дети. О боже, мои дети...

Симон попытался поймать ее взгляд. Накрыл ее руку ладонью.

— Мадам, это очень важно. Что случилось с вашими детьми?

Она хлюпнула. Симон вытащил платок. Женщина кое-как вытерла лицо. Близнецы все так же не мигая смотрели на нее.

— Успокойтесь. Расскажите мне, что делали ваши дети?

— Они... они играли на пляже. Там. Совсем рядом. Как и каждое утро. Лепили куличики из песка.

— А потом?

— Они... они выкопали ямку.

Она указала на маленькую воронку в песке. Симон чувствовал на себе взгляды пляжных зевак. Тяжелые и холодные.

Они уже знали.

Симон наклонился. Заплаканная женщина прикрыла детям глаза.

Сначала Симону показалось, что это водоросли. Он опустил руку в ямку и передернулся от омерзения.

Волосы!

Он раскидал песок, понимая, что сейчас увидит.

Лицо. Человеческое лицо.

Симон расчистил лоб, два глядящих в небо глаза, налитых кровью. К горлу подступила желчь. Он сглотнул и велел себе думать о кропотливой работе археологов, достающих бесценную тысячелетнюю мумию. Вот только труп, который он откапывал, спрятали совсем недавно. У Симона по этой части не было никакого опыта, но он не сомневался, что смерть наступила максимум сутки назад.

Разумеется, он сопоставил это с двумя ночными выстрелами на пляже. Два выстрела. Два беглеца. Он сейчас откапывает тело Жана-Луи Валерино, жуликоватого чиновника, которого сообщник по побегу убил двумя пулями.

Он освободил от песка всю голову и отдышался. Это странное лицо, лежащее на огромном пляже, напоминало первобытную маску, резного демона. Какой-то заботливый человек увел подальше мать с детьми.

— Это один из двух беглых, — произнес голос за спиной у Симона. — Их фотографии были в «Островитянине».

У догадливого туриста даже газета при себе оказалась. Раскрыв ее, он с мрачным любопытством принялся сравнивать фотографию в газете и высвобожденное из песка лицо.

— Несомненно, он, — подтвердил турист.

«Я так и предполагал», — подумал Симон.

— Странно, — почти весело отозвался один из зевак. — Если бы мне надо было поставить на одного из жмуриков, я бы скорее выбрал другого. Редко бывает, чтобы шлепнули более опасного из двоих.

Симон вскочил и выхватил у туриста газету. Изучил фотографии. Ни малейших сомнений — если только в «Островитянине» нет ошибки.

Это был труп Жонаса Новаковски, рецидивиста.

В следующую секунду под оглушительный вой сирен подтянулись гранвильские полицейские. Часть пляжа мгновенно огородили лентой, отогнали зевак и откопали тело. Симон издали смотрел на профессионалов, делавших первые заключения. Смерть наступила меньше десяти часов назад. Причину ее тоже удалось установить без труда: две пули, один выстрел был сделан в спину, второй — в затылок.

Симон еще долго стоял, наблюдая за суетой. Синяя машина местного телеканала уже прибыла, в ближайшие часы ждали появления центральных

средств массовой информации. Толпа за флуоресцентными лентами, преграждавшими доступ на пляж, становилась все плотнее, хотя смотреть было уже не на что.

Вскоре Симон почувствовал себя бесполезным. Он дал показания и оставил свои координаты раздраженному комиссару. Многие отдыхающие ночью слышали выстрелы. У Симона в голове крутился один вопрос, который был далеко не второстепенным и представлялся отправной точкой сложной загадки, опасной махинации: почему под слоем песка нашли труп Жюнаса Новаковски, а не Жана-Луи Валерино?

Ответ надо было искать не здесь, не на этом пляже.

Снова оседлав свой внедорожник, Симон поехал обратно в мэрию. Он знал, где искать ответ, и слегка опережал других.

Он хотел найти ответ первым, раньше легавых.

17. Язычки

Четверг, 17 августа 2000, 10:45

Дорога к Чаячьей бухте, остров Морнезе

— Колен?

Няня Мартина помолчала, разглядывая меня пристально и скорее недоверчиво, чем подозрительно.

И снова повторила:

— Колен?

Я чувствовал, что она старается совместить ребенка, которого знала до шестилетнего возраста, с шестнадцатилетним верзилой. И вдруг ее прорвало:

— Колен, маленький мой! Господи!

Ее лицо исчезло из окна и почти сразу появилось за распахнутой дверью. Черно-белая шавка выскочила из дома и рванула в сад. Няня поймала собаку за ошейник и открыла мне красную калитку.

— Паша, не путайся под ногами! — Мартина немного постояла, сквозь слезы глядя мне в глаза. — Колен, маленький мой.

Она отпустила собаку и, не спрашивая разрешения, обняла меня крепко-крепко. Как же странно было прижиматься к ее пышной груди. А ведь меня никто, кроме нее, никогда не обнимал. Во всяком случае, я такого не помнил. Однако эротические мысли не появились. Я просто чувствовал себя защищенным, окутанным коконом. Мартина отстранилась и снова посмотрела на меня, нет — всмотрелась.

— А я-то, я-то! Не узнала моего мальчика! Ты очень похож на отца.

Она снова притиснула меня к себе.

— Входи же, входи.

Расположение комнат я угадал точно — кухня справа, гостиная слева, спальня в глубине коридора. Паша любовно лизал мне ноги. Фу...

— Помнишь его? — спросила Мартина. — Ты так любил этого песика! Тебе было четыре года, когда он родился. Вы с ним любили вместе играть, так резвились!

Я с головой нырнул в воспоминания.

Собака?

Я резвился с собакой?

Я порылся на доньшке памяти. Ну да, конечно. Нашел среди

воспоминаний, которые были где-то запрятаны и возвращались ко мне ключьями, как бегал по спуску к гаражу наперегонки со щенком.

В горле снова встал комок, захотелось разреветься — просто от волнения, как несмышленьшу.

Мартина усадила меня в кухне. Я огляделся. Обстановка по-прежнему казалась знакомой. Теперь мне вспомнилось, как я здесь полдничал. Старая коробка от печенья, большая коробка с шоколадом, сухариками и язычками на самой верхней полке стенного шкафа.

— Поешь чего-нибудь?

Есть мне не хотелось, но я кивнул, чтобы доставить ей удовольствие. Она открыла шкаф.

— Подожди, сам достану, — заторопился я, пока няня не полезла за печеньем.

Жестяная коробка стояла на прежнем месте.

— Ты и это помнишь! — Мартина улыбнулась.

Мы нашли друг друга.

Мартина открыла коробку. Я запустил туда руку и наугад вытащил одно — язычок, само собой.

И попробовал.

Фу, гадость! Я понадеялся, что печенье не десять лет там пролежало. Жуя, я осматривался. На буфете, среди всякого сувенирного хлама — крохотная Эйфелева башня, веер, гипсовый Мон-Сен-Мишель, — заметил большую цветную фотографию в рамке. На ней было запечатлено летнее застолье — бутылки вина, голые по пояс загорелые мужчины, молодые женщины в легких платьях. Фотография, очень похожая на те, которые я нашел у дяди, и на фильм, который мне удалось посмотреть.

Я пересчитал людей — их оказалось двенадцать.

Я узнал маму, она и здесь стояла. Тьерри с Брижит сидели рядом. Отец — на дальнем конце стола, девушка с короткими рыжеватыми волосами влюбленно смотрела на него. Или мне только показалось?

Хватит ли мне смелости заговорить о ней с Мартиной?

Я заметил еще одну подробность. Паша лежал под столом. Я не обращал на него внимания, когда рылся в снимках. Узнал я на этой фотографии и себя. Мне было, наверное, лет пять. Присев на корточки, я возился на земле с пластмассовыми игрушками. Наверное, играл в археолога. Подражал. Копался в земле со своей лопаткой и красными пластмассовыми граблями.

Няня подошла к фотографии. Я встал, тоже подошел поближе.

— Здесь и ты, Колен. Фотография сделана одиннадцать лет назад.

Одиннадцать лет. Мне кажется, прошла целая вечность. Это фотография рая. Рая! Они были такие веселые. Такие молодые. Такие красивые. Такие умные. Восемь лет сплошного солнца. Они жили святым духом. Смехом и любовью. И это не просто слова. Я уже тогда была общей бабулей. Готовила еду, заботилась о тебе. Это продолжалось восемь лет, и шесть из них — с тобой. Ты был маленьким ангелочком этого земного рая.

Она замолчала, растроганная, погрузневшая.

Как ни странно, меня назойливо преследовало другое воспоминание. В голове осталась туманная картинка спора. Взрослые громко разговаривали. Папа махал рукой. В моих видениях он держал в руке стакан, иногда ставил его на стол, потом снова брал. Несомненно, это было воспоминание о каком-то определенном застолье, но не в тот день, когда была сделана эта фотография, и не в тот, когда был снят фильм.

Мартина вынырнула из своих мыслей.

— Кто мог предвидеть такую трагедию? Кто? — Она позвала меня обратно за стол. — Хочешь чего-нибудь попить?

Наверное, заметив, что я никак не могу дожевать печенье, принесла мне лимонад в бутылке, которую надо было откупоривать, сняв проволочку с пробки. Бутылку я тоже вспомнил. Мартина снова протянула мне коробку с печеньем.

— Что ты делаешь на острове, Колен?

Я не стал вдаваться в подробности и сказал, что приехал в парусный лагерь, а в этом месте оказался случайно.

— Тебе нравится парусный спорт?

— Да, — ответил я. Прозвучало неубедительно. Чуть-чуть помолчав, я кинулся в омут с головой: — Няня, расскажи мне про отца.

Она широко улыбнулась, как будто это был самый естественный вопрос, и я успокоился.

— Ты его почти не помнишь, да? Твой отец был ученым. Научным работником, как теперь говорят. Археологом. Это было его страстью, но страстью радостной, веселой, он весь свой маленький отряд заразил этой страстью — своих помощников, своих друзей, своего лучшего друга Максима. Ты и их наверняка не помнишь. А еще брата твоей мамы, Тьерри, и его жену Брижит. И твою маму, конечно. Какая же любовь была у этих двоих! Какая чудесная была пара. Какая замечательная семья у вас была. — Она ласково смотрела на меня. — Колен, если тебе больно слышать то, что я рассказываю, скажи, и я замолчу.

Больно?

Да она впрыснула мне сыворотку счастья, и я поспешил ответить:

— Нет-нет, продолжай!

Мартина повернулась к фотографии:

— Посмотри на этот снимок, Колен. Видишь, какие вы были дружные?

Какие они были красивые, твои папа и мама?

Я снова решил рискнуть.

— Няня...

— Да?

— Я почти всех узнал на фотографии. Но что это за рыжая девушка с краю, вот эта, коротко стриженная?

Мартина непонимающе взглянула на меня:

— Кто, эта? Джессика. Студентка, училась на историческом, проходила практику на раскопках. Она, кажется, раза три приезжала, оставалась на три месяца. Неудивительно, что ты ее не помнишь, она же не все время жила здесь. И ее интересовали мальчики чуть постарше тебя...

Я смутился. Передо мной снова прошли кадры фильма, мой отец, его рука на бедре этой Джессики, у нее под юбкой. Няня, конечно, была в курсе. Мне не хватило духу расспрашивать дальше, и я вернулся к вопросам, которые проще было сформулировать.

— А чем именно они занимались в аббатстве?

— Раскапывали подземные ходы, почти все они идут от аббатства. Находили там всякие штуки — монеты, статуэтки, тарелки, оружие. Ничего особенно ценного. Твой отец был страстно этим увлечен, он буквально жил островом и аббатством, хотел превратить этот участок в природный парк, в зону, свободную от застройки. Если бы ему хватило времени, он бы камень за камнем восстановил аббатство. Знаешь, Колен, твой отец Жан был спокойным, мягким, умным человеком. Какая же беда тогда с ним стряслась. Ужасная беда!

— Няня, а что случилось?

Чем дальше я разглядывал выцветшие обои на стенах этого деревенского дома, стопки посуды, корзины с фруктами, тем уютнее мне было на этой кухне, я отчасти чувствовал себя дома, хотя своего у меня никогда не было.

— В самом деле? — удивилась она. — Ты ничего не знаешь? Тьерри и Брижит ничего тебе не сказали?

Я помотал головой.

— Они должны были! Должны. Ну не знаю, мое ли это дело... Ну ладно, как бы там ни было, рано или поздно ты все узнаешь. Под конец у твоего отца и его ассоциации стало очень плохо с деньгами. Аббатство

ничего не приносило, они жили на гранты, но этого не хватало. В команде начались ссоры, а главное — многие люди на острове зарились на участок твоего отца. Еще бы — гектары земли на берегу моря, на острове, который привлекал все больше туристов и где было почти невозможно строить. Когда генеральный совет установил постоянную паромную переправу между островом и континентом, стало еще хуже, цены взлетели.

— Участок принадлежал моему отцу?

— Да. Он купил его на пару с другом детства. Очень богатый человек, немного странный, живет где-то на юге. Рафаэль, кажется... нет, Габриэль. В общем, или так, или так. А вот фамилию его я напрочь забыла.

— И отец в конце концов продал землю?

— Нет! Никогда! — почти выкрикнула Мартина. — Хотя ему делали фантастические предложения — и мэрия, и подрядчики. Но твой отец не желал сдаваться. Твоя мама его поддерживала, но мнения остальных разошлись. Споры шли бесконечные, особенно между твоим отцом и его шурином Тьерри. И со своим другом Максимом он спорил. Твой отец не мог решать вопросы в одиночку, он был президентом ассоциации Святого Антония, но решения должны были принимать все, кто в нее входил. Так вот, в конце концов они договорились с подрядчиком, что будет построен, как они это называли, комплексный экологический туристический объект, с очень жесткими ограничениями по части благоустройства. Они дали этому проекту название — Сангвинарии. Оно может показаться тебе странным, но эта часть аббатства так называлась еще во времена Средневековья, и твой отец непременно хотел его сохранить. Да, они согласились строить жилье для туристов, но никакого бетона. Во всяком случае, твой отец так считал, он чуть ли не сам планы чертил. Компания называлась «Евробильд», ее все на острове помнят. Она принадлежала другу детства твоего отца, этому самому не то Габриелю, не то Рафаэлю, который помог ему купить участок. Кроме твоего отца, никто этому типу особенно не доверял.

Мартина ненадолго умолкла.

Я подумал, что ей, должно быть, уже за семьдесят, однако от морщинистого лица и немолодого тела исходила невероятная энергия, которая передавалась и мне. Она снова подвинула ко мне печенье, но, видимо, я невольно поморщился, потому что уговаривать она не стала. Кашлянула и продолжила:

— Через три недели после начала работ... — ее голос вдруг зазвучал ниже, — рухнул кран. Он был установлен над подземным ходом, и земля осыпалась. Из-за этого погибли трое рабочих. Против ассоциации твоего

отца было выдвинуто обвинение. Скандал вышел ужасный. Мэрия, которой очень не понравилось, что сделку увели у нее из-под носа, тоже набросилась на твоего отца — он давно с ними конфликтовал. Он взял на себя ответственность за трагедию — как президент ассоциации. Заявил, что во всем виноват он один, никого другого не обвинял. Когда за ним пришла полиция, его уже не было, он ночью ушел на яхте и просто оставил прощальную записку, в которой объяснил свой поступок. Он не мог вынести того, что из-за него погибли три человека, три отца семейства. Лодку нашли в открытом море несколько дней спустя.

Я не хотел спрашивать, но не удержался:

— А тело нашли?

Мартина медленно покачала головой.

— Не выдумывай, Колен. Твой отец умер. Прошло десять лет. Не тешь себя пустыми надеждами.

— Так что насчет тела?

— Все случилось в открытом море. Тело нашли дней через десять.

— Он... его можно было узнать?

— Колен, это точно был твой отец. На утопленнике была его одежда. Все члены семьи опознали тело. И все члены ассоциации. Все, кроме твоей мамы.

Мартина продолжала улыбаться, но в глазах у нее стояли слезы.

Я вспомнил, как она бормотала мне десять лет назад: «Это несчастный случай, Колен. Это несчастный случай».

Мартина солгала. И сегодня в этом призналась.

— Никто в этом не сомневался, Колен, просто все старались тебя уберечь. Не гонись за призраками. Твой отец сознательно свел счеты с жизнью. Если бы ты знал Жана, как мы знали, понял бы его. Этот человек отвечал за свои поступки.

Мартина внезапно потянулась ко мне и крепко обняла еще раз.

— Колен, ты, главное, ничего не выдумывай. Выслушай то, что я скажу, и никого другого не слушай! И больше ничему не верь. Твой отец был замечательным. То, что произошло, это судьба. Что случилось, то случилось. Но твой отец был необыкновенным человеком. Никому не позволяй оскорблять его память.

Мартина встала, еще раз посмотрела на фотографию. Глаза у нее снова были на мокром месте.

— Такое несчастье! Эти восемь лет были самыми лучшими за всю мою жизнь. Самыми лучшими...

Я уже думал о другом: за десять дней в воде тело должно было стать

неузнаваемым, я читал про такое в детективах, а одежду можно поменять. Они точно не делали ни тестов ДНК, ни других сложных анализов. Отец и правда был замечательным человеком, тут я с няней согласен.

Но он не умер.

Мне захотелось уйти. Мои поиски только начались, а сюда я могу вернуться в любой момент, чтобы узнать побольше. Я встал, в последний раз взглянул на фотографию и впервые заметил, что рядом с ней были и другие снимки: муж Мартины, которого я звал дядя-нянь, и двое ее детей. А я, свинья, ничего не спросил про них.

Нужно исправить дело.

— А как дядя-нянь, он здоров?

— Умер три года назад от рака, — тихо ответила Мартина.

Я почувствовал себя идиотом и просто не знал, что сказать. Хотя мальчишке, наверное, такой промах прощается. Помолчав, я спросил:

— А как... Не могу вспомнить, как зовут твоих взрослых сыновей?

— Тристан и Поль. — Взгляд у нее стал еще печальнее. — Знаешь, они по плохой дорожке пошли. На острове с этим беда. Оба занимались темными делами. Грабежами. Сидят в тюрьме, один в Шербуре, другой в Кане. Полгода осталось.

Я почувствовал себя еще большим недоумком. Мартина с бесконечной деликатностью пришла мне на помощь:

— С тобой все будет хорошо, я точно знаю. Это видно. Ты образованный. Ты умный, как твой отец. Ты на него похож. Ты далеко пойдешь, Колен.

Она снова обняла меня, и мне стало уютно у нее на груди. Теперь няня плакала, не скрываясь.

— Ну, беги, — сказала она, разжав наконец руки.

— Няня, я еще приду. Послезавтра приезжают Тьерри и Брижит, мы вместе тебя навестим.

— Хорошо, — вяло согласилась она.

Я почувствовал, что она отчего-то недолюбливает Тьерри и Брижит. И я ее понимал. После всего, что она рассказала об отце и матери, мои приемные родители никакого сравнения с ними не выдерживали.

Я вышел из дома. Няня смотрела мне вслед из окна, я оглянулся, лицо ее было и радостное, и грустное разом.

Шагая по дороге прочь от Грабов, я думал о том, что няня — лучшее, что бывает у человека в жизни. Для няни нам всегда не больше шести лет. Старенькие няни видят в нас ангелов.

Я посмотрел на часы. 11:50.

Нужно позвонить бабушке. До сих пор она была единственным человеком, открыто говорившим со мной об отце, теперь же — единственным, кроме няни. Я десять лет прожил, не смея упоминать о собственном отце, а все оказалось очень просто. Няня говорила о нем так естественно, подтвердила все, о чем я уже давно догадывался. Мой отец был героем, и он, возможно, жив! Лодка в открытом море, тело, которое толком не опознали, — все отдавало инсценировкой.

Да, мой отец жив!

Да, он необыкновенный человек!

Да, я собираюсь его найти!

Но сначала позвоню бабушке, чтобы рассеять последние сомнения, подвести черту под безумным предположением.

18. Сангвинарии

*Четверг, 17 августа 2000, 11:45
Мэрия Сент-Аргана, остров Морнезе*

В мэрии Симона встретила совершенно задержанная Клара.
— Каза! Наконец-то! Тебе звонят не переставая! Телевидение, радио
— все хотят знать, чей труп нашли на пляже.

— И у меня есть ответ.

Телефон снова зазвонил, и Клара взвыла:

— Достали!

Симон улыбнулся:

— Такними трубку. Пусть идут короткие гудки, никто не заметит
разницы.

— Ты прав!

Клара подняла трубку и тут же, не ответив, повесила, снова сняла,
положила ее на стол и выдохнула:

— Хоть немного покоя.

Плюхнулась на стул и вытащила из сумочки косметичку. «Надеется,
что телевизионщики, не дозвонившись в мэрию, примчатся сюда со своими
камерами», — подумал Симон.

Временное затишье позволило ему сосредоточиться, и он начал
рассуждать вслух:

— Что-то там не сходится.

— Ты о чем? — не оборачиваясь, спросила Клара.

Она старательно подводила глаза, вглядываясь в крохотное карманное
зеркальце.

— О побеге этих двоих. Если крутой преступник, отбывающий долгий
срок, решит бежать, можно предположить, что ему понадобится кто-то,
хорошо знающий остров.

— Угу, — согласилась Клара, приступая ко второму глазу.

— Но в таком случае убитым должен оказаться знающий остров тип, а
не закоренелый преступник. Однако шлепнули Жонаса Как-то-там-на-ски, а
не твоего коллегу Валерино.

— Насчет коллеги ты погорячился, — возразила Клара.

— Нам следует начать с самого начала и перевернуть все наши
рассуждения. Развязка оказалась не такой, как мы ждали, и это говорит о

том, что наше предположение было ошибочным. Значит, не налетчику для побега понадобился абориген, а местному — решительный поделник, готовый рисковать. Как только они выбрались, бандит стал ненужным и его убили.

— И что это меняет? — спросила Клара, разложив перед собой несколько тюбиков губной помады и выбирая оттенок.

— А то, что рулил побегом Жан-Луи Валерино. А потому напрашивается вопрос.

— Какой? — пробормотала Клара, выбрав наконец самую яркую помаду.

— Зачем Валерино вздумалось бежать, когда оставалось сидеть всего несколько месяцев? Какой смысл так рисковать перед освобождением?

— И ты знаешь ответ?

— Да.

— Супер! Каза, ты — лучший!

Клара плотоядно двигала губами перед зеркальцем, накладывая помаду.

— Сам знаю, и мне понадобится твоя помощь.

— Ммммм!

— Ответ может быть таким: у Валерино на совести есть нечто куда более серьезное, чем история с государственным контрактом, из-за которой он сел. Он не просто мелкий чиновник, прикарманивший деньги. За этим стоит что-то другое.

— Другое... Но что?

— А вот это должна сказать мне ты. Ты знала его. Знаешь и мэрию.

Клара послала Симону красный воздушный поцелуй.

— А как же... Извини, у меня закончился перерыв.

Она положила трубку на телефон.

«Перестаралась с косметикой, — подумал Симон. — Слишком стара и слишком размалевана». Покидая мэрию, он не удостоил Клару взглядом. Не прошло и минуты, как он снова прошел мимо нее со стремянкой в руках. Клара уже отвечала на телефонный звонок, принимая различные позы, которых ее собеседник, само собой, увидеть не мог. Симон только пожал плечами.

Забравшись на чердак, он снова пристроился к балке, которая немедленно впилась ему в спину, и среди коробок с архивами отыскал одну с наклейкой «Муниципальные служащие — 1985/1995». Внимательно изучил штатное расписание мэрии и через полчаса восстановил послужной список Жана-Луи Валерино. Тот специализировался на градостроительном

праве, побывал на стажировке в мэрии Сент-Аргана в 1989 году, потом, непосредственно перед тем как его взяли на работу в мэрию, стажировался в хозяйственном управлении департамента в Сен-Ло. Во время этих стажировок — как в мэрии, так и в управлении — он занимался планами землепользования. В сент-арганской мэрии его приняли на работу в отдел государственных контрактов и примерно через восемь лет обвинили в получении взяток.

Стоит ли искать что-то еще?

Для начала Симон просмотрел все договоры на государственные поставки, подписанные мэрией между 1989 и 1997 годом. Три битком набитые коробки! Симон все больше убеждался, что занимается бессмысленной работой. Полиция должна была изучить документы, когда против Валерино выдвинули обвинение, так что еще можно найти? И все-таки он довел дело до конца.

Озарения не случилось.

«Зря старался, — разозлился сам на себя Симон. — Только утро напрасно угробил».

Он спустился с чердака. Клара продолжала щебетать по телефону с интонациями старшеклассницы — наверное, разговаривала с каким-нибудь парижским журналистом. Симон встал над ней, давая понять, что она нужна ему. Протомив его несколько минут, Клара повесила трубку.

— Это был «М6»^[6].

Симон снял трубку и положил ее на стол.

— Клара, я серьезно, мне необходима твоя помощь.

— Ничего не нашел?

— Ничего нового.

— И что ты хочешь узнать?

— Ты же была знакома с Валерино?

Клара сделала вид, что пытается сосредоточиться.

— Ну... я тогда была молода и привлекательна. Мы два года работали вместе. Насколько помню, ничего особенного. И внешне тоже. При галстукке. Гаденыш. Жуликоватый. Но точно не из тех, кто хладнокровно прикончит главаря банды.

— Тут я с тобой согласен. Что-то явно не сходится.

— Послушай, Каза, что ты надеешься найти такого, чего не отыскиали полицейские? Садись-ка лучше на велосипед и разруливай движение. При такой панике на дорогах наверняка полный бардак, и пользы от тебя там будет больше.

Симон обиделся, но виду не подал.

— А был на Морнезе еще какой-нибудь скандал, в котором он мог быть замешан?

— Знаешь, скандалы... здесь их не так уж много случилось. — И насмешливо прибавила: — Хоть мы и живем на разбойничьем острове.

— Я уже говорил, они свои преступления совершают в других местах... как правило. Так что насчет местных скандалов?

— Местных?.. Само собой, была та история с государственными контрактами, из-за которой слетел Валерино. Три года назад пропала шотландская туристка. Четыре года назад потонула яхта миллиардера с двумя пассажирами. Лет шесть назад свихнулся старый фермер, всей семье досталось. Что еще? А, да, голландку восемь лет назад изнасиловали... Всё. И еще трое рабочих, они лет уже десять назад погибли на стройке в Сангвинариях.

Симон уселся на край стола.

— Ладно, убийство и изнасилование можно отбросить. Мне кажется, Валерино не по этой части.

— Да что ты?

— Я не это имел в виду. Подумай сама! Если бы он был замешан в этих преступлениях, полиция связала бы одно с другим. Что у нас остается? А что за история с Сангвинариями?

— Очень давняя история. К тому же Валерино тогда только начал работать.

— Вот именно, начал. Я не верю в совпадения. Рассказывай.

— Этот туристический комплекс должны были построить на берегу, на территории аббатства Сент-Антуан. Место называлось Сангвинарии. Там была куча проблем, потому что земля принадлежала ассоциации по охране исторического наследия. Насколько я помню, мэрия пыталась ее выкупить. В конце концов участок заполучила «темная лошадка», теперь ее название «Евробильд». Да об этом все на острове знают. Через три недели после старта на стройке рухнул подъемный кран. Они строили над старыми подземельями аббатства, там дырка на дырке, как в сыре. Трое рабочих погибли. Наверное, само это название, Сангвинарии, навлекло на них беду. Как видишь, никакого отношения к Валерино история не имеет.

— И они получили разрешение на строительство?

— Конечно, а что?

— А то, что если там проблемы с почвой, то участок не мог быть признан пригодным для застройки.

— Ты мне будешь рассказывать... — Клара посмотрела на часы:

— Каза, пора вернуть трубку на место, мне надо работать. Я не хотела

бы упустить радио или какой-нибудь телеканал.

Симон не ответил. До того как Валерино взяли на стажировку в мэрию, он занимался планами землепользования... За несколько месяцев до этой истории с Сангвинариями.

— Клара, у нас есть местные планы землепользования?

— Конечно, что-то, а это у нас есть!

Вскоре Симон разложил на большом овальном столе в зале муниципального совета четыре огромных плана зонирования острова Морнезе. Четыре плана, каждый два на три метра, охватывали всю территорию острова.

— Где должен был находиться этот туристический объект?

Клара ткнула красным лакированным ногтем чуть восточнее аббатства Сент-Антуан, на несколько сотен метров выше Рубиновой бухты.

Симон наклонился, разглядывая.

— Видишь, на плане землеустройства этот участок в заповедной зоне. А это означает, что строить там запрещено!

Клара посмотрела на Симона так, словно он произнес несусветную глупость.

— Еще бы! Ясно, что после несчастного случая там запретили строить.

— Логично. Примерно через пять лет план землепользования устаревает. Значит, после 1990-го его точно должны были пересматривать.

Наверху листа с планом зонирования значилось: «План землепользования Сент-Аргана. Дата изменения: 1996 г.».

— А старый план у нас есть?

Клара молча подняла глаза к потолку. Симон понял.

Архивы. Стремянка. Люк. Пыль.

Через четверть часа он спустился со старым планом землепользования, датированным январем 1990 года — за несколько месяцев до несчастного случая на стройке в Сангвинариях.

Клара успела ответить на три телефонных звонка, но была разочарована: никаких журналистов, только встревоженные туристы, желающие как можно скорее покинуть остров.

— Устала я от них, — вздохнула Клара, входя в зал муниципального совета.

Симон снова разложил планы. Наклонился, проводя пальцем к востоку от аббатства и к северу от Рубиновой бухты. Тот же самый участок, между

аббатством и морем, был помечен другим кодом, то есть оказался, в соответствии с градостроительным кодексом, в зоне, пригодной для застройки.

— О чем я тебе и говорила, — заметила Клара.

— Очень странно, что такой участок был пригоден для застройки, — удивился Симон. — Документ составлен экспертами, геологами, экологами, архитекторами. И это было в девяностом, а не в каком-нибудь семидесятом, тогда с окружающей средой и безопасностью считались. К тому же это слишком близко к морю, закон о прибрежных зонах уже действовал, его приняли в восемьдесят шестом. Никаких построек, кроме особых случаев, меньше чем в двухстах метрах от моря.

— Тем не менее эта зона была пригодна для застройки.

Симон задумался.

— Валерино занимался планами землепользования, но он решений не принимал, был всего лишь стажером. Возможно, присутствовал на собраниях, в лучшем случае — записывал, делал фотокопии. Он не мог повлиять на классификацию участков до того, как план землепользования будет утвержден муниципальным советом. Зато...

— Зато?

— Зато, — Симон ударил ладонью по столу, — зато мог подделать план! После того как его утвердили. И все шито-крыто. Непригодный для строительства участок становится пригодным — в обмен, как понимаешь, на некоторую сумму, вознаграждение, так сказать, выплаченное этой фирмой, «Евробильд», или ассоциацией по охране исторического наследия, которой принадлежал участок. Стоимость участка, ставшего пригодным для строительства, выросла в десять, в сто раз, а может, и больше.

— Да уж, Каза, воображение у тебя богатое. Но как ты собираешься это доказывать десять лет спустя?

Симон не ответил. Он внимательно изучал план землепользования. У интересующего его участка была странная форма. Вся прибрежная полоса относилась к зоне, где строительство было строго запрещено, как и большая часть территории вокруг аббатства, а участок, где разрешено было строить, представлял собой клочок ланд и полей правильной формы, близкой к ромбу, если не считать довольно нелепого отростка, что тянулся наподобие стометрового щупальца почти до развалин аббатства.

— Клара, взгляни. Что за странная форма у этого участка. Будто палец пририсовали. И только здесь.

Клара пожала плечами:

— Ты видишь то, что хочешь увидеть. У всех участков форма

прихотливая.

Симон еще раз изучил план.

— Да посмотри внимательнее! Линия, которой обведен участок в форме пальца, не такая ровная, как все остальные.

Клара долго изучала чертеж и в конце концов, распрямившись, сказала:

— Ничего такого не вижу. Ты бредишь!

Симон и сам был не слишком уверен.

Планы зонирования архитекторы-градостроители чертили от руки. Могло создаться впечатление, будто линия в исследуемой зоне подправлена, но ручаться нельзя. Симон еще немного постоял над планом, потом пробормотал:

— Послушай, а ты не находишь, что бумага в этой зоне местами белее?

— Я уже все глаза себе сломала из-за твоих выдумок. Если так всматриваться в карту, все начинает расплываться. Ты можешь увидеть все что угодно. Знаешь, Каза, что бы ты там ни подозревал, никакой уверенности у тебя не будет, играя в «найди десять отличий», ничего не докажешь. Если Валерино, что вполне возможно, поработал бритвой и тушью за спиной у экспертов, он сделал это на редкость аккуратно.

Симон это проглотил.

— Ладно, — продолжала секретарша, — извини, но я закрываю лавочку, у меня обеденный перерыв. Когда творятся такие дела, я должна беречь силы. Поверь, тебе они тоже пригодятся.

Клара вытащила из сумочки фруктовый йогурт с надписью «обезжиренный» на этикетке. Симон пожал плечами и вышел, решив купить в порту сэндвич, пиццу или еще что, чем можно перекусить на ходу.

Шагая тенистыми сент-арганскими переулками, Симон размышлял. Клара права, совершенно права. Должен быть другой способ доказать подлог.

Симон вернулся четверть часа спустя, держа в руке недоеденный жирный кебаб с торчащей из пакета картошкой. Клара только-только выскребла доньшко своей баночки йогурта. Взглянув на его обед, она притворилась, что ее сейчас стошнит, но Симон и внимания не обратил. Он медленно расхаживал по комнате и машинально жевал, уйдя в свои мысли.

Через несколько минут он просиял.

Ну конечно, есть другой способ доказать подлог!

Он выкинул остаток кебаба в корзину и решительно произнес:

— Клара, извини, что мешаю твоему пищеварению. Можно задать тебе один вопрос? Ты хорошо считаешь?

19. Массовое бегство

Четверг, 17 августа 2000, 12:01

Дорога на Сент-Арган, остров Морнезе

Я шел по направлению к Сент-Аргану, отсюда до порта было чуть больше километра. Хотя я поднялся до самой высокой части острова, но орешник, который рос вдоль дороги с обеих сторон, закрывал вид. Навстречу ехало много машин, куда больше обычного, как будто из кемпинга «Дельфины» на западной оконечности острова разом сбежали все отпускники.

Вскоре мне это надоело и я взобрался на трехметровый откос. Я знал, что если срезать напрямик через ланды, то можно выйти на ведущее к аббатству шоссе как раз напротив Рубиновой бухты. Может, там народу будет поменьше. Тропинка, то песчаная, то глинистая, заросла травой, но вскоре глины и травы почти не осталось, я вошел в сосновую рощу и шагал, стараясь держаться в тени деревьев.

Не пройдя и трехсот метров, я оказался на дороге, ведущей к аббатству. Она метров на сорок возвышалась над величественной Рубиновой бухтой, и суета, царившая на пляже, ошеломляла.

Куча полицейских машин.

Не одна и не две — вся стоянка заполнена, как в кино.

Длинная оранжевая лента огораживала запретную зону, на пляж не пускали. За лентой теснились десятки зевак. Огромный пляж был пуст, вернее, опустошен. Начался отлив, и от этого простор покинутого всеми песка казался еще более впечатляющим. Повсюду, как муравьи, сновали люди в синей форме, переговаривались, наклонялись, что-то измеряя, копошились в песке. Само собой, первое, что пришло мне в голову, — нашли утопленника. Но такая суматоха уж очень не соответствовала несчастному случаю на воде.

Акулы?

Самому смешно.

Где-то на острове прячутся два беглеца. Может, все дело в них? В душе шевельнулась тревога. События принимали странный оборот, как будто что-то рассыпалось. Райские декорации Морнезе рвались и расползались клочьями.

Что окажется за ними?

Я продолжил путь к Сент-Аргану. Шоссе было забито даже больше, чем у Чаячьей бухты, машины едва ползли, создавалось впечатление, что почти все отдыхающие ударились в бегство.

Но зачем сваливать в четверг? В середине дня? Когда солнце светит вовсю? Странно.

Я представил, какая пробка, должно быть, образовалась у парома. К счастью, я мог идти по велодорожке, которая тянулась вдоль шоссе, а не протискиваться мимо машин, дыша выхлопными газами. Чуть подальше, среди почти замершей вереницы автомобилей, я заметил машину журналистов с логотипом «Франс-2». Журналистов с континента могло привлечь сюда что-то и вправду сенсационное.

Вот и Сент-Арган.

Как ни странно, в городке было спокойно. Все любопытные и перепуганные или собрались на пляже, или сбежали. Единственная известная мне телефонная будка находилась на главной площади, названной в честь 20 Мая 1908 года, но я не имел ни малейшего понятия, что могло случиться в тот день.

Я сунул в щель монетку и набрал номер бабушки Мадлен.

Она отозвалась после третьего звонка.

— Бабуля? Это Колен.

Она слегка удивилась, но и обрадовалась.

— Колен! Как ты? Очень приятно, что ты позвонил из лагеря. К тому же твои дядя и тетя сказали, что мобильные телефоны у вас запрещены. Погода хорошая? Парусный спорт тебе нравится?

Я переждал, пока она выдаст все положенные банальности. За последние двадцать четыре часа я сделался куда более уверенным в себе. И как только бабуля замолчала, чтобы перевести дыхание, напал на нее без предупреждения.

— У папы был брат-близнец?

Бабуля Мадлен на том конце провода обмерла, но все же после паузы сумела выговорить:

— С чего ты взял, Колен?

Похоже, она и правда удивилась. Я нарочно ее испытывал, рассчитывая на неожиданность.

— У папы есть брат-близнец? — повторил я.

— Да нет же! Что тебе взбрело в голову? Конечно, нет! Что за дурацкий вопрос?

Я решил играть в открытую.

— Я вчера видел папу. Живого. На острове. Он вел фургон в порту.

Именно такой реакции я и опасался. Бабушка перепугалась, не двинулся ли внук рассудком.

— Колен, мальчик мой, нет! Не выдумывай ничего такого. Не сходи с ума. Ты видел в порту не Жана. Это был не твой папа и не его брат-близнец. Твой папа умер. Он был единственным сыном. Могу поклясться всем самым дорогим на свете. Ты просто увидел похожего человека. Тебе показалось!

В голове у меня билась мысль: *да нет же, не показалось, я знаю. У меня нет сомнений.*

А бабуля продолжала причитать:

— Не надо было тебе возвращаться на этот несчастный остров. Зря я согласилась, это была не лучшая идея.

Я узнал, что хотел. Она говорила искренне. Я и так не слишком верил в брата-близнеца, и этот след явно вел в тупик.

Я успокоил бабулю Мадлен:

— Ты права. Конечно, это был просто кто-то похожий. Я хотел убедиться. Не волнуйся.

Она еще несколько раз переспросила, уверен ли я, что все в порядке, но мне в конце концов удалось закончить разговор.

Я посмотрел на часы. 13:07.

В лагерь надо вернуться к четверем... Я был в нерешительности. Страшно хотелось есть. Из-за бессонной ночи и кошмарного пробуждения вышло так, что со вчерашнего вечера во рту у меня не было ничего, кроме няниного печенья.

Я огляделся. Никого или почти никого. Лишь кардинал Мазарини стоял посреди площади на своем каменном пьедестале — аккуратно подстриженная бородка, завитые волосы падают на плечи, руки скрещены на сутане, пальцы сжимают пергамент с неразборчивыми надписями. Давно равнодушный к островному хаосу, он невозмутимо смотрел в сторону порта и моря.

А ведь Мазарини прав — в сторону порта!

Я решил полчаса посидеть в «Большом баклане», там самая красивая терраса во всем городе. Время поджимало, и я заказал только салат и панаше^[7]. Обвел взглядом террасу и порт — на случай, если покажутся отец Дюваль, Стеф или Йойо, и отчасти чтобы полюбоваться сент-арганскими красотками. Отец Дюваль и остальные должны были насторожиться из-за суеты на острове. Легко представить их реакцию, если они увидят меня на террасе кафе, одного, да еще с бокалом пива.

Терраса «Большого баклана» была почти пуста.

Здесь тоже создавалось впечатление, будто остров накрыло цунами. Я обдумывал, как распорядиться второй половиной дня. Сначала самое главное: сходить на кладбище. Я уже десять дней оттягивал этот момент, сам не знаю почему, но все же мне казалось необходимым сходить на могилу родителей. Совершить паломничество или что-то вроде того. Если, стоя у могилы отца, я буду по-прежнему уверен, что он жив, значит, так оно и есть.

Принесли еду. За восемь с половиной евро — гора зеленого салата, а сверху три редиски и десяток кубиков ветчины. Ворюги! Это и правда разбойничий остров. За ближайшим ко мне столиком сидел красавчик не первой молодости с орлиным взором, отлично одетый, с приросшим к уху мобильником. Он в одиночку справлялся с огромным блюдом даров моря, запивая белым вином, и уже ополовинил бутылку. Зная, почему у них латук, я с трудом мог себе представить цену лангустинов.

Я невольно прислушивался к тому, что красавчик орал в телефон.

— Да нет же, — вопил он, — я не в Рубиновой бухте. Что я там забыл? Еще бы. Вся пресса страны там. Ага, радио и телевидение. В полном составе. Не протолкнуться. Сенсации надо выуживать в другом месте.

Я заметил, что он держит ручку с логотипом «Островитянина», и обрадовался. Очень удачно.

Журналист продолжал:

— За меня не беспокойся. У меня свои источники. Я внедрился в среду... — И захохотал так, что распугал всех чаек в порту. — Сегодня утром я всех опередил! На острове паника! Хотел бы я посмотреть на физиономии мэра и начальника тюрьмы, когда они читали мою статью. Но нельзя слишком увлекаться. Если отсюда свалят все туристы, я останусь без читателей.

Пауза.

Его, должно быть, о чем-то спрашивали, и он, воспользовавшись передышкой, выхлебал свой бокал белого, потом заорал в ответ:

— Да, да! Массовое бегство. Кемпинги пустеют. У переправы пробка длиной в километр. Паром сегодня уже четыре раза гоняли на континент и обратно. Все бегут. Началось после девяти утра. Еще бы. Детишки не скоро вернутся строить замки из песка в Рубиновой бухте. — Он снова захохотал. — Хоть какое-то разнообразие, можно отдохнуть от Безумства Мазарини. У меня было заготовлено десять страниц. Сам понимаешь, пока придержу.

Я ждал. Мне хотелось задать ему пару вопросов, а другого такого

случая не будет. Это знак судьбы. Я давно уже проглотил свой салат и рыгнул пивом с лимонадом, но продолжал ждать, а красавчик все не умолкал. Он уже три четверти часа висел на телефоне. Это и есть работа журналиста? Сплошной треп?

Надо же, а мне эта профессия нравилась.

— Представляешь? — продолжал он. — Впервые за восемь лет у меня раскупили весь тираж. К десяти утра все было продано. Сейчас небольшая передышка. С утра одно интервью за другим. «Франс Инфо», «Европа-1». Может, даже в новостях на Первом канале меня увидишь. И этим надо воспользоваться. Завтра все займутся чем-нибудь другим. Неважно. Для уцелевших я вытащу припасенное Безумство Мазарини. А? Да, верно говоришь, мне надо снова окунуться в среду. — И заржал во все горло. — Ну ладно, пока.

Наконец-то!

Я не дал ему перевести дух, отправить в рот моллюска или налить очередной бокал.

— Вы журналист? Работаете в «Островитянине»?

Похоже, он даже не удивился. Сидел и улыбался. Ничего дядька, довольно симпатичный.

— Больше того, мальчик мой, я главный редактор.

К «мальчику» я уже притерпелся и без предисловий приступил к делу:

— Извините. Я ищу точные сведения, подробности истории, которая случилась на острове Морнезе десять лет назад. Она имеет отношение к археологу Жану Реми, не знаю, говорит ли вам что-то это имя.

Журналист уставился на меня и долго разглядывал, словно какую-нибудь диковину. Я догадывался, о чем он думает. На острове творится что-то невообразимое, сбежали два арестанта, нечто не менее серьезное случилось в Рубиновой бухте, паника, все с утра только об этом и говорят. И тут заявляюсь я с призраками десятилетней давности.

Во взгляде его отчетливо угадывался интерес. Он, бесспорно, был хорошим журналистом. Не отмахивался от неожиданностей. Инстинкт. Мог ведь послать меня подальше, ему сегодня есть чем заняться. Но он явно что-то почуял.

— А почему ты пришел ко мне?

— Я сын Жана Реми. Живу в лагере на полуострове...

Пока я объяснял, он проглотил устрицу.

— Сын Жана Реми. Ну и денек! Труп. А теперь еще и призрак.

Он смотрел на меня, заглатывая следующую устрицу.

— Ты удивишься, но я тебя помню. Ты был совсем мелкий. Забыл, как

тебя зовут.

— Колен.

— Ну да, Колен. Так, мальчик мой, у меня сейчас времени нет, сегодня тут полная неразбериха, но ты можешь в любой момент зайти в редакцию. У нас есть все номера за пятнадцать лет, ты покопаешься и, если повезет, узнаешь подробности той истории.

Я смотрел на него преданным собачьим взглядом.

— Вообще-то история паршивая, — сочувственно сказал он, наливая себе вина. — Твоему отцу не повезло. Он был хорошим человеком, но попал в плохую компанию. Очень плохую. Ему я мог бы полностью доверять, но компаньоны у него были ненадежные. Его лучший друг Максим Приер. И даже его шурин. Твой отец был слишком доверчив. Не остерегся. Он был порядочным человеком, но деньги решают все. Он не выстоял. Думаю, на этом разбойничьем острове ему было не место. Он со своими идеалами всем мешал.

Надо было торопиться, и я ломанулся напрямик:

— У вас никогда не возникало сомнений насчет его смерти?

Журналист удивился.

— Нет, — немного помолчав, ответил он. — Никто всерьез о таком не задумывался. Он оставил прощальное письмо. Тело нашли... И потом, это было почти предсказуемо. С тремя погибшими на совести.

Я не сдавался.

— Значит, вы никогда не встречались с ним на острове?

Главный редактор «Островитянина» устремил на меня сочувственный взгляд. Я этого терпеть не мог — так смотрят на людей, когда сомневаются в их душевном здоровье.

— Конечно, нет, малыш, я больше никогда его не видел, хотя пятнадцать лет хожу по острову и днем и ночью. Твой отец похоронен на местном кладбище, как и твоя мать, самая красивая девушка Морнезе. Тут Жану Реми очень повезло. Знаешь, малыш, он мне нравился. Имел принципы и хранил верность семье и друзьям. Гордись им, сынок, он умер достойно.

Журналист поднял бокал:

— В память твоего отца, Колен. Ему бы понравилась эта скромная бутылка. Белое вино Джерси, из последнего винодельческого хозяйства на англо-нормандских островах.

— Я... я, кажется, его видел. Вчера, в порту.

— Твой отец был хорошо известен на Морнезе. Если бы он разгуливал по острову, его бы немедленно узнали. И тогда, уж поверь, я был бы в

курсе. Ты обознался.

Его аргументы поколебали мою уверенность, но я не должен был об этом думать, не должен был его отпускать.

— Вы сказали, что мой отец всем мешал. Кто эти все?

Он неохотно отложил моллюска.

— Это длинная и сложная история... Лучше бы тебе почитать статьи того времени. Все досье. Сейчас мне некогда тебя просвещать. В этом была замешана крупная строительная компания, «Евробильд». Государство тоже в стороне не осталось — из-за аббатства, исторического наследия. Как и ассоциация твоего отца, и мэрия Сент-Аргана, жаждавшая выдать разрешение на строительство.

Он внезапно замер, как пес, сделавший стойку. На мгновение мне показалось, что ему стало плохо. Но глаза у него тут же буквально загорелись.

— Так-так-так, — произнес он. — Разрешение на строительство. Мальчик мой, ты только что навел меня на интересную мысль.

Я уставился на него, ничего не понимая.

— Это я совершенно упустил, — объяснил он. — Когда занимался делишками Валерино, то не пошел дальше его злоупотреблений государственными контрактами, однако к моменту аварии на стройке в Сангвинариях этот тип уже работал в мэрии. — Он положил мне на плечо руку с безупречным маникюром: — Ты просто подарок небес, парень! Твой отец снова окажется на первой полосе газеты.

После этого он потерял ко мне всякий интерес и снова принялся кому-то звонить — наверное, своей секретарше.

— Да, насчет Валерино. Выжившего. Я искал для завтрашнего номера, что бы такое написать, чего не будет в национальных изданиях. На историю-то с коррупцией накинута все, а мы вспомним несчастный случай в Сангвинариях. Да, я знаю, что он никакого отношения к этому не имел, но можно же пофантазировать. Он ведь работал в мэрии. Приготовь мне досье. Я уже еду.

Через минуту он сорвался и уехал, не съев и половины своих морских гадов. Я все еще хотел есть, но не мог опуститься до того, чтобы подбирать остатки с чужой тарелки.

Я посмотрел на часы. 14:30. В лагерь надо вернуться к четырем. До кладбища на севере острова я доберусь самое меньшее за три четверти часа, и пятнадцать минут уйдет на то, чтобы добраться до лагеря.

Солнце играло в прятки с набежавшими тучками. Поднимался легкий

ветер, похоже, погода менялась.

От пива у меня слегка кружилась голова. Придется потрудиться, чтобы стать героем. Я шел пешком быстрее ползущих в пробке машин. Журналист был прав: отпускники наспех побросали на багажники палатки и наполовину сдутые спасательные круги, горой навалили барахло, детишки оплакивали забытые игрушки и закончившиеся каникулы, а те, что постарше, с любопытством смотрели из окон, как суется полицейские.

И все это из-за двух беглецов?

Журналист что-то говорил про труп. И про этого самого Валерино. Два беглых арестанта сводили счеты между собой, один умер, другой бежит дальше. Я прекрасно понял, что журналист усматривает связь между преступником и стройкой той компании, «Евробильда». С этим тоже надо разобраться.

Позже.

Пока что мне не давал покоя главный вопрос, мысль, которую подсказал газетчик.

Почему я единственный человек на острове Морнезе, кто узнал моего отца?

Я прошел километр по шоссе в сторону аббатства. Жара и вонь выхлопных газов машин, стоявших впрыток одна к другой, стали невыносимыми, меня затошнило, и я решил срезать напрямик через ланды по тропинке, которая тянулась чуть севернее аббатства Сент-Антуан, а потом, напротив кладбища, выводила на дорогу к цитадели.

Стоило мне свернуть с шоссе, и сразу показалось, что я остался один на свете. Поначалу я еще слышал раздраженные гудки, но в ландах их заглушил ветер с моря.

Чем дальше я шел, тем больший страх меня охватывал.

Иррациональный страх.

Тот же, что заставил бежать с острова всех этих отпускников?

До пляжа не больше ста пятидесяти метров, а там по полицейскому на квадратный метр, и все же история с беглыми арестантами мало-помалу завладевала моим умом. Отец Дюваль настоятельно советовал нам не разгуливать поодиночке. Не забыл ли я самых элементарных правил безопасности, увлекшись собственной историей? Остаться одному на острове размером с почтовую марку, по которому шастает беглый преступник... В зарослях по обе стороны узкой тропинки мог прятаться кто угодно. Я продирался сквозь джунгли, путаницу диких трав, кустов и

давным-давно заброшенных виноградных лоз и ничего не видел в двух шагах от себя.

Однако это скорее успокаивало. Если где-то в ландах прятались арестанты, им незачем было показываться. И я попытался затянуть военную песню, которую кретины из лагеря знали наизусть.

Под огнем, под обстрелом...

Я пел, громко топая, как делают, чтобы отогнать гадюк, когда ступают по сухим камням.

Порохом и пушками...

Если беглые впереди, они меня услышат и успеют спрятаться.

Мы пойдем к победе...

Вид у меня, наверное, был совершенно дебильный, когда я горланил, бредя через ланды, «Самый долгий день». Надо было все-таки идти дальше по шоссе, даже если бы меня там вывернуло.

Потому что это самый... ^[8]

И вдруг я услышал впереди шум.

В голове замельтешили мысли. Это не человек, а какое-нибудь животное. Не дергайся, веди себя как обычно. Если это беглец — Валерино, про которого говорил по телефону журналист, — и ему покажется, что его заметили, тебе не жить. Твой единственный шанс — притвориться, что ничего не слышал.

Я продолжал петь. Мысли путались, но мне удавалось более или менее твердо выводить мелодию. Звуки могла издавать и парочка, которая занималась любовью, но проверять мне нисколько не хотелось.

На дереве шевельнулись ветки.

Там кто-то прятался!

Петь. Идти дальше. Не вертеть головой. Не реагировать.

Шагать вперед. Двигаться в прежнем темпе. Дорога к цитадели должна быть недалеко.

Но я невольно ускорил шаг.

У меня было странное ощущение, я чувствовал невидимую угрозу. Продолжал идти, но петь перестал. И услышал шаги, эхом вторившие моим.

Хриплое, затрудненное дыхание.

Кто-то меня преследовал!

Я боролся с собой, чтобы не побежать.

Иди, просто иди!

Делай вид, что ничего не слышал.

С меня градом лил пот. Держаться естественно? И получить нож в спину, даже не обернувшись? Человек приближался. Я посмотрел себе под ноги — тень, вторая тень, тянулась за мной.

Горло перехватило.

Я в ужасе ждал, что огромные волосатые руки начнут меня душить. Тень приближалась, она уже накрыла меня. Борьба невозможна. Я обернулся.

И заорал.

Передо мной стоял монстр. Лицо с беззубым ртом, лохмотья, длинные седые волосы. Пьяный матрос из фильма про пиратов. Это был не Йо-Йо, не один из ряженных, участвующих в игре, а псих, которому очень хотелось выпить.

Он качнулся ко мне, вытянул грязную руку и попытался что-то сказать.

20. Разрешение на строительство

Четверг, 17 августа 2000, 14:15

Мэрия Сент-Аргана, остров Морнезе

Клара с наслаждением слизывала с ложечки последние капли йогурта.

— Что ты спросил? — повернулась она к Симону. — Хорошо ли я считаю? — И расхохоталась. — Каза, ты умеешь разговаривать с женщинами. Сразу заметил мои достоинства. — Она снова засмеялась. — Мне и с братишками-то трудно было уроки делать. А они, сам понимаешь, недолго проучились в школе.

— Понял, — серьезно ответил Симон. — Тогда бери калькулятор. Мы все пересчитаем.

— Что?

— Есть только один способ узнать, подделан ли план, — сравнить площади на плане зонирования с теми, что подсчитаны в сводном документе плана землепользования.

— Переведи, пожалуйста.

Симон взял картонную папку, вытащил и быстро пролистал оранжевую тетрадь.

— Вот, на странице 63, общая площадь участков на острове по типу зонирования. Площадь острова Морнезе составляет 1512 гектаров, в том числе, в соответствии с генеральным планом землепользования, 345 гектаров застроенных зон, 852 гектара зон, где строить нельзя, и 315 гектаров зон с кодом НА, то есть таких, где впоследствии можно будет строить. Достаточно подсчитать по плану зонирования, сходятся ли цифры. Если нет, значит, в 1990 году план был подделан.

Клара схватилась за голову:

— Ты ненормальный, это сколько же времени понадобится!

— Просто чуть-чуть позанимаемся геометрией, я всю жизнь это делал. Незаметно подправить план зонирования, стереть границу, провести вместо нее другую — наверное, это было возможно, вот изменить сводный документ Валерино было бы труднее.

— С текстовым редактором это не так уж сложно.

— При условии, что у тебя есть файл... Ну, за работу.

Клара вздохнула, неохотно сходила в канцелярию за калькулятором и устроилась в самом удобном кресле зала муниципального совета — то есть

в обитом красным бархатом кресле мэра.

— Хоть какое-то удовольствие получу. Всегда мечтала понежить задницу на этом троне.

Симон подумал, что будет полезно подбодрить Клару.

— Госпожа мэр, ваша губная помада идеально сочетается с его обивкой.

— Хватит болтать. Выкладывай.

Работа заняла около трех часов, Симон переоценил свои познания в геометрии. Подсчет размеров участков оказался очень сложным делом, пришлось ограничиться тем, чтобы пересчитать на плане зонирования общую площадь зон NA. Симон измерял участки линейкой и диктовал цифры Кларе, которая умножала и складывала. Назвав размеры последнего участка NA, Симон нетерпеливо спросил:

— Ну, сколько?

— Триста пятнадцать гектаров. Все сошлось! Хорошая новость — мы с тобой оба умеем считать. Плохая — генеральный план землепользования никто не подделывал. Триста пятнадцать гектаров NA в заключении экспертов и триста пятнадцать гектаров NA на плане. Впустую потратили три часа. Заметь, Каза, это не более дурацкое развлечение, чем решать кроссворды. Но в следующий раз я...

— Что за черт! — разозлился Симон. — Этот гад оказался ловкачом.

— Или он вообще ничего не подделывал.

Клара вытащила из сумочки ярко-красный лак, грациозным движением стряхнула кожаную сандалию на план зонирования, уложила ступню на большой овальный стол и принялась аккуратно красить ногти.

Симон со вздохом уставился на генплан. Оранжевая картонная папка. В верхнем правом углу — название проектного бюро, которое выполняло работу, «Объекты и Территории. Архитектурно-градостроительный совет». Симон поднял голову. Поза у Клары была совершенно непристойная, оранжевая юбка в крупных зеленых цветах задралась едва ли не до пояса.

Симон кашлянул.

— Как ты думаешь, контора все еще существует? — спросил он. — Ты их знаешь?

— Брось это дело, — отозвалась Клара, заканчивая красить ногти на одной ноге и даже не взглянув на него.

— Ни за что!

Секретарша пожала плечами:

— Контору не знаю, но она явно местная. Ради планов

землепользования парижан не приглашают.

— У тебя есть телефонный справочник?

— Каза, сейчас август. Они наверняка в отпуске.

— Согласен. Девять шансов из десяти, что все отдыхают. Я делаю ставку на десятый.

— Повезло тебе, лак уже высох...

Она встала и, проходя мимо, бросила на Симона недовольный взгляд:

— Так что тебе нужно?

— «Объекты и Территории».

— Посмотрю в компьютере.

Вскоре Клара вернулась и протянула Симону распечатку:

— Вот твоё проектное бюро. Адрес, телефон, факс и все остальное.

Мне позвонить или сам справишься?

Симон посмотрел на сандалию, которая осталась валяться на плане зонирования.

— Займись второй ногой, пока телевизионщики не явились.

— Тебе понравилось? Не налюбовался еще?

— Полный восторг. Ляжки у тебя сохранились лучше всего остального.

— Козел!

Клара снова уселась в кресло, сбросила вторую сандалию на план зонирования рядом с первой и приняла вызывающую позу.

Симон отцепил от пояса мобильник, набрал номер проектного бюро и тут же чертыхнулся.

— Никого? — ехидно спросила Клара.

Симон нахмурился, жестом приказал ей заткнуться и «протокольным» тоном забубнил:

— Полиция Сент-Аргана, остров Морнезе. Нам срочно необходимы сведения, касающиеся пересмотра генерального плана землепользования Сент-Аргана в 1990 году. Вы составляли заключение и план зонирования. Я хочу знать точную площадь зон NA на острове. На случай, если документы сохранились в вашем архиве, это записано на странице 63 заключения. Прошу вас как можно скорее перезвонить по телефону 06 11 26 36 31.

— Автоответчик! — развеселилась Клара.

— Они перезвонят.

— Еще бы, ты же их запугал. Но только если прослушают сообщение до конца августа. А до того чем займешься?

— Ты же меня знаешь — я никогда не сдаюсь. — И Симон принялся

рассуждать вслух:

— С генеральным планом землепользования все просто. Официально существуют два экземпляра, один из них в мэрии, чтобы с этим планом мог свериться любой житель острова, так положено по закону. А другой отправляют в хозяйственное управление департамента, чтобы государство могло проконтролировать его законность и соответствие решениям муниципалитета, касающимся планов землепользования. Кроме того, случайно может остаться копия в проектном бюро, которое выполняло работу.

— Случайно, — усмехнулась Клара.

— Клара, ты не могла бы найти мне номер хозяйственного управления в Сен-Ло, прежде чем хвататься за вторую ногу?

— Ах... хвататься за вторую ногу... — мечтательно протянула Клара.

— Что, Дельпеш уже не может?

— Дурачок! Набери 12.

Она снова взяла пузырек с лаком и задрала ногу так высоко, что выставила напоказ красные трусики. Симон отвернулся и набрал 12.

— Срочно соедините меня с хозяйственным управлением в Сен-Ло. Комиссар Симон Казанова. Остров Морнезе.

Клара, не удержавшись, прыснула.

Через десять секунд Симону ответили.

— Мадемуазель, это комиссар Симон Казанова, я сейчас нахожусь с особым заданием на острове Морнезе. Вы, конечно, в курсе побега и убийства на пляже. Я говорю с секретарем управления?

— Да, — ответил робкий голос.

— Отлично. Вам известно, где хранятся планы землепользования?

— Да, в архиве...

Симон вздохнул.

— Прекрасно, мадемуазель. Сейчас вы найдете в архивах план землепользования коммуны Сент-Арган на острове Морнезе. Но обратите внимание, мадемуазель, что не нынешний план, а 1990 года.

— Ну... — без всякого энтузиазма отозвалась секретарша, — даже не знаю, сохранился ли он. Меня ни разу о нем не спрашивали. После 1990 года его пересматривали. Вы уверены, что не хотите последний по времени?

— Нет! — чуть ли не взревел Симон. — 1990 года! Я знаю, вы там, в управлении, ничего не выбрасываете.

— Вот именно. Очень может быть, что он окажется в самом низу.

Симон злобно прошипел:

— Мадемуазель, у нас на острове убийца в бегах. Он может напасть в любую минуту. Так что быстро ноги в руки — и вперед!

В трубке слышались удаляющиеся шаги. Девушка шла медленнее, чем Симону бы хотелось. Ждать пришлось больше десяти минут.

Клара покрасила вторую ногу и теперь сушила лак.

— Знаешь, я мечтаю о пирсинге, но никак не решусь. Твое мнение, Каза?

— Насчет чего?

— Насчет пирсинга. В моем возрасте это не будет слишком...

— Мне-то что!

— Посеяли они твое досье, Каза. Или того хуже — Валерино его увел!

В то же мгновение в трубке раздалось:

— Нашла, мсье!

— Комиссар.

— Простите.

— Откройте, пожалуйста, страницу 63. Есть? Прочтите мне в сводной таблице цифру, записанную в колонке NA.

— В колонке NA?

— Да...

— 315, господин комиссар.

— 315? Вы уверены?

— Совершенно, господин комиссар.

Симон явно растерялся, Клара попыталась жестом его подбодрить, но Симон только отмахнулся.

— В досье есть план зонирования?

— Да, господин комиссар.

— Разверните его. Проследите за линией берега до Рубиновой бухты.

Нашли?

— Да, господин комиссар.

— Вы не обязаны всякий раз прибавлять «господин комиссар».

— Да... господин... Казанова.

Симон устало выдохнул.

— Над Рубиновой бухтой есть зона NA в форме ромба. Видите?

— Да... мсье... Но это не совсем ромб. Там ромб и еще полоса земли рядом с тем местом, которое называется аббатством Сент-Антуан. Зона — это ромб плюс этот выступ наподобие пальца.

— Благодарю вас, мадемуазель.

Симон в ярости бросил трубку и заорал:

— Черт! Кто бы сомневался. Валерино после мэрии стажировался в

департаменте. Времени у него было более чем достаточно, чтобы подменить и текст, и план.

Клара встала, наклонилась над столом, дотянулась до сандалий, потом повернулась к Симону:

— Или он ничего не менял, а ты бредишь! Признай очевидное. Оба экземпляра плана, в мэрии и в департаменте, совершенно одинаковые. И даже если они были подделаны, то как ты найдешь доказательство десять лет спустя?

Симон задумался, разглядывая пожелтевший план, разложенный на столе.

Лист размером два на три метра.

— Сам посуди, подделать такую штуку!

Симон не ответил, продолжая пристально смотреть на гигантскую карту.

— Ну конечно! Ты еще способна попадать пальцами по клавишам?

Клара подняла брови.

— Открой телефонный справочник, — продолжил Симон. — У меня появилась еще одна гениальная мысль...

— Гений никогда не отдыхает? — вздохнула Клара.

— Нет. А ты сейчас обалдеешь.

21. Надругательство

Четверг, 17 августа 2000, 15:03

Дорога, ведущая к цитадели, остров Морнезе

Я никогда особенно спортом не увлекался, однако в тот день побил все свои рекорды. Пьяница не успел ни прикоснуться ко мне, ни произнести хоть слово, а я уже бежал, забыв обо всем на свете. «Судя по виду этого зомби, — думал я, — ему меня не догнать, быстро выдохнется...»

Лишь бы только у него не оказалось в кармане пистолета или чего-то такого.

Я мчался и мчался. Спина взмокла, высокая трава хлестала по ногам, наверняка исцарапаны до крови, но взглянуть я не решался.

Никогда в жизни у меня так не колотилось сердце. Я слишком резко рванул с места и понимал, что не выдержу такого темпа. Я сглупил. Сейчас сломаюсь, рухну, и он меня настигнет. Я не бегал по меньшей мере год, однако ноги каким-то чудом пока что несли вперед. Надолго ли их хватит? Главное — не оглядываться.

Бежать.

Он все еще гонится за мной?

Добежать до шоссе.

Шоссе?

Да!

Наконец-то, осталось метров двести. Теперь я не мог сдать.

Я снова слышал автомобильные гудки, крики, шум. Ноги были как чужие, и боли я уже не чувствовал.

Не оборачиваться. Выскочить на асфальт. Очутиться среди машин, которые вдруг показались мне спасательным кругом.

Машины на шоссе не двигались.

Разогнавшись, я на глазах у изумленных водителей, не сбавляя скорости, перебежал шоссе, еще надал и уже на той стороне, отделенный от преследователя стеной автомобилей, битком набитых добропорядочными отцами семейств, готовыми меня защитить, рухнул без сил.

Меня вывернуло пивом с лимонадом, латуком и ветчиной. Хорошо, что

не прельстился дарами моря. Девочка лет шести, уткнувшись носом в стекло родительской «ауди-80», смотрела с таким интересом, что мне стало не по себе. Пробка была мертвой. Я вытерся бумажным платком. Девочка не отводила взгляда.

Преследователя видно не было, я все-таки оторвался.

Кто этот урод? Беглец Валерино?

Надо бы обратиться в полицию. Или нет? Зачем напрашиваться на неприятности?

Я тащился вдоль дороги, которая вела к крепости. Вереница машин едва ползла мне навстречу, все направлялись к переправе, чтобы отплыть на континент.

Даже солнце, будто желая усилить тоскливое впечатление от бегства отдыхающих, покинуло небо, и серые грозовые тучи затянули его до самого горизонта. За то время, что я провел на Морнезе, такое случилось впервые. Ветер не утихал, холодя мокрую от пота спину.

Я понемногу пришел в себя. Возможно, пьяница и не имел ничего общего с беглецом. Он ничего плохого мне не сделал, не напал, а может, и не гнался вовсе.

Вот и кладбище. Высокая ограда тянулась вдоль дороги на сотню метров, и меня успокаивало, что машины так близко. Я и среди могил не буду совсем один.

Я вошел, толкнув калитку, которая заскрипела, как в плохом ужастике.

Мои надежды не сбылись, дорога из-за высокой кладбищенской стены была не видна. Я неуверенно сделал несколько шагов. Даже уличный шум растворился в странной безмолвной атмосфере мрачного места. Я огляделся — никого, ни одного человека. Если бродяга тоже пробрался на кладбище, то я в ловушке. Никто ничего не увидит, никто по ту сторону стены не догадается, что происходит на кладбище. Мне не спастись. Меня охватил страх.

Но калитку я закрыл плотно, она не скрипела, я бы точно услышал, значит, никто не входил. Да и зачем бы этому типу тащиться за мной?

Кладбище было не таким уж огромным, но я не имел ни малейшего понятия, где искать могилу (или могилы?) моих родителей, и решил быстро обойти его.

Солнце скрылось, небо хмурилось, и оттого некрополь выглядел еще более угрюмым. Кто угодно мог притаиться в полумраке за двумя большими тисами или самыми высокими памятниками.

Меня сразу заморозили даты. Я подумал, что на могилах никогда не

пишут, в каком возрасте умер человек, а все принимаются подсчитывать.

У каждого надгробия я машинально вычитал год рождения из года смерти.

Восемьдесят три.

Шестьдесят семь.

Когда разница оказывалась меньше шестидесяти, мне представлялась трагедия. Оборвавшаяся жизнь, смятение оставшихся. Впрочем, эти могилы, которые я мысленно называл «до шестидесяти», как правило, были самыми ухоженными.

А могила моих родителей?

Кто за ней ухаживал? Няня?

Во всяком случае, не Тьерри с Брижит. Они разве что платили кому-нибудь из островитян, но я никогда не слышал разговоров об этом.

В следующем ряду оказались дети. Тесные клетки, меньше метра, из ржавых кованых решеток.

Четыре года. Шесть лет. Год. Три месяца.

Иногда фотографии. Я поеживался, мокрая спина стыла.

Мне не случалось видеть более страшного зрелища, чем эти оградки. И я вдруг осознал, что прежде никогда не бывал на кладбище.

Надо побыстрее найти могилу родителей.

Я попытался сосредоточиться, но страх сковал все внутри. Тогда я решил действовать разумнее, стал просто читать имена и постепенно успокоился. Мимо табличек «Бабушке» или «Дедушке» проходил, в имена уже не вчитываясь.

Меня словно подхватил какой-то странный вихрь. Я все быстрее читал имена умерших мужчин и женщин, как будто вознамерился побить некий погребальный рекорд. Мелькнула идиотская мысль: почему могилы не располагают в алфавитном порядке? Или в хронологическом?

Зачем устраивать такую неразбериху?

Ничего похожего на имена родителей я не находил и тревожился все сильнее, потому что прошел уже почти три четверти кладбища.

Что, если проглядел могилу?

Или ее тут вовсе нет?

Я много раз слышал от бабушки Мадлен, что папа с мамой похоронены здесь. Но это было так давно.

А может, она лгала?

Но тот газетчик тоже сказал, что могила моего отца здесь. А вдруг на острове не одно кладбище?

Я брел меж рядами могил, теряя остатки надежды. Ведь если за могилой никто не ухаживал, то место могли отдать кому-то другому. Это казалось логичным. Однако на кладбище попадались очень старые захоронения, за которыми никто не смотрел, а за десять лет могила моих родителей не могла обветшать до такого же состояния, как довоенные.

Еще одна аллея.

Осталось всего несколько камней.

Я замер.

Жан и Анна Реми, 1959—1990; 1960—1990.

Одна могила на двоих.

Сердце у меня оборвалось.

Могила моих родителей была осквернена.

Вся изгажена.

Кто-то грубо размалевал мрамор из баллончика с краской.

Череп.

Мужские члены.

Кресты.

Вандалы надругались над местом упокоения мамы и папы.

Я не верил своим глазам.

Кто мог совершить подобную мерзость? Какой-то псих?

И почему?

Почему это случилось с могилой моих родителей?

Почему выбрали именно ее, одну на всем кладбище?

Почему?

Краска казалась свежей, вандал поработал явно недавно. Таблички тоже были вымазаны краской. *Моему сыну. Моей невестке. Моей сестре.* Необычной формы табличка от ассоциации Святого Антония напоминала о камнях аббатства. Была даже табличка от мэрии: *Самым верным возлюбленным острова Морнезе.*

Еще на одной, мраморной и внушительной, было выгравировано: *Моему лучшему другу.* Без подписи.

Это тот самый Рафаэль или Габриель, богатый подрядчик? Или Максим Приер, о котором я ничего не знал?

Я склонился над плитой. В мрамор была вделана застекленная фотография родителей.

И меня как током ударило.

Фотография под стеклом была неразличима. Кто-то, вооружившись гвоздем или ножом, исцарапал поверхность стекла, разглядеть лица было

невозможно.

Кто мог ненавидеть моих родителей до такой степени, чтобы захотеть уничтожить даже память о них?

Меня захлестнула ярость.

Кто?

Почему?

Целый день все по очереди убеждали меня, что мой отец был порядочным, достойным человеком, что его все любили. Однако нашелся негодяй, который был до того зол на него, что надругался даже над могилой.

Первым делом на ум пришли родные погибших рабочих.

Но почему сейчас, через десять лет? Сейчас, когда я вернулся на остров? В самом ли деле мой отец был тем замечательным человеком, о котором рассказывала мне няня? Не соврала ли она и в этом? Самая красивая пара на острове, неразлучная и в смерти, мой отец — верный, образцовый муж, у них с женой даже могила одна на двоих... И это тоже оказалось сказочкой, потому что на самом деле мать покоилась под мраморной плитой одна.

Я знал, что отец не лежит в гробу в их общей могиле, а раскатывает по острову в белом фургоне.

И с кем? С той рыжей, которую лапал на глазах у жены?

Что стало с этой девушкой?

Связана ли она с исчезновением отца?

Всё было инсценировкой. Все меня обманывали.

Кем на самом деле был отец?

Мысли мои оборвал резкий скрежет. Калитка!

Я обернулся.

Небо так и не прояснилось, и на кладбище было сумрачно, но я сразу узнал темную фигуру.

Он!

Психованный моряк, беззубый пьяница. Я не разбудил его в ландах и встретил не случайно.

Он следил за мной.

Он чего-то хотел именно от меня.

22. Что и требовалось доказать

Четверг, 17 августа 2000, 15:09

Мэрия Сент-Аргана, остров Морнезе

Клара с вызывающим видом встала перед Симоном:

— Ну, Каза? Давай, давай, удиви меня!

Симон самодовольно улыбнулся.

— Вот моя гениальная догадка, Клара. Изначально существовало два верных плана зонирования, один здесь, второй в департаменте, а на выходе осталось два подделанных.

— Очередные твои фантазии.

— Я это докажу. Два хороших и два плохих плана — значит, два плана лишние.

— Плохие планы — это по моей части, — усмехнулась Клара.

— Сколько, по-твоему, в 1990 году здесь было контор, где могли сделать фотокопию такого огромного документа, два метра на три?

— Понятия не имею...

— Ты же у нас королева интернета!

После недолгих поисков они убедились, что в 1990 году на пятьдесят километров в округе было всего одно заведение, способное делать копии очень большого размера. Контора эта называлась «Копия плюс», по-прежнему процветала и находилась где-то в промышленной зоне Гранвиля.

Симон немедленно туда позвонил, включив громкую связь, и Клара от души развлекалась, слушая, как он блефует. Симон исполнил тот же номер — комиссар Казанова, на острове беглец, дело срочное. И секретарша точно так же перепугалась, узнав, что решение вопроса жизни и смерти зависит от нее, от ее способности найти квитанцию, выписанную десять лет назад.

— Да, конечно, все хранится в архиве, но...

— Живее, мадемуазель, каждая секунда на счету!

И девушка сорвалась с места, прихватив радиотелефон.

— Господин комиссар, я дошла до коробок 1990 года. Это огромный архив. Здесь все заказы и все квитанции за семнадцать лет существования конторы. Я и не предполагала, что мы все это храним. Какой месяц вас интересует?

— Январь или февраль.

— А что мы ищем?

— Копии генерального плана землепользования Сент-Аргана. План зонирования размером два на три метра. Должно быть, такие заказы поступали не часто.

Секретарша зашуршала бумагой, и через пару минут в трубке раздалось:

— Нашла! 12 января 1990 года. Две копии генерального плана землепользования Сент-Аргана. Заказчик — «Объекты и Территории». Мы хорошо знаем этих архитекторов-урбанистов, часто на них работаем.

— Хорошо, я понял. Продолжайте искать, мадемуазель.

— Что, еще планы?

— Да, тот же план.

— Тот же?

Пауза.

— Вы были правы, господин комиссар!

Два дня спустя, 15 января, были заказаны две фотокопии. Тот же размер, то же название, генеральный план землепользования Сент-Аргана.

— И заказчик тот же?

— Нет. Заказчик не указан ни на бланке, ни на квитанции. Такое случается. Наверное, он расплатился наличными.

— Благодарю вас, мадемуазель.

Положив трубку, Симон торжествующе воскликнул:

— Что и требовалось доказать! Четыре копии плана зонирования. Две заказаны проектным бюро, две — таинственным незнакомцем.

— А может, две первые копии запачкались или порвались. Или еще кому-нибудь понадобились два экземпляра.

— Так где же они, куда подевались? Нет, Клара, если планов зонирования четыре, значит, два из них явно лишние. Первые были настоящими, они отправились в мэрию и в департамент. Валерино забрал план из мэрии, подделал его, через два дня заказал две фотокопии и заменил настоящие планы фальшивкой. Несколько дней или недель спустя он проделал то же самое в департаменте. Все просто. Никто не обратит внимания на эти несколько гектаров среди полутора тысяч остальных. А даже если бы кто-то что-то и заметил, он только и мог бы сказать, что проектное бюро сваяло дурака. Главное, что с участка был снят запрет на строительство. У подрядчиков развязаны руки, цены поползли вверх. Твой коллега Жан-Луи Валерино, должно быть, получил кругленькую сумму за свой фокус.

Клара смотрела теперь на Симона с восхищением.

— Знаешь, ты меня в конце концов убедишь. Возможно, из тебя выйдет хороший сыщик. Но твои методы...

— А что не так с моими методами? — удивился Симон.

— Очень уж ты суров с секретаршами.

Симон изумленно уставился на Клару.

— Так с другими же, не с тобой.

— Казанова ты недоделанный. — Она оценивающе оглядела Симона с головы до ног. — Впрочем, внешне вполне ничего. Но ты первым догадался про мухлеж. Невероятно. Даже Дельпеш...

— Нет! — всполошился Симон. — Только не вздумай рассказать Дельпешу!

— Да за кого ты меня принимаешь! — обиделась Клара. — К тому же у нас нет никаких доказательств.

— Как это нет?

— А вот так. Меня ты почти убедил, однако доказательств, что настоящий план, составленный проектным бюро, был подделан, нет.

Симон вздохнул.

Завибрировал его телефон. Сообщение.

— Это из той конторы, от архитекторов. А ты уверяла, что они в отпуске до конца августа.

— И что пишут?

— Только цифры и две буквы. NA=275.

23. Путь испытаний

Четверг, 17 августа 2000, 15:31

Кладбище у дороги к цитадели, остров Морнезе

Неизвестный медленно направился ко мне, не закрыв за собой калитку. Я оказался в ловушке, выхода нет. Монстр приближался, силясь что-то произнести. Голос был странный, очень низкий и хриплый, слова будто обдирали ему горло.

— Мальчик, — с трудом выговорил он. — Мальчик. Не двигайся.

Надо что-то придумать. Снаружи спасение не придет, хоть обкричись — никто не услышит. Вот только чудище проворством явно не отличается. Но если я так и буду торчать в проходе между могилами, то мне конец. Поэтому остается одно — убегать от него прямо по могилам!

Я прикидывал. Подпущу зомби поближе, чтобы не успел отреагировать и не отрезал мне путь, когда я сорвусь с места.

— Мальчик, — снова прогудел беззубый рот, — ты меня не узнал? Я тебя — да.

Я дал ему подойти еще на несколько шагов и увидел, как страшное лицо его исказилось подобием улыбки, обнажились три оставшихся зуба.

— Я тебя узнал, мальчик, я знаю, что ты ищешь.

Еще немного.

— Ты ищешь своего отца, мальчик. Я знаю...

Пора!

Ноги оттолкнулись от земли, не дожидаясь команды от мозга. Я запрыгнул на ближайшую могилу, растоптав венки из искусственных цветов, и сломя голову полетел дальше с могилы на могилу, сшибая мраморные таблички и горшки с цветами. Святотатство меня не смущало.

Я был уже далеко, когда снова услышал замогильный голос:

— Мальчик, я знаю, где твой отец.

Я невольно замедлил бег, хотя страх продолжал гнать меня дальше. Разум подсказывал, что это приманка, ловушка, причем грубо сработанная. До калитки оставалось метров пятьдесят, не больше.

Еще немного — и я спасен.

Я выскочил в проход. Щиколотка ныла от удара о надгробие, но я не

обращал внимания на боль.

Сосредоточиться на беге, думать только об этом, слушать удары собственного сердца.

Я вылетел за железную калитку и оказался снаружи, живой и свободный. Под защитой нескончаемой вереницы автомобилей, из которых на меня таращились изумленные лица.

Теперь я не бежал, просто быстро шагал. Нога почти перестала болеть, до дикого полуострова и лагеря было уже недалеко.

Упали первые крупные капли, начался теплый августовский дождь. Благословенная влага пролилась на мое усталое лицо и грязную одежду, словно исцеляющий душ, способный смыть внезапно свалившиеся на меня ужасы.

До перекрестка я добрался меньше чем за четверть часа, а оттуда шоссе вело прямо к полуострову и лагерю. Налево — паром и переправа на континент. Все машины, все до единой туда и направлялись.

Вдали мерцали мигалки. Полиция наверняка обыскивала каждый автомобиль, прежде чем допустить к переправе. Беглец никак не мог покинуть остров, минуя этот маленький паром и кордон.

До лагеря оставалось всего ничего. Дождь лил все сильнее, я промок насквозь, но не обращал на это внимания. Паника постепенно отступала, и в моей голове все громче звучали последние слова преследователя.

Я знаю, где твой отец.

Меня терзало сомнение: а вдруг то была не ловушка? Что вообще мог сделать мне этот убогий? И зачем? Я повел себя как последний дурак, убежал, хотя этот тип был первым, кто мог вывести меня на след.

Я знаю, где твой отец.

И все же, продолжая ругать себя, я двигался к лагерю, не в силах заставить себя повернуть обратно к кладбищу. Страх не отпускал. Я посмотрел на мокрые часы: 15:52. Вот и оправдание — пора возвращаться в лагерь. Чтобы я мог сбежать и завтра, сегодня надо вернуться вовремя. Я прибавил шаг, то и дело оглядываясь, но никого за пеленой дождя не высмотрел.

На перекрестке повернул налево — и вот он, полуостров.

Вдоль всей дороги к мокрым кустам были прицеплены клочки красной бумаги — маршрут нашей команды. Я машинально отцеплял их и пихал в карман. Если начнут приставать с вопросами, смогу выложить их в доказательство того, что участвовал в игре.

В лагерь я вошел в 16:07.

Стефани, несмотря на дождь, ждала меня, стоя между двух каменных столбов, которые обозначали границу фермы. Свою монашескую рясу она сняла, натянув тесные велосипедные шорты и свободную майку, облепившую грудь. С упавшими на глаза намоченными прядями она была очень хороша. Видно, что из тех, кто любит бросать вызов стихиям, грозе в горах или волнам после штормового предупреждения. Стефани свирепо уставилась на меня:

— Куда ты запропастился? Все уже вернулись. Вам было велено держаться вместе. Ты на часы смотрел? Видел, что творится на острове?

Я вытащил из кармана отсыревший красный клочок. Интуиция. Нет, вдохновение.

— Задержался, потому что снимал бумажки на нашем маршруте. Нельзя же оставлять мусор по всему острову. Это свинство! Мы не туристы.

Я знал, что Стефани слегка сдвинута на экологии — парус в июле, горные походы в августе, все такое. Она улыбнулась и ласково похлопала меня по спине:

— Ты прав, Колен. Никто больше об этом не подумал. Ладно, иди к своей команде, через двадцать минут будем собирать задания.

Я поспешил к Мади и Арману. Мои сообщники устроились в стороне от других, под навесом, хоть и дырявым, но все-таки кое-как защищавшим от дождя. Арман выполнял задание. Мади встретила меня беспокойной улыбкой и забросала вопросами. Я пристроился рядом с ними, чуть отдышался, дрожа от холода, и, не входя в подробности, пересказал свой день. Мади ловила каждое слово, Арман слушал вполуха. Похоже, он всерьез увлекся игрой, я от него такого не ожидал. Заметив мое удивление, Мади подмигнула:

— Он стал фанатом археологии!

Арман? Археологии? И вдруг до меня дошло.

— Вы ходили к развалинам аббатства Сент-Антуан!

Я вспомнил блондинку со скандинавским акцентом, которая встречала посетителей. Если Арман ее видел, то ясно, с чего вдруг такая увлеченность. Наконец Арман оторвался от бумажек:

— Но входить в аббатство не стали. Четыре евро — это грабеж! Я битый час клеил кассиршу, но она не сдалась, ни сантиметра не уступила, зато почти весь листок нам заполнила. Она даже назвала свое имя, зовут

Кандис. Славная малышка. Мы точно выиграем... Я шлифую ответы.

Он гордо вытянулся всем своим тощим бледным телом. Мади засмеялась:

— Вообразил, будто блондинка на него запала. Озабоченный кретин! Мне было так стыдно. Думала, он никогда ей работать не даст. Она в конце концов все ответы ему написала, лишь бы отцепился.

Я стал рассказывать дальше и закончил встречей с беззубым пьяницей на кладбище. Мади изумленно уставилась на меня:

— И ты просто взял и свалил? Ясно же, что это был обычный пьянчужка. Он сказал, что знает, где твой отец... а ты сбежал?

Я объяснил, что перепугался из-за суматохи на острове и двух беглых зэков. Мади с Арманом, оказывается, успели узнать о них больше, чем я.

— Ничего общего с твоим стариком, — сказала Мади, — этим где-то около сорока, я видела фотографии в газете, которую стащила в аббатстве. Кажется, одного уже нашли, и не в лучшем виде, на пляже у Рубиновой бухты.

Вскоре Стефани с Йойо собрали задания, а часом позже позвали нас, чтобы объявить результаты. Я успел принять душ и переодеться. Дождь прекратился так же внезапно, как и полил, ветер с Ла-Манша разгонял тучи, робко проглядывало солнце.

Мы устроились снаружи, на расставленных полукругом стульях. Теперь только отец Дюваль все еще оставался в маскарадном прикиде — похоже, он вжился в роль кардинала.

— А наградят-то нас чем? — выкрикнул Арман.

— Кладом местных монахов, — ответил отец Дюваль, не выходя из образа. — Сокровище бенедиктинцев, Безумство Мазарини, мой юный друг. Безумство Мазарини.

— А поцелуй сестры Стефани нам не перепадет? — не отставал Арман.

Все так и грохнули. Арман явно ни перед кем не робел, даже перед кардиналом Дювалем. Тот не успел ответить, потому что Арман прибавил:

— Хотя нет, что мне поцелуй сестры Стефани, я бы лучше копнул поглубже!

На стульях затихли.

Отец Дюваль сдвинул брови и, похоже, собрался выйти из роли, чтобы ответить наглцу. Арман перешел все границы и сейчас за это получит, отец Дюваль не потерпит неуважения. Но Арман почти без паузы пояснил:

— Я хочу сказать — лучше бы выкопать клад!

На этот раз даже Йойо и Стефани не выдержали — засмеялись. Один только отец Дюваль едва улыбнулся.

Наша команда оказалась на предпоследнем месте. Всех обошла команда, состоявшая из одних девчонок. Арман задохнулся от ярости.

— Стерва! Эта шведская стервоза все наврала... Ну, гадина, вернусь я туда и...

— И что? — спросила Мади.

— И... сниму с нее штанишки и отшлепаю!

Я уже думал о своем.

Мне было не до них.

Сегодня вечером из лагеря не уйти. Глупо и опасно даже пытаться сделать хоть что-то среди ночи. Но завтра — решено, Мади права, надо найти пьянчугу.

24. Безумство Мазарини

Четверг, 17 августа 2000, 23:00

Порт Сент-Аргана, остров Морнезе

Симон стоял в одних трусах и смотрел на Кандис, которая спала в его постели. Она пришла поздно вечером и смела всю еду, какая нашлась у него в комнате, — два помидора и начатый пакет чипсов, доскребла прямо из банки «нутеллу». После чего скинула белую кружевную блузочку и короткую бежевую полотняную юбку, и они наскоро перепихнулись — еще быстрее, чем накануне.

— Совсем вымоталась, — вздохнула Кандис, рухнув на матрас. — Третью неделю сплю по четыре часа!

Симон не откликнулся, но попыток соединить приятное с полезным не оставил. Он и в личной жизни проявлял упрямство.

— Кандис, ты, наверное, все подробно знаешь про территорию аббатства Сент-Антуан? Участок вокруг развалин. Раскопки. Проекты...

Кандис вздохнула и потянулась, не вставая с постели.

— Не понимаю, на что тебе сдались эти унылые развалины? Я-то думала, ты расскажешь про труп, который нашли на пляже. Этого, с польской фамилией, которого ребенок выкопал. По всем каналам говорят только про него и про остров. Полицейские, похоже, топчутся на месте. А ты напал на след?

Кандис томной кошечкой нежилась на раскаленном матрасе. Симон колебался: может, поиграть еще немножко в Брюса Уиллиса, рассказать ей, что он слегка опередил полицейских, перечислить сегодняшние находки? Интуиция посоветовала проявить осторожность. Он удержался от искушения и решил подобраться к цели окольным путем.

— Ты же понимаешь, я ничего не могу сказать. А вот ты можешь, если у тебя есть хоть какие-то сведения про этот проклятый участок аббатства. Ну не знаю, что угодно, любые подробности, сведения, архивы...

— Да сколько же можно! И ты туда же.

— Что значит — и я?

— Какие-то паршивые сопляки весь день морочили мне голову. Прицепились с дурацкими вопросами про аббатство, монахов и Безумство Мазарини. Так что, Наварро, я на сегодня сыта развалинами по горло!

Она перевернулась на живот и сунула голову под подушку.

Симон злился. Знает ли эта местная красотка больше, чем захотела рассказать? Почему она так упорно уходит от разговоров о работе в аббатстве, но при этом интересуется его расследованием?

Такая скрытная. И такая бесстыжая.

Он принялся собирать вещи, которые Кандис разбросала по комнате, — несколько легких хлопковых и нейлоновых тряпочек. Аккуратно сложил их у кровати и залюбовался изгибом спины, золотистой в рассеянном свете, лившемся из мансардного окна, слегка расплюснутыми под весом тела грудками, круглыми ягодицами. Внимание привлекла одна деталь, татуировка на пояснице — маленькая черно-синяя бабочка. Вчера на пляже Симон не заметил ее в темноте.

Он бесцельно покружил по комнате. Каморка для прислуги была чуть больше платяного шкафа, — мэрия по-хамски обращалась с молодыми сотрудниками. Правда, с него не брали плату за жилье, так что жаловаться грех. Видимо, тут какое-то закулисное соглашение между хозяином гостиницы и мэром. Единственным преимуществом его гарсоньерки можно считать чудный вид на порт — не жилье, а настоящая сторожевая вышка для наблюдения за красотками. Отсюда он и Кандис впервые высмотрел на террасе кафе.

Мысли Симона снова перескочили на исправленный план землепользования.

У него есть доказательство. Неопровержимое.

Никто не мог такого подстроить, кроме Жана-Луи Валерино.

Получается, он первым за десять лет сопоставил одно с другим? В 1990-м никто не мог заподозрить молодого стажера. Но как это связано с сегодняшним побегом Валерино? История с разрешением на строительство выглядит простой и завершенной: при помощи подлога участок, на котором нельзя было строить, перевели в категорию пригодного для использования. Потом устроили несчастный случай на стройке, погибли люди, разгорелся скандал. Но Жан-Луи Валерино сумел ускользнуть от следователей.

В комнате можно было задохнуться от жары, и Симон открыл окно, ветер с моря взметнул занавески. Симон сделал глубокий вдох, а Кандис поехала, повернулась, потянула на себя простыню, но та почти сразу снова сползла.

Симон не понимал, что делать с добытыми сведениями сейчас, когда Валерино прячется на острове. Не должен ли он поделиться доказательством с полицией? Конечно, должен, вот только его немедленно выведут из игры.

Убийца скрывается на острове. Впрочем, нет никаких доказательств, что именно Валерино убил бежавшего с ним сообщника. И о чем он может рассказать полиции? О подлоге десятилетней давности? Нет, надо копать дальше эту историю с землей, с пресловутым участком, у которого код ND сменился на NA, с участком между аббатством и морем, со строительным проектом, с Сангвинариями.

Ключ ко всему там!

Что в ней особенного, в этой принадлежавшей аббатству земле? Что заставило Валерино решиться на побег и убить поделщика? В голове Симона всплыла давняя история с Безумством Мазарини, сокровищем бенедиктинцев.

А почему бы и нет, в конце-то концов?

Кандис и не думала просыпаться. Симон высунул голову в окно и оглядел порт, который никогда еще не был таким безлюдным. Контраст с обычным столпотворением поистине ошеломляющий. А ведь погода стояла великолепная, жара спала, дул легкий бриз. Но все свалили!

Катастрофа для местного турбизнеса, и виноваты во всем журналисты. Даже «Большой баклан» опустел. Если Симону повезет, он переберется в комнату получше этой халупы, вдруг удастся уломать хозяина. Хотя тот был не из благодетелей, дела вел жестко, как, впрочем, и все на этом острове. Так им и надо, они заслужили этот туристический катаклизм. Будут знать, как за спиной у ни в чем не повинных туристов поддерживать злодейские компании. Ох уж эта островная мафия, скромная англо-нормандская версия Сицилии...

Что, хозяин, терраса-то пуста! И виноват вовсе не ливень.

На самом деле несколько посетителей там все же было, но, похоже, только местные. Наклонившись, Симон узнал Дельпеша. Тот ужинал не один, а с роскошной блондинкой. Она сидела к Симону спиной, лица не разглядеть, лишь безупречно загорелую спину в глубоком, ниже пояса, вырезе легкого платья. И светлые волосы, рассыпавшиеся по плечам цвета ириски.

Секс-бомба.

Еще одна...

Можно подумать, что после массового бегства на Морнезе остались исключительно красавицы.

И как только Дельпешу это удастся, в его-то возрасте? Где он находит этих Барби? Взгляд Симона скользнул вниз по смуглым ногам спутницы Дельпеша, к тонким щиколоткам, босым ступням, ногтям, выкрашенным

алым лаком...

Клара!

«Черт возьми! Клара? Ее загар потрясающе смотрится в свете фонариков! — Он снова чертыхнулся. — Она же сейчас все ему расскажет, выложит журналюге на блюдечке все мое расследование!»

Симон натянул штаны и майку, глянул мельком на тихо посапывающую Кандис и несколько минут спустя уже пробирался между пустыми столами и стульями на террасе «Большого баклана».

Увидев его, Дельпеш широко, на первый взгляд даже сердечно, улыбнулся:

— Симон Казанова, последний праведник Морнезе!

Клара наградила его такой же широкой улыбкой.

— Надо же, господин комиссар выбрался из своего логова.

Симон опасался, что его встретят холодно, дадут понять: ты некстати! Особенно Клара. Но нет, ничего подобного. Наверное, ее женскому эго льстит компания сразу двух мужчин. Клара подвинула к нему низкий плетеный стул. Нет, лицо у секретарши слишком увядшее, и даже если тело... особенно со спины. «Забирай ее себе, Дельпеш, уступаю», — подумал Симон, улыбнувшись этим мыслям настоящего мачо, и заказал белое пиво с кружком лимона.

— Мы обсуждали Валерино, — сказал журналист. — Сам понимаешь, все только об этом и говорят. Во всяком случае, оставшиеся.

Симон старался поймать взгляд Клары, но та якобы любовалась светящимися гирляндами на мачтах прогулочных яхт в порту.

— Ну, как продвигается твое расследование? — спросил Дельпеш.

— Кое-как.

— Не скромничай, — ехидно заметила Клара.

Симон попытался пнуть ее под столом, но угодил по ножке стула.

— Ты бы видел, что он способен вытащить из трех телефонных звонков и простого калькулятора, — добавила она, повернувшись к Дельпешу.

— И что же?

— А то! — развеселилась Клара. — Совершенно секретно. Это за тобой, Дидье, должок со вчерашнего вечера, не за мной.

Симон перевел дух. Забавно. Значит, для Клары он Дидье. Симон подумал, что это непривычно. Все на острове называли его только Дельпеш, по фамилии, которой тот подписывал свои статьи. Соскребая ложкой взбитые сливки с персика, Клара наклонилась, чтобы журналист

мог заглянуть в вырез ее платья.

Как ни странно, Дельпеш не стал расспрашивать, что это за история с телефоном и калькулятором. Надо же, не клюнул, удивился Симон, — или ждет, пока я уйду?

На самом деле Дельпеш уже все написал в завтрашний номер, статьи ушли в типографию. Для заголовков он использовал связь Валерино с несчастным случаем в Сангвинариях и ответственность мэрии, где аферист тогда работал. Больше у него ничего не было, но он не сомневался, что тираж раскупят — заголовки были достаточно броскими.

Только Клара знала, что оба идут по одному следу и что Симон Казанова намного опережает журналиста. Секретарша наблюдала за их игрой, как следят за партией в покер, зная, что на руках у каждого из игроков. С удовольствием отправив в рот сливки, она отхлебнула из бокала Симона.

— Ну ладно, Клара, — сказал Дельпеш. — Если так пойдет и дальше, скоро весь остров Морнезе будет полностью принадлежать нам с тобой. Смотри, на террасе почти никого. Ты же не будешь дуться из-за того, что вчера вечером мне пришлось поработать? Так что вы делаете с калькулятором?

— Геометрией занимаемся, — таинственно проронила Клара, слизнув с губ сливки.

— Геометрией? — удивился Дельпеш.

Сейчас проговорится, подумал Симон. Дельпешу, конечно же, не много требуется, чтобы понять. Надо его как-то отвлечь.

— Дидье, раз уж мы встретились, расскажите, что это за история с Безумством Мазарини.

Дельпеш развеселился.

— Испугался, как бы Клара не наболтала лишнего, и стараешься переключить внимание? Хочешь быть одиноким волком? Никому на этом острове не доверяешь, да? Заметь, ты прав, но, с другой стороны, действовать в одиночку здесь опасно. Особенно сейчас. Думаю, ты начинаешь понимать, что я имею в виду. На чердаке мэрии, должно быть, нет недостатка в очень интересных архивах. И если ты сунул туда нос...

Симон выпрямился.

— Но вы не ответили на вопрос и уходите в сторону.

Дельпеш не спеша допил виски.

— Хорошо. Хочешь все узнать о Безумстве Мазарини?

Клара выразительно вздохнула — мол, она эту историю знает наизусть.

— Что ж, тогда начнем, мальчик мой. Ты имеешь дело с лучшим на всем острове специалистом по данному вопросу. Заметь, лучшим быть легче легкого, все остальные умерли.

Журналист так странно улыбнулся, что Симон поежился.

— Мазарини — очень значительная фигура для острова. Местная тюрьма, бывшая цитадель, носит его имя. И памятник ему никак нельзя не заметить, он совсем рядом, на площади 20 Мая. Прекрасная статуя: взгляд устремлен к горизонту, полное кардинальское облачение, в сложенных руках пергаментный свиток. Заказана больше ста лет назад, при Третьей республике, тогдашним мэром. Если остров Морнезе никогда не переходил, подобно большинству англо-нормандских островов, в руки англичан, то уберегла его, как считается, именно память о Мазарини. Рассказывают, будто кардинал просто влюбился в Морнезе, чуть ли не каждый месяц приезжал сюда. Правда, не кардинал основал аббатство Сент-Антуан, но он восстановил и отстроил его после того, как в XV веке все пришло в упадок.

— А почему это случилось?

— Вроде бы виновата чума. При Мазарини монахов на острове стало втрое больше — во всяком случае, так получается при изучении руин. Он же велел проложить большую часть подземных ходов. Благоденствие острова началось в те времена, задолго до каторги.

Клара смотрела куда-то в сторону, Симон же глаз не сводил с Дельпеша.

— Откуда у Мазарини взялась эта страсть к острову? — спросил он. — Это его родина?

— Вовсе нет. Он итальянец с Сицилии и любил не только Морнезе. Его называли «кардиналом с двадцатью пятью аббатствами». Он коллекционировал самые богатые монастыри королевства. Кюони, Сен-Дени, Ла Шез-Дье... Рекордсмен в истории Франции. И доходов таких ни одно духовное лицо не имело.

Симон был зачарован рассказом Дельпеша. Да, журналист настоящий знаток.

— Мазарини на свои деньги, с невиданной прежде роскошью, провел коронацию юного Людовика XIV, своего крестника. Огромные доходы, которые он получал от монастырей, сделали его крупнейшим меценатом эпохи: книги, картины, скульптуры, в том числе обнаженная натура, плохо сочетающаяся со статусом церковника.

— Но почему Морнезе? — спросил Симон.

— Часто упоминают стратегические соображения. Тысячелетняя борьба с англичанами на англо-нормандских островах. Англичанам так и не

удалось взять Сен-Мало или Мон-Сен-Мишель, но цитадель на Морнезе, как и форты соседних Шозе или Татиу, на протяжении веков не раз штурмовали, обстреливали, поджигали. До тех пор, пока не вмешался Мазарини и не укрепил цитадель по системе Вобана. Но чаще всего, разумеется, говорят о его Безумстве...

— Вот и до этого дошли, — пробормотала Клара, выскребая остатки взбитых сливок.

— Так что с Безумством? — поторопил Симон.

— Почитай «Островитянина», — отрезала Клара. — Дидье десять лет заводит одну и ту же пластинку. Этот год стал бы одиннадцатым, если бы кому-то не пришла в голову светлая мысль закопать труп на пляже.

Дельпеш расхохотался.

— Ладно, расскажу покороче, не то Клара бросит нас здесь.

Он закурил сигарету редкой индонезийской марки «Джарум» с запахом гвоздики. Клара зевнула.

— История с Безумством Мазарини началась с очень определенной цитаты. Одной-единственной. Из письма мадам де Севинье. Тебе понятно, о ком речь?

— Э-э...

— Мадам де Севинье прославилась своими описаниями придворной жизни времен Людовика XIV и Мазарини. Она написала больше тысячи писем, и почти все — дочери. Часть была опубликована, некоторые еще не изданы. В одном из них, датированном 12 апреля 1659 года, читаем загадочную фразу: «Итальянец Мазарини завоевал двор своим талантом оратора, чутьем политического интригана и глубокой эрудицией, но главным образом — богатством, которое приобрел благодаря маленькому острову Морнезе. Это единственное в своем роде, обожаемое им сокровище, при помощи которого он подкупил французскую аристократию, неисчерпаемый источник богатства, от которого был без ума французский двор. Без этого коронация Людовика XIV не была бы такой великолепной».

— И кто же высмотрел цитату?

— Некий Жан Реми. Историк и археолог, влюбленный в этот остров. Удивительный человек, я был с ним знаком. Очень образованный.

— А точнее? — спросил Симон. — В чем заключалось это сокровище?

Клара выставила растопыренные пальцы с многочисленными кольцами и начала загибать:

— Золото. Украшения. Драгоценные камни. Да мало ли что...

— Или римский клад, — подхватил Дельпеш. — Добыча викингов. Сокровища тамплиеров. Тысячелетние накопления монахов. Сейф

Мазарини. Больше ничего не известно. Только эти строки из письма.

— И все? — удивился Симон. — Несколько строчек, затерянных среди тысячи с лишним писем?

— Нет дыма без огня, — затянувшись, ответил Дельпеш, — и мадам де Севинье вполне достойна доверия. Так что во времена Мазарини на острове действительно было сокровище. А поскольку она упоминает о «неисчерпаемом» источнике богатства, можно предположить...

— Никто так ничего и не нашел? — перебил его Симон.

— Жан Реми искал всю жизнь. Следовало бы сказать — всю свою недолгую жизнь. Я же удовольствовался тем, что нашел броское и заманчивое «Безумство Мазарини», и каждое лето эта история заставляет туристов раскатывать губы...

— И что еще вы рассказываете туристам, кроме шести строк из письма мадам де Севинье?

Дельпеш посмотрел на Клару, та обреченно улыбнулась.

— Выкладывать все, от начала до конца? Ладно, поехали. Известно, что до Великой французской революции Морнезе был процветающим островом. В 1789 году аббатство превратили в развалины, монахов прогнали, имущество распродали. Остров впал в долгую спячку. Единственным деянием на фоне этого застоя стало превращение крепости в каторжную тюрьму. Этим все сказано. Земли, принадлежавшие аббатству, участок, который назывался Сангвинари, был продан самым богатым землевладельцам острова. По архивным данным, которыми мы располагаем, те купили его за огромные деньги, причем неизвестно, отчего этот клочок ланд между развалинами аббатства и морем так дорого стоил в то время. Приобрела его семья, состоявшая из четырех братьев. Опять же, если верить архивам, вскоре они разбогатели еще больше, а деньги вкладывали на континенте. Однако в течение следующих двух лет они друг друга поубивали — бог знает почему, в нотариальных актах редко всплывают семейные истории. Потом земля больше ста лет оставалась бесхозной или почти бесхозной.

— Это вы отыскивали такие подробности?

— Нет, я узнал их от того же Жана Реми. Он был помешан на архивах и истории острова. Мы с ним провели несколько чудесных вечеров, разговаривая об этом.

— А сокровище?

— В течение некоторого времени о нем ничего не было известно. Можно отметить, если вас это занимает, историю некоего каторжника, который побывал на острове, после чего несметно разбогател, это

случилось в 1819 году. Вроде аббата Соньера, кюре из Ренн-ле-Шато. Он сколотил состояние в Кливленде и построил там маленькую и более или менее эзотерическую церковь. Я в «Островитянине» развлекаюсь с этой историей. Только, между нами говоря, в отличие от кюре из Ренн-ле-Шато, мой чудесным образом разбогатевший каторжник был отъявленным мошенником. Но, к счастью, все же остается история молодого Люсьена Верже.

— Люсьена Верже?

— Восемнадцатилетнего фермера, который возделывал заброшенные земли аббатства. Бедного островитянина. Эту историю, разумеется, тоже откопал Жан Реми. Люсьен Верже якобы заявил, что нашел клад. Настоящий клад. Это было в 1914 году. Через год он ушел на войну и не вернулся, а тайну унес с собой. А последний след датирован 1937-м. Священник из цитадели, который был одновременно приходским священником руин и креста Святого Антония, помешался и рассказывал, что дьявол искушал его, но он так и не осмелился прикоснуться к этому проклятому сокровищу.

— Эти свидетельства тоже нашел Жан Реми?

— Да. Жан Реми — еще один помешанный. Говорят, будто он в конце концов нашел сокровище. Но и Жан унес секрет в могилу. Покончил с собой.

— Из-за несчастного случая на стройке в Сангвинариях?

— Совершенно верно. Участок принадлежал ему, они проводили там раскопки — прежде всего, потому, что Реми был страстно увлечен археологией, но не только. Он надеялся найти пресловутое сокровище. Как-то вечером, лет десять уже назад, мы с ним пили пиво у подножия креста Святого Антония и разговаривали. Он сказал, что, кажется, разгадал тайну богатства Мазарини, но больше ничего, никаких подробностей, а несколько недель спустя рухнул кран.

Клара раздраженно посмотрела на часы. Симон притворился, будто не заметил.

— А как насчет вас, Дельпеш? Вам не хочется разобраться в этой истории? Копнуть поглубже?

— Да нет, не очень. Все, кто в нее поверил, умерли. И потом, Безумство Мазарини — это мой хлеб. Игра, приманка для туристов. Мечтатели бродят по пляжам в поисках золота, а туристы, почитав мои статьи, отправляются осматривать развалины аббатства. Никому от этого нет вреда. И все на этом зарабатывают.

— Но вы, Дельпеш, вы сами верите в Безумство Мазарини? — не

унимался Симон.

Дельпеш хотел ответить, однако Клара его опередила:

— Он слишком труслив, чтобы ответить «да». Конечно, верит. Как и все на этом острове психов. Но боится какого-то там проклятия и потому притворяется скептиком, который обманывает легковых дурачков.

— Вот именно, — улыбнулся Дельпеш, закуривая очередную индонезийскую сигарету. Запах был невыносимый. — Если не бояться, дети мои, — продолжил он, — на этом острове долго не выживешь. Я пятнадцать лет продержался со своей газетой, потому что всегда умел вовремя остановиться. Плескался на мелководье, был осторожен, не поднимал лишнего шума. Издавать единственную на острове газету можно, только балансируя на грани. Но я привык. А досье... Они в надежном месте. Это моя страховка.

Он замолчал. Клара снова зевнула.

— Пойду спать, — сказал Симон.

Он думал, что Клара отзовется «я тоже», но она явно собиралась и дальше составлять компанию своему красавчику, который строит из себя журналиста-анархиста, в одиночку противостоящего всем и вся. Напоследок Симон послал Кларе суровый взгляд, призывая держать рот на замке.

«Если завтра „Островитянин“ намекнет на связь между Валерино и несчастным случаем в Сангвинариях, я тебе всыплю!» — решил он.

Посмотрел на часы. Далеко за полночь. Прямо над этой террасой его ждет совершенное тело Кандис, которое он будет ласкать, пока не уснет.

25. Сарай в Чайчье́й бухте

Пятница, 18 августа 2000, 01:17

Лагерь на диком полуострове, остров Морнезе

В большой палатке все спали, я же и в эту ночь не мог уснуть — обдумывал информацию, собранную за день.

С одной стороны, все свидетели — няня, этот журналист, бабушка — были уверены, что мой отец умер. Но есть и другие факты: тело утопленника, найденное десять дней спустя, молчание Тьерри и Брижит, а главное — позавчера я встретил отца! Несомненным этот факт был только для меня, но он заставлял переосмыслить всю проблему, вывернув ее наизнанку. Все свидетельства сходились в одном: мой отец был героем, страстно увлеченным и очень хорошим человеком, просто необыкновенным. Настолько, что вполне был способен инсценировать собственную смерть.

Чтобы иметь возможность скрыться.

В конце концов, все выглядит логично. Журналист сказал, что отец не мог доверять никому, даже собственному шуруину. Ему угрожали тогда, угрожают и сейчас, доказательством тому — оскверненная могила.

Мой отец жив, но он в опасности. Он притворился мертвым, чтобы обмануть преследователей. Все сходится.

Я ворочался в спальнике, слушая, как кто-то из мальчиков все время надрывно кашляет.

Вечером я долго разговаривал с Мади и Арманом. Они меня выслушали, надавали советов, особенно Мади, но объяснить все противоречия и помочь отцу не мог никто, кроме меня. Я чувствовал, что необходим ему. Прямо сейчас.

Теперь мне было ясно, что бродяга не имеет никакого отношения к сбежавшим из крепости заключенным — он слишком старый и вообще разгуливает, не скрываясь. Беглец, которого ищет вся полиция Западной Франции, так бы себя не вел. И он сказал: «Я знаю, где твой отец».

Каким же я был идиотом!

Испугался, сбежал, а ведь, похоже, этот человек — та самая ниточка, что может привести меня к отцу. Надо его найти. На туристическом острове вряд ли много опустившихся типов вроде него. Он наверняка

примелькался, тот журналист из «Островитянина» не может не знать бродягу.

Я прикидывал, как распределить время. Всю вторую половину предстоящего дня у нас парусная школа, оттуда не смоешься. Может, притвориться, что заболел, плохо себя чувствую? Но тогда отец Дюваль будет за мной присматривать. Нет, это плохая стратегия, самый верный способ привлечь к себе внимание, а мне высовываться нельзя. Остается утро. К десяти часам весь лагерь идет на пляж, но до этого времени все более или менее спокойно: встаем кто когда, завтракаем, умываемся, наводим порядок, моем посуду, бездельничаем. Если повезет, мое отсутствие останется незамеченным, Мади с Арманом меня прикроют.

Надо встать пораньше, тогда будет пара свободных часов, никто меня не засечет. Но действовать придется как можно быстрее. Завтра приезжают Тьерри и Брижит, и тогда улизнуть будет невозможно.

Оба с самого начала ввали мне обо всем.

Сегодня утром я должен собрать улики и найти отца.

Завтра будет слишком поздно!

Завтра... Черт! Завтра же 19 августа, мой день рождения, мне исполняется шестнадцать!

Мой день рождения... Внезапно цепочка совпадений показалась мне еще более странной: появление отца, приезд опекунов, оскверненная могила, бродяга, который хотел со мной поговорить. И все накануне моего шестнадцатилетия. Как будто эти события подстроил, замыслил, организовал некто всемогущий с неведомой мне целью.

До двух часов ночи я проворочался в полусне. Перед глазами возникали фотографии солнечного застолья в развалинах аббатства и кадры фильма, в котором происходило то же самое.

В конце концов сон победил.

Глаза саднило от пыли. Я смотрел вверх, на сидящих вокруг стола огромных взрослых. Лиц я не видел — только много ног. Голые ноги. Юбки. Шорты. Рука моего отца потянулась ко мне. Я узнал ее по обручальному кольцу на безымянном пальце, совсем простому серебряному кольцу. У мамы было такое же. Одно из последних воспоминаний о ней — ее рука с обручальным кольцом в ту ночь, когда она пришла поговорить со мной, а потом разбилась на машине. Папина рука трепала мои волосы. Я смеялся. Это было приятно.

Внезапно картинка обернулась кошмаром, вместо смеха послышались

крики.

Я ничего не понимал, не хотел этого слышать, затыкал уши. Но папина рука никуда не делась, с ней было спокойнее. Она держала мою маленькую ладонь и будто говорила: все это неважно, пусть взрослые спорят. Потом пальцы стали медленно разжиматься, и я закричал. Мне показалось, что я погружаюсь в землю.

Стол удалялся от меня, крики делались глуше. Теперь я держался только за один папин палец, а тот выскользнул и в конце концов вывернулся из моей руки. Я падал в бездонный колодец. Все было кончено. Последнее, что осталось в памяти, — рука отца, обхватившая стакан с вином. Я проснулся в поту. Было три часа ночи.

Наутро я дождался, чтобы Йойо заглянул в палатку с проверкой и убедился, что все на месте. Он всегда являлся в семь, я же с половины седьмого лежал, уже полностью одетый. Едва Йойо ушел, я выскочил из спальника. Мади с Арманом знали, что надо делать, мы разработали план прикрытия: Колен в туалете, он с Мади, он с Арманом, он где-то там... словом, на них была вся надежда.

Я выскользнул из палатки, стараясь никому не попадаться на глаза. В любую минуту можно было столкнуться со Стеф, отцом Дювалем или Йойо, но, к счастью, двор бывшей фермы зарос деревьями, и, прячась за старыми стволами, я выбрался из лагеря. Последние две ночи я почти не спал, однако утренняя прохлада бодрила. В лицо дул легкий бриз. Вот я снова на дороге, ведущей к аббатству. Небо над Рубиновой бухтой окрасилось в невообразимые оттенки розового. Возможно, свое название бухта получила из-за таких вот красок.

Я окончательно проснулся и ощущал в себе невероятную силу. Завтра мне исполнится шестнадцать лет, я стану на год старше! Вообще-то мне казалось, что я за один день стал на десять лет старше. В Рубиновой бухте все снова было спокойно, яркая лента преграждала доступ к пляжу, но вокруг никого не было, ни зевак, ни фургонов. Остров странно затих, дороги были пусты. Да еще отлив. Даже рыбаков не видно.

Затишье не перед, а после бури, словно на острове никого не осталось. Вчера вечером я успел проглядеть газету и рассмотреть лица беглецов, послушал новости, узнал подробности кровавой разборки на пляже.

Две пули, одна в спину, другая в затылок. Брр...

Мне влетит, если кто-нибудь заметит мое исчезновение. Отцу Дювалю не позавидуешь: он отвечает за лагерь, а где-то рядом бродит преступник. При таком раскладе сбежавший подросток — катастрофа. Вчера они

больше получаса накачивали нас: держаться поблизости, поодиночке никуда не ходить, быть начеку. Но сегодня утром никакой опасности не чувствовалось. Время от времени мне попадались бегуны, редкие велосипедисты... Но не одиночки, что правда, то правда.

К восьми я добрался до сент-арганского порта. Несколько завсегдаев пили утренний кофе на террасе «Большого баклана», журналиста видно не было. Я окликнул официанта и спросил, когда бывает главный редактор «Островитянина». Он засмеялся и сказал, что Дельпеш раньше одиннадцати редко показывается, и объяснил, где находится редакция газеты, — оказалось, совсем рядом, на улице Ориньи, идущей параллельно порту, буквально в двух шагах от кафе.

Я рванул туда. Пересекая площадь 20 Мая 1908 года, мельком глянул на статую Мазарини, а потом осмотрел всю площадь — на случай, если мой бродяга спит где-нибудь на углу, подстелив картонку.

Никого.

Найти редакцию оказалось легко. Вывеска впечатляла: с десяток рисунков были расположены один над другим, изображенная на нижнем ракушка постепенно превращалась в вопросительный знак. Неплохо придумано. Первая полоса утреннего выпуска уже красовалась в окне. Я прочитал самый крупный заголовок: «Жана-Луи Валерино настигло его прошлое».

О чем вчера в порту говорил журналист? Он упомянул несчастный случай на стройке в Сангвинариях и возможную причастность к этому Валерино, который тогда работал в мэрии. Происшествие было связано с моим отцом, но на первой полосе о нем ни слова. Придется набраться терпения и заниматься проблемами поочередно, однако первым делом надо найти незнакомца с кладбища. Вот только редакция была еще заперта, на двери листок: «Откроемся в 14:00».

Вот невезуха.

Сейчас лишь начало девятого. Кто может рассказать мне про этого бродягу? Спрашивать у прохожих на улице? У торговцев? Почему бы и нет? Я постоял в задумчивости. Справа начиналась торговая улица, дальше порт и море. В двух шагах площадь 20 Мая, а там мэрия.

Почему бы не в мэрии?

И тут я увидел человека на красном велосипеде и сразу узнал его. Ребята прозвали его «деревенским сыщиком». Мы часто встречали его на пляже и на велодорожках, всегда такой солидный, постоянно говорил Йойо: *если что понадобится, не стесняйтесь, это моя работа.*

Он нас веселил, этот жандарм на велике. Надо же было найти такую дурацкую работу на лето.

Тем не менее если кто на острове и мог заметить моего бродягу, так именно он. Его задача — поддерживать порядок в общественных местах. Парень по-ковбойски соскочил с велосипеда у входа в мэрию.

— Мсье! — позвал я.

Он обернулся:

— Да?

— Могу я задать вам один вопрос?

Он дал понять, что загружен сверх всякой меры, ни минуты свободной, но я спросил:

— Вы не встречали здесь старика, похожего на бродягу? С длинными седыми волосами. Почти без зубов. Вы должны были его видеть, на острове таких немного. Страшноватый тип.

Деревенский сыщик улыбнулся:

— На острове куда больше людей, которых следует опасаться, чем тебе кажется, мальчик мой.

Какой я ему мальчик? Сам-то старше меня всего лишь лет на десять, не говоря уж о том, как я повзрослел за последние сутки. Ладно, прикинусь послушным малышом.

— Согласен, мсье.

— Зачем тебе этот людоед?

Ну что я за балда! Не подготовился к вопросу.

Чтобы потянуть время, я задумчиво уставился на фасад мэрии и впервые заметил, что на фронтоне вырезано только слово «Свобода», а двух других нет.

Странно.

Он проследил за моим взглядом и, видимо, решил, что я отвлекся на эту странность. Я выиграл несколько секунд и успел придумать ответ.

— Ну... я здесь на каникулах. Живу в лагере отца Дюваля, на диком полуострове. А этот человек... кажется, он имеет отношение к моей семье. Вроде бы мой родственник... По-моему, я его узнал. И хотел бы его найти.

— Родственник? — удивился велосипедист. — Знаешь, тот, кого ты ищешь, не бродяга, просто опустившийся человек. Бывший моряк. Насколько мне известно, безобидный, но торговцам не очень нравится, когда он шатается по городку. Из-за туристов. Но его не в чем упрекнуть, он не попрошайничает, только пьет слишком много, вот и все.

— А где я могу его найти?

— Он правда твой родственник?

Сомневается. Надо его дожать.

— Да, я почти уверен. Завтра у меня день рождения, приедут мои родители. Мы вместе сходим его навестить.

Простодушный тон мне явно удался, потому что он ответил:

— Летом он живет в сарае, прямо над Чаячьей бухтой. Не ошибешься, это развалюха под железной крышей, единственная постройка над морем. Дрыхнет самое меньшее до полудня. Впрочем, и после тоже. — Он взглянул на часы: — Так, мне пора, дела на острове принимают серьезный оборот. Ты, главное, один не ходи, малыш. Сейчас не время.

Подмигнул мне и скрылся в дверях мэрии.

Придуток. Не выношу взрослых, которые подмигивают тем, кто младше. Но я узнал, что хотел.

Я прикинул: сарай на другом конце острова, до него километра четыре. Посмотрел на красный велосипед — в фильмах всегда угоняют машину, чтобы выиграть время. Но меня точно сцапают и немедленно вернут в лагерь.

Четыре километра? Просто надо поспешить.

Я вдохнул поглубже и побежал. Было еще не жарко. Подумать только, до сих пор я в жизни ни разу не пробежал больше двух километров! В школе во время кросса всегда останавливался, убедившись, что учитель меня не видит.

Вскоре мне уже казалось, что ноги вот-вот откажут. По спине струился пот, сердце колотилось как бешеное.

Пришлось перейти на быстрый шаг, чтобы хоть немного отдышаться.

Вторая попытка вышла удачней, сломался я примерно через километр, снова притормозил, но не остановился. Пока тропинка полого шла в гору, я двигался шагом, но как только подъем закончился, рванул дальше.

Я знал, что на пути у меня будут Грабы, нянин дом, но задерживаться не мог и оставшееся расстояние преодолел одним махом. Мелькнули закрытые красные ставни дома Мартины. Теперь я поймал ритм и старался представить себе моряка-алкоголика, чтобы не дрогнуть, когда окажусь перед ним, не поддаться желанию снова сбежать.

Наконец я добрался до маленького холма над морем, поросшего колючим кустарником и окруженного непролазными джунглями из лип, акаций, каштанов и шелковицы. Это была самая дикая и самая безлюдная часть острова, здесь обитали одни чайки. На старонормандском чайка — *tauve*, я запомнил это из рассказа отца Дюваля, он объяснял, откуда пошло

название бухты. Я без труда нашел сарай, стоявший над морем, посреди неухоженного поля. Заброшенный амбар или что-то вроде того.

Я подошел поближе и крикнул, стараясь, чтобы голос звучал уверенно:
— Есть кто-нибудь?

Тишина.

И вдруг меня захлестнул страх, по спине поползли крупные капли пота. Я опять оказался в декорациях фильма ужасов. Пустое поле. Крики чаек совсем рядом — если только это не вороны.

Прямо передо мной чернел вход в это логово.

— Есть кто-нибудь?

По-прежнему ни звука. Я решил заглянуть в окно — на самом деле это была просто дыра в саманной стене. Внутри было темно, пришлось просунуть голову внутрь. Я разглядел старое одеяло, брошенное поверх матраса, журналы, газовую плитку. И еще там был телевизор. Очень странно — от всей обстановки веяло гнилью и запущенностью, а телевизор выглядел новым, как будто его только что распаковали. Однако антенны на крыше развалюхи не было, и я не понимал, что здесь можно ловить.

На первый взгляд в сарае никого.

Можно войти. Пошарить.

Я уже хотел развернуться, и тут на плечо мне легла рука. По всему позвоночнику пробежала дрожь, я окаменел. Скорее вырваться — вырваться и бежать со всех ног. Но вместо этого я медленно обернулся.

Прямо передо мной было изуродованное лицо вчерашнего бродяги.

26. «Honestyuu»

Пятница, 18 августа 2000, 08:35

Мэрия Сент-Аргана, остров Морнезе

Симон стоял перед дверью мэрии, думая о странном подростке, который явился с утра пораньше.

Но простоял так недолго — имелись дела поважнее. Под мышкой он держал свежий номер «Островитянина» с броским заголовком: «Жана-Луи Валерино настигло его прошлое». Симон злился. Этот Дельпеш явно оказался хитрее, чем можно было предположить. И как он додумался откопать бумаги, связанные с несчастным случаем в Сангвинариях?

Клара?

Но не мог же Дельпеш печатать тираж после часа ночи!

Он вошел в мэрию. Клара уже была там, сидела в наушниках, пыталась учить английский. Судя по тому, что она пела, в наушниках звучал Билли Джоэл. Симон молча сварил себе кофе и, устроившись в приемной, раскрыл газету и быстро проглядел. Дельпеш был хорошо осведомлен, однако ничего нового Симон не узнал, аргументы не опирались на конкретные факты. Журналист не связывал напрямую Жана-Луи Валерино с несчастным случаем, просто проводил параллель между карьерой мошенника, его поступлением на работу в мэрию и скандалом вокруг проекта строительства в Сангвинариях, случившимся вскоре после этого. В одной фразе автор статьи высказал удивление, что настолько опасный участок сочли пригодным для строительства, но дальше этого не пошел.

Он ничего не знал! Клара не проболталась. Дельпеш просто догадался, как и сам Симон.

Казанова облегченно выдохнул: он все еще намного опережал журналиста, поскольку знал, каким образом участок оказался пригодным для застройки, и почти держал в руках доказательство, что у истоков всего этого дела стоял Валерино. Зато на второй полосе «Островитянина» Дельпеш более подробно развивал другую гипотезу, говорил о связях между Жаном-Луи Валерино, компанией «Евробильд», которая строила туристический комплекс, и ассоциацией Святого Антония, владевшей участком через ее председателя Жана Реми. Симон внимательно изучил те подробности, которые ему не были известны, от краха ассоциации до

самоубийства Жана Реми. И все же одной детали не доставало. Проклятье!

А участок? Этот самый участок, из-за которого все случилось, кому он теперь принадлежит? Дельпеш что, не сподобился обновить данные?

Симон пересел к компьютеру Клары. Секретарша освободила одно ухо и чарующе улыбнулась:

— Привет, Каза.

Симон заметил, что секретарша уже надушена, накрашена и свежа.

— Похоже, у тебя с утра хорошее настроение. Спасибо, что вчера ничего не сказала Дельпешу.

— И тебе спасибо за то, что призвал меня к стойкости. Дидье испробовал все, но я держалась. Ты прав, метод отлично работает с мужчинами.

— Значит, он уже Дидье?

— Ага... Уже...

Она потянулась, давая Симону понять, что у нее ломит все тело, и вернула на место второй наушник.

— *Honestyuu...*

Симон в задумчивости пошел варить вторую порцию кофе. Как поступить? Поделиться с полицией своим открытием, рассказать о подделанных планах землепользования? Похоже, Валерино все еще в бегах, и это могло бы им помочь. А впрочем... Симону совершенно не хотелось снова идти убирать кучки, оставленные собаками, которых на острове теперь, наверное, больше, чем туристов.

Главный вопрос оставался без ответа: почему бежал Валерино? И почему именно позавчера? Какое событие заставило его сделать такую глупость и даже пойти на преступление?

С чашкой кофе в руке он вернулся к Кларе. Та вздохнула и снова освободила одно ухо:

— Что еще?

«До чего же от нее приятно пахнет», — подумал Симон и спросил:

— Кому сейчас принадлежит участок?

— Какой?

— Тот, на котором пытались строить Сангвинарии. Тот, на котором не разрешено было строить... Тот самый участок НА.

— Мне-то откуда знать? Спроси у Дельпеша.

— Ну уж нет! Только не у него!

— Тогда не знаю... Это глупо. Вы бы двигались быстрее, если бы вдвоем крутили педали велосипеда.

— Я никому не доверяю. Кроме тебя.

— Он такой же дурак! Сегодня ночью сказал мне слово в слово то же самое.

Симон вздохнул и попытался сменить тактику:

— Клара, ты сегодня очень хорошенькая. Выглядишь великолепно.

Лицо Клары озарила широкая улыбка.

— Это любовь, Каза. Тебе тоже надо попробовать.

Симон молчал. И Клара сдалась:

— Тебе надо навестить мэтра Бардона, это единственный нотариус на острове. Если кто-то и знает, кому принадлежит участок, это Серж Бардон. Ты легко найдешь его контору — улица Пивуан, последняя в городке.

— Спасибо.

— Мог бы и мне кофе сделать...

Но Симон уже исчез.

Симон стремительно промчался через городок на своем внедорожнике. Улицу Пивуан он знал: маленькая, узкая, на окраине, мостовая из серых камней чуть приподнимается к середине, как и на большей части сент-арганских улиц. У толстых каменных стен между ящиками с пестрыми цветами стояли черные велосипеды. Картинка с открытки, слишком пасторальная, слишком глянцевая для того, чтобы за ней ничего не скрывалось.

Симон без труда нашел контору — на двери висела золоченая вывеска: «Мэтр Серж Бардон. Нотариус».

Он позвонил.

Изнутри донесся шум. Звонок услышали, но отзываться не спешили. Наконец тяжелая деревянная дверь отворилась, в проеме стоял толстяк, занимая собой чуть ли не все свободное пространство. Одет он был в строгий пиджак, а красный галстук казался крохотным на безобразном животе. Почти лысый, неопределенного возраста. Нотариус подозрительно взглянул на незваного гостя, загораживая вход.

— Зачем пришли?

И в это мгновение у Симона появилось странное чувство, будто он окончательно прорвал декорацию острова, поставленную для туристов, разворошил муравейник, забрался один, без прикрытия, в разбойничье гнездо.

27. Другой свидетель

Пятница, 18 августа 2000, 09:21

Чаячья бухта, остров Морнезе

Я к этому готовился и потому дернулся не так уж сильно.

— Пришел, значит, — прохрипел пьяница.

Я отвернулся, чтобы не видеть три его желтых зуба, не вдыхать его вонь. Надо просто как можно быстрее перейти к делу.

— Хочу найти отца! Потому что он жив! — выпалил я.

Оборванец и глазом не моргнул.

— Знаю, знаю...

Меня охватила безмерная радость. Он был первым человеком, который не утверждал обратного.

— Знаю, — повторил он. — Ты хочешь его видеть, еще бы. Ты ради этого и вернулся сюда. Тебе повезло. Кроме меня, никому ничего не известно. Только я знаю, когда он на острове. Знаю, когда его здесь нет. Знаю, где он. Он не часто приезжает... А когда приезжает, то скрывается. Кепка, борода, темные очки. Не надо бы, чтобы его узнали... Вот уж не надо...

Он потянулся ко мне, но я отступил.

— Почему?

— Это уж пусть он тебе объясняет. Здесь никому нельзя доверять. Это нехороший остров. — Оглянувшись, он сплюнул на землю и продолжил: — С первого взгляда этого не поймешь. Идешь и видишь солнце, море, чаек. Но здесь все прогнило. Люди держат в себе секреты, из-за которых постепенно разлагаются изнутри. Они родились с этими секретами. Это как яд, который у них в крови, они заражают им друг друга, отцы заражают детишек. Через кровь, через сперму. Преступления, о которых нельзя рассказать. Убийцы, которых нельзя выдать. И так с давних времен. Боишься меня, а? И правильно, не доверяй никому! Особенно мне!

— А мой отец?

— Да, верно. Ты здесь из-за него. До меня тебе дела нет. Ты хочешь его увидеть, в самом деле хочешь?

По моим глазам было понятно, как я загорелся.

— Ну что ж... В конце концов, не мое это дело. Ничего сложного. Возвращайся сюда сегодня вечером. Подождешь его в маленькой бухте

внизу. У него моторка. Он причаливает вечером, незаметно. Не спрашивай меня, чем он занимается. Я про это ничего не знаю и знать не хочу. Но в это время он почти каждый вечер приплывает на час или два. После десяти. Я его вижу отсюда. Один только я на всем острове. С моего места лучше всего видно.

Он зашелся kloкочущим кашлем.

Я не мог поверить.

Если он не заговаривается, я уже сегодня вечером смогу увидеть отца! После десяти. Это самое подходящее время, чтобы сбежать из лагеря.

Неужели это правда? Уж слишком хорошо все складывается. Оставался один вопрос, не дававший мне покоя.

— Как вы меня узнали? Как вы поняли, кто я такой?

Он не удивился и ответил:

— Спросишь у отца, меня это не касается. Я сделал, что должен был.

— Что именно?

— Сказал тебе, как его найти!

— Откуда вы знали, кто я?

— Знал, и все. На этом острове все врут. Усвой хорошенько: те, кто ничего не говорит, самые честные. — Он отвернулся и проворчал: — Вечером я буду спать. Не лезьте ко мне, когда встретитесь.

28. Подарок ко дню рождения

Пятница, 18 августа 2000, 09:57

Улица Пивуан, остров Морнезе

Нотариус сделал еще шаг, окончательно заслонив собой дверной проем.

— Зачем пришел?

Симон представился, стараясь держаться с достоинством, но не переусердствовать.

— Симон Казанова, служба безопасности острова Морнезе.

Серж Бардон захохотал так, что все его жирное тело затряслось.

— Черт возьми! Служба безопасности острова Морнезе. Смешнее не придумаешь. Такая существует? — И с презрительным видом взглянул на служебный велосипед, прислоненный к стене.

Уязвленный Симон повторил официальным тоном:

— Я обеспечиваю безопасность на острове. Уполномочен муниципалитетом...

Серж Бардон фыркнул:

— Это что, разбойничья шайка из мэрии платит детишкам, чтобы они обеспечивали безопасность? Докатились! — И прибавил, взглянув на раздосадованного Симона: — Не обижайся, мальчик. Выглядишь ты не очень серьезно. Да, я вижу, что ты стараешься изо всех сил. Ты не здешний, вот в чем дело.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов. Можно войти?

Нотариус выпятил живот.

— Нет, нельзя. Сюда входят только клиенты. Это островной бункер. Сейф. Тебе не сказали? Последнее место, куда не посмеет сунуться здешняя шпана. Никто не входит и ничего не видит.

Туша Сержа Бардона в дверном проеме практически полностью скрывала помещение конторы.

Нотариус снова засмеялся.

— Валяй, задавай свои вопросы. А я посмотрю. В конце концов, может, ты даже честный человек. Раз не местный и живешь здесь недавно, такое не исключено. — И он, словно обессилев от смеха, прислонился к дверному косяку.

— Это насчет территории аббатства, — сказал внезапно оробевший

Симон. — Насчет участка, на котором десять лет назад начинался строительный проект. Сангвинарии.

— И что?

— Я просто хотел бы знать, кому он сейчас принадлежит.

Мэтр Бардон озадаченно уставился на Симона:

— Черт возьми, меня посетил поборник справедливости. Сам Зорро. Давненько на острове такого не видывали. И почему же, мальчик мой, тебя интересует клочок пустынной песчаной равнины?

Симон медлил с ответом, и нотариус прибавил:

— Это любопытно, тебе не кажется? Десять лет на острове длится затишье, а потом одно за другим: Жан-Луи Валерино бежит из тюрьмы, ты являешься и начинаешь расспрашивать про этот клочок земли. Именно сегодня.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего, просто к слову пришлось.

Симон вздохнул, но не отступил.

— Но имя владельца участка вы можете назвать. Это вовсе не тайна.

Бардон еще внимательнее всмотрелся в Симона.

— Не знаю, во что ты ввязываешься, малыш, но думаю, что господин мэр платит тебе не за то, что ты роешься в бумагах... И думаю, что он не обрадуется, узнав об этом.

— А вы донесете? — поддел его Симон.

— Не зарывайся! — Нотариус повысил голос. — Ты, мальчик, имеешь дело с Сержем Бардоном. Я сказал это для твоего же блага. Не только мэру, многим захотелось бы узнать про твои изыскания. Здесь все довольствуются трепом «Островитянина», это успокаивает совесть и к тому же развлекает. Ну что? Все еще уверен, что хочешь копнуть глубже?

Симон в упор посмотрел на нотариуса:

— На все сто!

— Хорошо. Я тебя предупредил. Потом придется жать на педали. Тебе ничего не спустят, мальчик мой.

Симон начал заводиться.

— Я и так жму на педали, не беспокойтесь.

Бардон сочувственно глянул на прислоненный к стене двухколесный внедорожник.

— Ладно, слушай. Имя владельца Жан Реми, он возглавлял ассоциацию Святого Антония, они пятнадцать лет раскапывали недра аббатства. Славный малый, купивший участок за гроши, когда здесь еще не было ни парома, ни туристов.

Симон заподозрил, что нотариус над ним попросту издевается, и сухо заметил:

— Умер он, ваш владелец. Десять лет назад умер.

— Да-да. Не спорю, умер. Это всем известно. Но пока другого владельца нет.

— Все эти годы?

— Все эти годы.

— И такое законно?

— Да, потому что Жан Реми оставил мне точные распоряжения, перед тем...

— Перед тем как покончить с собой? — перебил его Симон.

— Именно. Перед тем как уйти, он поручил управление участком своему другу, Габриелю Бордери.

Симон старался все запомнить.

— Кто он, этот Бордери?

Нотариус достал платок и вытер лоб. Становилось жарко, а Серж Бардон не привык днем покидать свою контору с кондиционером.

— Не хотите войти? — с легкой насмешкой поинтересовался Симон.

— Не испытывай мое терпение, — проворчал нотариус.

— Так что этот Габриель Бордери?

— Ты, возможно, слышал про компанию, которой он руководит. «Эко-Стоун». Одна из трех крупнейших строительных компаний в средиземноморском бассейне. Он ворочает миллионами. Дальше растолковывать не стану.

— А почему Жан Реми доверил свою собственность торговцу бетоном?

— Должно быть, потому, что не воспринимал его как торговца бетоном. Габриель Бордери из «зеленых». Во всяком случае, раньше был таким. Он поднялся на волне интереса к возобновляемой энергии, биоматериалам и всякому такому. На этом и сколотил состояние.

— А как он оказался на острове?

— Габриель Бордери тоже увлекался археологией, с Жаном Реми они дружили с детства. В течение многих лет он финансировал раскопки в аббатстве. Филантроп. Для имиджа его компании лучше не придумаешь. Они с Жаном Реми и проектом Сангвинарии вместе занимались.

— Мне казалось, строительством занималась компания под названием «Евробильд», — удивился Симон.

— Это первоначальное название компании Габриеля Бордери. После несчастного случая и скандала он ее переименовал, превратив «Евробильд»

в «Эко-Стоун». Логично, правда? Говорю тебе, он хитер. Как видишь, несчастный случай в аббатстве не помешал ему преуспеть в другом месте.

— По-моему, дело прекратили за отсутствием состава преступления.

— И да и нет. Жан Реми взял всю вину на себя. Его смерть была всем на руку.

Бардон снова утер пот, шумно отдуваясь. Симон старался собраться с мыслями. Удержать его, что-то придумать, еще о чем-нибудь спросить.

— Постойте! Вы сказали, что Жан Реми поручил управление Габриелю Бордери. А в чем разница между тем, чтобы распоряжаться имуществом и владеть им?

— Владеют единолично и постоянно. А распоряжаются в течение определенного времени.

— Хотите сказать, что Габриель Бордери должен был распоряжаться участком только временно?

— Не очень-то шустро ты соображаешь, мальчик. Именно это я тебе и толковываю. Определенный срок. Такова была последняя воля Жана Реми.

— И какой же срок?

— Ты наглеешь, малыш.

— А все-таки?

Серж Бардон окинул Симона долгим оценивающим взглядом, словно решал, можно ему доверять или нет.

— Хорошо. Ты сам напросился. Добро пожаловать в клуб посвященных, которым не дотянуть до глубокой старости.

Симон невольно поежился. Нотариус медленно проговорил:

— Габриель Бордери должен был управлять этим участком в течение десяти лет.

— И после смерти Жана Реми прошло как раз десять лет!

— Не совсем так. Десять лет без нескольких дней.

— А... а кто наследник?

— Сын Жана Реми, — бесстрастно ответил нотариус. — Его единственный сын. Колен Реми. По завещанию отца Колен должен вступить во владение землей аббатства в день, когда ему исполнится шестнадцать лет. Как раз завтра это и случится.

29. Второй подарок ко дню рождения

Пятница, 18 августа 2000, 09:20

Чаячья бухта, остров Морнезе

Я рванул со всех ног, проорав «спасибо!» старому алкоголику. Мне надо было успеть вернуться в лагерь до десяти.

Как ни странно, ноги мне подчинились. «Все у нас в голове», — подумал я. Ключ к спортивному подвигу — воля и вера в себя. И это лишило всякой таинственности в моих глазах тех парней, которые в спорте сильно меня опережали. Может, и с отличной учебной дело обстоит так же? И с успехом у девушек?

Вера в себя!

Срезав напрямик через аббатство, я преодолел расстояние, отделявшее меня от лагеря, за какие-то двадцать минут. Меня подгоняла уверенность, что уже сегодня вечером я увижу отца.

Живого. Сегодня вечером!

Почти добежав до лагеря, я на минуту остановился, чтобы оценить обстановку. Девушки и Стефани возвращались с выстиранным бельем, а Йойо с вдохновенным видом брэнчал на гитаре и явно унесся далеко от окружавшей его мелкоты. «Ксантии» отца Дюваля на месте не было — наверное, поехал в гипермаркет на континент.

Путь свободен!

Я незаметно пробрался в лагерь. Увидев меня, Мади поспешила навстречу, и мы устроились под давно одичавшей яблоней, вскоре к нам присоединился Арман.

Я ликовал.

— Вы понимаете? Этот пьяница — первый взрослый человек, который подтвердил, что мой отец действительно жив.

— Отличный свидетель, — скептически заметил Арман.

— Ты не понимаешь, — ответил я. — Все остальные считают моего отца умершим, поскольку он инсценировал самоубийство. Но этот старый моряк видел его *после того!*

— В любом случае сегодня вечером ты все узнаешь, — сказала Мади. — Хочешь, мы пойдем с тобой?

— Нет! — почти взвыл я. — Вы необходимы мне в лагере. Я должен

пойти один.

— Не уверена. Это может быть опасно, вдруг там ловушка? — встревожилась Мади.

— Опасно разве что для его чувствительного сердечка, — съязвил Арман. — Самое большее, что тебе угрожает, — прождать всю ночь на пустом пляже. План выглядит хреново, так что сильно не надейся. Все-таки подозрительно, что единственный человек на острове, узнавший твоего отца, совершенно опустившийся тип.

— Арман, у меня нет выбора, и я готов рискнуть.

Мади вытащила из кармана маленький складной нож, протянула мне:

— Вот, держи — на всякий случай.

Меня тронул ее поступок. Мади показалась мне хорошенькой с мокрыми волосами, закрученными в махровое полотенце, вода стекала на майку, намочив ее до сосков. Я зажал нож в руке и подумал про приятеля, который ждет Мади в ее квартале. Существует ли он на самом деле или она его выдумала, чтобы никто из парней к ней не приставал?

— Спасибо. — Покраснел я или нет? Спрятал нож в карман и добавил: — Вы мне сегодня вечером понадобится.

— Ладно, — вздохнул Арман. — Отплатишь тем же, когда мы с Камиллой пойдем вдвоем купаться ночью.

— Да не вопрос.

Камилла была самой красивой девочкой в лагере.

Мне оставалось смирно дожидаться вечера. Сомнения Армана и опасения Мади меня не охладили.

Встреча с отцом станет самым прекрасным подарком на день рождения.

Все шло гладко. Даже слишком гладко. Это было странно. Как будто ангел-хранитель внезапно решил подтолкнуть меня к новой судьбе.

30. Служебная машина

Пятница, 18 августа 2000, 9:41

Улица Пивуан, остров Морнезе

Ошарашенный Симон пытался переварить новую информацию.

Сын Жана Реми совсем скоро, через сутки, должен вступить во владение пресловутым куском острова, участком, который подделали на плане землепользования. Расследование принимало новый оборот. Совпадений с избытком, пусть даже он пока не понимал, как связаны все эти события.

Бардон улыбался, явно довольный.

— А сын в курсе? — спросил Симон.

— Всё, мальчик мой, — проворчал нотариус. — Думаю, я сказал достаточно. Мое дело — защищать интересы клиентов.

— Так сын в курсе? — повторил Симон.

— Наверное.

— А где он живет?

— До свидания, малыш. Ты, похоже, из упрямых. Так что желаю удачи, она тебе пригодится. Помни, моя контора — единственное надежно защищенное место на острове, единственное, где не пахнет гнилью. И вот тебе доказательство — это единственный дом на Морнезе, у которого ставни не красные!

И правда... Раньше Симон этого не замечал. Ставни всех других домов на улочке были выкрашены в ярко-красный цвет, как и у большей части домов на всем острове. Красный великолепно контрастировал с зелеными, синими и желтыми оттенками цветочных ящиков на подоконниках. И только у конторы закрытые ставни были белые.

Нотариус захлопнул дверь.

Симон узнал достаточно. Запомнил имена. Найти всех этих людей будет не так уж и трудно, а нотариус все равно больше ничего не расскажет.

Он не спеша катил к мэрии, чувствуя, как в душе нарастает уверенность. Он был прав. Прав во всем от начала до конца.

Завтра участок сменит владельца, сын Жана Реми через десять лет после смерти отца получает наследство. А Валерино бежит из тюрьмы Мазарини.

Два исключительных события, которые происходят одновременно, не

могут не быть связаны между собой.

Валерино не случайно совершил побег за несколько дней до того, как юный Колен Реми должен был вступить в законные права на владение участком. Но какую цель преследовал преступник? Что задумал?

Симон полагал, что он один может это узнать. Но тут его посетила другая мысль — этому парнишке, Колену Реми, угрожает опасность.

Клара сидела за компьютером, раскладывала пасьянс. Босые ступни она пристроила на соседний стул, в пятно солнечного света.

— Ты, я вижу, не слишком занята? — ворвавшись в комнату, спросил Симон.

— Велено хранить молчание! Приказ мэра. Хранить полное молчание. Журналистам ничего не говорим. Не пугаем отдыхающих. Не мешаем полиции работать.

— Гарсья все еще в тропиках?

— Да. А что ему тут делать? — Она кивнула на телефон со снятой трубкой:

— Звонящие слушают убаюкивающее сообщение, записанное господином мэром. *На Морнезе все хорошо. Погода прекрасная. Вода теплая. Полиция все контролирует.* От подробностей я тебя избавлю. Советникам и служащим он тоже разослал сообщение: нельзя сорвать туристический сезон из-за одного беглого арестанта, который наверняка уже перебрался на континент.

Симон аккуратно приподнял загорелую ногу Клары, опустил ее на пол и устроился рядом с секретаршей.

— Я только что от нотариуса. По-моему, темная личность, тебе не кажется?

— Ничего подобного. Выглядит он устрашающе, но все здесь считают его честным человеком.

— Неужели?

— Да. Говорят, больше двадцати лет назад его старшая дочь умерла от передоза — на континенте, недалеко отсюда. Попала в сети к молодым дилерам родом с острова. Он их знал. И он их выдал. После чего у него начались большие неприятности. Многие люди на острове хотели бы от него избавиться, но, похоже, он знает секреты каждого. И он осторожен. Один из редких людей здесь, кому можно доверять.

— Угу, — промычал Симон, не слишком убежденный. — Ты все так же ловко шаришь в Сети?

— Лучше всех. Что тебе найти? Сайты знакомств? Караоке? Светские

сплетни?

— Телефонный справочник.

— И только? Кого ты ищешь?

— Габриеля Бордери.

— Других сведений нет?

— Кажется, живет где-то на Лазурном Берегу, президент «Эко-Стоун».

Это крупная строительная компания, раньше называлась «Евробильд».

— Каза, ты зарываешься. Будь осторожнее, не то получишь по носу.

Клара безуспешно пыталась найти адрес Габриеля Бордери во всех департаментах юга Франции, зато без труда отыскался юридический адрес компании — она была зарегистрирована в Сент-Андре-де-ла-Рош, на северной окраине Ниццы.

— Скорее всего, он и живет где-то неподалеку, — сказал Симон.

— Ага. Только этот тип в закрытом списке. Ничего удивительного, раз он важная шишка на Лазурном Берегу.

— А если позвонить в компанию, как думаешь, они дадут его адрес?

— Разбежался. По-твоему, секретарши — полные идиотки?

Симон благоразумно отступил.

— Ладно, ладно, не сердись. Ниточка номер два. Наследник... Колен Реми. Ты в те годы жила на острове?

— Конечно. Мне еще тридцати не было — молодая, красивая и соблазнительная, весь остров валялся у моих ног. Райская жизнь.

Симон посмотрел на слегка морщинистое лицо Клары и не решился опустить глаза на смуглое декольте. Коротенький оранжевый топик в цветочек мало что скрывал.

— Я шучу, Каза. В то время я была влюблена в одного местного мальчонку, который сбывал краденые автомобильные радиоприемники и запчасти, и верна ему... Он, наверное, и сейчас где-нибудь здесь отирается — между отсидками.

— А что насчет сына Жана Реми?

— Совсем его не помню. Знаю лишь то, что известно всем. Его отец утонул, мать вскоре разбилась на машине, сироту забрали дядя с тетей. Они уехали на континент, и больше о них никто ничего не слышал. С тех пор прошло...

— Десять лет, не напрягайся. Десять лет, день в день. Ты знаешь фамилию дяди?

— Сейчас найду. Вроде бы мы как-то все отсканировали.

Клара проворно потыкала в клавиши и открыла папку с архивами, потом другую, под названием «Ассоциации», а следом еще одну —

«Ассоциация Святого Антония». На экране появилась цветная фотография с подписью «Жан Реми, руководитель». Симона поразили открытый взгляд и веселая улыбка загорелого мужчины с высоким лбом и длинными волосами. Еще на нескольких фотографиях была представлена ассоциация. Молодые люди на снимках работали под палящим солнцем, ворочали камни, копали, ели за большим столом. Дальше шли фотографии развалин, камней, осколков фаянса, все пронумерованные и подписанные.

— Они кажутся счастливыми, — сказал Симон. — Ты их знала?

— Не так чтобы хорошо, — ответила Клара. — Они были здесь чужими, путались под ногами, везде лезли. Так про них говорили у нас дома. Мне-то они скорее нравились, эти загорелые хиппари, и бицепсы у них были будь здоров, ведь они целыми днями ворочали камни. И выглядели экзотично... Но я была при своем парне. А всем на острове хотелось одного: чтобы они свалили.

— Настолько всем мешали?

— Похоже на то.

— Ладно, как фамилия дяди и тети?

— Без проблем.

Она прокрутила немного вниз, открыла вордовский файл, появился список членов ассоциации. Клара остановилась на именах Тьерри и Брижит Дюкурре.

— Вот, это точно они.

— Возвращаемся к справочнику?

Поиски не заняли и двух минут. Некий Тьерри Дюкурре проживал в коммуне Кормей-ан-Паризи, сквер Луизы де Вильморен, дом 2.

— Бинго! Я звоню.

Клара вздохнула и вернулась к пасьянсу.

Симон ждал долго, но впустую. Больше десяти гудков — и полное разочарование.

— Никого! — сказал он.

— Или на работе, или уехали в отпуск.

— Черт!

— А ты что думал? Надеялся распутать это все телепатически, не выходя из мэрии? Дозвонишься в обед. Или вечером. Или завтра. Спокойно, Каза. Хочешь, включу караоке, споем дуэтом, чтобы ты расслабился?

Симон, не соблазнившись этим предложением, принялся рассуждать вслух:

— Мальчик в опасности. Этот Колен Реми оказался в эпицентре циклона. Ты права, Клара, телепатия здесь не поможет. И я не стану ждать как дурак до обеда или до вечера.

Клара просматривала названия.

— «Однажды». «Она снова мне приснилась». Давай попробуем.

Симон не слышал — он сосредоточился на какой-то мысли.

Клара продолжала развлекаться.

— Ну давай! Самое-самое! Питер и Слоун? Нет? «Слова»? «Слова», Далида и Делон?

— Сколько отсюда до Кормей-ан-Паризи? С паромом на все про все часов пять?

Клара оторвалась от списка и язвительно заметила:

— Если ты на велосипеде доедешь от Морнезе до Парижа за пять часов, то бросай работу и получи желтую майку лидера.

Симон не ответил.

— Пять часов... После обеда я буду на месте. На дорогу туда и обратно самое большее десять часов... Обернусь за день.

— Ты в курсе, что просто крутишь педали? Хочу напомнить, что в Сент-Аргане нет служебной машины.

Симон широко улыбнулся секретарше, сверкнув белыми зубами, и невинным тоном спросил:

— У тебя же «твинго», да?

Клара вскинулась:

— И речи быть не может, Каза, даже не мечтай!

— Если не гнать, я смогу вернуться к полуночи.

— Даже не думай.

— Тебе ведь сегодня машина ни к чему?

— Говорю тебе, и не проси...

Симон заглянул Кларе в глаза. Она и не замечала, какие они у него голубые.

— Ну и ладно, — лениво процедил Симон, — будем спокойно ждать здесь. Давай свое караоке. Что предлагаешь? Ринго и Шейла, «Оставим гондолы в Венеции»? В конце концов, нам нет никакого дела до того, что по острову шляется беглый каторжник и зарывает трупы на пляжах, где играют детишки. О его следующем убийстве нам сообщат по радио, сегодня в полдень или вечером. Где-то в парижском предместье. И жертвой почти наверняка станет этот мальчик-сирота, Колен Реми.

Клара с воплем вскочила и встала перед Симоном, так что он едва не ткнулся носом в ее декольте.

— Ты меня достал, Каза! Вот где вы у меня все, все мужики! Ключи от машины у меня в шортах. Можешь достать.

31. Он?

Пятница, 18 августа 2000, 17:47

Лагерь на диком полуострове, остров Морнезе

Остаток дня пролетел быстро, даже занятия в парусной школе. Я ждал вечера, стараясь не привлекать к себе внимания, а незадолго до ужина начал изображать усталость — зевал, вздыхал. Это оказалось не так уж и трудно — за последние две ночи у меня набралось маловато часов сна. Едва закончив есть, я демонстративно уткнулся в книгу, отказавшись от всех предложений во что-нибудь поиграть.

— Сил нет ни на что.

Арман меня прикрывал.

— Отстаньте от ребенка. К нему завтра семья приедет, он должен выглядеть пристойно.

В девять я заявил, что пойду спать, Йойо и Стефани ничего не имели против. В палатке я набил спальник шмотками и подушками и пристроил его так, чтобы издали казалось, будто в нем кто-то лежит. В палатке темно, я не сильно рисковал. Для большей безопасности Арман и Мади по очереди должны были следить за всеми, кто входит в палатку и выходит из нее.

Я посмотрел на часы. 21:04.

Через минуту Арман отведет Йойо и Стефани в сторонку, чтобы сделать признание. Он решил наврать, что ему кажется, будто одна из девочек, Виржини, самая страшненькая, от него забеременела. Йойо и Стефани не настолько глупы, чтобы поверить, но им все-таки придется его выслушать. Просто на всякий случай...

21:05.

Путь должен быть свободен. Я выбрался наружу.

Никого не видно. Похоже, Арман отлично справился со своей ролью.

Уже стемнело, и я, прячась за деревьями, вышел из лагеря, никому не попавшись на глаза. Отойдя метров на двести, включил карманный фонарь. Я все видел и так, но сердце бешено колотилось, а луч света меня успокаивал. Идти надо было около получаса, потому я не торопился — не хотел показаться вымотанным или перепуганным, мне необходимо произвести самое лучшее впечатление. В жизни своей я так не волновался. Говорят, актеры чувствуют что-то похожее, перед тем как выйти на сцену.

Дорога показалась на удивление короткой, и хоть я не бежал, но быстро оказался возле бухты. Вот и сарай моряка на вершине холма. А ведь я даже имени этого человека не знаю. Заметив сквозь дыру, заменявшую окно, голубое свечение, я решил, что в сарае включен тот новый телевизор.

Было тепло, дул легкий ветерок, мерно плескались волны. Отсюда, сверху, до моря метров двадцать.

Он был там.

Внизу, в полутьме, я отчетливо видел привязанную надувную лодку и мужчину, выгружавшего ящики.

Со спины.

Невозможно сказать, был ли это мой отец. Я не знал, что делать — окликнуть его или самому идти на пляж.

В конце концов решил спуститься, но в последний момент передумал, остановился и сдавленным голосом позвал:

— Папа?

32. Тупик

Пятница, 18 августа 2000, 17:57

Кормей-ан-Паризи

Симон съехал с шоссе А15 в 17:53.

Он устал.

Потерял кучу времени на окружной дороге, после того как свернул с нормандского шоссе, — радости вечера пятницы в парижском регионе.

Но он наконец добрался! От съезда с шоссе до Кормей-ан-Паризи было рукой подать. Симон не мог не признать, что Кларин «твинго» работает как часы, единственным «но» оказалась стопка CD-дисков: от Гольдмана, Балавуана и Обиспо^[9] у него случился передоз французской эстрады. Правда, плюс у этой музыки все же имелся — она не мешала думать.

Обо всех совпадениях.

Когда он пропустил поворот на Кормей-ан-Паризи, Гольдман в третий раз пел «Мы поедem». Симон хотел свернуть на следующей развязке, но очутился в потоке медленно ползущих машин посреди какой-то просто бесконечной торговой зоны Шатенье.

— Кретины, — процедил Симон, — даже в августе набивают свои тележки.

Никак не меньше четверти часа ушло на то, чтобы выбраться из ловушки и вернуться обратно на шоссе. Еще несколько круговых развязок — и он опять поехал не в том направлении, в Аржантей. Карта была разложена на переднем пассажирском сиденье, он пытался краем глаза на нее поглядывать, но в результате несколько раз чуть не съехал с шоссе, а когда за окном снова появился указатель «Аржантей», только громко выругался.

Разворот.

Промаявшись больше двадцати минут между Аржантеем и Сартрувилем, он наконец сумел въехать в Кормей-ан-Паризи и, двигаясь по бульвару Жоффра, отмеченному на плане, который Клара распечатала для него из интернета, нашел улицу Шату. Эта улица должна была вывести его к скверу Луизы де Вильморен, где жила семья Дюкурре. Симон уже решил, что мучения закончились, но оказался поочередно в скверах Бориса Виана и Гийома Аполлинера. Наконец, развернувшись еще несколько раз и

обложив себя последними словами с ног до головы, Симон добрался куда надо.

Вокруг ни души, ставни почти у всех закрыты. «Захоти я обчистить дом, — подумал Симон, — лучше места не найдешь».

Он отыскал в глубине одного из тупиков строение под номером два — маленькое и ничем не примечательное. Белые стены, крохотный садик, ворота из дерева экзотической породы, слишком монументальные для дома такого размера. Но главное...

Закрытые ставни.

Симон проглотил очередное проклятье. Припарковался, проверил фамилию на почтовом ящике.

Тьерри и Брижит Дюкурре.

Никаких сомнений. Это здесь!

Он позвонил.

Никто, разумеется, не открыл.

Он посмотрел на часы. 18:43.

Оставалась слабая надежда, что они на работе или вышли за покупками и скоро вернуться. Но кто будет закрывать ставни, чтобы сходить в супермаркет? Он окинул взглядом ближайшие дома. Соседний выглядел обитаемым, одно из окон открыто. Симон подошел к двери, но не успел позвонить, как словно по волшебству перед ним появилась старуха. Либо она его подстерегала, либо наблюдала, присев на корточки, за своими цветочками — достаточно ли быстро они растут.

Симон вежливо улыбнулся:

— Добрый вечер, мадам.

Старуха поглядела на него с подозрением.

— Я ищу Тьерри и Брижит Дюкурре. Их нет дома?

Соседка уставилась на номерной знак «твинго». «Не из болтливых», — подумал Симон.

— Уехали в отпуск, — нехотя проронила она. — Вернутся не раньше чем через неделю. Вы родственник?

Симон мысленно чертыхнулся.

— Скорее друг. Вы не знаете, можно как-то с ними связаться? У них есть мобильный телефон?

Старуха смотрела все более неприветливо. Друг, который не знает номера телефона. Здесь что-то нечисто... И она быстро закруглила разговор:

— Я вообще ничего не знаю. Слежу, кто приезжает и уезжает, это все. Остальное меня не касается.

— Но, может, вы хотя бы знаете, куда они отправились?

Нет, эту крепость так просто не взять.

— Обычно они присылают мне открытку. Но не заранее, понимаете? Раз люди уехали сегодня утром, открытки еще нет.

— Понимаю... А раньше куда они ездили?

Соседка нахмурилась, помедлила с ответом.

— Всегда к морю. Он любитель на лодке плавать, вот каждый год и ездят.

Дальше расспрашивать не имело смысла, и Симон сдался.

— Благодарю вас, мадам, — сказал он, заставив себя улыбнуться, и сел в машину, но успел заметить, что соседка опять уставилась на номер.

«Наизусть заучивает, „Деррика“^[10] насмотрелась...»

Медленно сдав назад, Симон выругался так оглушительно, что «твинго» содрогнулся, да и старуха наверняка услышала.

Каким-то чудом он с первого раза выбрался на дорогу и подумал, что не знает и, наверное, никогда не узнает, кто такая эта Луиза де Вильморен^[11], припарковался у автобусной остановки на улице Шату и в отчаянии схватился за голову.

Тупик. Дорога к дому номер два у сквера Луизы де Вильморен в Кормей-ан-Паризи завела его в тупик. Пять часов потрачены зря! Семья Дюкурре и сирота Колен Реми могут сейчас быть где угодно — во Франции, в Испании, в Греции или Хорватии. Как их найти?

У него оставалась в запасе еще одна идея, но окончательное решение принять было трудно. Симон посмотрел на часы и вздохнул. Похлопал себя по щекам и развернул дорожную карту Франции. Повел пальцем вдоль шоссе А6 к Лиону, Авиньону, Эксу. Спустился к Ницце и постучал пальцем по точке. Опять вздохнул, еще раз сверился с часами, улыбнулся и запел во весь голос «Мы поедem».

После чего резко повернул ключ зажигания. Мотор заурчал.

— Я выезжаю, Габриель. Считай до десяти — ровно в десять я буду на месте.

Включил поворотник и направился в сторону шоссе А15.

33. Папа

Пятница, 18 августа 2000, 21:57

Чаячья бухта, остров Морнезе

Человек повернулся.

Теперь он стоял ко мне лицом.

Хотя уже стемнело, луна была яркая, а нас разделяло метров тридцать, не больше, и у меня не осталось ни малейших сомнений.

Это был мой отец.

Живой!

Я был прав, а они все ошибались.

Я направил на него фонарь.

Свет его ослепил, он прикрыл глаза ладонью, словно раздумывал, но через несколько бесконечно долгих секунд спросил:

— Колен?

Мы смотрели друг на друга и молчали.

Он первым прервал молчание:

— Спускайся! Спускайся скорее.

Через миг я уже слетел с косогора на пляж. Мы не сразу справились со смущением. Потом он меня обнял.

— Колен! Ты нашел меня! Колен, сынок!

Он отстранился, чтобы посмотреть на меня. Руки у него дрожали.

— Подумать только, завтра тебе исполнится шестнадцать. Шестнадцать лет! Я больше десяти лет тебя не видел...

Я его рассматривал. И узнавал. Я вспомнил все, до мельчайших подробностей. Теперь у него была густая борода, и для островитян, возможно, он сделался неузнаваемым, но только не для меня — я помнил каждую черточку его лица.

Папа не стал долго тискать меня в объятиях, и я был этому рад, меня немного смущала такая близость, я не привык к подобным проявлениям нежности. Но он ощущал мое волнение, а я — его.

— Садись, — тихо сказал он.

Сам тоже сел, и мы оказались лицом к лицу на маленьком пустом пляже. Луна отражалась в воде. Чуть дальше к югу маяк Кандальников через равные промежутки времени освещал бухту лучом, словно огромный прожектор на сторожевой вышке. Кругом было тихо. Все выглядело почти

нереальным. Все, кроме сидевшего передо мной живого отца.

— Ну вот, ты приехал. Получил письмо от нотариуса?

Вопрос удивил меня.

— Какое письмо?

Настала его очередь удивляться. Наша встреча приобретала сюрреалистический оттенок.

— Ты разве не получил моего письма? Ты не из-за него здесь оказался? — Видя мое недоумение, он объяснил: — Здешний нотариус мэтр Серж Бардон должен был прислать тебе извещение примерно неделю назад, сообщить, что когда тебе исполнится шестнадцать, ты должен прибыть на остров Морнезе и зайти к нему в контору. Как ты догадываешься, дело касается наследства.

— Неделю назад я уже был тут, на острове, в лагере.

И я вкратце рассказал, каким образом очутился на острове и чем здесь занимаюсь. Отец выглядел слегка раздосадованным.

— Наверное, письмо получили Тьерри и Брижит. Они должны были тебе сообщить... Как же так...

— Папа, они завтра приедут, — перебил я.

Он словно удивился еще больше:

— Завтра? На остров?

— Да, они приедут навестить меня в мой день рождения. И конечно же, привезут письмо от нотариуса.

— Ну да, ну да...

Он задумался, ссыпал песок между пальцами. Эта тихая минута была наполнена тайной и ностальгией. Я подумал, что времени у меня много, торопиться некуда. И снова заговорил:

— Так вот почему ты не слишком удивился, увидев меня? Ты ждал, что я приеду.

Пауза.

— Знаешь, я уже ничего особенно не ждал. Это письмо я отправил, словно бросил в море бутылку. Я написал его так давно. Десять лет назад. Если бы я мог его вернуть... Но как вышло, так вышло. Главное, что смогу с тобой поговорить, объяснить, прежде чем ты его прочтешь. Но как ты меня нашел?

Я посмотрел на хижину над пляжем.

— Старый моряк.

Он улыбнулся.

— Мне бы надо остерегаться, он хитер, а с виду и не подумаешь. Но он один из немногих людей на острове, в чью честность я верю. Он бы не

выдал меня никому, кроме тебя. Ему они тоже давно сломали жизнь. Но это отдельная история.

Он замолчал, посмотрел на меня, не переставая играть с песком, и наконец произнес:

— Ты стал мужчиной.

— Да нет, — пробормотал я.

— Да-да. Впрочем, разве у тебя был выбор?

Он явно не знал, с чего начать. Я помог ему:

— Почему ты не сообщил мне, что жив?

Казалось, от моего вопроса ему стало легче.

— Я просто оберегал тебя, Колен. Ты был в опасности, и мне пришлось скрываться, чтобы все считали меня умершим.

— Расскажешь сейчас?

Я устроился поудобнее и стал слушать. Его голос убаюкивал, как в самом раннем детстве.

— Конечно. Я все тебе расскажу. Но ты должен быть очень осторожным, Колен. Очень осторожным. Никому не доверяй. Особенно на этом острове. Никому. Знаешь, это очень странный кусок земли, он лишь кажется спокойным и безмятежным, однако почти каждый его житель здесь скрывает преступление, совершенное или им самим, или кем-то из его близких. Все тут повязаны друг с другом. Как мафия на Сицилии или на Корсике, только более тайная. Северная мафия, незаметная, скрытая. Но такая же неумолимая и жестокая. Тут властвует закон молчания. Все за всеми следят, каждому есть что терять. Вот потому мне и пришлось притвориться мертвым. Я не мог доверять никому, ни единой душе. По-другому было нельзя.

— А что это за остров на самом деле?

— Знаешь, Колен, поначалу, задолго до твоего рождения, этот остров был для нас настоящим раем. Как для всех чужих, кто сюда приезжает летом, для туристов. Хотя в то время туристов было немного. Я оказался здесь, выучившись на историка. Специализация — культурное наследие и археология. Исследовал развалины аббатства Сент-Антуан — всеми забытого бенедиктинского монастыря, он был почти совсем разрушен во время революции. Сначала я приезжал сюда на несколько недель, часто вместе с твоей мамой. Мы познакомились в Кане, на втором курсе университета, нам было по девятнадцать лет. Я защитил магистерскую диссертацию по аббатству и продолжил раскопки. Работал воспитателем в интернате коллежа на континенте, но каникулы всегда проводил тут. Чем дольше я копал, тем больше убеждался, что подземелья острова —

настоящий лабиринт. Я был едва ли не первым за последние двести лет, кто стал присматриваться к развалинам. Работы был непочатый край, все еще предстояло открывать. Два года спустя мы с твоей мамой поженились.

Свадьба моих родителей. История их любви...

Пока я его слушал, ко мне возвращалось одно и то же навязчивое воспоминание: те фотографии и тот фильм, взрослые за столом и я, играющий в пыли, на земле. Мой отец сидит рядом. Поворачивается ко мне, в руке стакан вина. Беспокойная рука. Рука, гладившая ногу девушки, не мамину. Нogu рыжей девицы, этой Джессики.

Сейчас рука моего отца скользила по песку, пересыпала песчинки. Он длинно вздохнул, словно ностальгия оказалась слишком сильна.

У меня возникло ощущение, что та ласка под столом была главной причиной всего, именно она все объясняла. Мои родители так любили друг друга, все вокруг мне об этом твердили. Могла ли подобная страсть обернуться трагедией из-за банальной измены? Что в действительности случилось?

Я поднял глаза на отца и поежился.

Может, я и сейчас выдумываю себе судьбу в шекспировском духе? Из-за обычной неверности? Простого флирта? Правда, скорее всего, была удручающе проста. В конце концов, значение имел один вопрос: хватит ли у меня смелости поговорить об этом с отцом?

А он, не замечая моей растерянности, продолжал рассказывать:

— Мы с твоей мамой все чаще и чаще приезжали на остров. Я создал товарищество, ассоциацию Святого Антония, и нас постепенно становилось все больше. Твоя мама втянула в эту авантюру своего брата Тьерри, чтобы хоть чем-то его заинтересовать. За ним последовала его девушка, Брижит. Им в то время нечем было заняться. Я сумел уговорить нескольких однокурсников, но ни одного из местных. Нас уже недолюбливали — должно быть, считали, что мы лезем не в свое дело. Но я ничего не замечал, сидел в своем коконе. Фермер во владениях аббатства нас едва терпел. Мы держались только потому, что нас поддерживало Общество охраны исторических памятников, я получил все официальные разрешения, и нас нельзя было просто взять и прогнать.

— А разве участок не принадлежал тебе?

— Тогда еще нет. Фермер умер годом позже, участок выставили на продажу. У твоей мамы было отложено немного денег, она получила наследство после смерти ее деда, у меня тоже была самая малость. И еще мне помог один друг, дал займы... Ты его не знаешь.

— Президент компании «Евробильд», да?

Он удивился.

— Я вчера навестил няню. Она мне кое-что рассказала.

— У Мартины все хорошо?

— По-моему, все хорошо.

— Ты, наверное, ее порадовал.

— Думаю, да. Рассказывай дальше, папа. Так что с землей аббатства?

— Мы первыми захотели приобрести участок. В то время туристов было мало — как и машин, ведь паром еще не ходил. Участок мало кого привлекал, он буквально был завален камнями. Мы не слишком дорого за него заплатили, и он стал нашим. Для нас с твоей мамой сбылась детская мечта. В первую очередь, конечно, моя. Мы поселились здесь в восемьдесят первом. Сначала нас было пятеро: мы двое — твоя мама и я, — а несколько месяцев спустя приехали Тьерри и Брижит. И еще мой однокурсник.

— Максим? — спросил я. — Максим Приер?

Услышав это имя, папа беспокойно дернулся, но быстро справился с собой.

— Ты его помнишь?

— Нет... — промямлил я. — Няня рассказала. Что с ним стало потом?

Папа, похоже, смутился.

— Не знаю...

От его улыбки мне сделалось немного не по себе. Он улыбнулся так, будто этот Максим Приер его разочаровал. Даже больше — предал.

— Мы были близкими друзьями. Очень близкими. Он мною восхищался. Моей жизнью. Твоей мамой. Нашим браком. Я так считал. На самом деле это была зависть. Но я понял это намного позже. Намного.

Я снова вспомнил отцовскую руку под юбкой Джессики. Подумал про Максима, который завидовал отцу. Ревновал. Может, этот Максим был влюблен в мою маму? Грязная взрослая история, которой со мной не делились?

Луч маяка снова метнулся по пляжу, на короткое мгновение высветив папино лицо. Оно было спокойным, внушающим доверие. Чего мне надо? Зачем его судить, после стольких лет?

Папа рассказывал дальше:

— В первые годы мы жили коммуной, непонятно на что. Как запоздавшие хиппи. Приводили в порядок аббатство, работа не прекращалась ни на день. Заметь, это было серьезно, все контролировал инспектор по историческим памятникам. Мы копали, скребли, отчищали, восстанавливали, раскапывали целые коридоры. Согласен, непосвященным

все это наверняка казалось не слишком интересным — обтесанные камни, посуда, остатки мебели, средневековые орудия... но мы были увлечены. Восстановить аббатство Сент-Антуан — аббатство, веками обеспечивавшее благоденствие острова, ради такого стоило потрудиться несколько лет, правда? Через три года родился ты. На острове. О тебе заботилась Мартина, она была одной из немногих на Морнезе, кто нас действительно ценил. Она занималась хозяйством, готовила еду, а когда родился ты, взяла на себя заботу и о тебе. Мы все вместе прожили так около девяти лет. Это был, можно сказать, золотой век, а ты был нашим маленьким принцем, нашим общим ребенком. Помнишь то время?

Моим единственным отчетливым воспоминанием, если не считать отдельных подробностей вроде дороги от дома няни или того, как я бегал наперегонки с ее собакой, оставалось шумное взрослое застолье, стол, за которым они громко говорили, пили и ссорились.

— Да, немножко, — соврал я.

Папа понял.

— Ты был маленький. И потом...

Ну наконец-то! Я помог ему:

— И потом, что-то меня, похоже, потрясло...

— Да. Возможно, есть вещи, которые тебе хочется забыть. — Он сделал паузу, потом уточнил: — Меня, например.

Я открыл было рот, но он знаком мягко остановил меня. Несколько секунд мы молчали. Внезапно за спиной раздался шум, и я вздрогнул.

Что-то хрустнуло.

Папа, кажется, ничего не слышал. Должно быть, почудилось, а может, это какое-то животное.

— Несколько лет спустя жизнь нашей общины перестала быть идиллией. Раскопки дохода не приносили, субсидий от Общества охраны исторических памятников не хватало, да и вообще они сокращались. А главное — мы растеряли азарт. Некоторые повзрослели, что логично, женились, уехали. Если бы не мы с твоей мамой, все бы уже расстались с давней мечтой. Было понятно, что это конец, конец эпохи. В аббатство начали пускать посетителей.

Перед моими глазами встали развалины гнезда бенедиктинцев. Несмотря на наследственность, мне не удавалось найти в себе хоть каплю страсти к этим камням. Папа продолжал:

— А потом местное самоуправление установило ежедневную переправу, паром между Гранвилем и Морнезе, для развития туризма. Разумеется, обстановка на острове стала куда более напряженной, земля

резко подскочила в цене, фермеры продавали свои участки. Вскоре все взгляды обратились к нашим сорока гектарам, полого спускавшимся к морю, — огромная терраса с видом на Ла-Манш. И все члены ассоциации быстро осознали, что у них появилась возможность разбогатеть.

— Хотя участок принадлежал тебе?

— Да. По закону владельцем был я, но зато распоряжаться участком могло только правление ассоциации. Я сам когда-то настоял на коллегиальном управлении — то ли из идеализма, то ли по глупости. Благоустройство территории, поддержание порядка, возможная продажа — все решалось общим голосованием. Вопросы убытков и прибыли тоже были делом ассоциации, хотя уже довольно давно у нас были одни убытки. Для меня же участок, кроме всего прочего, был способом обеспечить себя финансово, но пусть земля принадлежала мне, однако я не располагал средствами, чтобы финансировать раскопки, покупать снаряжение, платить зарплату. Когда ассоциация стала убыточной, некоторые решили, что лучше все бросить и продать землю. Они боялись за свое грошовое жалованье, а кроме того, вообразили, что можно будет разделить между собой доходы. Официально члены ассоциации не могли получать прибыль, но неофициально... Предложения поступали отовсюду, заманчивые... Мой шурин Тьерри, который в жизни никогда ничего не делал, нигде не учился, ничего не предпринимал, был в числе желавших продать. Но в то время, в восемьдесят восьмом или восемьдесят девятом, никто не осмеливался открыто мне все высказать, а я держался стойко. И вот тогда мэрия выпустила свой снаряд. Появилось общество со смешанным капиталом «Семитим», вкладывающее деньги в развитие туризма на Морнезе.

— Что такое смешанный капитал?

— Гремучая смесь частных и муниципальных денег. Это законно и очень широко распространено во Франции. В таком государственно-частном обществе право принимать решения сохраняется за депутатами местных органов власти, но прибыль или убытки делят между собой акционеры. Если депутаты или их друзья являются одновременно акционерами — ты себе представляешь, что из этого может получиться... Так вот, у этого общества был план: купить, при посредничестве тогдашнего мэра Анри Мориссо, наш участок и превратить его в огромный туристический комплекс. Как ты догадываешься, я и помыслить не мог о продаже. Тем более под строительство! Сотни апартаментов, громоздящихся друг над другом! Сначала мэрия попробовала действовать уговорами: дескать, этот проект создаст на острове много рабочих мест, и все смогут за недорого проводить здесь отпуск. Потом они испробовали

взятки, обещания, посулы больших денег, а под конец перешли к угрозам. Прямо никогда не запугивали, но и так было понятно, что нас здесь больше видеть не хотят. Нас обещали убить — анонимно, конечно. Утром мы находили сломанные леса, помятые машины, разбитые стекла. Отыскать исполнителей для подобной грязной работы было проще простого, почти все мальчишки на острове уже побывали за решеткой. Создавалось впечатление общего заговора, против которого мы были бессильны. Мы лишились какой бы то ни было поддержки и вынуждены были перейти на осадное положение.

Отец помолчал, сжимая в горсти песок. Рука у него дрожала. Я слегка обозлился на себя за то, что расшевелил все эти воспоминания. С другой стороны, я был горд, что вот так рождалась (или возрождалась) близость с отцом — близость, заснувшая на десять лет.

— Самое удивительное, то, чего я никак не мог понять, — это как было получено разрешение на строительство. Такого не должно было случиться. Подземные ходы, вплотную к морю, близость исторического памятника — многовато причин для запрета, но они все сделали по правилам и по закону. Против нас сплотился весь остров, и за «Семитим» стоял не только мэ. Мориссо — всего лишь один из мошенников. Там собралась целая толпа муниципальных советников, земледельцев, ремесленников, коммерсантов, и все — островитяне во многих поколениях. Знаешь, Колен, у каждого из англо-нормандских островов своя темная история. Джерси стал налоговым раем, где отмывают деньги жулики со всего мира. У Сарка всегда был сеньор, там сохранялся феодальный строй. Морнезе — это тайное бандитское логово. У людей из «Семитим» имелись участки рядом с аббатством, рабочие, чтобы строить клетушки для туристов, капиталы, чтобы все это финансировать, и они твердо вознамерились обогатиться, без раздумий залив бетоном весь берег. Но руки у них были связаны. Из-за нашего участка.

— И никто вас не защитил? — удивился я.

Папа задумчиво проводил глазами луч маяка.

— Возможно, честных людей на острове большинство, но они ничего не говорили, ничего не делали, на все закрывали глаза. Понятно, что из страха. Вот так власть оказалась у «Семитим». Я решил держаться стойко, но, кроме твоей мамы, как я уже говорил, в ассоциации рядом со мной постепенно никого не осталось. Мои друзья поддались страху — страху и жажде наживы... Через несколько месяцев положение стало нестерпимым, даже твоя мама начала бояться. За тебя. Однажды вечером стена аббатства рухнула — разумеется, не случайно, мы ее восстановили за несколько

недель до этого обвала. А ты весь день играл в тени этой стены!

Отец выглядел расстроенным, как будто все еще чувствовал ответственность за случившееся. Он все глубже зарывался рукой в песок.

— Я был один. Твоя мама хотела бежать, покинуть остров, защитить тебя. Тьерри, ее брат, и Максим, мой лучший друг, сговаривались у меня за спиной, но пока еще колебались, не могли решить, продать ли участок или самим вступить в «Семитим». Я так и не узнал, какие именно предложения они получили, но за содействие им, должно быть, обещали немало. Однако я тогда был упрям. И, несомненно, глуп. У меня тоже были связи, и я решил противостоять «Семитим». Я не мог продать участок никому другому, мэрия воспользовалась бы своим преимущественным правом покупки.

Я не все понимал, никогда не слышал о преимущественном праве покупки, но лезть с вопросами не стал.

— И я ввязался в их игру. Развивать туризм на острове Морнезе? Почему бы и нет, в конце концов? Но обратился к другой компании.

— «Евробильд»?

— Да, «Евробильд»... А ты, как я посмотрю, навел справки. Тогда вокруг этого такой шум подняли. Компания специализировалась на комплексных проектах, они были активистами экологического туризма, использовали природные материалы, сохраняли зеленые зоны, совсем не строили ничего высотного. Они уже развивали эту концепцию на разных побережьях, в Ирландии, на Корсике, в Андалузии. Дело шло неплохо, а главное, я им доверял: хозяин компании Габриель Бордери был моим близким другом с детства, моим спонсором с самого начала работы на острове.

— А другие члены ассоциации согласились?

— Более или менее... Но тогда я еще мог оказывать на них какое-то воздействие, они не решались открыто выступить против меня. И проект на самом деле заслуживал доверия, хотя, как ты понимаешь, ни о деньгах за содействие, ни о личной выгоде речь уже не шла. Я сам чертил планы вместе с Габриелем. Мы дали этому проекту название Сангвинарии — это историческое название участка еще со времен Средневековья. Я хотел его сохранить, пусть даже Габриель считал его не слишком привлекательным — с коммерческой точки зрения. Мы включили в проект аббатство и крест Святого Антония, вывели из игры компанию жуликов. Мне казалось, что я нашел идеальное решение, хотя, конечно, готов был к очень сильному противодействию местных. Но знаешь, Колен, когда я обнародовал свой проект, многие на острове тайно меня поддержали, им этот проект

понравился больше. Островитяне были на моей стороне, даже если не говорили об этом вслух. Видишь ли, Колен, я в то время считал себя сильнее.

Я все больше восхищался отцом. Он был именно таким, каким мне его описывали, — энергичным, стойким, верным своим идеалам. Похож ли я на него? Достоин ли его?

Он посмотрел мне в глаза:

— Колен, никогда не надо считать себя сильнее всех. Никогда! Через полтора месяца после начала работ рухнул кран, погибли трое рабочих. И «Семитим» набросился на меня и на «Евробильд». Настоящее линчевание устроили.

Я понимал, что ему больно вспоминать прошлое, но все-таки спросил:

— А что произошло?

— По официальной версии экспертов кран установили над подземным ходом, потому все обрушилось. Кран был слишком тяжелый. Ошибка при планировании. И, само собой, в нас, археологов, стали тыкать пальцем: мы должны были знать, что над такими дырками кран не ставят. Впрочем, я с самого начала был убежден, что на этом участке строить нельзя, и все-таки сам себя загнал в ловушку с туристическим комплексом.

Он умолк, переводя дыхание. В наступившей тишине было слышно, как на холме над нашими головами ветер шелестит листьями. Или — почему бы и нет? — старый пьяница за нами следит. Маяк Кандальников снова осветил пляж, будто полицейский фонарь. Я проводил его луч взглядом. Мне хотелось попросить отца говорить тише, но делать этого я не стал.

— Лично я считаю, что кран рухнул не из-за подземного хода. Думаю, коридор под краном разрушили, поскольку балки оказались подпилены. Я знал все ходы наизусть, и для меня это было очевидно, а для экспертов с континента, к сожалению, нет. Они не поверили нашим словам про саботаж, про заговор, про мафиозный остров и про все остальное. Для них остров был населен честными людьми, вся вина лежала на ассоциации Святого Антония и компании «Евробильд». Победа осталась за «Семитим», на «Евробильд» подали в суд и разорили их. Нам ничего другого не оставалось, кроме как распустить ассоциацию и перепродать участок. А те только того и дожидались...

— И ты на это пошел?

— Ты себе представить не можешь, насколько я был сломлен смертью рабочих, трех молодых людей, семейных, понимаешь?

Папа сжал руку с горстью песка, стиснул. Меня душило волнение.

— Ты не виноват, — почти выкрикнул я. — Это был саботаж!

— Да, — спокойно сказал он. — И все же это случилось из-за меня. Из-за моего высокомерия, из-за моего упрямства, из-за принципов, которыми я не хотел поступиться. Чего стоят сохраненный пейзаж и старые камни против человеческих жизней? На этом было покончено со всеми моими идеалами. Не знаю, можешь ли ты это понять. Я распустил ассоциацию, написал прощальное письмо, где обвинил во всем себя, чтобы максимально обелить Габриеля и компанию «Евробильд», потом нанял лодку и вышел в открытое море, планируя исчезнуть. Я думал, что так никто не окажется под угрозой. Ни ты, ни мама, ни другие. Я взял всю вину на себя, решив, что, уйдя в подполье, смогу разоблачить истинных виновников, найти доказательства, изменить ход событий.

Он взглянул на волны, набегавшие на песок.

— Как видишь, я был все тем же гордым, высокомерным и самоуверенным дураком. Я и на этот раз думал только о своем достоинстве, своей репутации, своих потускневших идеалах. Я ничего не понял, Колен. Но мне некогда было думать, я действовал. Мне угрожала смертельная опасность. Как, впрочем, угрожает и сейчас. Не раз я едва ускользал от них. Здесь нельзя понять, кому можно довериться, на кого можно положиться. Еще одна причина скрываться.

Я смотрел, как набегают и отступают волны. Значит, мой отец сознательно выбрал изгнание. И решил, что больше не увидит сына... Я пытался сдержать подступавший гнев. Перейдя на нелегальное положение, папа отказался и от меня. Принес в жертву мое детство, загубленное ложью. Но, думая подобным образом, я и сам тот еще эгоист. Тысячи отцов поступают так же, и совсем не ради идеалов. Просто сбегают от семьи. У многих моих одноклассников нет отцов.

Луч маяка скользил по морю.

В самом ли деле у отца не было других причин нас покинуть, кроме благородных идеалов и утраченного достоинства? Не было ли чего-то еще? Может, дело в Джессике? Мне захотелось взять отца за руку, сжать ее, но я не посмел. Мысли мои путались, но сдержанность казалась мне само собой разумеющейся в отношениях между отцом и сыном-подростком. Физическая скованность несколько не уменьшала моего восхищения, мне больше хотелось походить на него, чем прикоснуться к нему.

Это нормально?

Можно ли в моем случае рассматривать эдипов комплекс как естественный?

Отец смотрел на меня.

Испытывал ли он те же чувства? Ту же робость, что и я, — после всех этих лет? Пустоту, оттого что за десять лет ни разу меня не обнимал? Желание сделать это, но и неловкость?.. Мы пока были чужими друг другу.

— Где ты, Колен?

Я улыбнулся. Снова что-то хрустнуло, и на этот раз обернулись мы оба.

— Что это? — прошептал я.

Отец сделал мне знак молчать. Мы прислушивались несколько долгих секунд.

Ничего.

— Ночные звуки, — объяснил папа. — Я в конце концов стал шарахаться от всего. Надеюсь, ты не станешь таким, как я: запуганной жертвой с лицом, заросшим бородой, скрытым за очками и бейсболкой.

Вопрос сам сорвался у меня с языка:

— А мама?

Папина рука снова зажала в горсти песок.

— Мама... Конечно, ты ее называешь мамой. Для меня она всегда Анна. Не знаю. Это ужасно... Я не знаю! Сбежав в лодке, оставив прощальное письмо и притворившись мертвым, я отправился к Габриелю, который нашел для меня укрытие на одной из своихстроек, рядом с Ванном. Твоя мама все знала, мы часто созванивались. Она очень тревожилась, боялась за меня, ей не нравился весь этот план, но в конце концов мне удалось убедить ее, что это лучший способ защитить вас обоих.

Теперь я понял последние мамины слова: «Твой папа теперь далеко, очень далеко. Но ты снова его увидишь, ты с ним встретишься». Она не хотела подвергать меня опасности, рассказав о бегстве отца, но пыталась успокоить, утешить.

— Как она умерла? — тихо спросил я.

Слова обожгли мне горло. Отец заговорил быстро, не переводя дыхания:

— Ее машина поздно ночью свернула с дороги. Она была одна. Врезалась в дерево. Она возвращалась на Морнезе. Никто не знает, что произошло. Наверное, никогда и не узнает. И здесь тоже принято считать, что это несчастный случай, но почти все подумали, что самоубийство, что Анна не перенесла моей гибели. Слушай внимательно, Колен: это не так. Я уверен. Она знала, что я жив, она ждала меня. Мы с ней говорили за несколько часов до того. Ты нуждался в матери. Нет, Колен, у нее не было

никаких причин сводить счеты с жизнью, бросать тебя, бросать нас. Мы любили друг друга! Мы были семьей!

Перед глазами всплыла прежняя навязчивая картинка — папина рука на бедре Джессики. Он не все рассказал. Было что-то еще. А может, он все же просто сбежал, бросил жену и сына? И мама не перенесла разрыва?

Нет! Нельзя так думать.

Он, должно быть, заметил мою растерянность и наконец-то взял меня за руку. Проговорил — медленно, убедительным тоном:

— Авария на дороге? Я не верю в такую случайность. Нет. Гибель твоей матери была им на руку, они знали, что она не уступит, не продаст участок, особенно после моей смерти. Ведь земля перешла к ней.

У меня по спине пробежал холодок.

— И пусть я не вполне уверен, но все же думаю, что они убили твою мать. Она же многое знала, была в курсе всего, мы с ней постоянно обсуждали происходящее. Она представляла для них реальную угрозу. Да, я поступил тогда неосторожно, оставив ее одну. За десять лет у меня было время все обдумать. Она была в опасности, но я этого не осознавал, не предполагал, что они настолько сильны. Они уже замарали руки кровью тех трех рабочих, и твоя мать тоже была обречена. Это преступная организация, Колен, это убийцы, они среди нас, мы их знаем, но не остерегаемся, а они повсюду и готовы на все.

Мне стало холодно. В этих разоблачениях было что-то ирреальное. Я начал дрожать. Без ответа остался еще один вопрос. Утопленник в папиной одежде.

Кто это был?

Папе тоже пришлось кого-то убить, чтобы подсунуть вместо себя?

Одного из тех, кто его предал?

Я не осмелился спросить, мне хватало услышанного. Хотелось прижаться к папе, но я не решался, мешала дурацкая застенчивость. Он считает меня мужчиной, я кажусь ему взрослее и смелее, чем есть на самом деле. Я огляделся — черная тьма, которую время от времени разгоняет луч маяка. Шумят волны. Внутри нарастал страх, я подумал про беззубого старика у нас над головой, может, он сидит перед телевизором, а может, шпионит за нами. Подумал про Валерино, этого беглого каторжника, который наверняка входил в «Семитим».

Убийца.

Возможно, убийца моей матери.

Папа придвинулся ко мне:

— Это не все, Колен. Я еще не рассказал о твоей роли во всей этой

истории. — Он положил руку мне на плечо. Она показалась ледяной. — Я хочу попросить тебя об услуге, Колен. Очень большой услуге. У меня нет выбора. Это может оказаться опасным, но для тебя куда опаснее будет, если я о ней не попрошу.

34. Ночное вождение

Пятница, 18 августа 2000, 22:01

Пункт сбора дорожной пошлины у Немура

Машина еле ползла. Симон огляделся.

Ни одного полицейского!

Он вытащил мобильник и набрал номер мэрии Сент-Аргана.

Гудки.

Дамы и господа, жители острова Морнезе, дачники и туристы, говорит Бернар Гарсья, мэр Сент-Аргана. В полном согласии с полицией и пенитенциарным центром Мазарини могу вас заверить, что отныне нет никакой опасности...

Выругавшись, Симон отключился. Он представлял себе, как мэр под пальмами безмятежно записывает свое обращение.

Ничтожество!

Он набрал номер Кларинового мобильника. Секретарша тут же отозвалась.

— Клара, это Симон.

— Каза! Наконец-то... Ты добрался до Кормей-ан-Паризи?

— И уже его покинул.

— Их там не оказалось! — торжествующе воскликнула Клара. — Я же тебе...

— Да, да, — перебил ее Симон, — их нет дома, уехали отдыхать неизвестно куда. Ни адреса, ни номера телефона. С этой стороны все глухо.

— Сочувствую, Каза. Ты должен был попытаться счастья.

— Ладно, спасибо. Все в порядке. Ты могла бы завтра утром, как можно раньше, оказать мне одну услугу?

— Нет, постой, ты что, сегодня не вернешься? Даже к вечеру?

— Послушай, Клара, это совсем пустяковая просьба. Завтра утром, от восьми до девяти, позвони в офис компании «Эко-Стоун» в Сент-Андре-дела-Рош поблизости от Ниццы и попроси к телефону секретаршу Габриеля Бордери.

Симон почувствовал, что Клара забеспокоилась.

— Похоже, Каза, у тебя есть какой-то тухлый план. Уж не хочешь ли ты намекнуть, что собрался в Ниццу?

— Дослушай до конца. Значит, ты звонишь...

— Невероятно! — взорвалась Клара. — Ты едешь в Ниццу на моей машине!

Симон гнул свое:

— Просишь соединить тебя с секретаршей...

— Будешь гнать всю ночь — и только для того, чтобы дурак дураком торчать там, потому что не знаешь домашнего адреса этого типа. Охрана близко тебя к нему не подпустит. Он ни за что тебя не примет... А может, его вообще там нет, укатил на другой конец света.

— Ты все сказала? Тогда слушай! Ты позвонишь в его приемную и скажешь, что ты — жена Габриеля Бордери.

— Что? Откуда ты знаешь, что у него есть жена?

— Почему бы ей не быть?

Клара вздохнула:

— И дальше что?..

— Ты выдашь себя за его жену и скажешь, что очень спешишь, что у тебя важная встреча, ты записана к парикмахеру или еще что-нибудь в этом роде, но у тебя такая неприятность, машина только что сломалась. Ты вызвала такси и наговорила сообщение на автоответчик хозяину ремонтной мастерской, чтобы он с утра пришел посмотреть машину. Но поскольку ты будешь у парикмахера и не сможешь ответить, то оставила телефон приемной «Эко-Стоун». Если автомеханик позвонит, секретарше надо только сказать ему, что ключи от машины спрятаны в ближайшем к воротам гаража горшке с цветами или еще где-нибудь, сама придумай, и что у машины под капотом слева что-то странно стучит. Притворись идиоткой и сочини сказочку про поломку, у тебя отлично получится.

— Я постараюсь! — сухо ответила Клара. — Только объясни, чего именно ты добиваешься?

— После этого я через полчаса сам туда позвоню и выдам себя за автомеханика. «Доброе утро, мадемуазель, мадам Бордери оставила мне сообщение и велела перезвонить вам». Секретарша исполнит мне твою песенку про аварию и расскажет, где спрятаны ключи от машины. Я сделаю вид, что все записываю, а под конец спрошу: «Кстати, чуть не забыл. А где живет мадам Бордери? Она не оставила адреса». И — опа! — девушка купилась, дело сделано! Как тебе план?

— Ты правда хочешь это знать, Каза?

— А что?

— План бредовый!

— Но?

— Но я не вижу, где здесь можно проколоться... В конечном счете ты

не такой уж глупый мальчик. Единственная проблема — проехав тысячу километров, ты, скорее всего, снова окажешься перед закрытой дверью. Мамочка и папочка Бордери наверняка проводят лето на Сейшелах.

— Там сейчас зима!

— Не умничай, Каза! И не попорти мне машину! Не торопись, поспи.

А что сказать, если кто-нибудь спросит, где ты?

— Отвечай, что не знаешь... И еще, Клара...

— Да?

— Спасибо.

— Возвращайся живым, дурачок. Этого будет достаточно.

35. Миссия

Пятница, 18 августа 2000, 22:33

Чаячья бухта, остров Морнезе

Папа потянулся. Сидеть на песке было не слишком-то удобно. Мне не терпелось узнать, что это за опасная миссия, я был заранее готов на все.

— Колен, я должен объяснить тебе кое-что насчет письма от нотариуса. Понимаешь, после смерти твоей матери «Семитим» можно было считать победителем. Они думали, что погибли мы оба, а значит, участок Сангвинариев будет выставлен на продажу. И тогда я принял решение, в котором сегодня раскаиваюсь. — Помолчав, он сказал: — Я сделал тебя официальным наследником земель аббатства!

Я ошарашенно уставился на него, а он продолжил:

— Ты был нашим единственным ребенком. Чтобы защитить тебя, в свое завещание я вставил пункт о том, что в случае смерти матери во владение участком вступаешь ты, по достижении шестнадцатилетия. В день, когда тебе исполнится шестнадцать! А до того десять лет землей должен распоряжаться Габриель Бордери. Я доверял ему, а главное, он был неуязвим. У него была серьезная поддержка на Лазурном Берегу. Тогда я не придумал лучшего способа остановить их, не подвергая тебя опасности.

Мне было трудно осознать последствия этого поступка отца, но я ничему не удивлялся. Просто слушал.

— Такой выход представлялся мне наиболее разумным. Ты был владельцем, но не мог принимать никаких решений, пока тебе не исполнится шестнадцать, ничего не мог сделать с этим участком. Они никак не могли на тебя надавить, это ничего бы не дало. К тому же ты ничего не знал, а значит, был в безопасности. Вот поэтому я ни разу с тобой не связался — ты должен был оставаться в стороне от всей этой истории. По крайней мере, пока был ребенком. Но...

Он взял меня за руку, и я снова испытал то сильное и странное чувство. Никто из взрослых уже много лет не брал меня за руку. Даже у Брижит не было такой привычки.

Я невольно огляделся в темноте. По спине побежали мурашки. Отец не стал меня успокаивать.

— Колен, тебе есть чего бояться... Моя уловка десять лет защищала тебя, а теперь... Очень жаль, но ты невольно оказался втянутым в эту

историю. Тогда я думал, что десять лет — это целая вечность, что за это время все изменится.

Я открыл было рот, но он меня остановил:

— Да, знаю. Ты сейчас скажешь, что готов ко всему, что ты уже взрослый. Уверен, что так и есть, иначе ты меня бы не нашел. Но когда я сейчас на тебя смотрю, то понимаю, что был не прав. Что для всего этого ты слишком молод. — Он чуть сильнее сжал мою руку. — Я должен сказать тебе еще кое-что. Десять лет назад только я был в курсе всего. Тьерри и Брижит многого не знали, хотя мама с ними делилась, особенно с Брижит, они были довольно близки, но трусость не давала им рисковать. Габриель в это глубоко не влезал и тоже знал не много. Максиму, моему компаньону, я давно перестал доверять. Что было бы, если бы убийцы из «Семитим» меня нашли, если бы им удалось меня прикончить? Никто никогда не узнал бы правды, наша ассоциация, само наше имя навсегда остались бы опозоренными. Они бы победили! Колен, я хотел, чтобы ты знал, кем были твои родители, и узнал это от меня. На случай, если меня не станет, если они меня убьют. Потому и написал тебе письмо, в котором изложил все, о чем только что рассказал тебе, но с подробностями, доказательствами, именами, цифрами... Письмо это представляет страшную угрозу для тех, кого я в нем обличаю, но оно, как ты догадываешься, опасно и для тебя. — Он глубоко вздохнул. — Десять лет назад я доверил это письмо здешнему нотариусу, мэтру Сержу Бардону.

Я хотел ответить, но он приложил палец к губам:

— Знаю, Колен. Я говорил тебе, что на этом острове надо остерегаться всех, но, как ни странно, нотариус Бардон доверия достоин. Слишком долго объяснять почему, но можешь не сомневаться, он на нашей стороне. Что бы ни случилось, что бы ни случилось со мной или с твоей матерью, он должен был дожидаться, когда тебе исполнится шестнадцать лет, и только в этот момент сообщить, что ты — владелец земель аббатства. Кроме того, он должен был отдать тебе мое письмо, пригласив в контору накануне дня рождения...

Я начинал понимать.

И все же совпадение меня смущало: я опередил желание отца, по собственной воле решил приехать на Морнезе, причем еще полгода назад, в феврале.

Шестое чувство? Озарение?

— В день, когда мне исполнится шестнадцать лет? Это значит, что завтра я должен явиться к нотариусу?

Отец улыбнулся.

— Да. Найти его несложно. Контора находится на улице, которая ведет из города. Он там живет, спит, ест, работает... Это настоящий бункер. Но я должен рассказать тебе еще кое-что, последнее.

Он так и не отпустил мою руку.

— Десять лет назад я отдал нотариусу очень точные распоряжения. Чтобы тебя защитить. Я не знал, буду ли жив, сможем ли мы встретиться, сумею ли позаботиться о тебе. Мои распоряжения были категорическими, они были призваны спасти тебе жизнь. Ты должен быть один, совсем один, когда он тебя примет. Там никого не должно быть, чтобы никто не мог на тебя повлиять. Никто! Ты должен открыть досье, которое я для тебя оставил, в его присутствии. И письмо, вложенное в бумаги, тоже прочитать при нем. И тогда, прежде чем тебя отпустить, он спросит, хочешь ли ты позвонить кому-нибудь, — в частности, хочешь ли ты позвонить в полицию, чтобы они за тобой приехали, чтобы взяли тебя под защиту. Вот такие я оставил распоряжения. Понятно тебе? Я мог положиться только на этого нотариуса в случае, если меня не станет. Я догадывался, что делаю тебе опасный подарок. Как только ты получишь все эти сведения, как только узнаешь имена, тут же окажешься в смертельной опасности. Мои распоряжения были просты. Тогда я думал, что это лучший выход. Впрочем, я и сейчас так думаю.

— Но ты здесь! — воскликнул я.

— Да! Они до меня так и не добрались.

Его улыбка меня не успокоила.

— Пока не добрались, мне удалось притвориться мертвым. Именно на это я и надеялся все годы. И в результате мне не придется подвергать тебя опасности, завтра мы вместе пойдем к мэтру Бардону, и тебе не понадобится читать это письмо.

Я был разочарован. Неужели отец мне не доверяет, раз не хочет разделить со мной ношу?

— А если бы я захотел...

— ...прочитать письмо? — не дал он мне договорить. — Тогда ты потерял бы покой, превратился бы в загнанного зверя. Я это знаю, сам десять лет так жил. Думаешь, это легко — заставлять родного сына верить в твою смерть? Такой жизни тебе хочется?

— Но...

Он стиснул мою руку.

— Мы еще поговорим об этом. Потом. Завтра. Это очень тяжкий груз для твоих шестнадцати лет. Странный подарок на день рождения я тебе делаю.

Я подумал, что лучшего подарка и вообразить невозможно. Конечно, я боялся, у меня мурашки бегали по спине. Но мой отец — герой, и он жив. И я хочу присоединиться к его приключениям. Вот это подарок! Земли аббатства. Письмо. Тайны. Мама, за которую надо отомстить. Мое имя, честь моих родных, которая должна быть восстановлена. Разве можно мечтать о чем-то большем?

Легкий ветерок, слишком робкий, чтобы поднять волны или взметнуть песок, осыпал мое лицо водяной пылью.

Я посмотрел на отца. А ведь я все это знал. Знал с детства. Все это было во мне. Я знал, что он жив, что от меня скрывают тайну, чтобы меня убересть, и мой отец исчез только потому, что его преследовали.

Внезапно небо опрокинулось у меня перед глазами.

Отец повалил меня на песок.

Я услышал треск, будто кто-то наступил на сухую ветку.

Отчетливо. Совсем близко. На холме.

Моя смелость тут же растаяла.

Затаившись в темноте, мы ждали, прижавшись друг к другу. Неужели только опасность могла настолько нас сблизить? Отец вслушивался.

Ничего?

Луч маяка прошел чуть дальше, осветив лишь песок и деревья. Мы медленно поднялись. Я представил себе, что за жизнь у него была все эти годы, когда ему приходилось постоянно быть начеку, остерегаться и скрываться.

Я стряхнул песок. У меня оставалось еще много вопросов.

— А что знают Тьерри и Брижит?

— Не так уж много. Я никогда им особенно не доверял. Но кроме них, у тебя нет родственников, и они кажутся мне неплохими людьми.

— Но они знали, что ты жив?

— Да. Это мне не нравилось, но твоя мама настояла и открылась Брижит. Только они и знали. Эти десять лет мы мало общались — несколько звонков, несколько писем. Я остерегался, но так мне хоть что-то о тебе рассказывали. После несчастного случая на стройке мы поссорились, на том и расстались. Они не понимали, зачем было притворяться мертвым. Должно быть, решили, что я сумасшедший или безответственный. Такие рассудительные, такие сосредоточенные на своих мелких делишках. Воображаю, как ты скучал все эти годы.

«Да», — подумал я, но что-то помешало мне признаться. Все-таки это

они меня вырастили. Я опустил голову и промолчал. Потом взглянул на часы: начало двенадцатого. В лагере все уже спят.

Я поднял глаза. Деревья над пляжем медленно покачивали темными ветками. У меня был и другой вопрос. Придется его задать.

— Тебе пора, Колен. Я тебя провожу. Завтра предстоит долгий день.

— Папа, у меня есть еще один вопрос.

В горле набухал комок, но выбора не было, и я решился.

— Есть еще кое-кто, о ком ты мне ничего не рассказал. Я видел ее на нескольких фотографиях, на этих снимках вы все обедаете под открытым небом, в развалинах аббатства.

Он удивленно смотрел на меня.

— Девушка. Рыжая девушка. Коротко стриженная. Очень красивая. На многих снимках она сидит рядом с тобой. И на видеозаписи. Я нашел кассету у Тьерри.

По взгляду отца я понял, что он взволнован, что мой вопрос задел в нем что-то важное. Что произошло с той девушкой? Не из-за нее ли на самом деле сбежал отец?

Он ответил почти сразу, глядя мне в глаза:

— Это Джессика Сонье. Ты прав, девушка очень красивая. Должно же было среди всего этого безобразия найтись немного красоты и невинности. Не волнуйся, Колен, между твоим отцом и этой девушкой никогда ничего серьезного не было. Могу поклясться в этом всем самым дорогим для нас обоим!

Я вспомнил фильм и папину руку под юбкой Джессики, но не посмел настаивать. Он казался искренним. Он поклялся. Но у меня же есть доказательство обратного, а значит, он и в чем-то другом мог соврать. Но, может, Джессика была лишь искушением, мимолетной, ничего не значащей ошибкой? Отец мог быть героем, чистым, страстным... и неверным.

Но зачем клясться?

Герой — чистый, страстный, неверный... клятвопреступник?

Никогда ничего серьезного не было...

У меня перехватило горло, я понимал, что не должен допытываться, требовать разъяснений. Боялся, что разочарую отца. Нужно сосредоточиться на моей миссии, на завтрашней встрече у нотариуса Сержа Бардона. Все остальное второстепенно.

Папа положил мне на плечо теплую руку:

— Я провожу тебя до лагеря.

Песок, затвердевший от ночной прохлады, слегка продавливался под ногами. У папы с собой был фонарь гораздо мощнее моего.

Я следовал за лучом света.

Мы вышли на дорогу.

— Сможешь завтра прийти к нотариусу к десяти утра?

— Ну... да.

Понятно, он не напишет записку, чтобы меня отпустили. Но я сумею сбежать.

— Знаешь, — сказал я, — теперь мне незачем оставаться в лагере, я ведь нашел тебя. Заберу вещи и уйду с тобой.

Он улыбнулся:

— Там видно будет. Официально я все еще считаюсь умершим. Но завтра никаких проблем, я буду ждать тебя возле лагеря. С машиной.

— Знаю, белый фургон «форд транзит».

Он удивился.

— Позавчера я видел тебя в порту, потому и начал искать. Вообще-то это странно, тебе не кажется? Никто тебя за десять лет ни разу не узнал, кроме моряка-алкоголика, а я нашел за несколько дней...

— Но ты-то, в отличие от других, был уверен, что я жив, а умерших не замечают. Особенно если они бородатые, в бейсболке и темных очках.

Наверное, он прав. Опять сработало что-то вроде инстинкта или тайного предчувствия.

Вокруг тишина, прохладно, ветер с моря подгонял нас в спину. О чем мы забыли поговорить? Я задумался.

Ну да, конечно!

— Папа, а сокровища Мазарини? Ты мне про них ничего не сказал. Это легенда или нет?

Отец оглянулся и посмотрел на меня.

— Я ждал, что ты об этом спросишь. Подростков увлекают истории про клады, правда? Я был таким же. Нет археолога, который не шалел бы от кладов. Безумство Мазарини... Завтра ты узнаешь о нем больше, Колен. В досье, которое ждет тебя у нотариуса, есть, кроме всего прочего, план и еще кое-что. Ты и это тоже унаследуешь. Годы поисков сведений о Безумстве Мазарини. Тебе еще предстоит удивиться...

Я уже почти совсем не боялся, шел легким шагом, как бывало после приключенческих фильмов. Я выходил из зала, но еще несколько минут оставался внутри истории, в образе героя.

— На самом деле, Колен, ты знаешь про Безумство Мазарини намного больше, чем думаешь. Тебе кажется, что ты все забыл, но если как следует пороешься в памяти, то за травмой, пережитой в шестилетнем возрасте, найдешь глубоко спрятанные воспоминания.

О чем он? Мне ничего не удавалось вспомнить, кроме взрослых вокруг стола, обеда, спора.

— Я правда ничего не помню... или почти ничего.

— Тебе так только кажется. Продолжай искать, сосредоточься, и память разблокируется. Во всяком случае, я на это надеюсь. Перед тем как исчезнуть, я доверил тебе важные секреты, рассказал историю, как можно ее рассказать шестилетнему ребенку, в зашифрованном виде, это было нашей игрой. Подумай хорошенько — и вспомнишь.

— Про Безумство Мазарини?

Он улыбнулся.

— Некоторые уверяли, будто я нашел клад и хотел оставить его себе. Это было одной из причин разногласий внутри ассоциации, ссор с Тьерри, Максимом и некоторыми другими. В местной газете время от времени все еще пишут, что я купил аббатство на деньги, вырученные за сокровища.

— Это правда?

— Конечно, нет.

— А то, что ты нашел клад, Безумство Мазарини, это правда?

— Я бы сказал, все чуть сложнее...

— Ты знаешь, где оно?

— Это знаешь ты!

Он прикоснулся пальцем к моему лбу:

— Где-то там.

Он опять улыбнулся.

— Поищи как следует!

Я все еще не догадывался, куда он клонит, но чувствовал, как между нами зарождается невероятная близость. Я был счастливейшим подростком на свете. Все опасности, о которых говорил папа, были какими-то... ненастоящими. Меня охватило невероятное возбуждение и вместе с тем безмятежность. «Наверное, так бывает, когда влюбляешься», — думал я. Мы шли через ланды, мой фонарь мало что выхватывал из темноты, отец молча шагал чуть позади, словно оберегая меня. Так прошло около четверти часа.

Я услышал чье-то дыхание, и тут же какая-то черная фигура прыгнула на меня.

Я выронил фонарь, он покатился по дороге.

В следующий миг передо мной мелькнуло кошмарное видение, в руках тени сверкнуло стальное лезвие, большой нож, как у мясника.

Нож совсем рядом.

Я даже испугаться не успел.
Просто подумал, что сейчас умру.
Ничего не понимая.

36. Желтая ночь

Пятница, 18 августа 2000, 23:55

Шоссе А6/Е15/Е21

Симон выехал на шоссе А6/Е15/Е21. Он где-то читал, что этот участок дороги между Боном и Лионом самый загруженный во Франции.

Еще бы, восемь полос!

Мимо проносились нескончаемые склады. Километры рифленого железа, а на шоссе — бесконечная вереница грузовиков. И как люди могут здесь жить. Фактически на шоссе. В окружении складов.

Нет, через такое место можно только проезжать, и побыстрее, не останавливаясь.

В кармане джинсов завибрировал мобильник. Симон снял с руля правую руку и, извернувшись, полез за телефоном. Когда наконец удалось его достать, телефон уже умолк. Но тут же тренькнул — голосовое сообщение. Симон поднес мобильник к уху.

Куда ты подевался, придурок? Я весь вечер тебя прождала! Думаешь, мне больше нечем заняться? Пошел ты знаешь куда!

Кандис... Симон улыбнулся: он и забыл про прелестную блондинку. Хотел было ей перезвонить — но что сказать? Что едет на юг, хочет увидеть Средиземное море? Она бы заорала в ответ, что он ненормальный. И не ошиблась бы.

Симон бросил мобильник на пассажирское сиденье. Кандис подождет. Возможно.

Это было частью игры — завоевывать ее каждый раз по новой. Он представил тело, вздрагивающее от его поцелуев, ощущение ее кожи под пальцами. Вздохнул и провел рукой по нагретому пластику руля.

Шоссе стелило под колеса машин свои восемь полос. Гольдман еще раз спел «Мы поедem». Симон смотрел на бесконечные винные склады «Критер».

Склады, склады, ничего, кроме складов.

Мысли перескочили на раскопки в аббатстве Сент-Антуан. Там, наверное, тоже есть склады, в подвалах. Крипты. Он только сейчас сообразил, что перед отъездом следовало сходить в аббатство — может, нашел бы там улику, какую-нибудь деталь. Он представил черноту

подземелий, длинные подземные ходы, соединяющие аббатство с портом, с цитаделью, с тюрьмой.

Почему бы и нет?

Подземелье под тюрьмой? И где-то там, в сумрачном лабиринте, Жан-Луи Валерино. Неуловимый.

Вот Симон медленно продвигается по темному проходу. Оружия у него нет, только свисток и дубинка вроде полицейской...

Он поежился.

Во мраке мало что можно разглядеть, как ни напрягай зрение. И тут на него надвигаются два желтых фонаря. Стремительно. Ни одно живое существо не способно двигаться с такой скоростью.

Желтые фонари уже вплотную...

37. Красная ночь

Суббота, 19 августа 2000, 00:11

Чаячья бухта, остров Морнезе

Нож совсем рядом.

Сейчас воткнется в меня. И все же я не закрывал глаза.

Замер. Смирился.

И чудо, о котором я и не молил, случилось.

Лезвие остановилось в нескольких сантиметрах.

Я сумел повернуть голову. Отец вцепился в запястье нападавшего, навалился на него всем своим весом. Я вспомнил про складной ножик, который дала мне Мади, но не мог и пальцем пошевелить. Я словно окаменел.

Папа изогнулся и внезапно лягнул темноту. Нападавший глухо вскрикнул и, не выпуская ножа, повалился вбок. Отец отпихнул меня в сторону и бросился сверху.

Я в ужасе подумал, что он сейчас напорется на нож. Сцепившиеся тела покатались по дороге, исчезли в канаве.

— Папа!

Подобрав упавший фонарик, я кинулся к обочине. В канаве боролись две тени. Отец жив! Я ощутил небывалую радость и полную беспомощность.

В темноте блеснуло лезвие ножа. Папа наклонился, будто что-то искал. Он не успеет увернуться от удара.

— Папа!

Тень с ножом на миг замешкалась, этого оказалось достаточно. Отец резко выпрямился, в руке у него было что-то увесистое, и он изо всех сил ударил бандита.

Тот рухнул. Папа поднял голову, отыскивая меня.

— Нет, Колен! Не смотри!

Однако я уже направил луч фонарика на неподвижно лежащее тело: левая сторона головы была вся в крови. Человек выглядел мертвым. Узнал я его сразу — тип с фотографии на первой полосе «Островитянина», Жан-Луи Валерино! Заключенный, бежавший из цитадели.

Папа в два прыжка выбрался на дорогу.

— Он за нами следил! И, возможно, все слышал. И успел рассказать...

остальным.

— Кто?

— Валерино. Человек, который действовал в интересах «Семитим», прокручивал в мэрии грязные дела. Его и в четверти совершенных им преступлений не обвинили, когда посадили за решетку.

— Он... он умер?

— Не знаю. Колен, тебе нельзя здесь оставаться. По-моему, он был один, но мало ли что. Возвращайся в лагерь. Быстрее! Там ты вернее всего будешь в безопасности. Во всяком случае, до завтра. Вне лагеря слишком опасно.

Я мешкал, не понимая, что делать. Отец нахмурился, и я послушался. Я всего лишь мальчишка, незачем мне в это вмешиваться. Слабый луч почти сдохшего фонаря уперся в дорогу.

— До завтра, папа. — Голос мой дрожал.

— До завтра, Колен. Без четверти десять у лагеря. Будь осторожен и, главное, помни — никому нельзя доверять. Не забывай, они очень сильны. Не доверяй никому, совсем никому.

Я бежал. Не оборачиваясь, забыв обо всем на свете — меня гнал страх. Никогда в жизни мне за один день не приходилось столько бегать. По темной, призрачной тропе, потом по такой же темной и призрачной дороге я домчался до лагеря.

Там было тихо.

Уже привычно я пробрался между деревьями, практически ничего не видя, но фонарь не включал. В голове у меня пылали слова отца.

Не доверяй никому!

Никому... Но это не может относиться к Мади и Арману, они не имеют никакого отношения к острову. И они мои ровесники, которые и не слышали ничего про старые дела.

Но кто знал, что я сегодня вечером встречаюсь с отцом?

Арман и Мади! Только они...

А что, если это один из них сообщил Валерино? Нет, что за бред. И на секунду я не мог представить себе, что Мади ведет двойную игру.

А Арман?

Он умный. И что вообще делает на острове Арман? Если хорошенько подумать, кажется очень странным, что мальчишку вроде него занесло в парусный лагерь. Объяснения он давал путаные. Настойчиво хотел со мной подружиться...

Не раздеваясь, я залез в спальник. В голове теснились вопросы.

Арман сам напросился мне в наперсники, это Мади выбрал я. Что это означает? Ладно, надо просто молчать. Неважно, замешаны они в этой истории или нет, в любом случае не стоит втягивать их еще больше.

Молчать.

Но что, если Арман — сообщник этих бандитов? Если он снова предаст меня?

В безопасности ли я здесь?

В лагерь ведь так легко проникнуть.

Я вслушался.

В палатке царила полная тишина, и я вдруг запаниковал.

Тишина была неестественной.

Я не слышал ничьего дыхания.

Мне представился чудовищный кошмар. А что, если все умерли?

Я включил фонарь и поочередно осветил спальники.

Они были пусты.

Я был один!

38. Бессонная ночь

Суббота, 19 августа 2000, 00:31

Шоссе А6/Е15/Е21

Когда Симон вдавил в пол педаль тормоза, между бампером «твинго» и грузовиком оставалось не больше трех метров. Хорошо, что сзади никто не ехал. Грузовик быстро удалялся, и вскоре его задние фары скрылись из виду.

Симон потерял глаза.

Он больше десяти часов вел машину без остановки. Без еды. Вспомнились слова Клары.

Постарайся вернуться живым.

Он похлопал себя по щекам и вскоре съехал на площадку для отдыха.

Несмотря на поздний час, на маленькой заправке былолюдно, выходные только начинались, и отпускники катили к югу. В туалете Симон долго плескал себе водой в лицо, затем отправился на поиски еды. Он ничего не ел с тех пор, как покинул Морнезе. Клара строго наказала: в ее тачке даже чипсы нельзя. Когда она возвращается с пляжа в одном купальнике, у нее от крошек ноги чешутся. «А от песка, — со вздохом подумал Симон, — они у тебя не чешутся?»

И все же он послушался. Купил дряблый бутерброд в целлофановой обертке и коробочку с куском лимонного пирога, в котором теста было намного больше, чем начинки, и сжевал все это стоя, подумав, что Клара этот не самый полезный выбор вряд ли одобрила бы.

Клара...

Похоже, она была права.

Что он делает в час ночи на унылой площадке для отдыха при заправке, зачем гонится за призраками? Все из-за тупого упрямства...

Чего он добивается? Скорее всего, и это шоссе закончится тупиком, он и в Ницце никого не застанет, напрасно прокатится за три тысячи километров.

Симон поглядел на очередь, выстроившуюся к кофейному автомату. А что, если взять да и развернуться? К рассвету он будет на Морнезе. Валерино могут к тому времени уже поймать, он больше никому не причинит вреда, «Островитянин» выйдет с сенсационным заголовком. Еще

можно выкрутиться, не потеряв лица, привезти Кларе круассаны и позавтракать с ней, устроившись с видом на порт. А после заявиться к Кандис в аббатство Сент-Антуан, вытащить ее из будки кассы да и завалить прямо среди развалин, а потом долго лежать голышом, прижавшись друг к другу, подобно любовникам из греческой трагедии.

Вот как поступил бы всякий разумный человек.

Эта история его не касается.

А какая, собственно, история? Всего лишь несколько совпадений. День рождения этого мальчика, Колена Реми, который пришелся на сегодня, через несколько дней после побега Валерино. Старый план землепользования, подделанный десять лет назад. Несчастный случай и самоубийство археолога. Липовый клад, выдуманный ловкачом-журналистом.

Нет никакой тайны. Все эти детали никак не связаны.

Приличного вида папаша отчаянно молотил по автомату, который то ли сломался, то ли исчерпал свои запасы и теперь отказывался наливать ему кофе, хотя бедолага отстоял очередь, чтобы получить это пойло!

Симон улыбнулся.

Кто угодно сдался бы и повернул обратно.

Только не он!

39. Беспросветная ночь

*Суббота, 19 августа 2000, 00:45
Лагерь на диком полуострове, остров Морнезе*

Все постели были пусты.

Меня захлестнула паника. Время перевалило за полночь. Я вообразил ужасное. Убийцы искали в этой палатке меня, не знали, где я сплю, и били наугад, без разбора, растерзали спящих, а тела забрали с собой.

Я снова посветил на спальники — никаких следов борьбы не видно, спальники лежат аккуратно.

Похищение? Мади и Арман... они все знали. А если их хотели заставить заговорить? Похитили и теперь из-за меня жестоко пытаются...

Я выключил фонарик, вышел из палатки. Раскрыл нож Мади и крепче стиснул рукоятку. В темноте светились окна кухни и зала, где мы собирались. Стараясь не шуметь, я двинулся туда.

И тут краем глаза заметил, как сбоку метнулась какая-то тень. Не успел я и дернуться, как меня крепко ухватили за плечи.

Я буквально заледенел от ужаса. Не сомневаясь, что сейчас в спину мне всадят лезвие, я извернулся и ткнул куда-то назад своим ножиком.

Человек мгновенно отпустил меня. Я обернулся.

Передо мной была насмешливая физиономия Йойо.

— Спокойно, Колен, спокойно. Это всего-навсего я. Убери оружие, дикарь! Ты, может, и забыл, но сегодня вроде бы твой день рождения.

Не в силах произнести ни слова, я поплелся следом за ним в большой зал собраний. Там ждал меня весь лагерь, в полном составе.

— Все-таки явился! — воскликнул Кевин. — Мы из-за тебя три часа взаперти сидим!

— С днем рождения, Колен! — безрадостно произнес Арман.

А вот Мади незаметно мне подмигнула.

Отец Дюваль стоял в углу зала.

— Мы с вожатыми кое-что придумали, — спокойно начал он. — И, пожалуй, неплохо придумали, мы готовили сюрприз. Видишь ли, Колен, мы хотели поздравить тебя после вечерних посиделок и совместить это с поздним ужином. Отличный сюрприз, правда?

Напряжение отпустило. Я почувствовал невероятную легкость.

Поздравить меня с днем рождения? Вот придурки!

— Можешь сказать, где ты был? — спросил начальник лагеря.

Что мне теперь его выговоры и его наказания?

— Нет.

— Твои товарищи сидят здесь с десяти вечера. И все молчат!

Теперь я понял, почему у них такие хмурые лица. Их больше трех часов допрашивали — все из-за меня, «папенькиного сыночка», никудашного яхтсмана, не пользующегося успехом у девчонок. Наверное, мое исчезновение всех изрядно удивило.

— Неправда, мсье, — заявил Арман, — мы признались. У него было свидание со шведкой, которая продает билеты в аббатстве. Не надо на него сердиться, это естественно, все имеют право стремиться к образованию.

Дюваль кинул на него недобрый взгляд. Арман развлекался, Мади было не до смеха. Остальные смотрели на часы. Стефани, сидевшая на столе, странно на меня поглядывала.

— Можно идти по койкам? — поинтересовался Кевин.

— Минутку, — ответил отец Дюваль. — Вы, надеюсь, отдаете себе отчет в происходящем? Ты отдаешь себе отчет, Колен? Остров Морнезе на первых полосах национальных газет! Все только и говорят, что про беглого убийцу, который, возможно, все еще прячется на острове. А ты, Колен, исчезаешь посреди ночи! Совсем разум потерял?

Мне казалось, что я смотрю на происходящее с пьедестала или с вышки теннисного судьи. *Беглый убийца, господин начальник? Знали бы вы, в каком он сейчас состоянии! С мозгами всмятку валяется в канаве.*

— И не вздумай мне хитрить! — пригрозил отец Дюваль. — Разберемся завтра, то есть уже сегодня, когда приедут твои дядя и тетя. Поговорим с ними. И не вздумай снова сбежать. Завтра ты никуда из лагеря не выйдешь. Тебя будут стеречь, глаз с тебя не спустят. Но не беспокойся, для тебя найдется работа в лагере. И считай, что тебе повезло! Еще четверть часа — и мы бы вызвали полицию.

Я тотчас начал обдумывать план завтрашнего побега. Не привяжут же они меня, не запрут на ключ, в палатке замков нет. Даже из-под надзора я сумею сбежать. Наверное.

— Колен, ты меня слушаешь? — рассердился Дюваль.

— Да.

— Ну хорошо, идите спать. Йойо, проводи их.

— А свечки задувать не будем? — подал голос Арман.

Йойо пожал плечами.

— Сказано же — в постель.

Я ждал, чтобы все в палатке заснули. Я ничего не хотел рассказывать. Ни с кем не хотел делиться.

Не доверять никому.

Никого не впутывать.

Действовать в одиночку.

Около двух часов ночи я услышал шорох, это Арман подобрался к моему спальнику.

Вот липучка!

И тут же Мади, которая, должно быть, только и ждала этого как знака, пробралась с девчоночьей половиной. Я притворился спящим.

— Не томи, — прошептал Арман. — Колись уже! Ну так что твой отец? Воскрес или нет?

— Я ничего не могу вам рассказать.

Я почувствовал, что Мади допытываться не станет.

— Ты что, шутишь? — возмутился Арман. — Мы рисковали. Мы компаньоны! Я не просто так все дни провожу с Валькирией.

Мади промолчала, и я был благодарен ей за это. Взгляд у нее теплый, совсем не похожий на те кинжалы, какие она метала в остальных парней из лагеря. Может, притворяется?

— Я ничего не могу вам сказать. Для вашей же безопасности.

— Значит, ты его видел! — обрадовался Арман. — Он жив! А ты уверен, что это он?

Арман меня бесил. Или он в самом деле такой хитрец? Однако меня терзало бешеное желание открыться, и я не выдержал.

— Конечно, он! Кто же еще.

— И что? — не утерпела Мади.

— Если я расскажу, все равно не поверите.

— Если промолчишь — точно не поверим!

Да, Армана не перехитрить. Несколько секунд я мысленно оценивал риск. *Никому не доверять.* Даже Арману? Даже Мади? С другой стороны, могу ли я справиться один? Завтра мне понадобится их помощь, чтобы сбежать. Если они состояли в заговоре против моих родителей, если были сообщниками, если играли какую-то роль в этой истории, я ничего нового им не сообщу.

И я решил рискнуть.

Сделал глубокий вдох и выложил все: и про подкоп под краном в подземелье, и про нападение Валерино, и про встречу завтра утром у нотариуса, и про Безумство Мазарини, и про тайну, запрятанную где-то в

глубинах моей памяти. Умолчал только о своих подозрениях насчет того, что папа изменял маме с этой Джессикой. Мади больше всего взволновало Безумство Мазарини. Ее черные глаза так и загорелись, она схватила меня за руку:

— И ты ничего не помнишь? Тебе надо поспать, а потом сосредоточиться.

А вот реакция Армана меня удивила.

— Ты уверен, что он умер, этот Валерино?

— Во всяком случае, выглядел он не лучшим образом. А почему ты спрашиваешь?

Я не ожидал, что Арман станет беспокоиться о беглеце. Какое ему дело до убийцы? А что, если он его знал? А что, если он...

— Эта история с нападением кажется мне странной. Немного слишком...

— Слишком что?

— Мелодраматично!

— Я и слова-то такого не знаю, — усмехнулась Мади.

Подозрения Армана меня встревожили. Я прислушивался к звукам в палатке, но не слышал ничего, кроме дыхания спящих. Стараясь говорить уверенно, я спросил:

— Так ты со мной, Арман?

— С тобой, дурак, с тобой, и даже больше, чем ты думаешь!

— Как это понимать?

— А так, что я — мозг, которого тебе недостает.

Мне его слова не понравились, был в них какой-то второй смысл.

— Пора ложиться, — сказала Мади. И добавила, как заботливая мамочка: — Тебе надо поспать, Колен.

Потом снова подмигнула, и они разошлись по своим местам. Мади скрылась за занавеской, на половине девчонок, а я наблюдал в темноте за спальником Армана. Что-то подсказывало: стоит мне уснуть, как он встанет, чтобы кого-то предупредить. Если он против меня, должен успеть до десяти утра, до того, как я заберу бумаги у нотариуса. Если усну, окажусь в опасности, перестану контролировать ситуацию. Надо держаться.

Шли минуты, казавшиеся часами, глаза начали закрываться сами собой.

Держаться. Держаться. Несмотря ни на что. Встретиться с отцом, не разочаровать его... Моя миссия...

Веки все больше тяжелели, я больше не мог их контролировать. Только

мозг еще держался. Не смешно ли вот так сопротивляться, бороться со сном? Завтра утром я должен быть готов действовать! Разве не это самое главное?

Я заставил себя повернуть голову, открыть глаза.

Спальник Армана равномерно приподнимался и опускался. Он спал. Или притворялся спящим.

Я сам себя накручивал. Попытаемся рассуждать разумно. Девяносто девять шансов из ста, что Арман мне и правда друг, что он не имеет никакого отношения к этой истории... Но могу ли я пренебрегать оставшимся шансом? А если это не Арман, а Мади? Или они сообщники? Или...

Я провалился в сон.

40. Бухта Ангелов

*Суббота, 19 августа 2000, 08:00
Английская набережная, Ницца*

В восемь утра Английская набережная была почти безлюдна, попадались разве что бегуны, в большинстве своем не первой молодости. Симон оставил машину на стоянке напротив пляжа. Было уже совсем тепло. Он устроился на террасе одного из немногих открытых кафе и подумал, что этот галечный пляж его нисколько не привлекает.

Неужели это и есть Ницца? Серый пляж не выдерживал никакого сравнения с золотистым песком Рубиновой бухты. Вот по части сведения счетов и зарытых трупов Ницца, должно быть, ей не уступает...

Он заказал кофе со сливками и пару круассанов вышколенному официанту. Посмотрел на часы. 08:06. Кларе звонить слишком рано.

По набережной до сих пор не прошла ни одна девушка... моложе сорока. И для них тоже, конечно, слишком рано. Он выждал четверть часа, прежде чем набрать номер Кларино мобильного, и с легким намеком на вождение подумал, что сейчас она еще в постели.

— Каза? — совсем не сонным голосом отозвалась Клара. — Ты где?

— В Ницце. С видом на красоток, гуляющих по Английской набережной.

— Вот и хорошо, любуйся!

— Ты спала?

— И рада бы поспать, но я должна была с утра пораньше позвонить, не забыл?

— И что?

— Ну что... прикинулась дурицей. Моя машина сломалась, мотор делает тук-тук-тук, пусть мсье Мартинес позвонит, как только сможет. Мсье Мартинес, как понимаешь, — это ты.

— Я догадался. — Спешить Симону было некуда. — Клара, ты одна?

— Само собой. После того, что ты вчера рассказал, мне только Дельпеша в постели доставало.

— Ты голая?

— Развратник! Я тебе в матери гожусь! Чао, Каза. Мне через двадцать минут на работу, а я еще зарядку не сделала. Береги мою тачку... Мартинес!

Симон подождал еще полчаса. Карликовых пуделей на Английской набережной пока что насчитывалось больше, чем красоток. Он проглотил еще пару круассанов и столько же чашек кофе и ровно в девять позвонил в приемную компании «Эко-Стоун».

Все вышло ошеломляюще просто.

Секретарша явно была рада оказать услугу и старалась как могла. Она не только продиктовала Симону адрес, но больше десяти минут подробно объясняла, как найти виллу.

— Она самая красивая в верхней части города, как раз под авеню Белла Виста. Оттуда открывается великолепный вид на бухту Ангелов, но дом не так легко найти среди олив и вечнозеленых дубов.

Симон уже собирался поблагодарить и распрощаться, но тут она произнесла фразу, из-за которой он едва усидел на стуле и чуть не опрокинул кофе.

— Не волнуйтесь, мсье Мартинес. Мсье Бордери был в заграничной поездке, но его самолет приземлится через два часа, и от одиннадцати до двенадцати он обязательно заедет домой переодеться.

Бинго!

Больше двух часов можно бездельничать.

41. Бункер мэтра Бардона

Суббота, 19 августа 2000, 09:28

Лагерь на диком полуострове, остров Морнезе

К тому времени, как я проснулся, почти все уже встали, Мади и Арман в том числе. Я запаниковал. Посмотрел на часы. 09:28.

Черт!

Я поспешно оделся, вытащив из рюкзака первое, что подвернулось под руку. Шорты и майка сомнительной чистоты меня вполне устроили. Я сунул ноги в кеды и, щурясь, вылез из палатки.

Солнце било в глаза.

Я отвык вставать так поздно. Все занимались своими делами, не обращая на меня внимания. Я шел с беспечным видом, и никакого плана в голове у меня не было.

Как лучше — насвистывать или не надо?

Поравнявшись с большим навесом, я перехватил внимательный взгляд Йойо, означавший: не знаю, что ты затеял, но я за тобой присматриваю.

Его явно проинструктировали — скорее всего, отец Дюваль. Или, может, он получил распоряжение еще от кого-то? А ведь Йойо казался мне совершенно безобидным.

Вот именно — казался.

Не доверять никому. Даже Йойо.

Я не удержался и еще раз посмотрел на часы. 09:37.

Нужно поторапливаться. Но как же мне выбраться из лагеря? До забора и пятидесяти метров нет, но если я двинусь в ту сторону, Йойо тут же меня перехватит. Прятаться за деревьями хорошо вечером, когда темно и во дворе никого, но средь бела дня, под неусыпным контролем...

Арман, голый по пояс, весь красный, читал на солнце, постелив на землю плед. Хотя мне показалось, что он не столько читает, сколько искоса наблюдает за двумя самыми старшими девочками в лагере, которые пытались заплести себе африканские косички. И тут появилась Мади с двумя подружками. В руке у нее был плеер, в ушах наушники.

Время шло. 09:42.

Йойо, по утрам обычно погруженный в глубокую летаргию, сегодня напоминал сторожевого пса. Он точно получил приказ. Но от кого?

Арман отвлекся от начинающих парикмахерш и повернулся ко мне.

Глядя то на Йойо, то на часы, я старался изобразить мировую скорбь. Арман вскочил и направился к Мади:

— Не стыдно слушать такое дерьмо на моем плеере?

Готов поклясться — у Армана никакого плеера не было. Мади несколько мгновений недоверчиво его разглядывала, потом сообразила.

— Вали отсюда, недомерок!

Арман не сдвинулся с места.

— Я не имею обыкновения повторять, *Mad Girl*. Быстро! Мой плеер!

— Что за глупости, это мой...

— А ну вытаскивай мои наушники из своих поганых ушей. Я не хочу подцепить от тебя какую-нибудь болячку.

Арман никогда не умел вовремя остановиться. «Побыстрее, ребята! — думал я. — Все хорошо, вышло убедительно». Я краем глаза наблюдал за Йойо. Он прислушивался к ссоре между Арманом и Мади.

Мади вцепилась в Армана:

— Что ты сказал?

Она изобразила — по крайней мере, я надеялся, что это так, — удар коленом по яйцам, Арман чертовски натурально сморщился, завопил и бросился на обидчицу. Вскоре вокруг них собралась половина лагеря.

Йойо тоже поднялся:

— Вы меня достали!

Он с трудом пробился сквозь кольцо подростков и наклонился над дерущейся парочкой.

Самое время!

Несколько секунд — и я оказался по ту сторону забора.

Свободен!

Мне надо было пройти сто метров по дороге, ведущей к ферме, и я знал, что за поворотом меня ждет отец.

Солнце светило прямо в глаза, а бейсболка и темные очки остались в лагере. Приложив руку козырьком ко лбу, я различил впереди тень. Отчетливый силуэт, прямо напротив.

Угрожающий.

Я сощурился и уронил руку: это была Стефани.

Они за мной следили! Объединились, чтобы не пустить меня к отцу. И все же я решил попытать счастья.

— Стефани, ты должна пропустить меня. Я сейчас не могу все тебе объяснить, но так надо. Для меня это жизненно важно.

Она не ответила. Слегка расставила руки и стояла, как вратарь в ожидании пенальти. Не переставая улыбаться, призывно пошевелила

пальцами, что означало: давай-давай, попробуй.

— Стефани! — закричал я. — Ты же не с ними? Скажи, что это не так! Ты должна меня пропустить!

— Тебе придется вернуться в лагерь, Колен, — спокойно сказала она.

Я опустил глаза, прикидывая. У Стефани спортивная подготовка лучше, чем у меня, она сильнее, быстрее... но не это главное. Настроена ли она более решительно — вот в чем вопрос. С кем, по ее мнению, она имеет дело — с обычным подростком или с беглецом, готовым рисковать жизнью?

Она подошла ближе.

— Ну все, Колен, хватит дурака валять, иди обратно. Сегодня вечером поговоришь с дядей и тетей и тогда делай что хочешь. Мне совершенно не хочется найти тебя зарытым в песок, как того вчерашнего бандита.

Я взорвался:

— Зарыть меня в песок?! Ты мне угрожаешь, Стефани?

Она изумленно уставилась на меня:

— Угрожаю? Колен, ты бредишь?

С удивившим меня самого проворством я воспользовался минутной растерянностью Стефани, метнулся к ней и толкнул что было сил. Потеряв равновесие, она упала в заросли крапивы, а я уже мчался вперед.

Я молнией пролетел по дороге к ферме, свернул с нее и увидел «форд транзит». Через секунду я уже сидел на переднем сиденье.

Отцовская улыбка разом меня успокоила.

— Все хорошо, Колен? — Он тронулся с места. — Ты совсем запыхался. Были проблемы?

— Из лагеря выбраться непросто.

— Ты кого-то подозреваешь?

— Не знаю. Всех.

— Понимаю. Мне это знакомо. Вот потому ты не должен открывать папку, за которой сейчас пойдешь к нотариусу. Если откроешь, всю жизнь будешь всех подозревать... Как я.

Я не нашелся что ответить.

Мы неспешно катили к аббатству, у креста Святого Антония папа еще немного сбросил скорость.

— Аббатство. Ты успел там побывать?

Я кивнул.

— Впечатляет, да?

Я снова кивнул, хоть так и не считал.

— И это сейчас, когда оно почти заброшено. Видел бы ты его в те годы... И все это твое, Колен. От аббатства до моря. Ланды, последние безлюдные ланды, которые тянутся до Ла-Манша. Сангвинарии и все прочее... Чертовски обременительный подарок, верно?

Я снова не знал, что ответить. В свои шестнадцать я чувствовал себя слишком молодым для того, чтобы владеть чем-то.

Все эти ланды мои? Для меня они ничего не значили. Этот пейзаж с его охристой глиной и гранитом казался таким чужим. Машина проехала мимо отметки 1012. Я не мог решиться спросить отца о загадочном адресе и оскверненной могиле.

Позже.

С переднего сиденья «транзита» казалось, будто я парю над ландами. Пейзаж за окном не имел ничего общего с тем, что я каждый день видел по пути на парусные занятия.

Мы проехали мимо Рубиновой бухты. Море отступило так далеко, словно тоже хотело покинуть остров, оставив после себя тысячи камней, затянутых пурпурной тиной. Я невольно вспомнил о вчерашнем нападении. Надо ли о нем спрашивать? Что папа сделал с телом Валерино?

Нет, это тоже подождет.

Еще несколько минут — и мы возле конторы нотариуса.

Не отвлекаться.

Когда мы ехали мимо недавно построенных коттеджей, папа заговорил:

— Ужасные, правда? Согласен? Хорошо, что вокруг аббатства...

У меня ком стоял в горле.

— Не волнуйся. Все будет хорошо. Никто, кроме нас, не знает, что встреча назначена на сегодня.

Я подумал о своих ночных признаниях Мади и Арману.

— Просто забери досье. Серж Бардон несколько подавляет, но ты его не бойся.

Пару минут спустя он припарковался, заехав на тротуар узкой улочки Пивуан. Мощеная, залитая солнцем и полная цветов, она казалась такой безмятежной.

— Это здесь, — отец показал на маленький дом со сверкающей на солнце золоченой табличкой, единственный дом без красных ставней, — мэтр Серж Бардон, давний друг семьи...

Он неуверенно засмеялся — наверное, хотел меня подбодрить, но ничего не вышло. От меня не укрылось, что отец напряжен. Он бросил взгляд в зеркало заднего вида, потом посмотрел на окна дома.

Я видел только улицу — безлюдную, пугающе безлюдную. Отец еще несколько мгновений изучал окрестности, потом взял меня за руку:

— Думаю, ты можешь идти. Помни, он будет настаивать, чтобы ты открыл это досье в его присутствии. Я сам отдал ему категорическое распоряжение, но с тех пор прошло десять лет. Помни, ты не должен ему повиноваться. Сегодня я распорядился иначе. Главное — не открывай. Просто забери папку и уходи. Ты уже понял почему. У тебя есть удостоверение личности?

— Социальная карточка.

— Сойдет.

— Почему тебе не пойти вместе со мной?

Папа снова беспокойно заозирался. Он будто торопился.

— Для Сержа Бардона я мертв. Утонул. Мое непреложное правило — свести к минимуму число свидетелей моего воскресения.

— Но ведь мэтру Бардону можно доверять?

— Да, он неподкупный, но этот человек ненавидит ложь. После побега Валерино всколыхнулась и та давняя история в Сангвинариях. Ты читал вчера «Островитянина»? Сейчас снова все всплывет. Полиция и к мэтру Бардону сунется. Колен, я не верю в совпадения. Думаю, мне лучше еще какое-то время побыть мертвым. — Он снова поглядел в зеркало заднего вида. — Ну, беги! Внезапность сыграет нам на руку.

Я осторожно выбрался из фургона — отец припарковался у самой стены. Я протиснулся мимо машины, тоже беспокойно огляделся, затем перешел улицу и оказался перед массивной деревянной дверью. Прочитал надпись на золоченой табличке: «Мэтр Серж Бардон. Нотариус».

Постучал.

Сердце отозвалось в такт ударам.

Послышались медленные шаги, дверь открылась. Такого я не ожидал. Стоявший передо мной человек перекрывал весь дверной проем. Он был ненамного выше меня, но весил раза в три больше. Живот выпирал из белой рубашки, а галстук выглядел крохотным и нелепым.

— Да? — холодно произнес он.

Казалось, ему все на свете надоело и его ничем не удивить.

— Здравствуйте. Э-э... я Колен Реми, сын Жана и Анны Реми.

Он помедлил, но ответил уже куда живее:

— Юный Колен Реми! Ну конечно, тебе же назначено на сегодня. Только я не думал, что ты так рано встаешь. Вот это встреча! Подумать только, я записал ее в своем ежедневнике больше десяти лет назад! Следуй

за мной.

Когда я вошел, он направил на дверь пульт управления, и замки защелкнулись, лязгнув на разные голоса.

— Добро пожаловать в бункер острова Морнезе.

Спокойнее мне не стало. Передо мной тянулся коридор, вымощенный черными и белыми шестиугольными плитками. Бардон повернул направо, я последовал за ним. Мы вошли в комнату без окон. В лицее задавали читать роман Флобера «Мадам Бовари», и кабинет нотариуса мгновенно вызвал в памяти его атмосферу. Натертый паркет, стены затянуты толстой сиреневой тканью. А главное — помещение выглядело невероятно захламленным. Высокие стеллажи со старинными книгами. Глобус на ножке. Модели судов на низких столах. Засушенные цветы в высоких керамических вазах. Непонятно, как этому толстяку удавалось перемещаться по конторе, ничего не опрокидывая.

Бардон пыхтел, словно несколько метров страшно его утомили. Он предложил мне сесть — вертящийся стул на колесиках был одним из немногих современных предметов обстановки, — а сам уселся напротив, за письменный стол, в глубокое бархатное кресло с широкими подлокотниками. Теперь мне была видна только верхняя половина его туловища. Меня поразила подвижность нотариуса, руки и глаза у него безостановочно двигались. Некоторое время он разглядывал меня, потом сказал:

— Колен, я должен попросить у тебя удостоверение личности. Это смешно, ведь ты очень похож на отца, но тем не менее...

Я молча протянул ему карточку.

— Стало быть, ты получил мое приглашение?

Чтобы не вдаваться в подробности, я лишь кивнул.

— И смог так быстро приехать?

У меня не было причин скрывать от него правду.

— Я уже почти две недели на острове, в летнем лагере. А сегодня вечером приезжают дядя и тетя.

— Хорошо. Очень, очень хорошо.

Его пухлые руки проворно выдвинули правый ящик письменного стола. Он достал оттуда толстую бежевую картонную папку с широкими завязками и положил ее на стол точно посередине между собой и мной. Жесты его были полны торжественности.

Еще бы — он десять лет обдумывал мизансцену. И он явно намерен тянуть время. Я предпочел бы разделаться с этим делом побыстрее, но

нельзя совершить оплошность.

Нотариус задумчиво постукивал пальцами-сардельками по бежевой папке. Я был уверен, что свои реплики он отрепетировал и заучил наизусть.

— Твой отец был славным парнем, — начал он.

Я слегка удивился и ничего не ответил.

— Ты был ребенком и, наверное, не очень хорошо его помнишь, но он был достойным человеком. Современный Дон Кихот. Сражался с ветряными мельницами. Цельный. Бескомпромиссный. Не стоит на него обижаться.

— Я не обижаюсь, — пробормотал я.

Он бросил взгляд на папку:

— Все здесь, мальчик мой. Все, чего он никогда никому не говорил. Все секреты острова. Он потому и предпочел уйти. Все здесь!

Мне вдруг стало душно, я исподтишка оглядел кабинет. Как мне отсюда выбраться? Сумею ли я убедить Бардона отпустить меня, не заставляя читать бумаги?

— Ты себе представить не можешь, сколько на острове людей, готовых состояние отдать, лишь бы узнать, что в этой папке. Самые разные люди. Включая полицейских. Можешь мне поверить.

Полицейские? О чем он?

— Слава богу, мало кто знает о существовании досье. И хорошо, что я человек осмотрительный. Угадай, сколько раз за десять лет грабили мою контору?

— Не знаю.

— Семь! Представляешь? Семь раз. Не спорю, в моих архивах есть и другие опасные досье. На Морнезе, уж поверь, такого добра хватает. Но семь раз! Раз они возвращаются, значит, не находят того, что ищут, так ведь?

Он слегка откинулся в кресле, желая усилить эффект и явно гордясь собой.

— Так и не нашли? — спросил я.

— Конечно, нет. С первого взгляда не скажешь, но эта контора — сейф чертова острова. Последнее укрытие. Нерушимый круг, куда не проникнет зло. — Мэтр Бардон расхохотался. — У меня есть несколько тайников, которыми я очень горжусь. Кроме того, я не все храню здесь. Если владеешь всего одним секретом, ты обречен, но стоит узнать несколько, и становишься неприкосновенным! Таков еще один секрет — долголетия.

Он снова зашелся низким хохотом, перешедшим в кашель. Еще чуть-чуть — и заплевал бы драгоценное досье.

Я потянулся к папке.

Нотариус оказался проворнее и дернул ее к себе.

— Не торопись, Колен. Я терпеливо ждал целых десять лет, так что подари мне еще минуту своего времени. Сначала я должен объяснить тебе некоторые правила.

Я слушал, притворяясь, будто ничего не знаю.

— Колен, тебя, наверное, удивило мое приглашение, а еще больше — просьба, чтобы ты пришел один.

Я кивнул.

— Твой отец доверил мне эти документы десять лет назад. Он явился ко мне вечером, тайно. Сказал, что улаживает последние дела. Сказал, что хочет уйти. Я не спросил, что он имеет в виду, но сразу понял, что он решил покончить с собой... Вскоре его тело нашли на берегу. Я не удивился. Прости мне эти подробности, Колен.

Я мысленно ликовал. Хитрый нотариус ни о чем не догадывался! Дал себя обмануть, как и остальные.

Я снова протянул руку к досье.

— Еще пару секунд, Колен. Пожалуйста. Твой отец в тот вечер был весьма немногословен. Говорил коротко и очень ясно. Он сказал, что в этой папке лежит свидетельство на право собственности, на владение землями аббатства, составленное на твое имя. Ты должен начать полноправно распоряжаться участком, когда тебе исполнится шестнадцать лет. Еще он сказал, что в досье содержатся признания, чтобы ты понял, чтобы узнал, почему он решил уйти. И наконец, он намекнул, что там лежит карта. Не знаю, рассказывали ли тебе твои дядя и тетя эту легенду...

Я догадался, что он намекает на Безумство Мазарини.

— Вроде нет. Не помню.

— Это давняя история, Колен. Твой отец многое знал про этот остров — секреты, которые все искали годами и даже веками. Люди придумывали про твоего отца еще более странные вещи. Все считают, что свои секреты он забрал с собой на дно Ла-Манша. Теперь ты знаешь, Колен, как велика будет твоя ответственность. На твои плечи ляжет чудовищно тяжелый груз. Не мне судить, правильно ли поступил отец, завещав тебе все это, осознавал ли он последствия. Я предполагаю, что некоторые люди способны на самые страшные поступки ради того, чтобы помешать тебе исполнить последнюю волю отца — взять в руки это досье.

Я это знал. Но у них ничего не вышло! Во всяком случае, пока...

Меня знобило. Вот теперь, стоит мне забрать папку, и мы с отцом действительно окажемся в опасности. Когда понадобится открыть всем ее

содержание, наказать истинных преступников, убийц моей матери, тех, из-за кого все эти годы рядом со мной не было отца.

Нотариус наконец убрал руку с бежевой папки.

— Но сейчас не время философствовать. И у тебя нет выбора. Ну вот, моя роль на этом заканчивается. Следующий ход делать тебе.

И он решительно подтолкнул ко мне папку.

Я взглянул: вроде все в порядке. И выглядит как новенькая. Можно подумать, досье собрали вчера. Он прав, теперь мой ход.

И играть надо осторожно.

Я придвинул папку к себе. Сказал:

— Спасибо. Спасибо за все.

И приподнялся на стуле.

Мэтр буквально взвился, вскочил с удивительной для своей комплекции легкостью.

— Нет, Колен! Так ты отсюда не выйдешь! Ты не понимаешь, что эти документы — настоящая бомба. Твой отец был совершенно прав. Ты откроешь папку в этой комнате и будешь читать, даже если это займет у тебя несколько часов. А потом начнешь действовать, руководствуясь указаниями отца. Позвонишь, кому сочтешь нужным. Я бы посоветовал звонить прямо в полицию.

Он уже стоял у двери, перекрывая мне путь к отступлению.

42. Плотоядные муравьи

Суббота, 19 августа 2000, 09:38

Лагерь на диком полуострове, остров Морнезе

Мое исчезновение ошеломило всех в лагере.

Позже я услышал две версии событий, происходивших после этого.

Разумеется, версию отца Дюваля, Йойо и Стефани.

Но и версию Армана и Мади.

Отец Дюваль пришел в неопишемую ярость, Йойо струхнул, а Стефани была вся в крапивных ожогах, но жаловаться не решалась. Отец Дюваль немедленно позвонил в полицию. В лагере отменили все занятия и развлечения — ни купания, ни парусной школы, ни свободного времени.

Никто не осмеливался протестовать вслух. Во всяком случае, в присутствии взрослых.

Йойо с подозрением смотрел на Мади и Армана, явно догадываясь, что они были моими сообщниками. Но ничего не решался сказать — из страха совершить еще одну оплошность. Атмосфера была странная.

Словно я не сбежал, а уже умер.

Арман увел Мади в глубину двора, под яблоню, и спросил:

— Мы же не станем торчать здесь как идиоты?

— То есть? — не поняла Мади.

— Я не собираюсь торчать здесь без дела и ждать полицию. К тому же нас всех будут допрашивать. Это омерзительно!

— И что ты предлагаешь?

— Свалить!

— Что?

— Уходим! И действуем!

Мади уставилась на Армана, как будто впервые его увидела.

— Ты спятил?

— Если мы не свалим до приезда легавых, *после* уже не получится. И тогда до конца всей этой истории будем тупо умирать от скуки в лагере.

— Тебе правда хватит смелости сбежать?

— А чем мы рискуем? Ничем! Всего лишь немного опередим полицейских.

Арман заметил, что от упоминания о полиции Мади напряглась.

— Что, сдрейфила?

— Еще не хватало. Но что мы будем делать на острове?

— Искать! Помогать Колену! И дальше его прикрывать. Как резервные войска. И потом, мы можем провести дополнительное расследование. Вчерашний рассказ Колена звучал уж очень странно...

— Нас поймают! — возразила Мади.

— Ну и что? Мы несовершеннолетние! Что, по-твоему, с нами могут сделать? Наорут — и больше ничего. Так что, ты со мной или я иду один?

Мади не стала медлить и решительно шагнула к Арману, наглядно демонстрируя, что она выше его на целую голову.

— Лучше сдохнуть, чем отпустить тебя одного!

Отец Дюваль, Йойо и Стефани ждали чего угодно, только не исчезновения еще двух подростков. Арман и Мади улучили минутку, пока те звонили в полицию, и сбежали.

— Куда пойдем? — спросила Мади, когда они отошли от лагеря достаточно далеко.

— К Чаячьей бухте. Это же там все произошло?

— Как скажешь...

— Я и говорю. Интуиция подсказывает!

Двадцать минут спустя, когда они шли по тропинке к бухте, Арман остановил Мади:

— Мы, наверное, уже близко к месту преступления.

— К канаве, где отец Колена прибил Валерино?

— Ага. Колен сказал, от бухты идти минут пятнадцать. Это где-то здесь.

Мади наблюдала за Арманом, который внимательно искал следы крови.

— Ничего, — проворчал Арман, — совсем! Получается, Колен нам наврал. Собственно, вполне может быть, что он все эти дурацкие истории выдумал. Мы же этого типа не знаем. А вдруг он больной на всю голову?

— Сам ты больной, — ответила Мади. — Садист. Кровь вот вынюхиваешь. И не был бы таким дохляком, наверняка попытался бы меня изнасиловать.

Арман молча продолжал искать. И вдруг завопил:

— Я ошибся, Колен не наврал! Смотри! — И указал на испачканный кровью большой камень, лежавший на дне придорожной канавы.

Мади некоторое время со скучающим видом его разглядывала.

— Супер, — сказала она. — Кровь на камне. Стоило ради этого крюк делать! А жмурика папаша Реми, должно быть, закопал где-то поблизости. Хочешь пойти лепить куличики на пляже, чтобы опередить детишек из кемпинга и найти труп? Что дальше-то, Наварро?

Арман заворожено смотрел на пятна крови.

— Колен сказал правду. Его отец в самом деле пришиб Валерино!

— А ты не верил?

— Я по природе скептик. Но что делать, должен признать... Ладно, пошли отсюда.

Мади в последний раз глянула на окровавленный камень, а потом вдруг спросила:

— Скажи-ка, Наварро, муравьи плотоядные?

Арман в недоумении уставился на нее:

— Что за бред?

— Просто ответь. Муравьи плотоядные?

43. Мышеловка

Суббота, 19 августа 2000, 10:06

Контора мэтра Бардона, улица Пивуан, остров Морнезе

Я оказался в ловушке.

Продолжал сидеть с глуповатым видом, не выпуская из рук папку, и пытался как можно быстрее выработать хоть какую-нибудь тактику. Нотариус стоял совсем рядом, пристроив свои сто двадцать килограммов между мной и дверью.

Что делать?

Он явно был настроен очень решительно. Без его согласия не выйти.

В конце концов, не проще ли поймать его на слове? Достаточно открыть досье, быстро его пролистать — минут за десять, за двадцать, — потом закрыть и сообщить, что я сделал выбор: никого предупреждать не стану, ни полицию, ни кого другого. Условие я выполнил. Он должен меня отпустить.

Это был наилучший выход.

Я внимательно оглядел папку и коричневые тесемки, на которые она была завязана. Достаточно потянуть за петельку!

Не могу. Отец распорядился ясно, и не десять лет, а несколько минут назад.

Ни в коем случае не открывать папку!

Да и сам Бардон сказал, что это досье — настоящая бомба.

Мой отец жив, и он стремится меня защитить.

Неужели я его ослушаюсь, подведу?

Я заметил, что Бардон едва заметно продвигается к двери кабинета.

— Тебе некуда спешить, Колен, — успокоил он меня.

Что он за человек? В какую игру играет? Он тоже сообщник?

Я продолжал мысленно перебирать аргументы. Не открывать папку. Не ослушаться отца. Выполнить миссию.

Да, но у меня нет выбора. Если я не прочту досье в присутствии нотариуса, мне отсюда не выйти. А отец ждет меня снаружи.

Ловушка!

Я так крепко стиснул драгоценную папку, что мне показалось, будто пальцы вжались в картон.

Открыть ее?

Открыть ее!

Ничего другого не оставалось... В глубине души меня терзало страшное любопытство. Что там, в этом досье? Почему мне не хватит сил выдержать таящиеся в нем откровения? В конце концов, именно этого десять лет назад хотел мой отец.

Я снова посмотрел на коричневые завязки. Все было здесь, передо мной. Я незаметно покосился на нотариуса, он следил за моей реакцией. И тут я сообразил, что он собирается сделать. В двери торчал ключ. Сейчас он повернет ключ и вытащит его, заперев нас в кабинете.

Наверняка понял, что я колеблюсь, и решил пресечь даже попытку сбежать.

И тогда я доверился интуиции. Инстинкту выживания — а я и не знал, что он у меня есть.

За пару секунд я оценил ситуацию, собственные силы и свои возможности. Все складывалось не в мою пользу. С одной стороны — непреодолимая преграда, туша нотариуса. С другой — тощий я и стул на колесиках.

Стул на колесиках!

Мое единственное оружие!

Я быстро приподнял ноги, уперся ступнями в край столешницы, сгруппировался, подтянувшись вместе со стулом сантиметров на сорок ближе к столу.

До толстяка дошло слишком поздно.

Изо всех сил обеими ногами оттолкнувшись от стола, я стремительно, как мне показалось, покатился назад.

Промаяхнуться было трудно. Стул со мной врезался в мэтра Бардона.

Раздался вопль.

— Засранец!

Не обращая на него внимания, я соскочил со стула, распахнул дверь и вылетел в коридор. Внезапно я вспомнил про пульт управления, с помощью которого нотариус, впустив меня, закрыл автоматические замки.

Все напрасно! Без кода, известного только Бардону, я не мог выйти.

За спиной у меня раздался крик:

— Колен! Почему? Зачем ты это делаешь?

Я не слушал. Попытался открыть входную дверь — и она чудесным образом поддалась!

Должно быть, электронное запирающее устройство было запрограммировано в одном направлении — никого не впускать. Отец ждал меня в машине. Мотор «форда» работал.

— Гони! — завопил я и, не тратя времени на то, чтобы протискиваться вдоль стены к передней двери, дернул заднюю и запрыгнул на сиденье.

Машина сорвалась с места. Отец повернулся ко мне. На нем снова были темные очки и бейсболка.

— Забрал? — тревожно выдохнул он.

— Забрал!

— Открывал?

— Нет.

От папиной улыбки во мне разлилась невероятная сила.

— Мэтр Бардон позволил тебе уйти? — недоверчиво спросил он.

— У него не было выбора.

Гордый и счастливый, оттого что вырвался на свободу, я пересказал отцу то, что самому мне казалось подвигом. Машина петляла по неприметным улочкам Сент-Аргана, избегая площади 20 Мая 1908 года и порта с его суетой.

— Куда мы едем? — спросил я.

— К сараю над Чаячьей бухтой.

К сараю старого пьянчужки? Вот уж чего я совершенно не ожидал.

44. Воскресение

Суббота, 19 августа 2000, 10:09

Дорога к Чаячьей бухте, остров Морнезе

Арман не мог понять, к чему клонит Мади.

— Что ты хочешь узнать? Плотоядны ли муравьи?

— Да, — подтвердила Мади.

Арман обреченно вздохнул и ответил:

— Нет, не думаю. Во всяком случае, те, что водятся в наших краях.

Девочка показала пальцем на что-то в нескольких метрах от них:

— Смотри! Или на острове Морнезе водится особый вид — муравьи-вампиры, которые сосут кровь, или на этом камне что-то другое.

Арман внимательнее посмотрел на окровавленный камень — к красным следам и в самом деле тянулась колонна муравьев. Но он не успел произнести ни слова — девочка прыгнула в канаву, провела по камню указательным пальцем, изучила то, что осталось на подушечке, потом облизнула палец. Арман невольно передернулся от отвращения.

— Оно сладкое! — воскликнула Мади. — Сладкое и довольно противное... Но это не кровь!

— Уверена? Ты что, раньше пробовала кровь на вкус?

Мади пожалала плечами.

— Хочешь сам попробовать?

Арман кашлянул, машинально снял очки и провел рукой по глазам.

— Что все это значит?

Мади ловко выпрыгнула на дорогу.

— Ты был прав, Наварро. Или у Валерино в жилах течет сладкий желатин, или он не мертвее нас с тобой.

— погоди, погоди, не так быстро. Надо подумать.

— Получается, он не умер, — вслух рассуждала Мади. — Разыграл сцену для Колена и его отца. Притворился оглушенным. Нет, не сходится. Как бы это ему удалось?

— Подожди...

— Чего?

— Я думаю. Должно существовать какое-то разумное объяснение.

— Согласна. Думай. И что мы тем временем будем делать?

— Ну...

— Ты можешь шевелить мозгами и еще чем-нибудь одновременно?

— Ну...

— Так что?

Арман принял решение.

— Мы продолжаем дополнительное расследование. Идем к Чаячьей бухте и сараю, где живет моряк-алкоголик, который напугал Колена.

— Хорошо, Наварро. Только давай сделаем вот как: чтобы и нам не оказаться живыми мертвецами, мы не пойдем туда открыто, как туристы, по дороге, насвистывая «Марсельезу».

— Ты права, — усмехнулся Арман. — Вот что мне нравится на Морнезе: если ты тут умер, то это не навсегда.

Подростки свернули в ланды, и вскоре их скрыла высокая трава. Как только за стеблями показалась железная крыша сарая над бухтой, оба пригнулись и ползком подобрались поближе. Мади осторожно приподняла голову над травой и тут же скрючилась рядом с Арманом.

Перевела дыхание, еле сдерживая возбуждение.

— Ну, что там? — прошептал Арман.

— Там Колен! — едва слышно ответила Мади. — Он в сарае. А перед сараем припаркована машина его отца.

— Ты уверена?

— Нет... Но это белый «форд транзит». Или ты веришь в такие странные совпадения?

— Согласен, мисс. Будем за ними следить?

Арман ужом пополз в траве, но Мади схватила его за рукав:

— Я не все сказала. Мы влипли, Арман.

Арман, которому не терпелось узнать больше, хотел встать, но Мади с силой придавила его к земле:

— Не валяй дурака!

— Что?

— Он там!

— Кто он?

— Валерино!

Потрясенный Арман уцепился за последнюю надежду.

— Хочешь сказать — его труп?

— Да нет, не то чтобы... Вполне живой... И у него пистолет!

45. Эдипов экспресс-комплекс

Суббота, 19 августа 2000, 10:27

Сарай у Чаячьей бухты, остров Морнезе

У меня кружилась голова.

В сарае стоял отвратительный запах — смесь прокисшего вина, перегара, застарелого табака и протухшей еды.

— Нас здесь никто не потревожит, — сказал папа. — Лебертуа несколько дней не будет.

Я понял, что так зовут пьянчужку. Расспрашивать не стал, мне не хотелось знать подробности. Не сейчас.

Бардак в этой норе никуда не делся, а вот телевизор исчез, и это было странно.

Часть помещения была завалена коробками и связками старых газет. Я с отвращением огляделся. От вони к горлу подкатывала тошнота.

— Мы надолго здесь не задержимся, — успокоил меня папа, — но среди бела дня нам разгуливать не стоит. Надо во всем разобраться. Знаешь, ты отлично справился! Садись.

Я стряхнул со стула хлебные крошки — во всяком случае, мне показалось, что это хлебные крошки, — и сел.

— Спасибо, — сказал я.

— Нет-нет, ты старался ради себя. Было очень важно, чтобы ты не открывал папку. Можешь отдать ее мне.

Я так и держал папку в руках с тех самых пор, как сбежал от нотариуса, прижимал к груди всю дорогу в машине, теперь же протянул досье отцу.

Стало ли мне легче?

Как ни странно, нет. Можно сказать, я ощутил разочарование.

— Спасибо, — отец взял папку, — вот ты и избавился от обузы.

Он тоже устроился на замызганном стуле, на другом конце сарая, словно намеренно устанавливая между нами дистанцию. Потянул за коричневую тесемку и открыл бежевую папку. Начал листать страницы. Их было много. Я ничего не мог разглядеть, но встать со своего стула не осмеливался.

Отец пристально посмотрел на меня, лицо суровое.

— Колен, ты ничего не брал отсюда?

— Я даже не открывал ее. Что-то не так?

— Нет. Нет.

Но я видел, что есть какая-то проблема.

Папины движения сделались более резкими, как будто ярость, которую он до сих пор сдерживал, пыталась прорваться наружу.

— Колен, ты пить хочешь?

Я помотал головой.

— А есть?

— Тоже.

Меня тошнило.

Сарай напоминал городскую свалку, по растрескавшимся стенам ползали какие-то насекомые. Отец нервничал — его выдавали руки.

— Колен, у нас осталось мало времени.

— До чего?

— До... Ты подумал о том, что я говорил тебе вчера вечером?

О чем именно? Он столько всего наговорил.

— Безумство Мазарини. Секрет, который ты хранишь. Об этом ты думал?

— Ну, немножко, — машинально ответил я.

На самом деле всерьез я об этом не задумывался. Безумство Мазарини? Секрет, который хранится во мне... Я по-прежнему помнил только сцены застолья. Папина ладонь тянется ко мне. Берет меня за руку. И эти крики.

— Ну так что? — чуть повысив голос, спросил отец.

Как же воняет тухлятиной. На ящике теснились грязные стаканы с остатками вина.

Вино.

Папина рука, протягивающая мне стакан с вином. Странно. Шестилетнему ребенку вина не предлагают.

— Колен!

Должен ли я поделиться с ним этим воспоминанием?

Про этот обед? Про эти крики? *И про руку под юбкой тоже?* Почему он меня спрашивает? Сам разве не помнит? Но это нелепо!

— Один обед помню, — прошептал я.

Отец подался ко мне, сбросил стоявшие на ящике консервные банки, придвинул ящик к моему стулу и уселся.

— Последняя трапеза, — улыбнулся он. — Тайная вечеря! Иисус, апостолы и Иуда... Последний обед. Тот, когда все взорвались. Ты очень сильно испугался, Колен. Мы страшно переругались. Выкрикивали друг

другу в лицо обвинения, выплевывали всю злобу, что копилась годами. Ты прятался под столом. Тебе не следовало видеть ту сцену. Мы поступили глупо. Надо было тебя побереечь.

Он тоже это помнил. Ну разумеется.

Значит, мне надо поискать другое воспоминание, нечто более определенное. Я попытался выбросить все из головы.

— А что ты помнишь еще? Кроме этого обеда?

Он все сильнее раздражался, и я неожиданно для себя тоже ответил раздраженно:

— Помню твою руку, которая протягивает мне стакан с вином. Только это.

Он машинально катал ногой по грязному полу пустую бутылку. Я чувствовал его растерянность.

— И еще я помню твою руку под юбкой у этой девицы. Джессики.

Я подумал, что сейчас он взорвется, вlepит мне пощечину. Но мое признание, как ни странно, его скорее успокоило. И с ужасающей нежностью он сказал нечто чудовищное.

— Это я тоже помню, Колен. Тепло ее кожи. Джессика была настоящим ангелом. Она — лучшее, что было в моей жизни. Но понять это может только взрослый мужчина... Колен, я желаю и тебе когда-нибудь пережить подобное.

Нет!

Это я понимать отказывался.

Значит, вчера он мне соврал, когда поклялся, что между ним и Джессикой ничего серьезного не было.

Возможно, мой отец и в самом деле необыкновенный, увлеченный, решительный, прекрасный человек и ученый, которым все восхищались.

Но он обманывал маму!

Я наблюдал за ним. Носком правой ноги он нервно чертил круги на пыльном полу, рука у него слегка дрожала, и... я впервые заметил, что на безымянном пальце нет кольца, а ведь во всех моих воспоминаниях оно было.

Да, он ушел от мамы, бросил меня, скрылся...

С этой девушкой.

Он предал нас. Мама из-за этого умерла. Мне захотелось вскочить, все переломать в мерзком логове, переколотить пустые бутылки о грязные стены, разбить в щепки колченогие стулья.

Но я только посмотрел на отца. Лицо у него было спокойное, и он

улыбался мне безо всякого смущения.

Неужели это — обычное дело? История неверности, любви, которая плохо закончилась, казалась такой незначительной рядом с убийствами, заговором на острове, угрозой, сокровищем.

Наверное...

Наверное, все до ужаса банально. Наверное, многие люди — очень порядочные во всех отношениях — обманывали жен. Или мужей. Каждый день из-за измен распадаются семьи, расходятся тысячи пар.

Но только не мои родители!

Безупречный сценарий приключенческого фильма со мной в главной роли трещал по швам. Значит, отец не был безупречным человеком?

Я снова оглядел сарай, взгляд задержался на стоявшей посреди стола кособоким корзине с гнилыми фруктами. Тучи мушек кружили над двумя заплесневелыми яблоками и кистью винограда. Муравьи сновали вверх-вниз по ножке стола, разбегались по полу. Хорошо бы ни о чем не думать, просто смотреть на насекомых.

К действительности меня вернуло звяканье стекла — отец снова толкнул бутылку ногой.

Мне казалось, что за несколько часов я пережил весь мучительный процесс взросления, наверстал то, что сыновья проживают рядом с отцами за десятилетие.

Прошел через все стадии эдипова комплекса — от преклонения до принятия отца, человека, ничем не отличающегося от других людей. Несовершенного. Грешного.

Экспресс-комплекс Эдипа.

Я повзрослел.

Да, для того чтобы понимать такие вещи, надо быть мужчиной.

Отец взглянул на часы.

— Ты должен сосредоточиться, Колен. У нас мало времени. Мы обречены, это только отсрочка. Они хорошо организованы, их много, они скоро нас найдут. Мы с тобой одни на этом острове. Вдвоем против всех. Ты должен вспомнить, Колен. До того, как они нас найдут.

И снова у меня в голове зазвучал яростный крик:

Что? Что я должен вспомнить?!

46. Последний свидетель

Суббота, 19 августа 2000, 10:57

Дорога к перевалу Клер, Ницца

Симон уже больше часа ждал, припарковавшись у обочины узкой дороги, ведущей к перевалу Клер. Но он не жаловался — перед ним раскрывался панорамный вид на бухту Ангелов. Он следил за движением яхт — одна другой роскошней. Самый богатый квартал Ниццы козырьком нависал над старым городом, Английской набережной и портом для прогулочных судов.

Вилла Габриеля Бордери ничем не отличалась от других — огромная, белая, великолепная. К дому вела пальмовая аллея, в глубине сада можно было заметить большой бассейн. Идеально подстриженный газон, безупречные цветочные клумбы. Бордери наверняка немало платил дорогому садовнику.

11:00.

Если секретарша не ошиблась, он вот-вот появится.

Симон подумал, что уже второй час торчит здесь в «твинго» и в конце концов кто-нибудь из соседей точно позвонит в муниципальную полицию. «Коллегам», — улыбнулся он.

Неподалеку затормозил «рено эспас», похоже совершавший челночные рейсы в аэропорт. Из автомобиля вылез человек лет сорока, и вид его удивил Симона. Он ожидал увидеть строгого босса в темном костюме и при галстуке, но Габриель Бордери был одет почти небрежно — просторная неглаженная рубашка в цветочек, грязноватые широкие полотняные штаны, кожаные сандалии. Образ дополняли бандана и трехдневная щетина. «Автостопщик, — подумал Симон. — Какой там президент компании!»

Симон выскочил из «твинго» и в три прыжка оказался рядом с Габриелем, забирающим у шофера чемодан.

— Мсье Бордери? Уделите мне несколько минут.

Габриель смерил его вполне начальническим взглядом:

— Мы, кажется, незнакомы. Я полночи провел в самолете, восемь часов назад был еще в Бамако. Так что договоритесь о встрече в моем офисе, в Сент-Андре-де-ла-Рош.

— Я тоже всю ночь не спал. Преодолеl почти полторы тысячи

километров за пятнадцать часов, чтобы увидеться с вами.

Габриель Бордери не слушал, он уже шел с чемоданом по аллее.

— Я приехал с Морнезе! — выкрикнул Симон.

Заклинание помогло.

Бордери обернулся, и Симон продолжил, не переводя дыхания:

— Я приехал с острова Морнезе, чтобы встретиться с вами и задать несколько вопросов — о Жане Реми, его гибели, земле аббатства, которой вы управляете, и о его сыне Колене, ставшем сегодня ее владельцем.

Габриель Бордери растерянно потер лоб.

— С мальчиком что-то случилось? — встревоженно спросил он.

— Понятия не имею. Надеюсь, что нет.

— Вы из полиции?

— Почти.

Габриель Бордери улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— Как насчет кофе? Думаю, нам обоим не помешает взбодриться.

— С удовольствием.

Симон никогда не видел, чтобы в доме было столько света. Современные картины, сверкающая белая плитка, мебель в стиле хай-тек... И конечно же, огромная терраса, выходящая на юг, с великолепным видом на Средиземное море. Здесь они и устроились в глубоких плетеных креслах. Габриель Бордери сходил на кухню, включил кофеварку и вернулся к гостю.

— Я тоже проделал немалый путь, покинув Морнезе, — сказал он, — от Ла-Манша до Средиземного моря. Но у этого острова есть свое очарование. Солнца там поменьше, зато больше таинственности.

— Что вы делали в Бамако? — спросил Симон, чтобы завязать разговор.

— Вел переговоры о расширении университетского кампуса на правом берегу Нигера. Они его называют холм Знаний. Студентов в Мали становится все больше, и мы обсуждали проект нового здания. Потянет на несколько миллиардов малийских франков. Мой проект самый дорогой!

Глядя на удивленного Симона, он расхохотался:

— Самый дорогой! Я даю работу малийским архитекторам, малийским каменщикам, малийским рабочим, и все получают достойную оплату и страховку на время строительства. Заметьте, никакого детского труда. Материалы я использую тоже только малийские, при этом гарантирую, что здания будут соответствовать международным экологическим стандартам.

— И они выбрали ваш проект? — спросил Симон. — Даже несмотря на то что он самый дорогой?

— Я завален заказами из развивающихся стран. Одни руководствуются гражданскими убеждениями, другие поддерживают свой имидж, но в основном все поступают так потому, что, обратившись ко мне, получают немалые субсидии от Всемирного банка, ООН, МВФ и Евросоюза. Долговременное развитие и хорошее управление! Два сосца компании «Эко-Стоун»!

Симон оглядел дворец эксцентричного промышленника.

— Я первым, — продолжил Габриель Бордери, — занялся экологическим градостроительством, двадцать лет назад. Поначалу никто в эту затею не верил. Признаюсь, было нелегко. С моей первой компанией «Евробильд» пришлось так вкалывать...

— Особенно после истории на Морнезе, — ввернул Симон.

— Да. Здесь я многим обязан Жану Реми. Если бы он не взял на себя ответственность за все, возможно, сегодня я был бы заперт в четырех стенах поскучнее этих.

Он снова расхохотался и, не переставая говорить, пошел на кухню за кофе.

— После скандала я изменил название компании на «Эко-Стоун», это звучало неплохо. Во Франции меня уже знали, и я решил сосредоточиться на международных проектах. Как оказалось, вовремя. Я создал сеть «архитекторов без границ», с хартией качества и кодексом поведения, и за несколько лет раскрутился.

Он вернулся с кофе.

— Триста сотрудников в Ницце и в десять раз больше по всему миру, главным образом — в тропиках. Неплохая сеть дипломатических связей. Теперь я неприкосновенен. До меня не дотянуться ни мелким мафиози с Лазурного Берега, ни жулью с разбойничьего острова Морнезе.

Симон напрягся.

— Меня никто не решится тронуть, поэтому Жан Реми и выбрал меня десять лет назад. Не только из-за того, что он мне доверял. Он знал, что не подвергает меня опасности. Я был не на острове, а далеко, да и вес к тому времени какой-никакой приобрел. — Глядя в лазурное небо, Габриель Бордери поднял свою чашку, словно произнося тост. — Хотя с виду я вполне безобиден. Многие считали меня простачком из «зеленых», мечтателем, которого можно не опасаться. Именно так часто думали мои конкуренты — за что и поплатились! Таковую империю, как «Эко-Стоун», не построишь без веры в себя и четкого осознания реальности.

Он снял рубашку и подставил утреннему солнцу загорелый крепкий торс.

— Словом, ни один из этих мошенников с Морнезе, — заключил он, — ни разу не посмел сунуться ко мне сюда, с тех пор как... — Он осекся, словно только теперь разглядел Симона. — А вы, собственно, кто такой? Как понимать, что вы «почти» из полиции?

Симон быстро перечислил свои обязанности и перешел к более насущной информации.

— Я еще успею рассказать подробности, а сейчас главное: Жан-Луи Валерино — должно быть, один из тех гадов, которых вы знали на острове десять лет назад, — бежал из тюрьмы Мазарини, это крепость на Морнезе. Он убил сообщника двумя пулями в спину и закопал его в песке. Три дня назад это было на первых полосах всех газет, но до Мали новость, возможно, не дошла. Я узнал, что этот Валерино был замешан в скандале с компанией «Евробильд». Он подделал план землепользования Морнезе.

Габриель Бордери изумленно смотрел на него. Симон вскочил.

— По странному совпадению Валерино решает бежать именно в тот момент, когда Колен должен стать законным владельцем земель аббатства. В том числе участка, который Валерино подделал на плане. Участка, где на вашей стройке погибли трое рабочих. Участка, на котором, по легенде, спрятаны несметные сокровища.

— И это все? — На Бордери это впечатления не произвело.

— Все?! Я ничего в этом не понимаю, вот и подумал, что, может, вы...

Габриель Бордери пригладил волосы.

— Я, пожалуй, поверю вам, Симон. У меня есть опыт по этой части. Двадцать лет работаю, полагаясь на интуицию, и редко ошибаюсь. Вы что-нибудь знаете о Колене Реми?

— Ничего. Вчера я ездил к его опекунам в Кормей-ан-Паризи, но их не оказалось дома.

Габриель Бордери явно забеспокоился.

— Не нравится мне это. Я всегда говорил Жану, что он неосторожен. Вся эта история — досье, завещание, признания, разоблачения — у нотариуса, что слишком опасно для его сына, даже десять лет спустя. Настоящая бомба замедленного действия.

— Погодите, не так быстро, — перебил Симон. — Я за вами не поспеваю.

Габриель Бордери, похоже, окончательно решился.

— Вот как мы договоримся. Завтра мне надо быть в Кабо-Верде, я

вылетаю сегодня, в одиннадцать вечера, потому выбора у меня нет. Я дам вам документы.

Взяв с низкого столика пульт, он направил его на белую стену и набрал код. Открылся невидимый до этой минуты люк внушительных размеров.

Бордери достал из сейфа толстую картонную оранжевую папку.

— Я десять лет не прикасался к этому досье, — пояснил он. — Жан Реми передал его мне перед смертью. До того, как оставил другое досье, предназначенное для сына, у нотариуса на Морнезе.

Теперь Симон изумленно уставился на Бордери.

— Жан Реми был моим лучшим другом. Единственным, кому я мог доверять безгранично. Идеалист. Чистый человек. И я последний, кто видел его живым.

47. За стеной

*Суббота, 19 августа 2000, 11:03
Сарай у Чаячьей бухты, остров Морнезе*

Мади взяла Армана за плечо, заставив приподняться, и кивком указала в сторону сарая. Метрах в пятидесяти от него, на дальнем краю поля, стоял, частично скрытый каменной стеной сухой кладки, вполне живой Жан-Луи Валерино. То же резко очерченное лицо с запавшими глазами, что и на фотографии в «Островитянине». Он курил, нервно и глубоко затягиваясь, в правой руке пистолет.

Подростки снова упали в траву.

— По-моему, плотоядные муравьи не сильно его погрызли, — прошептала Мади. — Что он здесь делает?

Арман не ответил. Его трясло.

— Ждет, когда они выйдут, — продолжила Мади. — Хочет прикончить обоих.

Армана словно парализовало.

— Надо сообщить в полицию, — еле выдавил он. — Срочно!

— Нет времени, — возразила Мади. — Отсюда до деревни километра три, Колен и его отец попали в западню, и только мы можем что-то сделать.

— Что именно? — дрожащим голосом проблеял Арман.

Девочка снова высунулась над травой. Валерино повернул голову в их сторону, и Мади распласталась по земле.

— Черт...

— Он тебя заметил?

— Не знаю. Не думаю.

— Что значит — не думаю? Надо валить отсюда, за полицейскими.

— Он положил свою пушку на стенку, — сообщила Мади.

— Пушку? — слишком громко переспросил Арман.

— Заткнись! — Мади закрыла ему рот ладонью. — И кончай свои эпилептические штучки, или из-за тебя нас заметят. Видишь низкую каменную стенку, рядом с которой он затаился? Этот гад положил на нее свою пушку.

— А сам он где?

— Там же стоит.

— И что это меняет?

— Нам надо только подползти к стенке. Схватим пушку — и привет.

Арман ошеломленно уставился на Мади:

— Совсем спятила? Ты когда-нибудь держала в руках пистолет?

— Ага!

И девочка без дальнейших разговоров поползла в сторону сарая, оставаясь под прикрытием каменной стены.

— Я останусь здесь, — сказал Арман. — Чтобы отвлечь его, на всякий случай...

Мади обернулась:

— Кретин! Если ты будешь его отвлекать, первым делом он схватится за пистолет. Давай за мной!

Арман нехотя пополз следом. Когда они оказались прямо под стеной, Мади приложила палец к губам, чтобы Арман не вздумал заговорить, затем указала вверх, на какую-то невидимую точку. Арман проследил взглядом, но ничего не увидел. Только небо.

Он присмотрелся.

Вверх поднимался легкий серый дымок. Сигаретный. Беглец стоял в нескольких шагах от них, по ту сторону стены. Арман заледенел, он чувствовал, что вот-вот потеряет сознание.

Мади, не обращая на него внимания, ползла дальше. Вот она подобралась к стене вплотную, села. Каменная кладка была приблизительно ей по пояс, чуть выше. Арман не в силах был оторваться от струйки дыма, словно по ней мог угадать положение беглеца, но чтобы разглядеть хотя бы макушку Валерино, пришлось бы встать.

Вот уж чего Арман делать не собирался.

Мади осторожно распрямилась, подняла руку и медленно повела ладонью по камням. «Как ящерица», — подумал Арман. Ее пальцы сомкнулись на рукоятке пистолета, и в тот же миг Мади вскочила, расставив ноги. Она уже держала пистолет обеими руками, целясь поверх стены. Вставая, она закрыла собой солнце, и Арман оказался в тени. В гигантской фигуре девочки было нечто ирреальное.

Он тоже поднялся.

По ту сторону стены стоял Жан-Луи Валерино, все еще с сигаретой во рту. Он долго, растерянно и недоверчиво разглядывал обоих подростков, прикидывая их возраст и пытаясь понять, насколько решительно они настроены, и в конце концов улыбнулся, небрежно сплюнув окурочек.

— Руки вверх, ублюдох! — крикнула Мади.

Валерино, усмехнувшись, подчинился и посмотрел ей прямо в глаза.

— Положи эту игрушку, детка. Ты еще не доросла...

— Заткнись!

Валерино перевел взгляд на Армана:

— Ты, похоже, лучше соображаешь. Скажи подружке, чтобы перестала строить из себя Лару Крофт. Можно пораниться.

Арман понятия не имел, есть ли у Мади хоть какой-то опыт по части оружия.

— Ладно, — сказал Валерино, — все равно стрелять в меня вы не станете. Так что хватит, поиграли. Отдай ствол! — Он протянул руку.

— Не слушай его! — завопил Арман.

Валерино спокойно шагнул вперед.

— Стреляй! — крикнул Арман.

Мади, очень сосредоточенная, слегка приподняла дуло пистолета и нажала на спусковой крючок.

В безмолвии пустоши грохнул выстрел, пуля пролетела прямо над головой Валерино, и беглый преступник замер.

— Сделаешь еще шаг — следующую пулю всажу между твоих рачьих глазок, — пообещала Мади. — Арман, предупреди Колена и его отца.

Выполнить распоряжение Арман не успел.

Когда раздался выстрел, я был погружен в воспоминания. В первое мгновение мне показалось, что палят в комнате.

Нет, где-то совсем рядом.

Отец выскочил за дверь, я следом. Не знаю, что удивило меня сильнее — то, что Мади и Арман здесь, то, что у Мади был пистолет, или то, что перед ней, подняв руки вверх, стоял живой Валерино.

Не успел я опомниться, как отец шагнул вперед.

— Это твои друзья? — спросил он, не глядя на меня.

— Да, — пробормотал я.

Он слегка улыбнулся. Я все еще ничего не понимал, но ощутил прилив гордости. Мои друзья! Я был прав, доверившись им. Отец подошел к Мади:

— Отлично получилось, мадемуазель! Дайте мне пистолет.

Мади смотрела недоверчиво.

— Вы великолепно справились, но лучше мне самому этим заняться.

Мади колебалась. Я посмотрел на Валерино, и он показался мне хищником, готовым прыгнуть при малейшем промедлении.

— Ну же, Мади! — закричал я. — Отдай пушку отцу!

Она сдалась.

— Возьмите, мсье, — с досадой сказала она, протянув ему пистолет.

Я с ужасом смотрел на Валерино, уверенный, что этот гад воспользуется моментом и попытается что-нибудь предпринять, но он не двинулся с места, даже не пошевелился.

Пистолет был в руках у отца, и я почувствовал себя в безопасности. На короткий миг.

На очень короткий.

Еще секунда — и случилось нечто невероятное.

Отец с улыбкой — не привиделась ли она мне? — повернулся к Валерино, протянул ему оружие и произнес невообразимые слова:

— Позволить мелюзге так себя облапошить! Это ты называешь стоять на стреме?

Валерино только плечами пожал и направил оружие на Мади.

— Ну хорошо, — сказал отец, — Поиграли — и хватит, возвращаемся в сарай.

48. «Шато Лодюк» 1978 года

Суббота, 19 августа 2000, 11:18

Дорога к перевалу Клер, Ницца

— Последний, кто видел его живым? — переспросил Симон.

Габриель Бордери сел и положил папку на низкий столик между ними.

— Да. В тот момент, когда почти все уже считали его мертвым. Вечером он вышел на лодке в открытое море и якобы погиб, а на самом деле я укрыл его на одной из своих строек в заливе Морбиан. Он оставил прощальное письмо для полиции, взял на себя всю вину. Хотел, чтобы все улеглось, хотел защитить жену и сына, а заодно выждать, чтобы потом иметь возможность контратаковать. Если бы у него хватило сил... Увы, его уже тогда терзали мрачные мысли, прощальное письмо не было блефом. Его жена Анна очень встревожилась. Он винил себя в гибели трех человек, и это его разрушило. Думаю, только Анна и привязывала его к жизни. Я был с ним, когда он узнал про аварию, и пытался его поддержать, но чувствовал, что он окончательно сломался. Мы долго говорили. На следующую ночь Жан отплыл обратно на Морнезе, чтобы передать нотариусу завещание, распорядиться земельным участком и оставить сыну Колену письмо с объяснениями, которое тот должен был прочитать, когда повзрослеет и сможет понять. Мне он сказал, что вернется, но мы оба знали, что это неправда. Он утонул недалеко от Морнезе. Тело нашли несколько дней спустя.

— Взяв на себя всю вину и покончив самоубийством, он спас вас! — не удержался Симон. — Может, расскажете все с самого начала? Вы давно с ним дружили?

— Ладно. Вернемся к началу. Как насчет того, чтобы распить бутылку хорошего вина? Из-за своих зарубежных поездок я даже не успеваю в собственный погреб заглянуть, а в мусульманских странах приличной выпивки не найти.

Не дожидаясь ответа, он вышел и вернулся с двумя большими бокалами и бутылкой красного вина.

— «Шато Лодюк» семьдесят восьмого года, вам должно понравиться. Вот Жан Реми был большим ценителем вин, очень тонким знатоком. Это нас сблизило.

— Когда вы познакомились?

— Еще в университете. Оба историки, специализация — культурное наследие. Мы дружили втроем — он, я и Максим Приер, который почти до конца оставался с ним. Мы были совершенно разными. Жан — отличник, невероятно образованный, прирожденный исследователь, страстно увлеченный наукой. У меня таких способностей не было, зато хватало честолюбия и идей. Через полтора года я бросил учебу, чтобы шататься по свету с рюкзаком за спиной. Жан же закончил университет. Несколько лет спустя он, без гроша за душой, вместе с другими ненормальными скреб камни своего проклятого аббатства на острове Морнезе, а я возглавил предприятие с двумя десятками служащих и ворочал миллионами франков.

— А чем отличался Максим Приер?

— За девками бегал. Считал себя свободным художником. Обаятельный. Карьерист и лицемер.

— Вам он не нравился?

— Нет. Именно он вместе с шурином Жана, Тьерри, его предал. И мы никогда не узнаем, до какой степени.

— Что с ним стало потом?

— Понятия не имею. Шляется, наверное, где-нибудь между Нормандией и Бретанью.

Симон ненадолго задумался и решил, что как только вернется, попытается раскопать все про этого Максима Приера.

— Когда вы с Жаном встретились снова?

Габриель Бордери помедлил, разглядывая вино в бокале на свет.

— М-да... Не выдающийся год. Что скажете?

Симон в этом ничего не понимал.

— Оно... вкусное. Правда, мне не с чем особо сравнивать.

— Вы еще молоды, со временем научитесь. Так вот, как я уже сказал, нас было трое друзей. Позже Жан Реми со мной связался. Они обнищали, были на грани разорения, ему нужны были деньги.

— И вы дали?

Габриель Бордери отпил глоток, несколько секунд подержал вино во рту.

— И все же неплохо идет, после пустыни-то. Правда? Я дал немного денег, чтобы они смогли выкрутиться. Жан Реми не был побирушкой, а я был не благодетелем, я был бизнесменом. Он это знал.

— А «Евробильд»?

— Это отдельная история. Остров был прибежищем бессовестных типов — впрочем, такие есть на любом побережье, где остаются участки под застройку. Пуск парама раздражил аппетиты, спрос на землю

мгновенно вырос. Англичане. Парижане. Нормандцы. Недвижимость дорожала на двадцать процентов каждые полгода. Не осталось ни клочка земли под застройку или на продажу. Акулы сбились в общество «Семитим» и точили зубы на загибающуюся ассоциацию Жана Реми. В конце концов Жана загнали в угол, надо было продавать участок. Даже его компаньоны, эта шайка лицемеров, объединились против него. Оставалась последняя надежда на то, что на участке нельзя строить, а непригодный для застройки участок ничего не стоил. Но, к величайшему моему изумлению, на плане землепользования он оказался пригодным для застройки. У «Семитим» были большие связи.

— Я нашел доказательства, что Жан-Луи Валерино подделал план!

Габриель Бордери налил себе еще бокал вина, добавил, не спрашивая, Симону и раздраженно заметил:

— Такие доказательства требовались нам десять лет назад!

— Вы не могли не знать, — снова заговорил Симон, — и Жан Реми тоже, что участок был опасным — из-за подземных ходов. Стало быть, план землепользования подделали, а проектное бюро плохо выполнило свою работу. Почему было не подать жалобу, не обратиться с заявлением, не возбудить общественное мнение?

— Все происходило слишком быстро. Ассоциация Святого Антония, которую возглавлял Жан, была на грани банкротства, «Семитим» их топил, а на рассмотрение жалобы ушли бы месяцы. Но главное — когда участок объявили пригодным для застройки, большинство компаньонов Жана бросили его, и первым — шурин.

— Тьерри Дюкурре? Опекун Колена?

— Да, он. Жан Реми твердил, что на этом участке никогда нельзя будет строить, цеплялся за эту версию, чтобы не продавать, не уступать землю «Семитим». Но как только план землепользования обнародовали, с Жаном перестали считаться, все проголосовали за продажу.

— Но владельцем был Жан Реми, не ассоциация, — напомнил Симон, — решал он. И вот тут вытащил из шляпы старого друга Габриеля и его «Евробильд».

— Точно.

Габриель Бордери чокнулся с Симоном.

— Твое здоровье, — сказал Бордери, переходя на «ты». — Проект сразу меня увлек. Это уже было не меценатство, а вложение средств! Как раз такого типа проекты мне и нравились, а тут еще и строить вместе со старым другом. Акулы из «Семитим» собирались возвести многоэтажного бетонного монстра, разгорелся скандал — из-за закона о прибрежной

полосе, зато наш проект напрямую вписывался в программу долгосрочного развития. Не буду заниматься саморекламой, тебе все это без разницы, и ты не обязан мне верить, но тогда мы стали основателями экотуризма. Согласен, худшего названия, чем Сангвинарии, для коттеджного поселка не придумать, но сам по себе проект был хорош.

— И тут несчастный случай...

— Да какой там несчастный случай!

Габриель надолго замолчал, глядел на Средиземное море и белые паруса на гладкой воде.

— За двадцать лет работы у меня на стройках больше никто не погиб, а я ведь строил в гораздо более опасных местах, на куда более ненадежных участках. И там, где не заморачиваются планами землепользования. Несчастный случай? Убийство! Все было подстроено. Подземный ход не сам собой обрушился под краном, были подпилены опоры, Жан потом подтвердил. Он ведь эти ходы наизусть знал.

— И вы поверили?

— Да.

— Вас это устраивало. Облегчало и его, и вашу совесть.

— Считаю как хочешь.

Симон не сдавался:

— Участок был опасным, теоретически непригодным для застройки. Вы с Жаном Реми это знали и рисковали по-крупному.

Бордери вздохнул и налил себе еще вина, не предложив Симону.

— Десять лет назад Жан Реми рассуждал так же. Сколько я ни твердил ему, что принял все меры предосторожности, что никогда, даже на опасном участке, не произошло бы несчастного случая, что это было преступление, что он ни при чем...

— Он не верил?

— Он себя винил в гибели трех человек. Взяв на себя всю ответственность, он замял скандал, спас компаньонов, спас «Евробильд»... Он был честным человеком. Его добила смерть жены. Она была такая... Училась вместе с нами и тоже занималась историческим наследием. Видел бы ты ее в ее девятнадцать... Улыбка и фигура такие, что вся аудитория заводилась. Жан и Анна обожали друг друга, их отношения ничто не омрачало. Пара, созданная, чтобы быть вместе.

— У вас есть версия гибели Анны Реми? Авария или самоубийство?

— Ни то ни другое.

— Тогда что же?

— Авария устраивала всех, однако говорить о самоубийстве могли

только те, кто уже считал Жана погибшим, но Анна знала, что он жив, в безопасности, у меня. Они несколько раз за день перезванивались. Что могло толкнуть Анну на самоубийство? Ничего! Она любила мужа и ждала его. Нет, авария со смертельным исходом — это было убийство.

— Вот это да! — вырвалось у Симона. Он сам налил себе вина.

— Вся эта история — трагедия. Трагедия, в которой истинные виновники так и не были наказаны. Мне не хватило смелости пойти дальше. Выходит, я тоже побоялся во все это впутываться.

И, словно чтобы избавиться от чувства вины, он проделал несколько разминочных движений. Заливающий террасу солнечный свет выгодно подчеркивал накачанные грудные мышцы.

— А свидетельство на право собственности? — спросил Симон. — На земли аббатства?

— Ты и об этом знаешь?

Симон кивнул. Бордери сел, сделал глоток вина и сказал:

— Ты, похоже, встречался на Морнезе с нотариусом. Толстяк Бардон еще жив? Один из немногих, кому можно доверять. Странный тип, но надежный. Они с Жаном договорились, что в случае его гибели я буду распоряжаться участком до тех пор, пока Колену не исполнится шестнадцать. Уже десять лет. Господи! Как быстро они пролетели. Должен признаться, я почти забыл про все эти дела. Участок на острове, наверное, совсем заброшен, но мой бухгалтер должен ежегодно платить налоги. Помнится, в последние годы я подписывал какие-то бумаги насчет музея в аббатстве. Я согласился бесплатно предоставить им в пользование участок, что-то в этом роде, — при условии, что они ничего не будут там строить. Признаюсь, что еще час назад мне было в высшей степени наплевать на эту землю.

Симон вспомнил абстрактные картины на стенах этого дома. Геометрические формы, очень яркие, минималистские. Стоят наверняка целое состояние. Впрочем, в современном искусстве он разобрался не лучше, чем в вине.

— Ты шокирован? — спросил Бордери. — Ясное дело, ты еще молод. Сейчас мне, конечно, немного стыдно, но я, возможно, все позабуду сегодня вечером, в Кабо-Верде. Десять лет — ничто, когда живешь на бегу. И настоящим не живешь, и прошлое забываешь. Смотришь только вперед, всегда вперед.

— А что с Коленом?

Бордери посмотрел на Симона в упор:

— Ты в самом деле думаешь, что он в опасности? Даже после

стольких лет?

— Вы считаете, что побег Валерино именно сейчас может быть совпадением?

Бордери допил вино, встал, прошелся по белоснежным плиткам пола.

— Черт, это паршиво! Говорил же я Жану, что оставленное у нотариуса досье, бумаги, которые надо будет передать его сыну, когда тот подрастет и сможет понять, — это отравленный подарок. Вывалить все это на мальчика, без подготовки и предупреждения. Натравить на него всю свору. И только ради того, чтобы сын узнал, что его отец не убийца, и в день, когда ему исполнится шестнадцать, смог гордиться дорогим папочкой! Гордись, сынок, и беги!

— В досье Жан Реми обличал истинных преступников?

— Да, — ответил Бордери. — Со всеми доказательствами!

— Ну и ну... Это объясняет побег Валерино. Перехватить мальчика. Сделать все, чтобы он не получил документы. Надеюсь, Колен уехал на каникулы с дядей и тетей куда-нибудь на Антильские острова или в Австралию. Во всяком случае, подальше от Морнезе.

Бордери грустно посмотрел на пустую бутылку.

— Не будем забывать, что есть и другая причина для охоты за ним. Легенда о Безумстве Мазарини. Ты, я думаю, об этом слышал?

Симон кивнул.

— Ну да... — улыбнулся Бордери. — В досье был и план этого гребаного клада.

Симон взглянул на оранжевую папку:

— А это копия того досье, которое было оставлено на хранение нотариусу на Морнезе?

— Нет, скорее его дополнение. Жан был не так глуп, он не стал бы складывать все яйца в одну корзину. В досье собраны все архивные находки, связанные с Безумством Мазарини. Еще одна бомба замедленного действия.

Симон не сводил глаз с папки.

— Тебе так хочется, чтобы она взорвалась у тебя в руках? — вздохнул Габриель Бордери.

49. В темноте

*Суббота, 19 августа 2000, 11:26
Сарай у Чаячьей бухты, остров Морнезе*

Мы с Мади и Арманом вошли в сарай под прицелом пистолета Валерино.

Меня снова затошнило от мерзкой вони тухлятины, в горле запершило от едкой пыли. Мади с Арманом оглядывали эту помойку, распотрошенные коробки, опрокинутые стулья, ползающих по стенам насекомых.

Я не мог выговорить ни слова. Мне хотелось перехватить взгляд отца, показать, что я растерян, сбит с толку.

Что он задумал?

Мог бы подмигнуть, чтобы успокоить. *Это ничего, это такая хитрость, я потом тебе объясню.*

Ничего подобного отец не сделал и вообще старался не встречаться со мной взглядом. А может, просто-напросто потерял ко мне всякий интерес. Они с Валерино велели нам сесть на грязные ящики в глубине сарая и теперь громко переговаривались.

— Что будем с ними делать? — спросил Валерино. — Выстрелы привлекут любопытных, а на острове и без того обстановка сейчас... Надо решать!

Отец раздумывал. Я боялся взглянуть на Мади и Армана, понимал, что прочту в их глазах страшный вопрос: *Что творит твой отец?*

Ответа у меня не было.

— Ты прав, у нас нет выбора, — в конце концов сказал отец.

Он раздраженно смахнул все с шаткого стола — гнилые яблоки и виноград растеклись по пыльному полу липкой жижей — и наконец повернулся ко мне:

— Спрашиваю в последний раз, Колен. Ты ничего не помнишь? Что было до того обеда? После? Во время? Насчет Безумства Мазарини?

В ответ я произнес одно слово:

— Папа.

Одновременно вопрос и мольба.

Я вложил в это слово десять лет надежды.

Отец остался равнодушным, молча повернулся к Валерино:

— В папке есть план, но я посмотрел — этого будет недостаточно.

— Ничего не поделаешь, — ответил Валерино. — Надо сваливать.

Отец согласился после недолгого раздумья:

— Ты прав. Обойдемся без него.

Это «без него» было подобно удару ножом в сердце. Почему он не осмелился сказать прямо мне: «Обойдемся без тебя»?

Я почувствовал, как рядом со мной шевельнулась Мади. Взгляд ее был устремлен на ящик, метрах в двух справа от нас. Я посмотрел туда. Кухонный нож. Жалкий, заржавленный кухонный нож.

— У нас нет главного! — проворчал Валерино.

Отец взял в руки бежевую папку, которую я получил от нотариуса.

— У нас есть признания и доказательства. Разве не это главное? А карту изучим на свежую голову. И найдем! Он все равно ничего не помнит.

Он... Еще один удар в сердце.

— Как скажешь, — буркнул Валерино. — Ты не мог раньше с ним поговорить?

— Представь себе, именно этим я и занимался, когда ты позволил девчонке стянуть у тебя пушку!

— Ладно, все, пора с этим кончать. Сколько можно торчать здесь?

Мади метнулась к ящику, рассчитывая схватить нож. Она почти успела, но отец припечатал ее запястье к столу.

— Брось, не то придется сделать тебе больно.

Мади попыталась вывернуться, вспомнив, должно быть, свои занятия капойрой, но он поймал ее за другую руку и выкручивал до тех пор, пока она, вскрикнув от боли, не выронила нелепое оружие.

Отец грубо толкнул Мади к нам.

— Ублюдох, — прошипела она и плюнула на пол.

У меня в голове все взорвалось. Думать я не мог. События неслись передо мной, непостижимые, нереальные и все более ужасные.

Однако худшее было впереди.

Отец отпихнул в сторону несколько валявшихся на полу коробок, под ними был люк. Он откинул крышку:

— Вперед! Все трое.

Мы застыли в оцепенении, и Валерино снова поднял пистолет. У меня в голове билось слово из двух слогов, но я не мог его произнести. Больше не мог.

Папа.

Может, если я заговорю, поймаю его взгляд, он отреагирует? Только нужно произнести это убедительно, с любовью, даже с обожанием.

Арман и Мади уже скрылись в люке.

Я остался один.

Мне надо было сказать «папа» в последний раз. Во второй и в последний?

Я открыл рот, но отец уже повернулся ко мне спиной, сделал несколько шагов, наклонился и вытащил из стоящего в углу ящика длинный провод.

Равнодушно.

Я ничего не сказал.

Молча нырнул в люк, спустился в подвал. Валерино наклонился к нам, и я испытал дурацкое облегчение, оттого что последним в квадрате света, который вскоре исчезнет над нашей могилой, вижу не лицо отца.

— Мало кто знает о существовании этого выдолбленного в граните помещения, — сказал Валерино. — Не питайте иллюзий, малыши. Мне очень жаль, но вы оказались в неподходящий момент не в том месте.

Он закрыл люк, и подвал погрузился в полную темноту. Мы почти не дышали, прислушиваясь к шагам наверху. Ждали, что услышим, как лягнет засов или как с шумом подвинут стол, чтобы придавить крышку люка, но никаких звуков не было.

Тишина.

Долгая.

А потом вдруг оглушительный грохот.

Люк не загородили столом, на него свалили все здание.

— Они взорвали сарай! — взвизгнул Арман. — Весь поганый сарай обрушился, и мы заперты внизу. Никто не знает, что мы здесь. Никто не знает, что этот подвал вообще существует! Даже если кто-то пройдет мимо, даже если мы будем орать как ненормальные, нас не услышат.

Мади молчала.

Я не видел ее в темноте. Была она там или нет?

— Мы пропали, — не умолкал Арман, он был близок к истерике. — Мы здесь подохнем!

И тут в темноте раздался голос Мади. Она произнесла несколько слов, и самое страшное — я не мог упрекнуть ее за то, что она это сказала.

— У тебя довольно крутой папаша, Колен.

50. Секрет Люсьена Верже

Суббота, 19 августа 2000, 11:37

Дорога к перевалу Клер, Ницца

Габриель Бордери потянулся за папкой, но вдруг передумал.

— Как насчет второй бутылки?

— Вообще-то мне надо ехать... Впереди тысяча двести километров.

— Но не прямо сейчас?

— Ваша правда.

Габриель снова отправился в погреб и вернулся с бутылкой «Вон-Романе» 1989 года. Плеснул, попробовал.

— Ага! Движемся в верном направлении. Уже получше.

Симон не заметил разницы во вкусе по сравнению с первой бутылкой, но ничего не сказал.

— Ну так что, открываем папку? — спросил Бордери.

— Вы в нее так и не заглянули? — удивился Симон.

— Один раз, десять лет назад, когда получил. С тех пор она лежала в этом сейфе.

— Да, десять лет — срок недолгий, — с легким раздражением откликнулся Симон. — Значит, это не копия того досье, что у нотариуса?

— Нет. Как сказал мне Жан, здесь совсем другие бумаги. Папка, оставленная у Бардона, предназначалась Колену, в нее он сложил документы на право собственности, личные воспоминания, а еще письмо, то самое, в котором он снимает с себя вину и обвиняет настоящих преступников, называет имена всех, кто был замешан в махинациях «Семитим», приводит факты... Еще он оставил там карту острова, план подземелий, с указаниями, где искать Безумство Мазарини.

— Карта острова сокровищ! Значит, он нашел Безумство Мазарини?

— Видимо, да. Ему можно верить. Перед тем как уйти, он сказал мне странную вещь, что-то вроде: «Я показал Колену настоящую тайну Безумства Мазарини. Карта, которую я оставил у нотариуса, поможет ему вспомнить. Но карта сама по себе бесполезна. Как и воспоминания Колена».

Симон допил вино и тут же почувствовал, что делать этого не следовало. У него закружилась голова.

Ему надо ехать. Партия разыгрывается на острове, прямо сейчас, а он

даже встать, похоже, не может.

— А в вашей папке что? — спросил он.

— Туда Жан собрал все, что нашел про Безумство Мазарини. Все исследования за двадцать лет. И сказал примерно следующее: «Ты единственный из моих друзей, кто достаточно богат, чтобы наплевать на Безумство Мазарини. Но если Колен захочет узнать больше, узнать, как я это понял, тогда дай ему прочитать все материалы моих исследований. Может быть, его это заинтересует. Может быть, он будет так же увлечен историей, как я». Помню, что он прибавил странную фразу, смысла которой я так и не уловил. «Когда ты узнаешь правду, я в своей могиле услышу, как ты назовешь меня сволочью!»

Габриель Бордери тоже допил вино. Похоже, голова у него была крепче, чем у Симона. Он прошелся по белоснежной плитке, глядя на бухту Ангелов, на бирюзовую воду и белые паруса.

— Насколько мне известно, — обернувшись, сказал он, — Жан открыл свой секрет маленькому Колену во время последнего общего застолья ассоциации — застолья, которое стало началом конца.

— Прямо-таки Тайная вечеря, — заметил Симон. — Жан Реми возомнил себя Иисусом?

— Возможно, — согласился Бордери. — По меньшей мере, пророком. Но одно несомненно: он так и не воскрес. К сожалению... — И задумчиво покрутил в руках пустой бокал.

Симон смотрел на оранжевую папку.

— Откроем?

Габриель Бордери развязал ленточки. Листов было много, около сотни. Бордери быстро перебрал их.

— Двадцать лет исследований! — Он вернулся к началу. — Поехали. Триста лет истории. Первый источник — то самое письмо мадам де Севинье. Неистощимое богатство Мазарини, которым он и обольстил французский двор, которое помогло ему короновать юного Людовика XIV.

— Я в курсе, — вставил Симон.

— Читаешь «Островитянина»? Жан Реми первым обнаружил это забытое письмо. Я думаю, что вся его страсть и родилась из этих нескольких строчек. Аббатство. Клад. Признаюсь, поначалу я ему не верил. Выстроить целую теорию, посвятить жизнь исследованиям с единственной отправной точкой — письмом мадам де Севинье. Ее письма — сплетни той эпохи.

— Как если бы три века спустя кто-нибудь выстроил целую историческую теорию, черпая информацию из «Космо» или «Гала».

— Совершенно верно. Тебе это не кажется глупостью?

— Интуиция ученого.

— Возможно.

Габриель Бордери продолжил листать досье. Симон встал и снова пробежался взглядом по абстрактным полотнам, задержавшись на странной картине — мешанине из зеленых и оранжевых квадратов. Вернулся к хозяину дома, наклонился, заглянул в папку через его плечо.

Старые гравюры с видами острова, морские карты, старинные планы аббатства, наказы третьего сословия депутатам Генеральных штатов времен Французской революции, купчие на земли, выписки из актов гражданского состояния. Еще там были геологические срезы, справки о составе почвы.

— Впечатляющие материалы, — сказал Симон.

— Да. Но мы дошли до главного. До самой важной находки Жана Реми. До ключа, который убедил его в правильности выбранного направления поисков.

— История молодого фермера?

— Правильно, — подтвердил Бордери. — Разумеется, «Островитянин» об этом писал, но ты узнаешь все подробности. Здесь вся переписка Люсьена Верже, фермера, который в 1914 году возделывал землю на острове. Должно быть, Жану стоило огромного труда найти эти письма. Но история захватывающая. Я все это бегло просмотрел в свое время. Прочту тебе несколько отрывков. Посмотрим, окажешься ли ты догадливей меня.

Симон сосредоточился.

— Письма от кого и кому?

— Письма, которыми обменивались этот молодой фермер, Люсьен Верже, и Анри Фушери, школьный учитель с Морнезе, который, выйдя на пенсию, уехал в Перигор. Я прочитаю тебе первое письмо Люсьена Верже. *«Остров Морнезе, 3 января 1914 года. Мсье Фушери...»* Бла-бла-бла. Он благодарит его за ценные знания и все такое. Вот, слушай: *«Вы найдете в этой посылке совершенно удивительный сюрприз, который я с радостью Вам отправляю. Я не большой знаток, но думаю, что это чистейшее сокровище. Я возлагаю на него большие надежды. Возможно, оно принесет мне богатство. Но я знаю, что Вы в этом разбираетесь прекрасно и сможете указать мне его истинную ценность»*. Дальше он снова начинает вспоминать детство, что для нас не представляет ни малейшего интереса. Ну что, вдохновляет?

— Пока что нет, — наморщив лоб, ответил Симон. — А ответ учителя у вас есть?

— Да. «Террасон-Лавильдьё, 21 февраля 1914 года. Милый Люсьен, бла-бла-бла, я рад весточкам от тебя. Я получил твое „сокровище“. Я и не знал, что в недрах острова Морнезе таится подобное богатство. Это очень странно, но, если хорошенько подумать, есть вполне логичное объяснение. Ты просил высказать мое мнение. Вот оно. Люсьен, у тебя в руках и впрямь сокровище, равного которому нет ни во Франции, ни во всем мире. Богатство тебе обеспечено, более того — не только богатство, но и слава, и признание. Находки подобного рода в наши дни большая редкость. Если я тебя не убедил, без промедления иди мне другие образчики твоих сокровищ. Это я тебя поддразниваю. Береги себя». Дальше бла-бла-любезности...

— Черт знает что такое! — с досадой воскликнул Симон. — А они не могли прямо сказать, о чем идет речь? Есть еще письма?

— Да, последнее. Написанное за несколько недель до того, как Люсьен ушел на войну, с которой не вернулся. «Остров Морнезе, 26 июля 1914 года. Мсье Фушери, бла-бла-бла, спасибо за поддержку. Я много работаю. Я очень надеюсь на успех. Вы получите еще несколько образчиков из моей коллекции. У меня их несколько десятков, и я не намерен на этом останавливаться. Из-за всеобщей мобилизации на эту проклятую войну мне, возможно, придется все на время отложить. Но Вы прекрасно понимаете, что это не так важно». Дальше он говорит о том, как боится отправки на фронт. До этого нам дела нет... Ну вот, теперь ты знаешь все подробности.

Симон чертыхнулся.

— Но о чем они могут говорить? Почему не так уж важно, что ему придется все на время отложить?

— Понятия не имею, — пожал плечами Бордери, закрывая папку.

— Богатство, успех и упоминания о неисчерпаемом сокровище. А больше в досье ничего нет?

— Я, во всяком случае, ничего не нашел, но я прочел не все. Все указания там есть. Жан, располагая теми же сведениями, понял.

— Он был историком, — возразил Симон, — и находился на острове. Наверное, без этого ничего не понять.

Габриель Бордери, оставив папку на столе, прошелся по залитой солнцем террасе. Солнечные зайчики прыгали по плитке и гладкой поверхности воды в бассейне.

— Как бы там ни было, скоро мы это узнаем, — сказал Габриель. — Юный Колен получит от нотариуса карту, пороется в своих воспоминаниях, придет ко мне, и мы наконец обретем истину.

— Очень на это надеюсь, — пробормотал Симон.

— А что тебя смущает? — вскинулся Габриель.

— Мне не по себе. Это письмо, которое надо забрать, эти давние секреты, эта бомба замедленного действия, как вы говорите. И в гуще всего шестнадцатилетний мальчишка.

— Брось, — отмахнулся Бордери. — Сам же сказал, что парень уехал на каникулы. И сейчас он далеко от острова и от всей этой истории, еще на несколько дней или недель вдали от всех этих темных дел. У нас есть время подготовиться, чтобы его защитить. Я этим займусь. Это мой долг перед Жаном.

— Надеюсь, что вы правы, — вздохнул Симон. — Надеюсь, что я напрасно встревожился. В конце концов, Жан Реми был умным человеком. Наверняка он все предусмотрел и позаботился о безопасности сына.

51. Под землей

*Суббота, 19 августа 2000, 11:48
Сарай у Чаячьей бухты, остров Морнезе*

Мади заорала во все горло:
— Есть здесь кто-нибууудь?!

Меня от этого ее оглушительного крика в темноте холод по спине продрал.

— Кончай, — сказал Арман, — никто нас не услышит.

Но Мади не сдалась и через каждые пятнадцать секунд выдавала «Ээээй!», «Мы здеееесь!» или «Помогиииите!».

Глаза постепенно привыкали к темноте. Мы уже различали силуэты друг друга.

— Пять с половиной часов, — тихо сказал Арман. — Мы втроем дышим в помещении, где объем воздуха меньше ста кубических метров. Думаю, еще пять, самое большее — шесть часов протянем, потом задохнемся.

— Хватит глупости болтать, — неуверенно возразила Мади. — Не забивай нам голову дурацкими подсчетами. Ты понятия не имеешь, сколько времени можно продержаться. Ты даже не знаешь размеров этого подвала.

— Мы в любом случае долго не продержимся. И еще меньше, если будем тратить силы. До кого ты надеешься докричаться?

Мади проорала очередное «Ээээй» и спокойно ответила:

— Понятия не имею. До чаек. До бакланов. Не можем же мы просто сидеть здесь. — После чего долезла до третьей перекладины лестницы и изо всех сил толкнула крышку люка. Та не сдвинулась ни на микрон. — Да помогайте же, какого черта!

Мы попробовали приподнять люк, навалившись втроем, всем весом наших хилых тел. Крышка не шелохнулась. Через несколько минут, показавшихся нам очень долгими, мы сдались.

Мади с Арманом взялись измерять подвал, прикладывая ладони к холодным стенам. Подвал метра три на четыре был выдолблен прямо в граните. Мади периодически продолжала вопить «Ээээй!».

Арман даже влез на плечи Мади и ощупал потолок в поисках второго люка. Ничего! В конце концов им пришлось признать очевидное: выхода нет.

Мы были в ловушке. Прошел почти час, а я так и не произнес ни слова.

И вдруг Мади не выдержала:

— Колен, у твоего отца крышу сорвало или что?

Я сидел в углу, сжавшись в комок, не мог разговаривать, не мог думать. Лишь пробормотал безразлично:

— Помолчи, Мади. Не трать попусту кислород. Дыши пореже.

— Чушь! Мы еще живы! А если нам придется умереть здесь, в этой яме, лучше уж использовать оставшиеся пять часов. Разве не так?

— Мне не хочется разговаривать, Мади.

Я видел, как ее тень мечется по подвалу взад и вперед.

— А мне вот хочется! Я хочу поговорить! Меня это успокаивает. Я нервничаю. Мне надо разрядиться. Колен, твой отец сволочь. И тебе надо с этим смириться. Ты не виноват. Мы тебя не виним. Ты не мог знать. В мире существуют сволочи, и у них тоже есть дети. Я знаю, о чем говорю.

— Заткнись, Мади, — устало попросил Арман.

В голове у меня все путалось. Мне не хотелось разговаривать, не хотелось кричать, не хотелось плакать, не хотелось спорить, не хотелось биться в поисках выхода, хотелось одного — остаться здесь, в темноте.

Не так уж плохо ждать в темноте, пока все закончится.

Ждать, просто дожидаться, когда перестану дышать, не прилагая никаких усилий, ждать, пока все во мне замрет.

— Есть кто-нибудьуудь?! — снова заорала Мади.

Арман не выдержал:

— Не обижайся, Колен, но ты себе представить не можешь, до какой степени меня бесит, что я умру девственником.

Он серьезно? Или хочет меня рассмешить?

— Ты все равно умер бы девственником — что в пятнадцать лет, что в восемьдесят пять, — откликнулась Мади. — Считай, что тебе чертовски повезло умереть в этом подвале, не придется всю оставшуюся жизнь страдать.

Арман взорвался:

— Если выберусь отсюда, перетрахую всех твоих сестер, одну за другой!

— У меня их пять, малыш, тебе здоровья не хватит. И все такие красавицы, что в твою сторону даже не взглянут. И еще у меня есть брат, тот самый, что подарил мне нож, он вообще обожает ножи.

В темноте раздалось еще одно оглушительное «Ээээй», и снова все затихло.

Но Арман не унимался:

— Красавицы, говоришь? А ты уверена, что они действительно твои сестры?

Пауза.

— Обещаю тебе, девственник, если мы выберемся, я попрошу моего друга прикатить на Морнезе только для того, чтобы по одному выдрать волосенки на твоих лапках, а потом зажарить тебя, как молочного поросенка.

Я чувствовал, что нервы у обоих на пределе, но сил не было вмешаться. Мне хотелось остаться здесь, а они пусть бы спаслись. Если бы я мог обменять свою жизнь на их спасение... И все же я собрался с силами и призвал:

— Успокойтесь! Во всем виноват я. Лучше постарайтесь вместе что-нибудь придумать.

— Отличный совет — что-нибудь придумать! — обозлилась Мади. — Мы полчаса пытались приподнять крышку — и что?

— В кино, — прибавил Арман, — легкий сквозняк всегда указывает на крышку канализационного люка или выводит в тоннель, в вентиляционную трубу. Но мы-то в яме, и отсюда не выбраться!

Тишину разрывали только вопли Мади. Время тянулось медленно и безнадежно. Мне показалось, что прошла целая вечность, и тут Арман спросил:

— Колен, сколько мы уже здесь сидим?

— Не знаю. Час или два...

— Эээй!

— Хорошо, — до странности спокойно проговорил Арман. — Это как раз столько, сколько я себе дал, прежде чем перейти к плану «Б».

Мади хмыкнула:

— План «Б». Ну-ну. Хватит бредить. И в чем состоит этот план, Макгайвер?

В тоне Армана зазвучали отголоски обычной иронии.

— Скорее Джеймс Бонд. У меня в кармане есть маленькая ультрасовременная штучка, которая может оказаться полезной.

— Бельгийский ножик? — усмехнулась Мади.

— Швейцарский. Ножи бывают швейцарские.

— Что швейцарским, что бельгийским стены все равно не прорезать!

— Дурища, я и не говорил, что у меня в кармане швейцарский ножик. У меня там мобильник!

Мади уже проорала «Ээ...», но до «...эй» дело не дошло. Я все еще не мог включиться в разговор, однако новость расшевелила инстинкт выживания.

— Мобильный телефон? — переспросила Мади.

— Нет, мобильный кондиционер.

— Кретин! Я тебе не верю. В лагере я ни разу не видела, чтобы ты звонил.

— Естественно, ведь отец Дюваль запретил мобильники. К тому же узнай ты, что у меня есть телефон, тут же бы его стырила. Разве нет?

— Это точно, — признала Мади.

— Я звонил тайком. Каждый вечер. Мои старики на этом настаивали.

Голос Мади мгновенно повеселел.

— Хорошо. Поблаговаришь их потом от имени выживших. А раньше не мог сказать?

— Я дал себе час...

— Ты достал уже со своими дурацкими планами! Ладно, зови войска на подмогу.

Арман не ответил и не пошевелился.

Он не звонил.

Вообще ничего не делал.

Мади взвилась:

— Чего ты ждешь? Пока мы сдохнем? Звони легавым!

— Не могу.

— Что?

— У меня деньги закончились!

Мади выдала очередное «Ээй», да такое, что на континенте было слышно.

— Как это — закончились? — Я уже не мог отмалчиваться.

— Еще вчера вечером. Потратил на тупую телку из лица, которая меня в упор не видит. Она сейчас на языковой стажировке в Андалузии.

— А эсэмэс? — не сдавалась Мади.

— Денег нет!

— А бесплатные звонки? — У меня еще была надежда. — Срочные вызовы?

— Ничего не вышло, — ответил Арман. — Ничегошеньки. Я только что пробовал. В темноте. Каждый раз соединяют с автоответчиком, который просит пополнить счет.

Меня снова придавила свинцовая тяжесть.

Перед тем как окончательно погрузиться в беспросветный мрак, я на мгновение воспарил, но надежда обернулась миражом, жестоким разочарованием.

— Ни у кого нет при себе банковской карточки? — спросила Мади.

— Что ты предпочитаешь — «Визу» или «Мастеркард»? — насмешливо откликнулся Арман.

Меня достали их словесные перепалки.

Покончить с этим.

Остаться в тишине.

Но Мади и тишина несовместимы.

— Если я придержу язык насчет твоего мобильного, клянётесь не растрепать про меня?

— Мы уже так далеко зашли... — отозвался Арман.

— Хорошо. Я вам верю. Тогда скажите спасибо Ивону Папийону, который сумеет вытащить нас отсюда.

Я заткнул уши — не мог больше слушать, как они стараются отвлечься жалкой болтовней, чтобы не впасть в отчаяние.

— Это еще кто? — не понял Арман.

— Ивон Папийон, — повторила Мади. — Есть здесь один такой, ходит под парусом.

— У этого Ивона Папийона что, сверхъестественные способности? Он человек-крот? Умеет пробивать стены подвалов?

Мади хихикнула.

— Нет у него никаких особых талантов. А вот проблемы наверняка появились.

— То есть?

— У него сперли карточку. Вчера. В раздевалке парусной школы. И так получилось, что эта карточка лежит у меня в заднем кармане. Так что если он ее не заблокировал, то...

Арман взорвался, не стараясь экономить кислород:

— А раньше ты не могла сказать про карточку?!

— А ты про мобильник?

Мне хватило сил вмешаться:

— Стоп! Прекратите! Действуйте. Умоляю вас!

Они послушались.

Мади достала «Визу», Арман устроился рядом с мобильником в руке.

— Диктуй номер.

Мади всматривалась изо всех сил, но ей пришлось сдаться: в темноте

невозможно было прочитать цифры. Арман поднес мобильник ближе, но света от экрана не хватало, чтобы разглядеть номер карточки.

— Попробуй Брайлем, — посоветовал Арман.

— Чем?

— Брайлем. Как слепые. Цифры на карточке рельефные. Должно получиться.

Мади поняла, поводила пальцами по цифрам, но ни одной на ощупь не распознала. Арман не выдержал:

— Дай сюда!

Забрал у нее карточку и с ошеломляющей легкостью, с первого раза, определил шестнадцать цифр и дату окончания срока действия.

— У тебя волшебные пальчики или как? — проворчала слегка уязвленная Мади.

— Двенадцать лет за роялем, старушка. Двенадцать лет мучений. Рубинштейна из меня, может, и не выйдет, но чувствительные кончики моих пальцев, возможно, спасли твою шкуру.

Он снова пробежался по клавишам мобильного, услышал сообщение и ввел номер карты.

— Не заблокировал! — завопил Арман. — Счет пополнен на сто евро! Чего стесняться — если нас сцапают, за решетку отправят нашу арабку.

— Заработал? — спросила Мади, не отреагировав на «арабку». — Если ты сейчас скажешь, что сеть не ловится, я вышибу люк твоей тупой башкой.

Несколько секунд ожидания. Несмотря ни на что, я снова обрел надежду. В темноте угадывался Арман, неподвижно стоявший с трубкой возле уха.

— Есть! — заорал он. — Очень возбуждающий женский голосок только что сообщил мне, что остаток средств на счете сто евро плюс семь пятьдесят премии. Держи карточку, вернешь Ивону Папийону. Кому звонить? Отцу Дювалю?

Я засомневался. Мне вспомнился совет отца: никому не доверяй. Йойо за мной следил, Стефани не хотела выпускать меня из лагеря. Но все это было раньше.

Теперь все иначе. Теперь я снова могу всем доверять.

Всем... Кроме собственного отца.

Не дождавшись ответа, Арман позвонил в лагерь и попал прямо на отца Дюваля, который, видимо, топтался рядом с телефоном. В лагере все страшно перепугались, когда выяснилось, что сбежали три подростка, так что его не пришлось уговаривать немедленно отправить спасателей в

Чаячью бухту.

Сначала мы услышали сладкоголосый вой сирен, пожарные и полиция явились одновременно. Не удержавшись, я кинулся обнимать Мади и Армана. Мы кричали, что-то пели, даже, кажется, плакали, все трое. Не прошло и десяти минут, как люк открыли.

В нашу темницу внезапно хлынул свет.

Мади с Арманом бросились наверх.

А я — нет.

Я остался в темноте. Я знал, что снаружи меня ждет беспросветный мрак.

52. Прохладный душ

Суббота, 19 августа 2000, 12:38

Дорога к перевалу Клер, Ницца

Симон встал. Его пошатывало. Он добрал до большого окна, за которым светило солнце, поглядел на Средиземное море и бухту Ангелов, поразился количеству парусов всех цветов и размеров на бескрайнем просторе, словно кто-то расчертил пунктирами водную гладь. Приложил ладонь к горячему стеклу и обернулся:

— Габриэль, вы меня напоили, а мне пора возвращаться на Морнезе. Не дадите ли мне вертолет?

— С пилотом?

— Если можно.

— К сожалению, нет... Я же тебе говорил, у меня завал работы. Надо на несколько часов зайти в контору, потом снова улетаю в тропики. Кабо-Верде. Ты в самом деле хочешь вернуться на Морнезе? Прямо сейчас?

— Уверен, что надо.

— Интуиция полицейского?

— Да. И потом, эти совпадения... День рождения Колена Реми как раз сегодня. У меня предчувствие. Нехорошее.

Бордери прошелся по террасе, спустился к бассейну, посмотрел на прозрачную голубую воду. Симону начинало казаться, что хозяин дома стремительно теряет интерес к этой истории, потратил на нее достаточно своего драгоценного времени и теперь жаждет одного — нырнуть в бассейн, а потом как следует вздремнуть. Неудивительно, если человек скачет с самолета на самолет. Габриэль присел на бортик и взглянул на Симона:

— Что за предчувствие?

— События странно складываются. Такое впечатление, что все подстроено, запущен обратный отсчет и он вот-вот закончится. Какой-то неумолимый механизм.

— Запрограммированный Жаном Реми?

— В общем, да.

Бордери поболтал рукой в воде, улыбнулся Симону, сверкнув удивительно белыми зубами.

— Этого не может быть, иначе я был бы его сообщником. Я

последний, кто видел его живым. Он делился со мной планами.

— Или же...

Бордери странно на него посмотрел:

— Ты, случайно, не спрашиваешь себя сейчас, действительно ли Жан Реми мертв?

— Ну...

— Ты заблуждаешься. Он не обманывал. Если бы ты его знал, понял бы. И его тело нашли. Ты же не считаешь, что он кого-то убил, чтобы подсунуть вместо себя? Кого?

Симон подумал про Максима Приера, друга из ассоциации, который предал Жана Реми и о котором давно никто не слышал.

— А как выглядел Максим Приер, третий друг ваших студенческих лет? — спросил он. — Одного роста с Жаном Реми?

Бордери наклонился над бассейном, побрызгал на себя прохладной водой.

— Понятно. Выстраиваешь версию, по которой из воды выловили тело не Жана Реми, а Максима Приера?

— Это выглядело бы правдоподобно, — сказал Симон. — Он мстит человеку, который его предал, думая, что тот виноват в смерти его жены. Обменивается с ним одеждой, надевает свое обручальное кольцо на палец мертвому Максиму Приеру, оставляет труп в воде на какое-то время, чтобы его нельзя было опознать. Теперь хорошо бы понять, была ли возможна такая рокировка, так сказать, морфологически.

— Ты все-таки псих. Тебе следовало стать полицейским.

— Вы не ответили на мой вопрос.

Бордери вздохнул, полил голову водой. Он словно тоже тонул — погрузился в воспоминания, оказался на скамье в университетской аудитории, между двумя своими друзьями, Жаном и Максимом.

— Да, — наконец заговорил он, — «морфологически» это было возможно. Жан и Максим были примерно одного роста, одинакового телосложения, и цвет волос схожий. Но это невозможно психологически. Жан Реми не убийца, и многие свидетели на острове опознали его труп.

— Это всего лишь предположение.

— Если бы он был жив, — задумчиво продолжал Бордери, — он бы со мной связался. И, несомненно, связался бы с сыном.

— А кто вам сказал, что он этого не сделал?

Бордери потер мокрыми руками лицо.

— Не пытайся задурить мне голову идиотскими гипотезами. Ты в самом деле хочешь вернуться на Морнезе?

— Да. Могу я попросить об одной услуге?

— Смотря о какой.

— Вы позволите мне принять душ? Я со вчерашнего дня в дороге, от меня несет потом. И я слегка перебрал. Думаю, от холодной воды в голове прояснится.

— Не стесняйся. Тебе прямо по коридору и направо. Смотри не утони!

И Габриель, не обращая внимания на Симона, стащил с себя полотняные штаны, трусы и голый нырнул в бассейн.

Симон покинул террасу и двинулся по коридору.

Вскоре он понял, что имел в виду Бордери: ванна была огромная, даже сразу не скажешь, что это — ванна или еще один бассейн. Он вволю насладился роскошью — медными кранами, белым фаянсом, толстыми мягкими полотенцами. Простоял под душем минут пятнадцать, потом брезгливо натянул грязную одежду.

На террасу он вернулся чуть более трезвый. Бордери успел вылезти из воды и облачиться в ярко-синий халат. Сидя в плетеном кресле, он стучал по клавишам ноутбука, пристроив его на коленях.

— Уже за работой? — спросил Симон.

— Читаю новости. Ты был прав насчет Морнезе и побега Валерино, все только об этом и говорят. И об убийстве грабителя, с которым он вместе бежал.

— А вы мне не поверили?

— Поверил. Я же сказал, что интуиция никогда меня не подводит. — Бордери закрыл ноутбук. — Но настоящий профессионал всегда проверяет свои источники. Ты верно догадался — во всяком случае, насчет Морнезе. На этом острове психов что-то неладно. Почитать прессу, так там массовый исход, давка у парома, все сваливают с острова.

Бордери встал, взял с журнального стола оранжевую папку и вручил ее Симону:

— Бери. Ты найдешь этому лучшее применение.

Симон колебался.

— Но Жан Реми доверил ее вам...

— Надо уметь рисковать. И потом, так у меня создается впечатление, будто я делаю что-то в память о нем, помогаю Колену. Можешь считать, что этим я успокаиваю совесть, если тебе так больше нравится.

Поглядев на окружающую его роскошь, Симон подумал, что Габриель Бордери наверняка великолепно умеет договариваться со своей совестью. А сейчас он избавлялся от обременительного подарка, завещанного ему лучшим другом. Но Симона это устраивало.

— Спасибо. Я постараюсь найти этому достойное применение.

— Тебе уже лучше... я про вино?

— Да, холодная вода привела в чувство. Я выезжаю.

— Не хочешь поехать перед дорогой?

— Спасибо, но мне бы хотелось вернуться до темноты. — Симон направился к двери, но вдруг остановился. — Кстати, Габриель, у вас есть жена?

Бордери удивленно посмотрел на него:

— Жены нет. Женщин много.

Симон расхохотался. И рассказал, что проделал с помощью Клары, чтобы добыть его адрес.

Теперь рассмеялся Бордери.

— А я и не задумался, как ты меня разыскал. Повезло. Обычно мои секретарши не допускают таких промахов с девицами, претендующими на звание моей жены. Мне случается между самолетами забыть одну из них в своей постели.

Мужчины обменялись рукопожатием, и Симон ушел. Габриель Бордери не стал его провожать. Миллиардер остался стоять, глядя на Средиземное море.

Симон сел в «твинго» и тронулся. Он слегка приврал, сказав, что протрезвел, но решил, что бывало и хуже. Впрочем, с полицейскими лучше не встречаться. С настоящими полицейскими.

Он без проблем обогнул Ниццу, выехал на шоссе А8 и, гордясь своей способностью ориентироваться, начал прибавлять скорость. От череды тоннелей разболелась голова. Симон вытащил диск Гольдмана — не помогло. Застрекотало радио. Перебрав несколько станций, Симон остановился на той, что постоянно передавала информацию о дорожной обстановке.

«Везде пробки, — скорбно сообщила дикторша. — Отложите ваши поездки!»

— Черт! Вот только этого мне не хватало.

53. Истина

Суббота, 19 августа 2000, 15:19

Лагерь на диком полуострове, остров Морнезе

В лагере все обращались со мной очень бережно. Принесли поесть, но мне хватило ломтика сыра и яблока. Пока полицейские допрашивали Мади и Армана, мне предложили отдохнуть в маленькой комнатке, где помещались только кровать, деревянная тумбочка и аптечка. Комната служила изолятором — и для заболевших, и для наказанных.

Четверть часа спустя пришел отец Дюваль, и я вдруг сообразил, что раньше мы ни разу не говорили наедине. Он больше тридцати лет руководил лагерем и, наверное, видел во мне очередного безликого подростка.

Я был благодарен ему за то, что он не ждал от меня ни исповеди, ни даже просто признаний.

— Колен, звонили твои дядя и тетя. Они будут здесь через час или два. Им, скорее всего, придется пообщаться с полицией. Тебе тоже. Сейчас ты, наверное, хочешь побыть один. Поспи, тебе это необходимо. А я пойду. Думаю, теперь у тебя нет ни малейшего желания сбежать. Как бы там ни было, наш детский лагерь превратился в военный, со всеми этими полицейскими во дворе. Я буду в соседней комнате, позови, если я тебе понадобится. Мне придется успокаивать родителей остальных ребят.

Лежа на кровати под колючим казенным одеялом, я старался ни о чем не думать. Уснуть я не мог. За стеной было шумно, доносились голоса — наверное, полицейские, трещало радио. Все было какое-то нереальное. Казалось, я лежал в больничной палате и мне это снилось.

Я был в палате для психов, в дурдоме.

Стоило закрыть глаза, и всплывало лицо моего отца. Улыбающееся лицо с фотографии, стоявшей у меня на тумбочке рядом с кроватью. Лицо — гордое, счастливое, успокоенное, — когда я забрал папку у нотариуса. Лицо — такое жестокое несколько минут спустя. И рука без обручального кольца, выкручивающая запястье Мади. И губы, произносящие слова, — требующие, чтобы я вспомнил. О чем?

Мне тогда было шесть. Обед, тот последний обед. Я сосредоточился, закрыл глаза и отогнал все мысли, постепенно погрузился в обрывки

воспоминаний. И впервые увидел маму. Она стояла. На ней было просторное льняное платье, длинные светлые волосы спадали на плечи. Такая красивая. Бледная, но очень красивая. Мужчины вокруг нее спорили. Она смотрела на них, порывалась что-то сказать, но никто ее не слушал.

Мама собрала грязные тарелки и отошла от стола, с улыбкой глянув на меня, как будто хотела сказать: «Ссоры взрослых не так уж и серьезны!» Я смотрел ей вслед. Она была босиком, в длинном крестьянском платье. Я хотел побежать за ней. Но не смог. Меня удерживала чья-то рука.

Рука отца.

Он стиснул мою ладонь. Наклонился. В другой руке у него был стакан. Теперь я видел только его рот. Он хотел поговорить со мной тихо, укрывшись под столом от взглядов. Он приложил палец к губам и припал к моему уху. Будто собирался поделиться секретом.

Колен.

— Колен! Колен, проснись. Твои дядя и тетя приехали.

Отец Дюваль посторонился, пропуская их. Я приподнялся. Брижит села на край кровати, Тьерри пристроился рядом с тумбочкой, над которой висело зеркало. На Тьерри была яркая оранжевая рубашка поло, придававшая ему фальшиво непринужденный вид.

Зато тетя меня удивила. От ее обычной уверенности не осталось и следа, пусть даже макияж и хорошо сшитое платье в цветочек поддерживали иллюзию, но я слишком хорошо ее знал, чтобы обмануться. Она плакала. Она, всегда такая строгая, негибкая. Глаза у нее опухли от слез. И она не могла заставить себя взглянуть мне в лицо.

— Колен, я думаю, мы должны кое-что тебе объяснить, — начал Тьерри.

Я сел по-турецки. Во мне будто поднималась какая-то новая сила, она еще не наполнила меня всего, но я ее уже чувствовал. Я был у себя дома в этом лагере, на этом острове, среди ровесников.

Я был взрослый.

Я был готов к их вранью.

Я мог им больше не верить.

— Полицейские сказали, что ты нашел Жана, — сказал Тьерри.

Пауза. Я чувствовал, что сейчас последует главное. Наконец-то!

— Ты, наверное, сердись на нас за то, что мы все эти годы скрывали от тебя правду. Заставили поверить, что твой отец умер. Теперь ты понимаешь, почему мы молчали. После случившегося, после того, что он с

тобой сделал.

В моей школе учились ребята из детского дома. Чтобы защитить, их забирали у родителей, которые жестоко с ними обращались, или были алкоголиками, или педофилами. Такое случается. И все равно они рвались домой, к родителям. Их защищали насильно, разлучая с матерью и отцом.

Брижит разрыдалась, Тьерри протянул ей бумажный платок. Мне было невыносимо слышать, как он говорит о моем отце, слышать слова «после того, что он с тобой сделал».

Отец только что заживо меня похоронил вместе с двумя друзьями. Мой отец был чудовищем. И все же я не мог позволить плохо о нем говорить. Может, я тронулся умом?

— Колен, ты хочешь узнать больше? — спросил Тьерри.

Я молча кивнул.

— Все довольно просто. Думаю, что многое ты уже знаешь. Страсть твоего отца к раскопкам мало-помалу изолировала его от остального мира. И тяга к этому кладу, Безумству Мазарини. «Безумство»... говорящее название. Твой отец не желал смириться с тем, что стройка может закрыться, что его утопия рухнет, что нам придется заняться чем-то другим, не археологией. Стройка, аббатство, жизнь коммуной — все, из чего состояла его жизнь, закончилось. Он был главой, основателем и правителем этого мирка. Знаешь, он очень сильно изменился, создал для себя вторую личность. С одной стороны — человек, которого знали все, образованный, великодушный, увлеченный... С другой — параноик. Ему, одержимому маниакальной страстью, в конце концов стали везде мерещиться заговоры. С этим трудно смириться. Но ты и сам приобрел опыт общения с двумя его ипостасями.

Нет, я с этим не смирился! Не хотел мириться.

Брижит плакала. Она всегда болтала без умолку, а теперь, похоже, не могла произнести ни слова.

— Он больше никого не слушал, — продолжал Тьерри. — Даже твою мать. Даже меня. Даже Максима. Никого в ассоциации. Он нам не доверял. Уперся. Влез в долги. О том, что мы увязли по уши, никто, кроме твоего отца, не знал. Он оказался в безвыходном положении и связался с этим безответственным предпринимателем, Габриелем Бордери, шарлатаном, который еще в студенческие годы увивался за твоей матерью. Все были против сотрудничества с компанией «Евробильд», она была ненадежной, но президент дружил с твоим отцом. И участок был опасным, на нем нельзя было строить, однако твой отец все уладил. У него было много друзей на острове, сомнительных друзей. И произошло то, что должно

было произойти. Несчастный случай. Гибель трех рабочих. Скандал. Даже страховки не оказалось. Он потерпел поражение по всем статьям, его ждал суд. Тюрьма. И твой отец сбежал, не взяв на себя ответственность, никому ничего не возместив. Ты должен это знать, Колен.

Теперь я знал. И я выдержал.

Отец, который не остановится перед тем, чтобы заживо похоронить родного сына, уж точно не остановится и перед тем, чтобы заняться махинациями с недвижимостью, а потом сбежать. Без моей матери. Без меня. С рыжей девицей, Джессикой. Я это знал. Но...

И все же каким бы абсурдным это ни казалось, я не мог поверить ни единому слову из рассказа дяди.

Тьерри мельком глянул в маленькое зеркальце, поправил воротник рубашки, как будто для него настала минута славы, как будто он наконец дождался триумфа.

— Официально, — продолжал он, — скандал закончился самоубийством твоего отца. Это устраивало всех, особенно на острове. Суда не было, дело замяли. Но на самом деле это мало кого обмануло. У него осталось много друзей, он был влиятельным человеком, ему не так уж трудно было притвориться мертвым.

— Вы с самого начала знали, что он жив? — наконец взорвался я и сам удивился, как твердо прозвучал мой голос.

— Да, — спокойно ответил Тьерри. — И твоя мама тоже. Она нам и рассказала. Ей тоже пришлось много выстрадать, слишком много. Ты не можешь этого помнить, но твой отец не был очень верным, очень честным по отношению к твоей матери...

«Не впутывай сюда маму!» — мысленно крикнул я, но против воли вспомнил мамино предсказание, ее последние слова, намекавшие, что мой отец не умер, а всего лишь далеко уехал. И ее отчаяние из-за того, что она вышла замуж за человека, который сошел с ума, стал преступником... Изменял ей. Отчаяние довело ее до самоубийства.

А Тьерри все вещал, этакий несмолкающий вестник беды.

— Время от времени — это случалось редко — мы получали письма от него. Он спрашивал о тебе. Твой отец по-прежнему был одержим историей с Безумством Мазарини и почему-то думал, что тебе что-то известно о сокровище. Ты, конечно, на нас сердисься, Колен, но мы старались тебя защитить. Делали что могли. Может, неумело, неловко, но мы не могли сказать тебе правду.

Я хотел, чтобы он остановился, замолчал. Какие еще чудовищные вещи он собирается сказать?

— Отец манипулировал не только тобой, — продолжал Тьерри, — то же самое он проделывал с Анной, твоей мамой. Моей сестрой. Моей единственной сестрой.

В эту минуту произошло нечто очень странное. Опухшая от слез Брижит встала и наклонилась ко мне, будто хотела обнять.

За всю жизнь она ни разу не обнимала меня. Даже десять лет назад.

Я так удивился, что чуть было не рванулся ей навстречу, как маленький.

Тьерри схватил жену за руку. Почти грубо.

— Нет, Брижит! Держись! Ты же не сломаешься теперь?

Она покачала головой, всхлипнула и снова тяжело опустилась на кровать. Мне все отчетливее казалось, что в комнате несет враньем.

Тьерри не унимался:

— Да, Колен, такое трудно принять. Ты думал, что твой отец — погибший герой, а он оказался живым подлецом.

Мое молчание нетрудно было истолковать.

— Колен, я не заставляю тебя верить мне, я прекрасно знаю, что ты меня недолюбливаешь. Понадобится время, чтобы это принять. Но знаешь, это почти удача, что он попытался тебя убить. Это поможет смириться с очевидным.

Тьерри положил руку на плечо жены, прежде я за ним таких нежностей не замечал.

— На самом деле истину ты уже знаешь, теперь тебе надо ее просто переварить. *Сволочь! Сволочь!*

Я ненавидел Тьерри за его правоту. Ненавидел за то, что мне не в чем его упрекнуть. Мой дядя ни в чем не виноват — в отличие от отца. Но сердце твердило обратное.

— Все мне говорят, что мой отец был замечательным человеком. Все на острове...

Брижит наконец заговорила, голос у нее срывался.

— Колен, люди не хотели делать тебе больно. Они хотели тебя защитить. И потом...

Тьерри холодно ее перебил:

— Твой отец втянул в свои дела многих из местных, и для них донести на него означало бы донести на самих себя.

А как же няня?

И нотариус Серж Бардон?

И журналист из «Островитянина»?

Они все — сообщники? Все — лжецы? Все обмануты моим двуличным отцом?

— Почему он захотел меня найти? Из-за нотариуса?

Тьерри улыбнулся так, будто у него на все был припасен ответ.

— История с нотариусом — предлог, чтобы заманить тебя на остров. В досье не было ничего или почти ничего. Пустышка. Истинная причина — Безумство Мазарини, пресловутый клад. Не знаю, как это вышло, но, похоже, тебе известна часть правды о сокровищах. Он часто спрашивал нас об этом в своих письмах.

Значит, даже история с нотариусом была предлогом? Эта история с признаниями и собственностью? Отца интересовало только скрытое в моей голове воспоминание?

Тьерри склонился надо мной, оперся о мое колено:

— Ты правда ничего не помнишь?

И он туда же?

И его интересует лишь воспоминание, якобы запрятанное где-то в моей памяти?

— Что я должен помнить?

— То, о чем я только что говорил. Безумство Мазарини.

И снова перед глазами промелькнули картинки последнего застолья в аббатстве, ссора, мама в льняном платье, отец держит меня за руку и, наклонившись, что-то шепчет на ухо. Но какой-то инстинкт не позволил мне рассказать об этом.

— Нет, — ответил я, надеясь, что прозвучало естественно. — Я ничего не помню.

Тьерри моим ответом удовлетворился, но Брижит, похоже, уловила мои колебания.

— Хочешь остаться один или еще что-то тебя интересует? — спросил дядя.

— Я лучше побуду один.

— Хорошо. Мы уедем завтра утром — если полиция отпустит. Так будет лучше для всех.

Он посмотрел на меня смущенно, повернулся к двери, оглянулся на Брижит, предлагая последовать за ним.

Она замешкалась. Поцеловала меня и крепко, очень крепко обняла, а потом тихо, почти не шевеля губами, прошептала в самое ухо единственное слово:

— Прости...

И тоже ушла.

Несмотря на факты, на здравый смысл, на мой собственный опыт, несмотря ни на что, мной владела одна неотвязная мысль. Дурацкая мысль, но только она одна давала мне силы удержаться от того, чтобы не разбить себе голову о стену или не задушить себя пожелтевшей подушкой.

Я не верил ни единому слову из того, что рассказал Тьерри!

54. Десятибалльные пробки

Суббота, 19 августа 2000, 23:52

Площадка для отдыха в Фонтене-ле-Конт

Было около полуночи, а Симону оставалось проехать до Морнезе еще больше четырехсот километров. Всю дорогу вереница машин то растягивалась, то сжималась, на последние пятнадцать километров ушло пятьдесят минут. По радио сообщили, что какой-то отпускник потерял на шоссе багажник с крыши. Через двадцать три километра столкнулись машины.

Уже больше часа он вплотную, бампер к бамперу, полз за одним и тем же синим «ситроеном ксантия» с эльзасскими номерами. В левом ряду двигалась бежевая «тойота королла», которую Симон, в соответствии с необъяснимым воздействием механики текучей среды, обогнал уже раз двенадцать, и столько же раз она обошла его. Сейчас «королла» опережала его метров на пятьдесят, но «твинго» потихоньку, сантиметр за сантиметром, ее настигал.

Что за мучение!

Единственным развлечением стало сообщение от Кандис. *Симон, куда ты подевался? На острове невозможно просто взять и исчезнуть. Мне в конце концов станет страшно весь день сидеть за кассой посреди этих развалин.*

Симон вспомнил манящие линии тела Кандис, подумал, что сейчас мог бы ласкать ее на пляже или где-нибудь еще, в любом прокаленном солнцем уголке острова, вместо того чтобы торчать в пробке на шоссе между «ксантией» и «короллой».

Вот идиот!

Симон чувствовал себя до ужаса беспомощным. Как можно быть настолько тупым? Покинуть Морнезе! Ни с того ни с сего рвануть через всю Францию! Неужели нельзя было получить сведения по телефону?

Он заметил указатель: «Площадка для отдыха — 400 м». Если повезет, минут через пятнадцать он будет там.

Или все же ехать дальше?

Так ли необходимо вернуться на остров к пяти часам утра, а не к шести? Разве попытаться что-то узнать — не более срочное дело? Чем дольше Симон рассуждал, тем больше склонялся к тому, что досье, которое

Жан Реми десять лет назад отдал Габриелю Бордери, содержит важнейшие указания. Сейчас оно лежало рядом с ним, на пассажирском сиденье, так не лучше ли остановиться, изучить бумаги, а заодно и передохнуть? А затем связаться с Кларой или кем-нибудь другим на острове. Сделать что-то полезное! Он покинул Морнезе больше суток назад. И как же достало ползти позади «ксантии», в которую десять раз чуть не врезался, в улиточьих гонках с «короллой».

Наконец Симон добрался до площадки для отдыха Фонтене-ле-Конт.

Припарковался. Ночь была теплая. Многие отпускники, сдавшись, тоже остановились здесь, маленькую детскую площадку брали приступом.

Симон дождался, пока какое-то семейство освободит стол под навесом, и кинулся к нему. Устроился поудобнее, открыл папку и принялся читать, страницу за страницей, изучая архивы Жана Реми. Он пытался разобраться в геологических профилях, расшифровать исторические статьи, написанные большей частью на старофранцузском, читал и перечитывал письма Люсьена Верже. Старался найти хоть какую-то ниточку, подсказку.

И через сорок пять минут понял, что сыт по горло. Ничего нового он не узнал, просто ходил по кругу. Надо наконец признать, что он не готов к подобным исследованиям. Ему недостает знаний.

Симон взглянул на часы. 01:07.

Поколебался.

И решил, что ставки слишком высоки. Набрал номер, который записал перед тем, как отправился в путешествие по Франции. Телефон звонил долго, но Симон терпеливо ждал.

После четырнадцатого звонка отозвался низкий голос, в котором слышались тревога и раздражение.

— Да?

— Мэтр Серж Бардон? Это Симон Казанова, сотрудник по обеспечению безопасности, я вчера приходил к вам. Извините, что я...

— Казанова? — перебил нотариус. — Полицейский-любитель? Во втором часу ночи? Я вижу, неприятности на сегодня не закончились.

Симон не решился спросить, что за неприятности.

— Вы помните наш вчерашний разговор?

— Да. Я еще не совсем выжил из ума.

— Я только что побывал у Габриеля Бордери.

— Вы спятили? Прodelали такой путь? Зачем?

— А до того я заехал в окрестности Парижа, к опекунам Колена Реми,

Тьерри и Брижит Дюкурре.

— Ну точно спятили. Вы полный идиот.

Симона удивила грубость нотариуса.

— Почему?

— Ехать искать Колена Реми в окрестностях Парижа — верх идиотизма. Тем более что этот самый Колен Реми сейчас на каникулах совсем рядом, на Морнезе.

Симон потрясенно молчал.

Колен Реми на Морнезе?! В голове не укладывалось, что он попусту проделал весь этот путь туда и обратно... хотя обратно-то он еще не вернулся.

— Вы уверены? — крикнул он в трубку.

— Не орите! Да, я уверен. Он в лагере для подростков, здесь, у нас на острове. Уже две недели.

— Вы его видели?

— Он даже побывал у меня. Больше того, мне от него досталось. Этот мелкий засранец явился вчера утром, забрал свой подарок и удрал, серьезно травмировав меня.

Симон плохо представлял себе, как шестнадцатилетний мальчик мог покалечить нотариуса, но уточнять не стал.

— А потом вы его видели?

— Нет. Смылся — и адреса не оставил. Вел себя непредсказуемо.

— Вы уверены, что ему не грозит опасность?

— Если хотите знать мое мнение, я совершенно уверен в обратном. Досье, с которым он ушел, возбудит алчность всех проходимцев острова! Это все равно что разгуливать с банкой меда среди ос.

— И вы ничего не сделали?

— А что я должен был сделать? Я весь день провел в Кане, в университетской клинике, вернулся два часа назад. Гаденыш не промахнулся. Три недели придется ходить на костылях.

Жалости к нотариусу Симон не почувствовал.

— Это всего лишь подросток, и вы сами сказали, что он в опасности. Однако ничего не сделали, не позвонили в полицию.

— Зачем? Что я мог им сказать? Каждый должен заниматься своим делом, Казанова. Моя работа заканчивается на пороге конторы, соблюдение этого золотого правила позволило мне выживать на Морнезе тридцать лет. Да и потом, между нами говоря, не стоит слишком сильно беспокоиться. Этот Колен Реми очень похож на отца, по-моему, у него незаурядные способности.

55. Мой детский кошмар

Воскресенье, 20 августа 2000, 01:11

Лагерь на диком полуострове, остров Морнезе

В палатке все спали. Я потребовал, чтобы мне разрешили ночевать с остальными, а не одному в лазарете, и добился своего. В конце концов, среди людей я был в большей безопасности. По лагерю курсировали полицейские. Вечером они меня допросили, и я рассказал... кое-что.

Только факты. О своих впечатлениях я умолчал.

Я вернулся в палатку поздно вечером. После моего разговора с Тьерри и Брижит время тянулось медленно. Стефани принесла ужин — овощной салат и два кусочка курицы, я едва притронулся к еде. Отец Дюваль оставил альбом с черно-белыми фотографиями Морнезе и исторический труд про остров, но мне не хватило духу их открыть.

Поговорить с Арманом не вышло — возможно, он злился из-за того, что я его во все это втравил. Зато Мади долго меня успокаивала, рассказывала про своих родителей-алкоголиков, которые жестоко обращались с детьми, и как у них поочередно отбирали всех ее сестер и брата. Она вела себя удивительно мягко и спокойно и совсем не напоминала волчицу, которой прикидывалась. И была очень хороша в драных джинсовых шортах и майке с изображением неизвестной мне рок-группы. Большие темные глаза так и сверкали, я даже попытался взять ее за руку, но она сказала: «Сейчас не время, у меня есть парень, которому я каждый день звоню, а у тебя и без того неприятностей хватает».

Ровное дыхание спящих успокаивало. Я правильно сделал, вернувшись ночевать в палатку.

Страха не было. Совсем. Но уснуть я не мог.

В голове лихорадочно крутились мысли. Кто он, мой отец, — сволочь, негодяй, чудовище?

Отец, умерший десять лет назад, возвращается из загробного мира... чтобы убить своего сына! Сначала обольстив его иллюзиями.

Невозможно. И как-то глупо. Но ведь все это произошло.

Отец целился в меня из пистолета.

Почему же я не могу поверить? Потому что он мой отец?

Нет, не только!

Есть еще свидетельства, все люди, знавшие его, единодушны, ну за исключением дяди. Мой отец был порядочным и честным человеком. Измениться можно, но чтобы настолько? Стать собственной противоположностью?

Слишком невероятно.

Я ворочался в спальнике, пытаюсь устроиться поудобнее. Рядом мирно сопели ребята. Нормальная жизнь, спокойный сон. У них.

Есть еще что-то, непременно должно быть! Разумное объяснение. Отец упоминал о заговоре, сказал, что я не должен никому доверять. Никому!

Ему удавалось скрываться все эти годы. И вдруг я понял...

Что, если это уловка?

Что, если поведение отца в присутствии Валерино — всего лишь роль, которую он играл? Роль, придуманная для того, чтобы завоевать доверие этого бандита. Почему бы и нет, в конце концов? Старый как мир фокус — притвориться, будто жертвуешь самым дорогим! Если бы мой отец в самом деле хотел нас убить, он бы нас застрелил. А он оставил нас запертыми в подвале, чтобы потом за нами вернуться. Или позвонить спасателям.

Да, все логично, мы не подвергались никакой опасности!

Отец блефовал.

Внезапно все сделалось очевидным.

И дядины обвинения теперь тоже стали понятными. Изображая моего отца чудовищем, он хотел одного — напугать меня. Отдалить от отца. Чтобы я не бросился ему на помощь.

Сначала меня убеждают в его смерти.

Потом я его узнаю. Нахожу. Застаю врасплох.

Он импровизирует. Говорит мне правду — или часть правды. Но предостерегает от опасности, просит никому не доверять, ни во что не вмешиваться.

Да, всему есть логичное объяснение!

Притворяясь негодяем, он хотел спасти меня. Как и прежде.

Сон не шел. Я лежал и таращился в темноту.

Что еще от меня скрывали? Надо ли поделиться догадками с Мади и Арманом? Готовы ли они и дальше быть со мной заодно? Нет, они ведь убеждены, что едва избежали смерти. И виноват был мой отец.

Но мне нужна их помощь.

Я собрался вылезти из спальника, разбудить их, поговорить...

И замер от тихих шагов за брезентовой стенкой, совсем рядом.

Йойо?

Или полицейский делает обход?

Полог палатки шевельнулся.

Внутрь проскользнула тень.

Что делать — притвориться спящим или так и лежать с открытыми глазами?

Думай скорее!

Тень медленно и неслышно приближалась.

Слишком поздно.

Я не успел ничего решить, просто забился поглубже в спальник, с головой. Однако глаза были широко открыты, я привык подсматривать сквозь вытертую ткань.

Тень двигалась очень осторожно.

Что она ищет?

Это не Йойо, не Стефани и не отец Дюваль. За две недели я научился узнавать их дыхание, звук шагов, очертания.

Тень была уже совсем рядом.

И я узнал.

Узнал это дыхание.

Мой ночной кошмар.

Тень моего тюремщика. Я уже не в палатке, я там, они меня настигли. Мне шесть лет. Я в своей детской кроватке, окаменевший от страха.

И она здесь, рядом.

Тень рыщет в палатке, как рыскала вокруг моей постели тысячи ночей. Неужели этот длинный черный тоннель ужаса никогда не закончится?

Тень приближалась. Неотвратимо.

Мой кошмар в течение десяти лет. Но теперь я ее не боялся. И тень это знала.

Вот-вот наступит момент истины.

И я все пойму.

56. Упоительная ночь

Воскресенье, 20 августа 2000, 01:11

Площадка для отдыха в Фонтене-ле-Конт

Донельзя изумленный Симон отключился.

Этот мальчик, Колен Реми, вот уже две недели на Морнезе, в летнем лагере!

Смешнее не придумаешь.

Он горестно поглядел на вереницу машин, которыми по-прежнему было забито шоссе, и задумался — он-то зачем торчит без всякой пользы здесь, за сотни километров от острова?

И ведь Клара предупреждала!

Он выставил себя на посмешище.

Симон представил, как с позором возвращается на остров. Сверился с картой, посмотрел на часы. Начало второго. Во что бы то ни стало надо связаться с этим Коленом Реми. Но как? Да, конечно, мальчик в лагере на острове, но ни названия, ни адреса лагеря он не знает.

Остается только Клара.

Конечно, она на него накинется, засмеет, но уж как-нибудь он стерпит.

Площадка для отдыха понемногу пустела, машины возвращались на забитое шоссе, и скоро Симон остался один под навесом со столами. Сделав глубокий вдох, он набрал номер секретарши. Клара отозвалась мгновенно.

— Это ты, Каза? — весело спросила она. Голос звучал совсем не сонно. — Где ты?

— Понятия не имею. Где-то чуть выше Ньюра. В пробках. Клара, ты мне снова нужна.

— Выкладывай быстрее, Каза. Я тут немножко занята.

Симон удивился — надо же, до чего энергичная, в такой-то час.

— Мне нужны адреса и телефоны всех центров отдыха и лагерей для подростков на Морнезе.

— И только-то? И зачем они тебе понадобились?

Симон понимал, что придется делиться с Кларой подробностями. И все же попытался увильнуть.

— Я тебе все потом объясню. Просто прошу об услуге...

— Об услуге? Ну-ну! Услуга за услугу... А почему ты заинтересовался

лагерями для подростков? — Клара внезапно расхохоталась. До нее дошло. — Нет, Каза, не может быть! Только не говори мне, что Колен Реми в лагере на Морнезе!

Симон промолчал.

— Молчишь, Каза? Значит, так и есть! Младший Реми был на острове, когда ты потащился через всю Францию его искать! Да уж! Говорила я тебе, что лучше взять велосипед, а не машину.

— Да ладно тебе, Клара...

И вдруг Симон догадался, почему Клара не спит и с чего это она такая веселая.

— Там с тобой Дельпеш!

— Ага, — без смущения подтвердила Клара. — Ночь, суббота. Шелковые простыни, лепестки роз и шампанское.

Симон услышал в трубке звон бокалов.

— Когда тебя нет рядом, Каза, — продолжала Клара, — мне так грустно, что от тоски я бросаюсь в объятия первого встречного проходимца.

Она снова засмеялась, будто от щекотки.

— Клара! — заорал Симон. — Я не шучу. Уверен, тут вопрос жизни и смерти. Я узнал от Бордери все подробности этой истории. Он отдал мне досье.

Клара продолжала смеяться, Симону показалось, что она слегка перебрала. Шампанское?

— Ты мне этот номер уже исполнял, — хихикнула Клара, — про вопрос жизни и смерти.

— Клара! Мне надо связаться с Коленом Реми.

— Да, мой Каза, завтра с утра пораньше...

Симон, обозлившись, решил:

— Клара, Дельпеш рядом с тобой?

— Конечно. И он все слышит, мой любопытный малыш.

— Дай мне его!

Это был уже не вопрос, а приказ. Он понимал, что Клара обидится — еще бы, ее вот так взяли и отодвинули в сторону. Но, может, от обиды протрезвеет.

— Привет, Симон, — раздался низкий голос Дельпеша. — Я думаю, пора нам с вами работать вместе. Сделали бы это раньше, выиграли бы много времени. Я знаю, где сейчас находится сын Жана Реми, я даже, можно сказать, позавчера обедал с ним в порту. Он в молодежном лагере на диком полуострове. И еще, по моим сведениям, сегодня днем он едва не

погиб в рухнувшем сарае, но об этом мне мало что известно, полиция глухо молчит.

— Черт, — выдохнул Симон. — А номер телефона вы знаете?

— Нет, но могу узнать.

Симон задумался.

— Лучше бы вам туда съездить. На машине до полуострова три минуты. Надо связаться с этим мальчиком, и как можно скорее.

— Прямо сейчас? Я пробовал подобраться к лагерю сегодня днем, но он оцеплен, там всюду полицейские, и они не из болтливых.

— Скажите, что у вас есть новые сведения. Упомяните о наследстве, о Габриеле Бордери. Пусть этот Колен Реми мне позвонит!

Симон услышал голос Клары, она кричала рядом с телефоном:

— Ты нам мешаешь, Каза! Завтра съездим. А ночью нам есть чем заняться!

Симон, не обращая на нее внимания, твердым тоном продолжил:

— Дельпеш, я на вас рассчитываю. Вы мне перезвоните, как только свяжетесь с Коленом Реми?

— Хорошо. А вы мне расскажете побольше про это досье, которое везете из Ниццы, договорились?

— Идет, услуга за услугу. Я в долгу не останусь. Дельпеш, у вас есть оружие?

— Есть. Небольшой пистолет. На острове, знаете ли...

— Конечно. Непременно возьмите его с собой.

Снова донесся голос Клары:

— Достали вы меня все на этом острове психов! Сами вы психи!

Послышался звон стекла — должно быть, бокал с шампанским врезался в стену.

— Она у вас, Дельпеш? — чуть язвительно спросил Симон.

— Да, — усмехнулся Дельпеш. — В моем возрасте лучше развлекаться дома.

— Я рассчитываю на вас. Колену Реми угрожает большая опасность. Будьте осторожны... Но действуйте как можно быстрее.

— Осторожность — мое ремесло. Вы мне обещаете завтра новость для первой полосы?

— Обещаю. И, надеюсь, счастливый конец.

— Вот это вряд ли! — опять влезла Клара. — Только появись на острове, Каза, я тебе яйца оторву!

57. Мальчик-с-пальчик

Воскресенье, 20 августа 2000, 01:12

Лагерь на диком полуострове, остров Морнезе

Тень из детских кошмаров бесшумно подобралась вплотную, наклонилась надо мной — наверное, думала, что я сплю, как всегда, как каждую ночь вот уже десять лет. Осторожно потербила мой спальник:

— Колен. Колен...

Должно быть, боялась, что я внезапно проснусь, закричу, разбужу остальных. Не понимала, что я узнал ее, потому что ждал.

— Колен. Тише... Это Тьерри.

Тьерри.

Ну конечно.

Тьерри, который все эти годы, с моих шести лет, с тех пор как я себя помню, ходил по коридору рядом, проверял, сплю ли я. Берег мой сон — так думал бы любой нормальный ребенок, которому становится спокойнее, оттого что рядом близкий взрослый человек. Но нет — за все эти годы я ни разу не почувствовал, что он бережет мой сон.

Он стерег меня, рыскал вокруг.

Но может, я к нему несправедлив? Нет, я чувствовал в глубине души, что Тьерри доверять нельзя.

— Колен? Это твой дядя. Проснись...

Наконец я открыл глаза и потерял их, притворяясь заспанным и удивленным.

— Тьерри?

— Тише, Колен. Выслушай меня, это важно. Я тебе тогда не все сказал. Некоторые подробности никого, кроме нас с тобой, не касаются.

Я смотрел на него, пытаюсь, подражая Арману, сделать совиные глаза.

— Колен, ты должен прямо сейчас встать, одеться и пойти со мной. Это важно. Пока я больше ничего не могу сказать.

Это была ловушка.

Он хотел выманить меня наружу — одного и ночью, увести подальше от полиции и лагеря, где полно людей.

— Если хочешь все понять, ты должен пойти со мной.

Ловушка была примитивная, но я хотел знать правду. Чтобы выяснить, кто меня обманывал, какая логика скрывалась за цепочкой этих безумных

событий, придется пойти. И не все ли равно, смогу я вернуться или нет.

Тьерри не пришлось дальше уговаривать. Я выскользнул из спальника, натянул грязные шорты и майку, от которой несло потом.

— Со мной ты в безопасности, — прошептал Тьерри.

Я еле удержался, чтобы не сказать ему, что он зря старается, я пойду с ним, хоть и не повелся на обман.

Мы беззвучно пробрались к выходу. Тьерри обернулся и заговорщически улыбнулся мне:

— Полицейский, несущий вахту, проходит у палатки каждые семь минут. Как только он отойдет, мы рванем.

Несколько бесконечных минут мы ждали очередного обхода. Я чувствовал рядом тело Тьерри, слышал его замедленное, сдержанное, как у охотника, дыхание. Он хотел взять меня за руку, но совсем не для того, чтобы успокоить, — вот уж нет. Для того, чтобы я никуда не делся. Я отстранился.

Страх понемногу заползал в душу.

Куда Тьерри намеревается меня увести? Может, удастся кого-то предупредить? Оставить перед уходом знак? Но как предупредить Мади или Армана, чтобы Тьерри ничего не заметил?

Вдали показался луч мощного фонаря.

Полицейский!

Надо срочно что-то придумать.

Я машинально обшарил карманы шорт. Какие-то мятые бумажки, монетка...

И нож Мади!

Тут же в голове возник план, но времени было в обрез. Полицейский прошел в нескольких шагах от нас, посветив на палатку, но Тьерри успел отступить вглубь. И вот уже полицейский удаляется. Тьерри следил за ним, чуть приоткрыв полог.

В темноте я правой рукой раскрыл нож, прижав его к бедру. До постели Армана пара метров. Мы с ним несколько дней развлекались дурацкой игрой, состоявшей в том, чтобы всадить нож в землю между расставленными ногами противника.

Пора!

Я, будто потеряв равновесие, едва слышно топнул ногой по деревянному настилу и одновременно метнул нож, стараясь попасть как можно ближе к постели Армана. Почти неразличимый треск, с которым лезвие воткнулось в дерево, пришелся точно на мой легкий притоп.

Тьерри повернулся и раздраженно шикнул. Прислушался к дыханию спящих, желая убедиться, что я никого не разбудил, и снова выглянул во двор.

— Бежим! Проскочим за деревьями к ферме.

Я знал дорогу, но Тьерри об этом не догадывался и двинулся первым. Двор лагеря освещали несколько самодельных фонарей. На короткий миг, когда Тьерри откинул полог, чтобы выйти, в палатку просочился слабый свет.

Быстро! Действуй!

Не дав пологу опуститься, я метнул монетку в лицо спящему Арману.

Монетка не звякнула. Мне показалось, что я видел, как она ударилась о щеку Армана, но все произошло слишком быстро. Тьерри ничего не заметил.

В темноте мы легко выбрались из лагеря. Полицейским было велено никого не впускать, а не следить за тем, чтобы никто не вылез наружу. Мы молча шли по дороге, ведущей к ферме. Тьерри включил фонарик. Шагал он быстро, но я не отставал. Вскоре мы добрались до большого перекрестка, отсюда одна дорога уходила налево к Сент-Аргану, другая направо — к цитадели, а тропинка вела к развалинам аббатства. На перекрестке горел фонарь. Тьерри остановился неподалеку от него и поднял руку, предупреждая, что надо подождать. Он не хотел, чтобы нас заметили из проезжающих мимо машин, и вслушался, не раздается ли гул мотора, но дорога в этот поздний час была пуста.

На фонаре — как и на всех фонарях острова — висела реклама завтрашнего номера «Островитянина». Свет падал прямо на листок.

Заголовок звучал пугающе.

Десять лет трагедии в Сангвинариях

Трое рабочих лишились жизни

Трое виновных исчезли

Под заголовком на первой полосе иллюстрация: три черно-белые фотографии, лица крупным планом.

На левой я узнал Жана-Луи Валерино, в центре — фотография моего

отца, справа — какого-то незнакомого человека. Я видел его на снимках, сделанных во время того обеда в аббатстве, и на видеозаписи, но лицо его там было либо мельком, либо почти закрыто другими людьми, ни разу крупным планом.

Кто это?

Тот самый Максим Приер, друг отца?

Тьерри махнул рукой, показывая, что можно идти. Я не сдвинулся с места. Меня заинтриговал портрет незнакомца. Где-то я видел этого человека... И это «где-то» скрывалось в глубине моей памяти. В первые шесть лет жизни я, наверное, каждый день видел Максима Приера. Но...

Но что-то не сходилось в моих воспоминаниях.

Тьерри заметил мою растерянность, а потом увидел и листок. Он словно окаменел. Похоже, тоже встретился с призраком, подумалось мне.

— Идем быстрее, Колен.

Было на этом листке что-то странное, очень неправильное.

Я двинулся к перекрестку, уверенный, что мы сейчас сойдем на тропинку, ведущую к развалинам аббатства.

Внезапно Тьерри упал на землю и велел мне сделать то же самое. Издалека приближалась машина, но она проехала мимо, едва замедлив ход на перекрестке. Тьерри снова стал вслушиваться в ночь. Воспользовавшись заминкой, я попытался разобраться в своем положении, и только тут до меня дошло: даже если брошенная монетка каким-то чудом и разбудила Армана, даже если он, заметив воткнутый ножик, понял, что это крик о помощи, он просто не сможет меня найти. Как он узнает, куда меня увели? Надо срочно что-то придумать.

Я снова обшарил карманы. Ничего, кроме скомканных бумажек.

Бумажки? Я вытащил одну — клочок красной бумаги, который я подобрал во время игры два дня назад.

Есть!

Мади с Арманом точно их не пропустят и сразу все поймут.

Тьерри поднялся:

— Живее, Колен!

Я побрел следом, на обочине остался красный клочок, еще один опустился у фонаря с газетным листком. Ветра, к счастью, почти не было, потому, если повезет, бумажки не улетят. Я перебежал дорогу и свернул на тропинку, уронив в ее начале красную метку.

Три портрета с газетной полосы так и стояли у меня перед глазами. Они словно пробудили воспоминания о том, что было до того последнего

застолья. Будто тучи расступились и выглянуло солнце.

Мы шли почти в полной темноте, лишь конус света от фонарика Тьерри плясал впереди. Я все думал о незнакомце с листка. Теперь я вспомнил, что он тоже был на том собрании. И смотрел на меня.

Это был...

Сердце у меня колотилось все сильнее. Неужели я схожу с ума?

Это...

Картинка обрела четкость. Я вспомнил все.

Это был... Это был он.

Ни малейшего сомнения.

Но я сознавал, что это невозможно.

58. Три портрета

Воскресенье, 20 августа 2000, 01:18

Лагерь на диком полуострове, остров Морнезе

Арману снилось, что он блуждает в лабиринте подземных парковок торгового центра. Выйдя из кино, он пошел следом за девушкой, а та исчезла словно по волшебству. Заблудившись, он запаниковал. Вокруг было темно, выходы словно ускользали от него. Он брел по лужам, с потолка капало, одна крупная капля шлепнулась на щеку. Он попытался ее смахнуть, потер лицо и перевернулся на другой бок.

Монетка, съехав со спальника, звякнула об пол. Арман открыл глаза. Что это было? Не до конца проснувшись, он потянулся к тумбочке, взял очки, надел и свесил голову — на дощатом полу рядом со спальником лежала монета. Откуда она тут взялась? И тут он увидел нож, воткнувшийся в пол совсем рядом с его постелью. А это еще что такое? Сон тотчас выветрился.

Это же нож.

Но кто его сюда воткнул?

Это угроза? Пока он спал, кто-то хотел его убить? Он наклонился ниже и узнал деревянную рукоятку, потертую, выдавшую виды. Складной ножик Мади, который она дала Колену.

Что за чертовщина?!

Арман выскочил из спальника и бросился к постели Колена. Спальник был пуст.

Не задаваясь больше никакими вопросами, он пробрался на половину девчонок и растолкал Мади:

— Колен исчез! А рядом со мной было воткнуто вот это! — Он сунул ножик под нос Мади. — Что, по-твоему, это означает?

— Что он в тебя не попал, — зевнула Мади. — Промазал. А теперь отвали.

— Что? — возмутился Арман. — Но Колен...

— Скройся! Мне надо одеться, придурок. Совершенно ясно, что хотел сказать Колен. Снова решил во что-то вляпаться и просит, чтобы мы проследили за ним.

— Я так и подумал!

Арман медлил, глядя на лежащую Мади, словно прикидывал, не

сдернуть ли простыню.

Когда Арман наконец убрался, Мади оделась и нырнула на соседнюю половину. Арман хотел отдернуть полог палатки, но Мади его удержала:

— Тише ты. Во дворе полно легавых!

Они дождались, пока мимо палатки пройдет полицейский, и как только он отошел, выскочили наружу и быстро растворились в ночи. Под деревьями царила кромешная тьма.

— Надеюсь, ты взяла фонарик? — спросил Арман.

— А ты про него вспомнил, Индиана Джонс?

— Я могу посветить мобильником.

— Так мы далеко не уйдем. Я-то не умею ходить по Брайлю!

— Ладно, тогда пошли к шоссе, на перекрестке всегда фонарь горит. Там разберемся.

Вскоре впереди замаячило светлое пятно. Чем ближе был фонарь, тем быстрее они шли. У столба остановились, разглядывая листок «Островитянина». Красный клочок лежал чуть в стороне, сдвинутый поднявшимся ветерком. Подростки его не заметили, все их внимание было сосредоточено на листке, приклепнутом к фонарному столбу.

Десять лет трагедии в Сангвинариях.

Трое рабочих лишились жизни

Трое виновных исчезли.

— Исчезли они, как же! — фыркнула Мади. — Валерино и отец Колена далеко не ушли.

— Один воскресший и два разбойника, — сказал Арман.

— Два кого?

— Разбойника! Два бандита, если тебе так больше нравится. Но кто этот третий?

— Машина! — крикнула Мади.

Арман хотел было спрятаться, но Мади осталась под фонарем, глядя на машину, надвигающуюся прямо на них. Внезапно она шагнула вперед, прямо на середину дороги.

— Чокнулась! — заорал Арман.

— Смотри! — прокричала в ответ Мади. — Это же тачка местных газетчиков!

И правда — на маленьком красно-белом «пежо 106» был логотип газеты — ракушка, которая постепенно превращалась в знак вопроса.

— Надо ее остановить! В час ночи у нас вряд ли будет другая возможность позвать на помощь!

Девочка принялась махать руками, машина замедлила ход и почти сразу затормозила. Выскочивший из «пежо» немолодой мужчина выхватил из кармана пистолет. Арман тут же растворился в тени. Мади подняла руки и выдала:

— Спокуха, Старски^[12]. Ты уже это перерос.

— Что ты делаешь ночью посреди дороги? — не опуская оружия, спросил Дельпеш.

Из машины выбралась блондинка, втиснутая в обтягивающее пурпурное вечернее платье.

— Не валяй дурака, Дидье, — сказала Клара. — Ты же видишь, это девчушка.

Мади присвистнула:

— Надо же, Хатч... Фигура у тебя получше, чем по ящику...

— Не смей так разговаривать с дамой, нахалка, — оборвал ее журналист.

— С мадемуазель, — поправила Клара. — И это она не ко мне проявила неуважение, а к твоей клоунской тачке.

Дельпеш опустил пистолет и вздохнул:

— Ну ладно. Мы торопимся. И ты, очкарик, вылезай, иди сюда, поговорим.

Смущенный Арман выбрался на свет.

— Вы, как я понимаю, из лагеря? Принимая во внимание обстоятельства, не думаю, что ваши вожатые устроили большую ночную игру.

— А вы? — вопросом на вопрос ответил Арман. — Задумали репортаж про оборотней? Мне показалось, ваша завтрашняя первая полоса уже готова.

Дельпеш прикинул: что могут делать эти детишки одни, ночью, на дороге? Сложив вместе то, что ему было известно, он понял.

— Послушайте, не из той ли вы троицы, что откопали из-под развалин сарая в Чаячьей бухте?

— А вы весьма неплохо информированы, — хмыкнула Мади.

— Хуже чем хотелось бы. Стало быть, вы друзья Колена? И вы его ищете... или прикрываете? Ребятки, нам надо с ним увидаться. Мы хотели бы поделиться некоторыми сведениями. Сдается мне, парень в большой опасности.

Арман хотел было ответить, но Мади заорала:

— Замри!

Клара изумленно уставилась на нее.

— Моя подруга сказала «замри», нам надо подумать, — пояснил Арман. — Деррик, можешь убрать свою пушку и припарковать машину, а то она торчит прямо на перекрестке.

«Пежо» с открытыми дверцами и зажженными фарами в самом деле стоял почти ровно в центре круга света от фонаря, и Дельпеш, которому не слишком понравилось ни то, что его обозвали Дерриком, ни то, как насмешливо глядела на него Клара, отогнал машину к обочине. Подростки шушукались в стороне.

— Ладно, — наконец объявил Арман, — мы решили, что можем вам доверять. У нас всегда была слабость к журналистским расследованиям, хотя моя подруга немного ревнует к блондинкам. Это все ее средиземноморская кровь. Так вот, — продолжил он, не дав Мади времени возразить, — мы тоже ищем Колена. Его нет в лагере, он исчез посреди ночи. А теперь выкладывайте, что известно вам.

— Круто ведешь дела, малыш, — усмехнулся Дельпеш. — А что именно ты хочешь узнать?

— Все!

— Это займет немало времени. Уточни.

Арман задумался. Ему было немного не по себе — смущала блондинка-вамп в обтягивающем платье. Да, этот журналюга ни в чем себе не отказывает...

Заговорила Мади:

— Для начала — эти три портрета, там, на рекламе твоей газетки. — Она показала на приклеенный к фонарному столбу листок.

— И что?

— Двоих мы знаем. Жан-Луи Валерино, человек с желатиновыми мозгами, и Жан Реми, зомби. А третий кто?

Дельпеш вопросительно посмотрел на Клару. Секретарша кивнула, и он ответил:

— Третий — Максим Приер. Второй человек в ассоциации Святого

Антония, лучший друг детства Жана Реми — до несчастного случая в Сангвинариях — и лучший друг Жана-Луи Валерино после всего случившегося.

— Он тоже умер или пропал? — спросил Арман.

— Не думаю. Наверное, все еще шатается где-то поблизости, но я много лет его не видел. По последним сведениям, живет на континенте. Не так давно открыл дизайнерское бюро. Он неплохо умел работать с рисунками, фотографиями, обрабатывать их на компьютере, именно этим и занимался в ассоциации — восстанавливал в рисунках разрушенные объекты. Кстати, логотип «Островитянина» тоже его рук дело. — И с гордостью глянул на свою красно-белую машину.

— Красиво, — похвалила Мади. — У него талант. Но если он водился с Валерино и Жаном Реми, то его, наверное, интересовало не только рисование? Он был их сообщником? Вы ведь на это намекаете? Они, все трое, были сообщниками?

— Нет, — возразил Дельпеш. — Они, все трое, были связаны с одним делом, но ничто не доказывает, что они были сообщниками. Жан Реми точно не был.

— Только не надо лицемерить! — воскликнул Арман. — Ясно же, это одна преступная компания, именно на это вы намекаете тремя фотографиями. По бокам сообщники, Жан-Луи Валерино и Максим Приер, а в центре руководитель, Жан Реми.

Все четверо посмотрели на листок. Дельпеш выглядел сбитым с толку. Внезапно Мади что-то подняла с земли и радостно вскрикнула:

— Я знаю, где Колен! Смотрите! — В руке она держала красный клочок. — Помните про Мальчика-с-пальчик? Нам надо только идти по следу.

Арман возликовал.

Однако Дельпеша ничуть не заинтересовала находка Мади. Он не сводил глаз со своего листка на столбе.

— Что ты сейчас сказал, малыш? Насчет рекламы?

— Я? — удивился Арман.

— Да.

— Что, поместив фотографию Жана Реми посередине, вы намекаете читателю, что он — мозговой центр, а Приер и Валерино — его сообщники.

— Ты ошибаешься, мальчик, — медленно проговорил Дельпеш. — На этом листке фотография Жана Реми не посередине. Она справа. А посередине фотография Максима Приера.

59. Призраки крипты

Воскресенье, 20 августа 2000, 01:23

Руины аббатства Сент-Антуан, остров Морнезе

Тьерри шел по пыльной дороге, ведущей к аббатству, которая теперь была хорошо мне знакома. С обеих сторон невысокие сосны и каменные дубы, между черными кривыми ветками мелькает бледная луна.

Я нарочно отставал от Тьерри на пару шагов, время от времени отрывая в кармане клочки бумаги и бросая на тропу. Я старался экономить — кто знает, куда мы направляемся, а запас бумажек в кармане не мог быть исчерпаемым.

Ветра почти не было, мне повезло. Если Арман проснулся, если понял, если сумел сбежать из лагеря, если заметил первую бумажку — в общем, много «если», — он пойдет по моим следам.

И как далеко?

До аббатства-то уж точно.

Тьерри все ускорял и ускорял шаг. Луч фонаря шарил в темноте, ничего толком не освещая. Я двигался почти вслепую, пытаюсь мысленно увидеть другое — не эту тропу, не кривые деревья, не камни под ногами. Я вглядывался в лица, напечатанные на газетном листке. И прежде всего — в лицо справа, в незнакомца.

Этого просто не могло быть.

Бессмыслица какая-то.

И все же память упорно подсовывала мне эту бессмыслицу, настаивала на ней.

Незнакомец на фотографии справа — мой отец!

Даже если он не похож на него. Даже если он ничуть на него не похож. Это совсем не тот человек, что стоит рядом с мамой на фото, на которое я смотрел десять лет. Еще четверть часа назад это лицо было для меня чужим. Но теперь... теперь я был уверен: это мой отец.

Тьерри шагал все быстрее, и я уже почти бежал. Чуть не упал, споткнувшись о камень. Только не отвлекаться. Не растерять то, что пытается подсказать мне память.

Моя истинная память.

Мне словно подсунули ложную, и теперь она начала расползаться

ключьями, распадаться, открывая мое настоящее прошлое. Неужели мои воспоминания подделаны? Разве такое возможно? Когда произошла трагедия, мне было шесть лет, я был достаточно большим, в сознательном возрасте.

Я схожу с ума?

Снова придумываю себе отца? Нового отца? С другим лицом...

Мы добрались до развалин аббатства, крест Святого Антония выступал из темноты огромной пугающей тенью. Тьерри, не останавливаясь, прошел мимо закрытой кассы. Вход загоразивала железная решетка.

Тьерри поднял фонарь, четыре раза выключил его и включил, подавая условный сигнал. В темноте за решеткой проступила фигура, приблизилась, послышалось звяканье ключей. Тьерри повернулся ко мне.

— Брижит уже там, — произнес он тоном, который, похоже, считал успокаивающим.

Только он таким не был.

Луч фонаря высветил лицо Брижит. Она выбрала из связки, которую держала в руке, один ключ старинного вида и отперла ворота — странно, что они открылись без зловещего скрипа. Я улыбнулся Брижит, но она отвела взгляд и отодвинулась в тень. Ей было явно не по себе.

Как и днем в изоляторе.

Я нащупал в кармане остаток бумаги, оторвал полоску и уронил ее, перед тем как войти. Тьерри запер ворота.

— Скорее, — глухо проговорил он и шагнул в темноту. Брижит держалась чуть поодаль.

Развалины, в отличие от большинства известных мне исторических памятников, не были освещены. Ни прожекторов, ни галогенных ламп. Они явно никого не интересовали. Остров Морнезе не расщедрился даже на несколько лампочек.

Луч фонаря шарил по тому немногому, что осталось от аббатства.

Не так уж трудно было догадаться, куда мы идем. Мы направлялись ко входу в то самое подземелье, которое я начал исследовать позавчера. Тьерри встал перед узким проемом и осветил три ступеньки. Брижит тоже включила фонарь и спустилась первой. Тьерри вытащил из кармана еще один фонарик, поменьше, и передал его мне.

— Он тебе пригодится. Внутри совсем темно.

Я едва успел выронить очередную красную метку, прежде чем взять у

Тьерри фонарь. На миг мне показалось, что он заметил мою хитрость. Посмотрел вниз, но светить под ноги не стал.

Дядя знаком велел мне спускаться. В проход я вошел, зажатый между Брижит и Тьерри. Тоннель был довольно узким и чуть выше моего роста, пришлось даже пригнать на всякий случай голову. Фонари освещали серые стены. Почти через каждый метр потолок пересекали балки, но мне было страшновато — невольно вспомнилась гибель трех рабочих.

Ступенек через десять тоннель стал повыше, теперь можно было выпрямиться. Меня знобило — то ли от гулкой тишины, то ли от страха, который пробирал насквозь, то ли от леденящей сырости старых камней.

Брижит, шагавшая впереди, свернула налево. Я направил луч фонаря перед собой и, хотя свет был слабым, сумел разглядеть, что главный коридор уходит прямо. Еще один клочок красной бумаги беззвучно упал на пол в темноте. Если это подземелье окажется лабиринтом, если разветвления будут следовать одно за другим, моя чахлая нить Ариадны вскоре оборвется. Я сосредоточился, стараясь запоминать расстояние и направление. Примерно шестьдесят метров по прямой, потом налево.

Я мысленно считал шаги, но как ни старался, из-за лиц с первой полосы «Островитянина», из-за незнакомца, на которого моя память указывала как на моего отца, мысли путались.

Не паниковать, не впадать в помешательство, уцепиться за что-то разумное — например, за этот лабиринт, за слабую надежду.

Брижит снова повернула налево.

Через тридцать шагов, считая от последнего поворота.

Не ходим ли мы по кругу? Красной бумаги осталось всего ничего. Я оторвал совсем маленький клочок, вытащил и разжал пальцы. Надежда на то, что мой след найдут, таяла. Нога задела кучку мелких камешков. Фонарь высветил треснувшую балку, часть стены в этом месте обрушилась. По моему позвоночнику пробежал холодок.

Брижит, похоже, хорошо знала дорогу. Она инстинктивно пригнулась, не сбавляя темпа. Позади я слышал шаги Тьерри, но не оборачивался. Тоннель постепенно расширялся, казалось, он так и будет тянуться по прямой.

Я упорно считал шаги. На сорок пятом мне почудился впереди свет. Или просто глаза начали привыкать к темноте? А может, там выход? Или нам навстречу кто-то движется с фонарем?

Нет. Свет не двигался, но становился все ярче. Восемьдесят шагов. Еще через двадцать коридор резко повернул направо.

Свет шел оттуда.

Перед поворотом Брижит обернулась, по-прежнему избегая моего взгляда. Она и заговорить со мной не решалась, только показала рукой, чтобы я прошел вперед. Я замялся.

Тьерри подтолкнул меня в спину, и вдоль позвоночника снова пробежал холодок. Выбора у меня не было. Я двинулся к источнику света. Коридор поворачивал под прямым углом, и я не мог ничего разглядеть впереди.

Оставалось просто идти.

Еще десять шагов. Три ступеньки. Коридор заканчивался арочным проемом.

Я вошел.

Помещение — нечто вроде крипты — было довольно просторным, примерно десять на десять метров, тоже со сводами, потолок опирался на три толстых столба из темного гранита. Обстановка скудная — грязный матрас, несколько стульев, железный стол, на нем слабо светившая газовая лампа. Какой-то человек, склонившись над столом, изучал разложенную карту.

Я без труда узнал его.

Отец!

Бородатое лицо озарилось широкой улыбкой — точно так же он улыбался, когда мы встретились в Чаячьей бухте.

— Колен... Я ждал тебя. — Голос звучал ласково. — Надеюсь, ты не слишком на меня рассердился за это представление в хижине.

Мой отец!

Снова приветливый, каким был до ужасного эпизода в захлавленном сарае. Сейчас он мне все объяснит. Сейчас я все пойму. Мой отец — это он. Тот незнакомец с листка «Островитянина» не имеет ко мне никакого отношения. Мой отец передо мной. Все вот-вот прояснится. Я приблизился к нему. За мной вошли Брижит и Тьерри.

Отец раскинул руки, словно собирался обнять меня.

— Наконец-то мы вместе! Наконец-то! Все хорошо, Колен. Надеюсь, ты не принял всерьез комедию в сарае. Сам знаешь, что никакой опасности не было, за несколько часов задохнуться невозможно. Мне надо было напугать тебя, прикинуться злодеем, чтобы отвлечь внимание. Я потом объясню. Тьерри должен был изобразить меня мерзким чудовищем.

И отец расхохотался. Я повернулся к Тьерри — тот улыбнулся чуть натянуто, но возражать не стал.

Так, значит, все, что несколько часов назад он говорил мне в

изоляторе, — все это было враньем?

И мой отец не чудовище!

Я знал, знал это.

Брижит все еще старалась не встречаться со мной глазами. Отец шагнул ко мне. Я открыл было рот, чтобы его расспросить, но он вскинул руку:

— Все в порядке, Колен, мы в кругу семьи. Все вопросы потом, сейчас есть более срочные дела. — Он повернулся к освещенной карте: — Это план подземелий острова. Больше десяти лет поисков, исследований. Иногда метр за метром. Единственный в своем роде план.

Я все же спросил:

— Ты прятал его у нотариуса?

— Да.

Тьерри приблизился к нам. Он то и дело оборачивался, беспокойно всматривался в коридор, поглядывал на часы. Отец тоже заметил его нетерпение.

— Колен, у нас мало времени, ты должен сосредоточиться. Этот план приведет нас к Безумству Мазарини.

Опять этот проклятый клад! Только он их всех интересует.

— Монахи-бенедиктинцы веками прокладывали ходы под островом, — продолжал отец, — это настоящий лабиринт. Смотри...

Я наклонился над столом с картой. Отец ткнул в метку на пожелтевшей бумаге — красный крестик.

— Посмотри сюда, Колен. Вот здесь и спрятаны сокровища. Безумство Мазарини. В самом сердце лабиринта. — Рука отца легла на мое плечо. — Нам недостает лишь одной детали, Колен. Одной подробности, которая известна только тебе. Подробности, которую только ты можешь вспомнить.

Я послушно закрыл глаза. Опять это пресловутое воспоминание, запрятанное в моей голове.

Подробность? Что за подробность?

Тот самый последний обед? Крики. Папина рука. Его обручальное кольцо. Его рука подносит стакан с вином ко рту. Его лицо, когда он наклонился ко мне. Его лицо!

Нет...

Газовая лампа отбрасывала гигантские тени на своды и опоры, искажая фигуры взрослых, превращая их в монстров из кошмара.

В моем воспоминании склонившийся надо мной человек был моим отцом, я это знал точно. Но у него было не лицо моего отца. Это было не лицо человека, стоящего со мной рядом, не лицо человека с фотографии,

где мы с ним и с мамой стоим перед аббатством, десять лет назад. Брижит поставила этот снимок у моей кровати через несколько дней после смерти моего отца. Мне было шесть. Всего шесть. И это лицо с фотографии впечаталось в мою память. Никто не мог подменить это воспоминание другим.

И все же...

Сейчас в памяти всплывало совсем другое лицо, ко мне наклонялся другой человек, незнакомый мне, — человек, которого я увидел на листке «Островитянина». Это он прошептал мне на ухо: «Колен, я открою тебе великую тайну».

Нет!

Я открыл глаза. Я больше не хотел вспоминать. Я сходил с ума.

— Мне очень жаль... я не могу, — с трудом выговорил я.

Мне не удалось произнести «папа».

— Надо, Колен. — Голос отца прозвучал строго, даже жестко, как тогда, в сарае.

Неужели кошмар повторяется?

Нет, здесь же Тьерри и Брижит. Они мои опекуны.

— Надо, Колен! — Интонация еще резче. — Ты ведь что-то вспомнил. В изоляторе. Брижит мне рассказала.

Я посмотрел на тетю. Она стояла, отвернувшись, прижавшись к стене, в густой тени. Так, значит, они следили за мной, наблюдали за моими реакциями. Их интересовал только проклятый клад.

Несколько долгих секунд все молчали. Потом Брижит медленно шагнула вперед, на тусклый свет. В ее осунувшемся лице было что-то призрачное, пугающее, но во взгляде, который она наконец остановила на мне, я различил сочувствие и чуть ли не боль.

— Пожалуйста, Колен. Ты должен вспомнить. Может, тебе это кажется неважным, но чтобы все обрело смысл, ради тебя, ради всех нас ты должен вспомнить. Это единственный способ тебя защитить. Если это еще возможно.

Надо, чтобы она сказала больше.

— Защитить меня от кого? — слабым голосом спросил я.

Никто не ответил.

Тут из тоннеля донеслись быстрые шаги, подхваченные эхом.

Кто это может быть?

Мади и Арман? Так им удалось пройти по моему следу из красных обрывков! Я посмотрел на отца, на Тьерри. Оба выглядели

встревоженными и явно задавались тем же вопросом, что и я.

Кто мог нас найти?

Шаги приближались, быстрые, уверенные.

Шел, несомненно, один человек.

Кто?

Мади?

Показалась тень. Большая. Слишком большая.

Взрослый.

Человек уверенно двигался на тусклый свет. Я узнал его еще до того, как увидел лицо.

Жан-Луи Валерино.

И заледенел от звука его голоса.

— Простите, что помешал милому семейному сборищу...

Оружия у него в руках не было. Ни отец, ни Тьерри не пошевелились.

— Что ты здесь делаешь? — спросил отец. — Ты не должен был показываться. Ты все провалишь. Мы только начали допрашивать мальчишку.

Мальчишку.

Кошмар и впрямь повторялся.

— Скорее мальчишка все и провалит, — возразил Валерино. — Мне бы не хотелось играть роль людоеда... но этот придурок вообразил себя Мальчиком-с-пальчик.

Валерино разжал ладонь, и мятые красные бумажки закружились в свете газовой лампы, спланировали на карту.

Он подступил к Тьерри:

— Тебе следовало получше за ним присматривать. За столько лет ты должен был научиться ему не доверять. Он вас всех поимел. Хорошо еще, что я шел за вами!

Не раздумывать.

Бежать.

Выскочить из крипты и рвануть по лабиринту наугад. До арки лишь несколько метров. Это возможно. Бежать, не раздумывая. Отец, Брижит и Тьерри — все они сообщники Валерино, убийцы. Кошмар наяву.

Бежать.

Но я не успел пошевелиться — Валерино, словно разгадав мои намерения, схватил меня за плечо:

— Посиди, умник.

Отец придвинул стул, они с Тьерри и Валерино встали между стулом и выходом. Мне пришлось сесть — а что еще оставалось делать? Брижит

молчала, опять укрывшись в тени у стены.

Валерино расстегнул джинсовую куртку, и я увидел, что за пояс у него засунуты какие-то бумаги.

— Листок «Островитянина», — ухмыльнулся он. — Сорвал все, что увидел. А то газетенка могла пробудить нежелательные воспоминания у нашего сиротки.

— Кто-нибудь может догадаться, что мы здесь? — спросил отец.

— Нет, — ответил Валерино. — Я замел следы, так что пока можно не волноваться. — Он повернулся ко мне. Лицо с резкими чертами нервно подергивалось. — Ну что, так ничего и не вспомнил? Может, перейдем к методам жесточе, хватит секретничать с папочкой и дядюшкой?

Я отвел взгляд. На поясе у Валерино висела кобура. И нож — тот самый, которым он пытался меня прирезать. Моя ладонь осторожно легла на стол рядом с горкой клочков красной бумаги.

Зажать в кулаке несколько штук.

Внезапно раздался дрожащий, умоляющий голос Брижит:

— Нам просто надо дойти до того места, которое на плане помечено крестиком. Может быть, там Колен вспомнит?

Мужчины повернулись к ней.

Я схватил несколько клочков.

— А ведь она права, — согласился отец. — Чем дальше углубимся в подземелье, тем в большей безопасности будем.

Валерино медленно вытащил пистолет из кобуры. Приставил к моему виску.

— Давай поиграем в кладоискателей, малыш. У тебя есть время, чтобы вспомнить. А не вспомнишь...

На мою руку он и не взглянул.

Отец, стоявший за спиной Валерино, в упор смотрел на меня. В его взгляде не осталось и следа любви и сочувствия. Взгляд был недобрым, пустым, равнодушным. Отец не может так смотреть на сына. Я был для него никем.

Этот человек не был моим отцом.

Он обманул меня, он врал с самого начала. Он занял место моего отца. Украд папино лицо, подменил его своим на том фото, где мы втроем.

Я больше не искал разумных объяснений. Реальность отступила перед кошмаром.

— Вперед! — фальшиво оживленным голосом призвал Тьерри. — Только перед уходом, Жан-Луи, прибери со стола мусор, а то мальчишка уже загреб полную горсть.

Валерино выругался, силой разжал мне ладонь и отобрал жалкие клочки. И даже не снизошел до угроз.

Я был просто пешкой. Мною манипулировали. Последние десять лет? С самого рождения?

Спасения ждать было неоткуда.

Тьерри наклонился и погасил лампу на столе. На несколько мгновений крипта погрузилась в темноту, потом засветились фонари. Я встал, в спину уперлось дуло пистолета. Тьерри шел первым, за ним Брижит. Валерино ткнул меня пистолетом, показывая, чтобы я следовал за ними.

Замыкал шествие человек, укравший лицо моего отца.

60. След оборвался

Воскресенье, 20 августа 2000, 01:29

Тропа к аббатству, остров Морнезе

Мади резко остановилась, все еще держа в руке красную бумажку.

Свет фонаря падал на ее ошеломленное лицо. Повисла долгая тягостная тишина, нарушаемая лишь далекими криками ночных птиц.

Потом Мади резко взмахнула рукой и стремительно шагнула к Дельпешу:

— Мне неприятно вам такое говорить, но вы спятили! На фото в центре точно Жан Реми! Каких-то пять часов назад он пытался заживо похоронить нас, в том числе Колена, своего сына. Я не скоро это забуду.

Журналист провел рукой по волосам, он ничего не понимал.

— Мне тоже неприятно с тобой спорить, детка, но я знал Жана Реми пятнадцать лет и могу тебя заверить, что он на правой фотографии, это точно. А в центре — Максим Приер, его компаньон.

Арман и Мади молчали, потрясенные, не верящие.

— Сюр какой-то, — пробормотал Арман.

И снова воцарилось тягостное молчание.

Нарушила его Клара:

— Я вся гусиной кожей покрылась, то ли от ваших бредовых историй, то ли от холода... Схожу за жакетом.

Она подошла к машине, открыла дверцу и наклонилась над сиденьем. Арман уставился на ее зад, туго обтянутый пурпурным платьем. Искала Клара долго, вертя задом и приговаривая:

— Да где же эта чертова жакетка?

Арман оторвался от возбуждающего зрелища и покосился на Дельпеша с Мади. Они тоже глазели на Клару.

— Ага! — воскликнула та наконец, выпрямилась, одернула платье, захлопнула дверцу и поцокала на каблуках обратно.

Но, как ни странно, Арман теперь смотрел не на нее, а на логотип «Островитянина», нарисованный на дверце «пежо». На ракушку, перераставшую в вопросительный знак.

Ветра не было, но издали долетал шум волн, разбивавшихся о камни.

— Знаю! — внезапно выкрикнул Арман. — Черт! Я знаю, как они это провернули, гады. Сволочи! Надо же, какая подлянка!

Все в изумлении уставились на него.

— Объясни, мальчик, — сказал Дельпеш.

— Объясню, — Арман явно был взволнован, — но сначала надо найти Колена. Срочно! До того как захлопнется адская ловушка.

Мади вскинула красную бумажку:

— По следу!

— Ладно, — согласился Дельпеш. — Расскажешь по пути?

Они пересекли дорогу и сошли на тропу, ведущую к аббатству.

Арман молчал.

— Ну и где твоё объяснение? — спросил Дельпеш.

Арман не ответил, он сосредоточился на поиске меток, обрывков красной бумаги. Мади и Клара были заняты тем же. Ключки попадались через каждые тридцать шагов. Миновав крест Святого Антония, они оказались перед запертой решеткой, искали метку, но ее не было.

— Тупик! — сказал Дельпеш.

— Они внутри! — заявила Мади.

Дельпеш осветил фонарем на развалины, но мало что увидел.

— Возможно...

— Точно! — уверенно сказал Арман. — Больше идти некуда.

— Но там закрыто, — возразил Дельпеш.

— Ну и что? — отозвалась Мади. Она оглядела ворота — не выше двух метров, и забраться — раз плюнуть. — Здесь кто угодно перелезет!

Дельпеш открыл было рот, но Клара, задрав повыше юбку и сверкая загорелыми икрами, уже проворно карабкалась вверх. Перекинула одну ногу, потом другую, мягко прыгнула и одернула платье.

Журналист и двое подростков не двигались.

— Ну, кто следующий? — подначила их Клара.

Арман попытался залезть, но ему потребовалась помощь Мади и Дельпеша. Объединив усилия, они подтолкнули его, и он, хоть и слегка испуганный, все же сумел справиться с головокружением и спуститься с другой стороны. Мади перебралась без труда. Дельпеш счел делом чести на глазах у Клары ловко преодолеть препятствие.

Журналист пошарил лучом фонаря по руинам в поисках хоть какого-нибудь следа, все четверо долго осматривали старые камни. Нигде не было ни клочка мятой бумаги.

Ничего!

В конце концов они остановились у входа в подземелье. Дельпеш осветил три ступеньки.

— Они там, — сказал Арман. — Они точно спустились туда.

— Идем! — откликнулась Мади.

Дельпеш удержал ее за руку:

— Погоди, моя прелесть! Это настоящий лабиринт. Если Колен Реми в этих подземельях, у нас нет ни малейшего шанса его найти. Без плана, с одним несчастным фонарем... да мы там сразу заблудимся.

Мади невнятно ругнулась.

— Он прав, — признал Арман.

— Каза! — неожиданно воскликнула Клара. — Каза, вот кто нам нужен. Симон Казанова говорил мне, что забрал планы у Габриеля Бордери.

— Позвони ему! — распорядился Дельпеш. — Вряд ли он спит.

Клара немедленно набрала номер. Симон отозвался сразу.

— Каза? Это Клара.

— Дай мне, — потребовал Дельпеш.

Клара неохотно протянула ему телефон, журналист взамен отдал ей фонарь.

— Казанова? Это Дельпеш, и дело срочное. Есть ли среди документов, которые вы забрали у Габриеля Бордери, планы острова? В частности, планы подземных ходов?

— Только они у меня и есть! Вы очень вовремя позвонили, я как раз расстелил перед собой громадный план, составленный Жаном Реми, тут должны быть нанесены все подземелья острова. Я думаю, что Безумство Мазарини где-то там, в недрах...

— И Колен Реми, наверное, тоже. Ему угрожает опасность. Куда на вашем плане ведет вход в подземелье со стороны аббатства?

Повисла долгая пауза, Симон искал на карте вход в подземелье. Наконец он возбужденно заговорил:

— Там легко заблудиться, но на плане в паре сотен метров от этого входа есть нечто вроде крипты, небольшое помещение.

— Вы сможете нас направлять?

— Да. Спускаетесь, идете прямо. Потом налево. Потом еще раз налево. Направо по длинному коридору, а там сразу опять налево.

— Спасибо! Если заблудимся, я вам перезвоню.

Дельпеш отключился и повернулся к Мади, Арману и Кларе:

— Ну что? Попробуем дойти до крипты. Если ничего там не найдем, позвоним в полицию. Клара, ты будешь светить.

Секретарша без возражений спустилась по ступенькам.

— А вы держитесь сзади, — велел журналист подросткам.

Он вытащил из кармана свой маленький пистолет, и двое взрослых и

двое ребят двинулись по темному коридору. Дельпеш повторял про себя указания Симона Казановы.

Налево... Налево...

И совсем скоро они действительно дошли до крипты. Дельпеш знаком призвал двигаться бесшумно. Клара осторожно посветила в арочный проход, Дельпеш вел дулом пистолета за лучом. Фонарь высветил матрас, стулья, железный стол, пепельницу.

Спустя несколько бесконечных секунд они убедились, что крипта пуста.

— Они были здесь, — сказала Мади. — Совсем недавно.

— Почему ты так решила? — спросила Клара.

— Не знаю, — ответила девочка, — но мне так кажется.

— Мади права, — подтвердил Арман. — Посмотрите на окурки в пепельнице.

Клара направила фонарь на железный стол.

— Твой мобильник здесь ловит? — спросил Дельпеш.

Секретарша достала телефон.

— Да!

— Хорошо. Тогда бросаем заниматься глупостями. Даже если мы идем по следу Колена, в чем я совершенно не уверен, мы сами никогда не отыщем его в этом лабиринте. Даже с планом Казановы. Звоним в полицию.

Мади хотела возразить, но Дельпеш вскинул руку:

— Хватит самостоятельности, моя храбрая девочка, не забывай, что на карту поставлена жизнь твоего друга. Надо было сделать это раньше. Каждая минута может иметь значение. Полицейские смогут методично обшарить подземелье.

Мади вздохнула.

— Обидно! — сказал Арман. — Но ты прав, старик, это лучшее, что можно сделать. Хотя до чертиков обидно!

61. Конец тоннеля

Воскресенье, 20 августа 2000, 02:11

Подземелья острова Морнезе

Я посмотрел на часы, но было слишком темно, чтобы хоть что-то разглядеть. Мы шли по подземному лабиринту уже минут сорок. Я давно отказался от попыток запомнить путь.

Налево. Налево. Теперь направо. Налево.

Я окончательно сбился. Валерино все время держал меня на прицеле.

Сбежать было невозможно.

Да и куда? Мои похитители то и дело останавливались на развилках, чтобы свериться с планом, светили фонарем на старую карту, совещались, потом двигались дальше. Чем больше мы углублялись в недра острова, тем заброшенной выглядели тоннели. По стенам стекала вода, духота порой становилась невыносимой, дышать было нечем. Часто оказывалось, что кусок стены обрушился, и приходилось перелезть через насыпь из обломков. Один коридор был совсем завален, пришлось развернуться и искать обход.

Валерино постоянно сыпал ругательствами. Все, похоже, сильно нервничали.

Хотя я уже давно бросил попытки отследить путь, но все же не сомневался, что мы постепенно поднимаемся.

Иногда надо было спускаться на несколько ступенек, иногда снова взбираться, но у меня складывалось впечатление, что коридоры идут вверх. Тоннель был не очень низким, и если мы двигаемся вверх, то, значит, мы где-то внутри возвышенностей Морнезе, то есть в юго-западной части острова, примерно между сент-арганским портом и маяком Кандальников — именно там расположена возвышенность.

Очередной бесконечный коридор уткнулся в узкий каменно-земляной лаз. Взрослые протиснулись с трудом, я же пролез легко. Брижит посветила, после лаза вправо забирал узкий коридор.

— Это здесь, — сказал Тьерри.

— Ну наконец-то, — проворчал Валерино.

Я взгляделся в сумрак и увидел трухлявую лестницу. Брижит полезла первой, откинула деревянную крышку люка. За ней последовал Тьерри, потом — человек, которого я больше не мог называть отцом.

Жан-Луи Валерино шел последним, по-прежнему держа меня на мушке.

Я просунул голову в люк и увидел маленькую пыльную комнату с грубыми стенами из серого камня. В комнате был камин, которым не пользовались, наверное, несколько десятилетий. Повсюду валялись грабли, лопаты, даже коса и старые ржавые ведра. Слева находился стол, затянутый густой паутиной, вокруг — несколько стульев. Посудный шкаф из некрашеного дерева, тоже весь в паутине.

Мы были на заброшенной ферме.

Внезапно комнату озарил слепящий свет, куда более яркий, чем лучи фонарей моих похитителей. Всего на несколько секунд — и комната снова погрузилась в сумрак. Маяк Кандальников, сообразил я. Значит, я был прав — мы где-то рядом с маяком, самой высокой точкой Морнезе.

Валерино поочередно тряс двери и оконные створки — должно быть, проверял, легко ли их открыть изнутри. Снова вспыхнул свет маяка, и я присмотрелся к выходам. Две деревянные двери, которые вели неизвестно куда. Одно окно. Ставней вроде нет, но толстенный слой пыли не пропускал бы в комнату свет, даже если бы за окном был день.

Тьерри смахнул со стола паутину, разложил составленный моим отцом план подземелий.

— Подойди, Колен. — В его голосе не слышалось злобы. — Посмотри. Мы вот здесь, на юго-западе острова. На заброшенной ферме Люсьена Верже. Ты, конечно, никогда о нем не слышал. Он возделывал земли аббатства до Первой мировой войны, взяв их в аренду, но ферма его находилась в стороне, на самой оконечности острова. Именно эту ферму твой отец пометил красным крестиком на плане, который завещал тебе. А значит, можно сделать вывод, что он хотел указать место клада, Безумства Мазарини.

— У него бы и спросили! — буркнул я.

Человек, который выдавал себя за моего отца, промолчал, зато отозвался Валерино:

— Мы обшарили проклятую ферму сверху донизу, только этим и занимались с полудня, с тех пор как получили план. И ничего! — заорал он. — Так что...

Он схватил меня за горло, но Тьерри его удержал:

— Уймись, Жан-Луи. Незачем с ним так грубо обращаться.

Он повернулся ко мне, криво улыбнулся. Я ненавидел его, наверное, еще сильнее, чем Валерино или поддельного отца.

— Колен, — проникновенно сказал дядюшка, — твой отец считал, что нашел клад. Десять лет назад он оставил тебе план, который привел нас сюда, на эту ферму. Но есть и еще одно указание, запрятанное в твоей памяти. Достаточно его отыскать — и все закончится.

Я молчал.

В комнату снова ворвался луч маяка. Человек, которого я раньше принимал за отца, стоя ко мне спиной, простукивал стены рукояткой лопаты. Валерино, еле сдерживаясь, толкнул меня на стул и снова приставил к моей голове пистолет:

— Поговорим напрямик, придурок. Сейчас два часа ночи. У нас на хвосте висит вся полиция Франции. Ты это знаешь и тянешь время. Давай я тебе объясню, что будет дальше. Для начала мы уберем лестницу и завалим выход из тоннеля. Помнишь тот узкий лаз? Даже если они отправят в подземелья сотню легавых, им все равно никогда не добраться до фермы. Потом мы подождем. Если до четырех утра ничего не вспомнишь... пеняй на себя, ты нам будешь ни к чему. И речи не может быть о том, чтобы мы вместе с тобой ждали рассвета, — остров битком набит полицейскими. Мы уйдем затемно. Не через подземный ход — через дверь этой фермы. Внизу, в тихой бухте, нас ждет лодка. Видишь ли, недоумок, мы все предпочли бы свалить отсюда с кладом. Но если не найдем его — свалим все равно, после себя ничего не оставив. Ты меня понял? Мы забрали все доказательства против нас, какие были в досье у нотариуса, уже хоть что-то. Итак, условия ты знаешь, не буду мешать тебе сосредоточиться. — Он отвел от меня пистолет. — Тьерри, Максим, перекройте тоннель и втащите внутрь лестницу.

Максим?

Вот, значит, как зовут человека, который занял место моего отца.

Максим Приер?

Его лучший друг?

Как такое возможно?

Эти двое спустились в люк, снизу донеслись неясные звуки — там швыряли и приминали землю. Заделывали проход.

Меня никогда не найдут.

Валерино отошел от меня, сел и уставился в никуда неподвижным взглядом, оружие он из рук не выпустил. Брижит смотрела в грязное окно. Время от времени луч маяка освещал ее белое, словно у призрака, лицо.

Минуты текли медленно.

У меня не было ни малейшего желания вспоминать, однако картины последнего застолья всплыли в памяти сами собой. Я попытался отогнать

их. Постарался ни о чем не думать. Я не был идиотом. Валерино высказался ясно. Если не вспомню, они от меня избавятся. А если вспомню, если отдам им клад, что для меня изменится?

Ничего!

Я не питал никаких иллюзий. Они избавятся от меня независимо от того, получат Безумство Мазарини или нет.

Тянулись долгие минуты.

Вернулись Тьерри и Максим.

— Готово. Теперь нас не найдут.

Тягостное молчание в полутьме, которую изредка на миг рассеивал свет маяка.

Надо что-то придумать, придумать, как сбежать, как выбраться отсюда. Надо соврать. Обмануть их — мой единственный шанс. Но вранье должно быть максимально похожим на правду.

Брижит не выдержала первой:

— Он ничего не скажет! Вы разве не понимаете, что у него все воспоминания путаются? Что он растерян? Как он, по-вашему, может вспомнить?

— И что ты предлагаешь? — презрительно спросил Валерино.

— Все ему рассказать. Все объяснить. В конце концов, он имеет право знать. Теперь-то не все ли равно? А ему это поможет навести порядок в воспоминаниях.

— Она права, — согласился Максим Приер, мой фальшивый отец. — Может сработать, а риска никакого.

— Ладно, — буркнул Валерино. — Кто расскажет?

— Я! — откликнулась Брижит. — Жан-Луи, можно нам пойти туда? — Она указала взглядом на одну из двух дверей.

— Валяй, — разрешил тот.

Брижит встала, я тоже.

Сначала я подумал, что она хитрит, решила предать сообщников, придумала уловку, чтобы я мог сбежать. За дверь выход. Как только мы останемся одни, она позволит мне уйти. Брижит было явно не по себе — она ведь точно не убийца, и я чувствовал, что она ненавидит Валерино.

Она открыла дверь.

И моя надежда рухнула.

Дверь вела в винный погреб. Конура размером метр на два, толстые каменные стены и никакого выхода — ни окна, ни другой двери. Штабеля деревянных ящиков с пыльными бутылками. Похоже, тут никто ничего не

трогал много десятков лет.

— Садись, — велела Брижит.

Мы сели на ящики. Дверь она не закрыла, но мы все же более или менее уединились.

Брижит, не глядя на меня, сказала:

— Колен, я открою тебе тяжкие секреты.

62. Махинация

Воскресенье, 20 августа 2000, 0:23

Руины аббатства Сент-Антуан, остров Морнезе

Не прошло и четверти часа, как руины аббатства замерцали в мигалках десятка машин. Железная решетка была открыта. Двое полицейских и психолог расспрашивали Мади и Армана, слушали их версию событий.

Комиссар, с которым связался Дидье Дельпеш, в свою очередь, позвонил Симону, и тот как мог четко описал ему план подземелий острова, но двигаться дальше первых развилок под диктовку оказалось невозможно. Полицейский фургон с ксероксом и факсом уже направлялся из Нанта к площадке для отдыха в Фонтене-ле-Конт, чтобы отослать копию карты на Морнезе.

Тем временем отряд, состоявший из гранвильских полицейских и охранников цитадели Мазарини, методично обшаривал подземные тоннели. Дело было не только в исчезновении Колена Реми — полицейские считали, что оно напрямую связано с побегом Жана-Луи Валерино.

Минут через двадцать у полиции не осталось вопросов к Мади и Арману, и подростков передали прибывшему отцу Дювалю. Ребята сидели на скамейке, приуныв от ощущения собственной бесполезности. Отец Дюваль молчал, понимая, что оба не горят желанием откровенничать.

К ним подошли Дельпеш и Клара, журналист обнимал секретаршу за плечи, будто пытался согреть. Мади улыбнулась, но не могла скрыть злорадства.

— Вы тоже вне игры?

— Может, так лучше? — отозвался Дельпеш.

— Да вам-то что? — сказал Арман. — Вы все равно в выигрыше. Другие журналюги когда еще сюда доберутся, выдадите сенсационную новость первым.

Дельпеш вытащил из кармана пачку сигарет. Мади впервые видела такую марку. «Джарум». Он закурил, выдохнул дым. Арман закашлялся от странного запаха.

— Кстати, о сенсации, маленький гений, — сказал Дельпеш, — ты вроде уверял, что якобы понял, почему у Жана Реми, которого видели вы с Коленом, и у Жана Реми, которого знал я, не одно и то же лицо.

— Не якобы, а на самом деле понял! — с вызовом ответил Арман.

Он помолчал, наблюдая за тем, как суетятся полицейские, потом продолжил:

— Я понял, глядя на логотип газеты на вашей машине.

Отец Дюваль удивленно посмотрел на него. У Мади от любопытства заблестели глаза. Может, Арман и на этот раз блефует?

Дельпеш снова затаился.

— Рассказывай. Слушаю тебя.

— Вы бы лучше сели... Все очень просто и вместе с тем очень лихо закручено. Я всего лишь связал между собой два элемента. Похоже, что тип, которого Колен принимал за отца, на самом деле — Максим Приер, его давний компаньон и друг. С другой стороны, вы сказали, что этот Приер — специалист по компьютерной графике и знает толк в обработке фотографий. Колен рассказывал, что единственное его четкое воспоминание связано с семейной фотографией, которая стоит у него в комнате. Он с родителями на фоне вот этого аббатства.

— Ты думаешь, что Приер подделал фотографию, когда Колену было шесть лет? Звучит не очень правдоподобно. В шесть лет Колен не мог не помнить отцовского лица. Если бы на фото был кто-то другой, он бы заметил.

— Но не в том случае, если фотографию подделывали понемножку, постепенно! Сначала у кровати шестилетнего Колена ставят настоящее фото, где они все втроем, а потом, в течение нескольких лет, фото подменяют — Колен по-прежнему стоит рядом с родителями, вот только отцовское лицо каждый раз чуточку отличается. Едва заметно. Понемногу, день за днем, лицо на фотографии меняется, но ребенок этого не понимает.

— Такое возможно? — недоверчиво спросила Клара.

— По-моему, полная чушь, — заметила Мади.

Дельпеш раздавил окурочек и одобрительно присвистнул.

— Технически это, несомненно, возможно. Поменять лицо на снимке не составляет труда, и таких подменных фотографий могут быть сотни. Если речь идет о шестилетнем ребенке, который больше никогда не увидит других изображений отца, и его зрительную память подкрепляет единственный снимок, вполне вероятно, что этот образ в ней и сохранится, вытеснив реальные воспоминания. И вполне логично, что потом он будет принимать Максима Приера за своего отца.

— Я в это не верю, — покачала головой Клара.

Она дрожала. Дельпеш взял ее руки в свои, подышал на них.

— Клара, вспомни, ты в детстве теряла кого-нибудь из близких? Тетя, бабушка...

— Моя бабушка. Мне было девять лет.

— Ты ее помнишь?

— Да, конечно...

— И ее лицо?

— И лицо тоже. Если сосредоточиться.

— Подумай хорошенько. Я уверен, что на самом деле тебе вспоминается бабушкино лицо на фотографиях, которые ты видела после ее смерти. Разве не так?

Клара немного подумала.

— Возможно. Но тут ведь речь об отце, которого мальчик видел каждый день!

— Ему было шесть. Тебе — девять. И бабушку свою ты тоже наверняка видела очень часто. Разницы никакой. Нет, вопрос не в том, возможна ли была технически такая махинация, важнее два других вопроса. Кто мог это сделать? И зачем?

Дельпеш закурил очередную сигарету. Отец Дюваль впервые заговорил — медленно, взвешивая каждое слово:

— Если все действительно так, то подстроить это могли только дядя и тетя Колена, которые воспитывали его десять лет. До этого вечера смешно было бы даже подумать о таком. Но сейчас известно, что Тьерри и Брижит тоже исчезли, одновременно с Коленом. Полиция объявила их в розыск.

— Это они! — завопила Мади. — Колен никогда им не доверял. Только они могли такое подстроить. Их рук дело! Его дядя с Максимом Приером проделали это гадство, а тетка меняла фотографию на тумбочке, пока Колен был в школе. Она же не работала! Говорите, сотни фоток? Вот именно, эти сволочи за год или два просто подменили воспоминания Колена.

Дельпеш кивнул:

— К тому же Максим Приер и Жан Реми внешне были немного похожи. Одинаковое телосложение, оба темноволосые. Остается ключевой вопрос: чего ради так стараться? Готовить такую махинацию заранее, за десять лет?

— Это же очевидно! — заорал Арман и тут же закашлялся. — Вы не могли бы погасить вашу дерьмовую сигарку? Она воняет гвоздикой!

Дельпеш послушно затушил окурок.

— Продолжай, мальчик мой. Почему это очевидно?

— Десять лет назад Жан Реми, отец Колена, отдал точные распоряжения местному нотариусу мэтру Бардону: Колен должен был получить досье с завещанием в его конторе, прочитать в присутствии

нотариуса и, разумеется, после этого, узнав правду, позвонить в полицию. Только один человек мог убедить Колена не открывать досье в конторе нотариуса. Только один человек мог добиться, чтобы он не выполнил распоряжений отца, сделанных десять лет назад, — сам отец, внезапно воскресший!

— Черт! — вырвалось у Клары.

Журналист провел рукой по взмокшему лицу.

— Малыш, ты правда не сможешь потерпеть, если я закурю?

Полицейский фургон сорвался с места и, прорезая ночь воем сирены и вспышками мигалки, помчался в обратном направлении. Площадка для отдыха в Фонтене-ле-Конт мгновенно опустела. Движение на шоссе почти восстановилось, но Симон знал, что в эти решающие часы здесь от него больше пользы. Полицейские забрали план острова, не тратя времени на вопросы. Огромный план отсканировали по частям и уже отправили на Морнезе.

Симон вдруг подумал о Кандис, которая сейчас, наверное, спит где-то там, на острове, возможно — в объятиях другого парня, равнодушная ко всей этой ночной суете в заброшенных руинах, которые она сторожила днем.

Симон не расстроился. Ему не терпелось погрузиться в изучение остального досье, которым полицейские даже не поинтересовались. И напрасно.

Все эти типы на острове охотились за сокровищем Мазарини, потому если вычислили, где оно скрыто, то именно там и надо искать и Колена Реми, и Валерино с сообщниками. А ключ к Безумству Мазарини в этом досье, во всех этих письмах, статьях, геологических разрезах, метеорологических сводках, описаниях флоры острова.

Симон углубился в досье, снова и снова проглядывал документы. Он должен найти! В десятый, наверное, раз просматривая бумаги Жана Реми, он вдруг задержал взгляд на одном из геологических профилей. После чего быстро нашел метеорологическую сводку, положил листки рядом.

В тумане вдруг забрезжил просвет.

Рассуждение выстраивалось невероятное. Конечно, это глупо, этого просто не может быть. Только не на Морнезе. Не на этом острове. И все же если его немыслимое предположение верно, то как раз оно многое объясняет, увязывает одно с другим...

Надо начать все заново и проверить!

63. Признания

Воскресенье, 20 августа 2000, 02:35

Подземелья острова Морнезе

Брижит долго молчала, опустив глаза. Винный погреб походил на мерзкую исповедальню, грязную камеру смертника, где выслушивают последнюю волю обреченного.

Наконец она подняла голову и медленно заговорила:

— Мне трудно, Колен. Может, ты не знаешь, но я очень дружила с Анной, твоей мамой, моей невесткой. Все эти годы мы с ней были едва ли не единственными женщинами в ассоциации, которые занимались археологическими раскопками на острове Морнезе. Мы были ровесницами, и это нас сблизило. Думаю, про ассоциацию ты уже знаешь, Максим тебе рассказал в Чаячьей бухте, выдав себя за твоего отца. Он почти не врал, это и сделало его рассказ правдоподобным. Он говорил то, что сказал бы твой отец, будь он жив. Твой отец был действительно хорошим человеком, честным и чистым. Он отказывался продавать земли аббатства, противостоял «Семитим». А потом произошел несчастный случай, погибли трое рабочих...

Все это я уже знал. Я все еще искал способ бежать. Схватить одну из пыльных бутылок, разбить ее и сделать оружием...

Смешно.

Брижит откашлялась и продолжила:

— Теперь я расскажу тебе то, чего ты не знаешь. Твой отец взял на себя всю ответственность за трагедию и потому ушел в море, оставив прощальное письмо с признаниями. Все считали его погибшим. Мы тоже. Чтобы твоей маме было полегче, мы с Тьерри забрали тебя в Понтуаз, недалеко от Парижа. Помнишь ту нашу квартиру?

— Немного помню...

— Твоя мама в тот же вечер приехала к нам. Она была сама не своя от горя.

Я вспомнил маму, какой видел ее в тот последний раз, ее слова, когда я купался, и потом, когда уже лежал в постели. Тетин рассказ поднял на поверхность воспоминания.

— После ужина она спросила, можно ли позвонить. У нас был беспроводной телефон, она вышла с ним на балкон. Но...

Рассказ явно давался Брижит тяжело, и мне стало почти жалко ее. Тот телефонный звонок, похоже, резко изменил ее жизнь.

— Но что?

Брижит снова кашлянула.

— Но в нашей комнате был еще один аппарат, Тьерри снял трубку и слушал. Твоя мама говорила с Жаном, твоим отцом. Он не погиб. Он скрывался. Вел тайное расследование. Несчастный случай в Сангвинариях был на самом деле саботажем, преступлением. Теперь у него были доказательства против Жана-Луи Валерино, чиновника из мэрии, и его сообщников...

Дальше она говорить не смогла, по щекам текли слезы. Никогда я не видел ее настолько человеческой.

— Кто были его сообщники? Члены «Семитим»? Все мошенники острова?

Брижит вымученно улыбнулась:

— Нет, Колен, все намного проще. Эта история про остров разбойников, где все злодеи и все сообщники, просто выдумка. В «Семитим» состояли обычные акционеры, которые всего лишь хотели обогатиться. Местные жители готовы были вложить свои сбережения в строительный проект, хотя, конечно, окружающую среду при этом не слишком берегли, но это еще не делало их преступниками. Нет, сообщников было всего трое. Жан-Луи Валерино, который все это придумал и занимался деловой стороной, и... и два ближайших компаньона твоего отца. Максим Приер, его друг и однокурсник, и Тьерри, его шурин.

— Почему? — еле выговорил я.

Брижит помолчала. Из соседней комнаты доносились приглушенные голоса Максима Приера и Валерино, напряженные, нервные. Похоже, оба устали ждать и злились.

Брижит тяжело вздохнула и заговорила снова:

— Там все было сложно, многое смешалось. Несомненно, зависть к твоему отцу, ведь Максим и Тьерри всегда жили в тени его славы, можно сказать — под его командованием. И алчность тоже. Строительный проект «Семитим» должен был принести колоссальную прибыль, Максим и Тьерри получили бы громадные откаты, сумей они уговорить твоего отца продать участок. Знаешь, в то время и речи не могло быть об убийствах и даже о кражах, речь шла лишь о том, чтобы продать участок и получить деньги. Настоящим негодяем был только Валерино. Когда твой отец выступил против «Семитим» с проектом компании «Евробильд», именно Валерино предложил подрыть тоннель, над которым стоял подъемный

кран.

— Тьерри и Максим были его сообщниками, они поделились с ним техническими подробностями о подземельях, — сказал я бесстрастно.

— Да. Ты прав, они были его сообщниками. Планировалась авария, но как угроза. Материальный ущерб. Однако ни погибших, ни раненых. Дело же приняло плохой оборот, и все разом изменилось, Максим и Тьерри оказались соучастниками убийства. Механизм был запущен и с тех пор не останавливался...

Я спросил, все так же спокойно:

— Что в точности сказал в тот вечер мой отец маме по телефону?

— Он спросил, одна ли она. Потом, как я уже говорила, рассказал, что собрал доказательства против Валерино и его сообщников. Просил маму быть осторожной. Твой отец, должно быть, думал, что это куда более крупный, куда более мощный заговор. Он предусматривал всякие возможности, собрал все доказательства в одно досье и решил оставить его в надежном месте, у нотариуса на Морнезе, мэтра Бардона, которому доверял. На тот случай, если бы с ним самим, или с твоей матерью, или с ними обоими произошло несчастье, он оставил четкие распоряжения: нотариус должен был пригласить его сына — тебя, Колен — в свою контору десять лет спустя, в день, когда тебе исполнится шестнадцать, открыть тебе правду и передать земли аббатства. Твой отец остерегался. И оказался прав.

Брижит тихонько всхлипывала. У меня в голове все прояснилось. После этого разговора мама пришла ко мне, уже лежавшему в постели. Она знала, что мой отец жив, этим и объяснялись ее последние слова: «Твой папа теперь далеко, Колен, очень далеко. Но ты не грусти. Надо набраться терпения. Ты снова его увидишь. Когда-нибудь ты с ним встретишься».

Получается, тогда он был жив! Во мне закипала ярость. Взять бутылку, разбить, воткнуть осколок в горло Валерино, потом остальным.

— Значит, вы убили мою маму! — громко сказал я.

— Нет! — почти закричала Брижит. — Твоя мама положила трубку, заглянула к тебе в комнату. Потом отправилась на Морнезе. Ей надо было улаживать дела — наследство, процесс, ведь твой отец числился умершим. Мы, конечно, перепугались и позвонили Валерино, чтобы его предупредить, но нам никогда и в голову не пришло бы убивать твою маму. Она была сестрой Тьерри, моей лучшей подругой! Колен, это несчастный случай. Она совсем измучилась, а было очень поздно, шел дождь. Мы уговаривали ее остаться. Поверь, это была авария. Страшное несчастье.

Я с трудом произнес:

— Ты, возможно, искренне в это веришь, но зато я больше не верю в подобные совпадения. Жан-Луи Валерино убил мою мать! Я лишь надеюсь, что он не признался в этом ни тебе, ни Тьерри. Ради тебя надеюсь.

Брижит вздрогнула.

— Нет, Колен. Жан-Луи Валерино никогда нам ни в чем не признавался! Не спорю, он негодяй, но пойти на такое преступление... Нет, это невозможно.

Я холодно возразил:

— Ни о чем не спрашивать, думать, что это всего лишь несчастный случай, — вас это вполне устраивало. Не многовато ли несчастных случаев, а? Но если Жан-Луи Валерино сегодня готов устранить сына, почему десять лет назад он не мог убить мать?

Брижит всхлипнула, но ответила:

— Я не знаю. Не хочу знать. Я всегда считала, что случилась авария. Так мы с Тьерри решили. После смерти твоей мамы Максим Приер и Жан-Луи Валерино связались с нами. Твой отец поехал на Морнезе, оставил досье у нотариуса, вышел в открытое море и покончил с собой. На этот раз — по-настоящему. Сомнений не оставалось. Его тело нашли несколько дней спустя, его еще вполне можно было узнать. Я там была, и Тьерри тоже. Да, Колен, не сомневайся — твой отец умер.

Пустота.

Выкинуть все из головы.

Ни о чем не думать.

Просто слушать.

— Ты стал сиротой. Опекунство, естественно, доверили нам. Но мы, все четверо, так и жили с бомбой замедленного действия, которая должна была взорваться десять лет спустя, она пряталась в этом досье, которое тебе предстояло открыть в шестнадцать лет, — досье, где были доказательства нашей общей вины. Жан-Луи Валерино и Максим Приер с ума сходили из-за этой угрозы. Тьерри тоже. Это досье способно было их погубить, надолго отправить за решетку. А тут еще Безумство Мазарини, сокровище, которое твой отец, по его словам, нашел, и указания и доказательства должны были содержаться в досье, хранившемся у нотариуса. Они так долго искали этот клад по всему острову. Если бы не надежда его отыскать, они давно бросили бы твоего отца с его старыми камнями. Поначалу Приер и Валерино пытались ограбить контору мэтра Бардона. Безуспешно. Нотариус был начеку и надежно спрятал бумаги. Потом подумывали подкупить его, запугать, шантажировать, но с Бардоном такой номер не прошел бы, он был твердо намерен исполнить волю Жана Реми. И тогда

Максиму Приеру пришел в голову безумный план.

Брижит снова замолчала, перевела дыхание. Она избегала моего взгляда, смотрела в сторону, лицо было в тени, я различал лишь глаза с растекшейся тушью. Она была так непохожа на Брижит из моего детства — сдержанную, всегда элегантную, накладывавшую макияж даже для похода в магазин. Я отвернулся.

— Совершенно безумный план. Максим предложил его скорее в шутку, но Валерино вцепился в него. Ты, казалось, был уверен, что твой отец не умер, — тут подействовали и слова твоей мамы, и рассказы няни. Достаточно было эту уверенность поддерживать, иногда упоминать о Жане в настоящем времени, сохранить его адрес в моей записной книжке, прислать несколько открыток с Морнезе. Разжечь твое любопытство. Ты понимаешь, что я имею в виду...

Нет, я не понимал самого главного!

— А лицо моего отца? — заорал я. — Как Максим Приер смог его украсть?

Брижит слабо улыбнулась:

— Очень просто. Максим неплохо умеет обрабатывать фотографии, он профессионал. Он дал мне четыреста фотографий, почти одинаковых. На первой было настоящее лицо твоего отца, то, которое ты знал, на последней — лицо Максима Приера. А между ними — четыреста лиц, незаметно переходящих от твоего отца к Максиму. Я меняла фотографию в рамке раз в три дня, когда ты уходил в школу. Я делала это три с лишним года, и это вошло в привычку, стало рутиной. Я вытирала пыль в твоей комнате, собирала грязную одежду, перестилала постель и меняла фото. К десяти годам ты забыл настоящее лицо отца, оно превратилось в лицо Максима Приера. Ловушка была расставлена. Потом тебе дали возможность найти другие фотографии и даже фильм. Разумеется, лица твоего отца там не было, он или не попал в кадр, или был виден со спины. Прости меня, Колен... Я могла бы тебе сказать, что все-таки тебя вырастила. Но...

— И фотографию на могиле изуродовали, чтобы я не увидел его настоящего лица?

— Да. Это сделал Максим. Но он не посмел разрыть могилу, чтобы снять обручальное кольцо. Колен, ты должен меня понять. Об убийстве речь не шла. Все эти годы у нас была единственная цель: чтобы ты в шестнадцать лет отправился к нотариусу, забрал досье и, не открывая, отдал его Максиму. И тогда мы все вздохнули бы с облегчением. Никто не планировал убийств. — Она судорожно вздохнула. — По крайней мере, я в это верила. Валерино и Приер убеждали в этом меня, нас обоих, все десять

лет.

— А каталог летних лагерей на столе в гостиной полгода назад — это тоже было подстроено?

— Да, — кивнула она. — Мы не сомневались, что ты выберешь этот парусный лагерь на Морнезе. Ты приехал на остров, и Максим устроил так, чтобы попасться тебе на глаза за два дня до твоего дня рождения. Заплатил пьянице-моряку — купил ему телевизор, попросил напелсти тебе небылиц и назначить встречу так, чтобы это выглядело естественно. Об остальном мы с Тьерри узнали только сегодня, когда приехали.

— Об остальном?

— Обо всем этом ужасе. О побеге Валерино. Об убийстве его сообщника. Две пули в спину! Об инсценировке нападения на тебя и твоего отца. Чтобы тебя убедить остерегаться всех и не доверять никому, кроме отца. А главное...

Брижит не смогла договорить и закрыла лицо руками.

— И разумеется, они не сказали тебе, что как только добьются своего, я им стану не нужен, тогда они без колебаний от меня избавятся. Я последний свидетель, который им мешает.

— Я не знала, Колен. Десять лет назад разве я могла предположить такое... Это была всего лишь махинация, мерзкое жульничество. Но никакой крови.

— Ну да, цепь событий.

Брижит еще сильнее съежилась.

— Валерино готов убить и меня. Приер тоже стал опасным сумасшедшим. Когда я узнала, что они заживо похоронили тебя вместе с двумя друзьями...

Я ее перебил:

— Ты ничего не сказала полицейским и продолжала врать мне. Мало того, там, в изоляторе, ты заметила, что я вроде бы начинаю вспоминать, и тут же сообщила им.

— Тьерри... только Тьерри... Он не такой, как...

Она разрыдалась. Я не чувствовал к ней никакой ненависти. Только жалость.

Теперь все было в порядке. Теперь я все понимал. Оставался один вопрос, на который у меня уже был ответ.

— Значит, это не мой отец хватал под юбкой ту девушку, Джессику? Это был Максим Приер?

Брижит удивленно посмотрела на меня. Вот она, деталь, которую они не сумели учесть.

— Конечно, это был не твой отец. Максим с ума сходил по девчонке, та его дразнила, а когда случился скандал на стройке, бросила его. Это, наверное, тоже сыграло свою роль. Колен, твой отец не мог изменить твоей маме. Твои родители любили друг друга, они были так неприлично счастливы, что все другие пары им завидовали. Они жить друг без друга не могли. Как бы горестно все ни сложилось, ты, Колен, дитя любви...

Брижит впервые посмотрела мне в глаза:

— Ну вот, Колен, теперь ты знаешь все. Надеюсь, это поможет тебе вспомнить про Безумство Мазарини. Иначе они убьют тебя.

— Они убьют меня в любом случае.

Я встал, собираясь вернуться в комнату.

Во всем виноват Валерино. Наверное, это он убил мою маму. Может, идея с разбитой бутылкой не так уж и плоха. Я знал, что Брижит не причинит мне вреда, что она меня не выдаст. Если повезет, я смогу перерезать Валерино сонную артерию, решимости мне хватит. Но затем Максим Приер наверняка меня прикончит. Пулей — в спину или в сердце. Разницы никакой.

А может, они тогда испугаются и отпустят меня? Они ведь все до дрожи боятся Валерино.

Я пристально посмотрел в глаза Брижит и взял бутылку. Она ничего не сказала, ничего не сделала. Надо было разбить бутылку так, чтобы никто не услышал. Но как?

Я шагнул вперед, но наткнулся на один из ящиков и с грохотом упал. Из соседней комнаты тут же ворвался Валерино:

— Что такое?

Брижит уже подскочила ко мне, помогла встать.

— Ничего, — сказала она. — Он потрясен. Потерял равновесие.

Валерино подозрительно посмотрел на меня, в руке у него был пистолет.

— С признаниями покончено. Возвращайтесь к нам.

Я медленно двинулся вперед.

Валерино стоял всего в двух метрах от меня. Одну руку я держал за спиной, сжимая отбитое горлышко бутылки. Брижит, стоявшая позади, не могла этого не видеть.

Она ничего не сказала.

Она стала моей сообщницей.

Валерино вот-вот наверняка обратит внимание, что я прячу руку за спиной. Мне надо всего лишь продвинуться вперед, совсем немного, на два-три шага.

И я смогу ударить.
Перерезать горло убийце моей мамы.

64. Свет в ночи

Воскресенье, 20 августа 2000, 02:36

Руины аббатства Сент-Антуан, остров Морнезе

Дельпеш, Клара, отец Дюваль и Мади несколько минут молча обдумывали предположение Армана.

Невероятное и правдоподобное одновременно.

Среди полицейских вдруг началось какое-то оживление.

— Они их нашли! — закричала Мади.

Дельпеш кинулся к ним, коротко поговорил с офицером тюремной охраны.

— Ложная тревога, — разочарованно сообщил он, вернувшись. — Но они получили по факсу план подземелий от Симона Казановы и теперь смогут прочесать все коридоры. Если Колен там, они его найдут.

Арман что-то скептически промычал.

Клара заботливо наклонилась к нему:

— Мы можем положиться на этих людей. Они профессионалы. У них есть план...

Арман даже не заглянул в открывшийся вырез.

— Они же не идиоты, — отрезал он.

— Ты о чем? — не понял Дельпеш.

— Если мы принимаем гипотезу насчет махинации, значит, они начали готовиться к этому очень давно, десять лет назад. Я плохо себе представляю, чтобы они закрылись в тоннеле, не предусмотрев выхода, когда у них на хвосте вся полиция.

— Они не могли предположить, что у полиции будет точный план, — возразил Дельпеш.

— Но знали, что их будут ждать у выхода! Эти подземелья — обман, ловушка. Наверняка Валерино три дня прятался под землей, пока его искали наверху. Теперь же, когда все полицейские, как кроты, зарылись в землю, я уверен, что Приер, Валерино и Колен как раз наверху.

Дельпеш посмотрел на Армана с восхищением.

— Похоже, коэффициент интеллекта у него все сто сорок, — ввернула Мади.

— То, что говорит мальчик, звучит неглупо, — согласился отец Дюваль. — Может, поделиться с полицейскими?

— Не думаю, что они прислушаются к советам пятнадцатилетнего пацана, — возразил Дельпеш.

Двор аббатства понемногу пустел.

Отряды полиции и тюремной охраны проворно спускались в подземелье. «Как муравьи, которые бросаются на приманку», — подумал журналист. А вслух произнес:

— Даже если ты прав, мы мало что можем сделать, только ждать.

Наступило долгое молчание.

Взгляд Мади остановился на очертаниях высившегося над развалинами громадного креста Святого Антония. На короткий миг грани креста показались ей более четкими, контрастными, словно где-то за ним включился свет.

Мощные автомобильные фары?

Странно.

Через несколько секунд верхушка креста снова осветилась.

— Что это за свет? — спросила девочка.

Ответил ей обычно неразговорчивый отец Дюваль:

— Это отсветы маяка Кандальников. Он довольно далеко отсюда, но свет достигает всех самых высоких точек острова.

— Аббат, у вас есть бинокль? — завопила Мади.

Отец Дюваль невольно улыбнулся, услышав это обращение.

— Есть. В лагере.

— А с маяка виден весь остров?

— Нет, не весь, — ответил отец Дюваль, — но довольно значительная его часть.

— А есть на острове точка еще выше? — присоединился к расспросам Арман. — Откуда виден весь остров?

— Нет, — ответил отец Дюваль. — Но...

— Я могу достать ключи от маяка, — сказал Дельпеш. — Сторож — мой давний приятель. Надо будет только заехать в порт.

— Поехали! — загорелась Мади.

— Спокойно, дети, — попытался остудить их пыл журналист. — С маяка мы мало что увидим, особенно ночью. Шансы практически нулевые.

— Тогда почему вы хотите поехать?

Клара застегнула жакет и сказала:

— Потому что великий Дидье Дельпеш терпеть не может находиться там, где суетятся другие. Через несколько часов вход в тоннель бросятся фотографировать все репортеры страны, а Дельпеш будет уже в другом месте... Так почему бы не на маяке!

Минутой позже все пятеро набились в «пежо» Дельпеша. Журналист сел за руль, отец Дюваль, чей вес явно перевалил за центнер, настоял на том, чтобы сесть впереди, Арман же кинулся первым устраиваться на заднем сиденье, посередине, предоставив Кларе и Мади втискиваться по бокам.

Вскоре Дельпеш затормозил во дворе лагеря. Отец Дюваль вылез, рысцой сбегал за биноклем, запыхавшись, притрусил обратно, и они снова умчались, перебудив обитателей лагеря и оставив их удивленными и встревоженными.

В порту Дельпеш припарковался рядом со зданием управления, позвонил и произнес несколько слов в домофон. В окнах вспыхнул свет. Через минуту заспанный человек открыл дверь, протянул Дельпешу связку ключей, и тот бегом вернулся к машине.

— Порядок, они у меня.

Они буквально пролетели несколько километров до маяка Кандальников. Дельпеш поставил машину как можно ближе к нему, почти на моле.

— Построен в тысяча восемьсот тридцать четвертом году, — проинформировал отец Дюваль. — Высота пятьдесят три метра. Не самый высокий маяк во Франции, но лишь немногим уступает маяку Гури на мысе Аг или Гранвильскому на мысе Рок.

Сооружение было ярко освещено. К маяку вела узкая гравийная дорожка. Массивная шестигранная колонна была сложена из плотно пригнанных серых камней, снизу до самого верха тянулось десять круглых окошек, светившихся бледно-желтым светом и напоминавших безупречно ровный ряд пуговиц на гигантском мундире.

Дельпеш не сразу подобрал правильный ключ. Наконец дверь отворилась.

— Двести двадцать три ступеньки, — сообщил отец Дюваль.

— После вас, мадемуазель. — Арман галантно пропустил Клару вперед, чтобы соединить приятное с полезным.

65. 00.11.08

Воскресенье, 20 августа 2000, 02:46

Старая ферма Люсьена Верже, остров Морнезе

Передо мной стоял убийца моей матери.

Опустив голову, изображая покорность, я чуть-чуть продвинулся вперед, стараясь не смотреть на Валерино, но чувствуя, что он прямо напротив.

Пора!

Я выдернул руку из-за спины и, вложив в удар всю свою ненависть, выбросил ее вперед, целясь отбитым горлышком бутылки в горло.

Валерино предугадал нападение и мгновенно отскочил в сторону. Железная рука стиснула мое запястье.

— Брось это, — процедил Валерино.

Я поморщился, но не сдался.

Он сжал сильнее — боль была адская. Я все же еще сколько-то продержался, но в конце концов выпустил осколок. Валерино грубо толкнул меня на стул, мрачно глянул на Брижит. Та забилась в темный угол рядом с камином и затравленно молчала. Помощи от нее не дожидаться.

— Думаю, теперь ты знаешь все, — усмехнулся Валерино, — и тебе захотелось погеройствовать. Могу понять. Но ты уже просек, что это пустой номер.

Он пнул бутылочное горлышко, и оно откатилось к противоположной стене. Я проводил его растерянным взглядом. Валерино посмотрел на часы:

— Давай быстрее. Время идет. Сосредоточься на том, что мы ищем. Мы не можем сидеть здесь до утра.

Сосредоточиться мне не требовалось. Я все вспомнил — предельно отчетливо.

Последнее застолье. Все кричат. Папа наклоняется ко мне, шепчет на ухо: «Смотри, Колен. Смотри. Вот оно, сокровище. Оно здесь — Безумство Мазарини».

Теперь я все знал. Но мне надо было выиграть время, придумать что-то еще, найти другое оружие. Не поднимая головы, я шарил взглядом по сторонам.

Ничего.

Разве что старые ржавые грабли или... Рядом с камином лежала коса и

выглядела достаточно острой, но шансов у меня в окружении четырех взрослых не было.

Нет, надо пойти на хитрость.

Соврать.

Комнату залил свет маяка. Окна были слишком грязные, чтобы снаружи можно было разглядеть, что происходит внутри, даже если бы у фермы кто-то чудом оказался в этот час.

Медленно ползли секунды, размеренные вращающимся лучом маяка.

— Мы здесь зря теряем время, — сказал Валерино. — Мы все обшарили. Простучали стены. Все перевернули. Здесь нет клада! Надо валить, пока еще не поздно. История с Безумством Мазарини — полная чушь, Жан Реми гораздо был на выдумки.

— Жан его нашел, — спокойно возразил Максим Приер. — Просто мы слишком глупы, чтобы понять. — Он наклонился ко мне и приставил указательный палец к моему виску. — Колен, то, что мы ищем, у тебя в голове. Твой отец спрятал там ключ к своему секрету. Мы все это знаем. Так вспоминай уже! Какого черта, больше тебе не на что рассчитывать!

— Есть... есть одна картинка, — пробормотал я.

Валерино и Тьерри резко обернулись.

— Что?

— В голове всплыла одна картинка... вроде шифра. Но я не знаю, что она означает. Бред какой-то.

— Выкладывай! — возбужденно потребовал Максим Приер. — Мы пойдем.

— Папа начертил ее на земле, под столом, во время последнего обеда. Велел мне запомнить и стер.

— Давай уже! — нетерпеливо крикнул Приер.

— Мне надо это написать.

Не дожидаясь разрешения, я встал и направился к окну. Валерино хотел было вмешаться, но Приер вскинул руку:

— Не лезь! Пусть рисует.

Недоверчивый Валерино наставил на меня пистолет. Я поднял палец, показывая, что хочу всего лишь начертить знак на пыльном стекле.

Максим Приер подошел ближе, готовый вмешаться при малейшей попытке к бегству. Я лизнул палец и, стараясь нажимать как можно сильнее, стал выводить на толстом слое пыли цифры во всю ширину стекла.

00.11.08

— И все? — удивился Приер.

Я кивнул и отошел от окна.

— Что за ерунда?! — прошипел Валерино. — Мальчишка над нами издевается!

И тут впервые подал голос Тьерри:

— Не уверен. С Жана вполне стало бы придумать такую хитрую штуку.

— 00.11, — рассуждал вслух Максим, — может означать время. Часы и минуты... А может означать положение солнца. Во всяком случае, это указывает направление, исходя из определенной точки. Отсюда, например. Но 08? Это о чем?

— Число шагов? — предположил Тьерри. — Или высота? Может быть, на острове есть место, расположенное на высоте ровно восемь метров над уровнем моря?

Максим Приер развернул карту и склонился над ней вместе с Тьерри.

Валерино вздохнул:

— Напрасно стараетесь, парень морочит вам голову. Он попросту тянет время.

Луч маяка снова осветил ферму. На мгновение шесть цифр вспыхнули огненными знаками.

00.11.08. Моя единственная надежда.

Ничтожная.

Надо было, чтобы кто-то заметил мое послание, прочитал его снаружи, то есть задом наперед.

И понял его...

На острове Морнезе на это был способен лишь один человек.

66. Страх высоты

Воскресенье, 20 августа 2000, 02:57

Маяк Кандальников, остров Морнезе

Арман с трудом поспевал за Кларой, а секретарша одолевала уже вторую сотню ступенек и даже не запыхалась. Наверное, часами торчит в спортзале на тренажерах.

Арман изнемогал. Двести двадцать три ступеньки!

Мади подталкивала его в спину:

— Побыстрее не можешь?

— Куда спешить-то? — проворчал Арман. — Отец Дюваль на двадцать ступенек ниже, а бинокль у него...

Но в конце концов все поднялись до самого верха, и Арман перевел дыхание. Отец Дюваль, обливаясь потом, уперся руками в бетонную стену и никак не мог отдышаться. Свет тут был более резкий, слепил. В машинный зал доступа не было, маяк полностью автоматизирован. Дельпеш открыл еще одну дверь, она вела на галерею вокруг башни.

Посторонним сюда было запрещено подниматься, и они сразу поняли почему. С галереи на высоте пятидесяти трех метров весь остров был как на ладони, а от падения в бездну предохраняла лишь низенькая железная оградка. Дельпеш, Клара и Мади подошли к ней.

Вид сверху открывался завораживающий.

Справа — крошечный отсюда сент-арганский порт с разноцветными огнями и освещенной статуей Мазарини. Слева — темная Чаячья бухта. Впереди — разрозненные постройки: хутор Грабы, фермы, коттеджи. Вдали, на другой оконечности острова, — крест Святого Антония. Еще дальше, на полуострове, цитадель в свете белых прожекторов. Море пестрит красными и желтыми огоньками — вешки, обозначающие рифы, рыбацкие лодки.

Лица обдувал свежий ветер. Слышно было, как волны разбиваются о бетонное основание.

— Как чудесно! — воскликнула Клара. — Я впервые здесь! Все эти огни...

Отец Дюваль шагнул вперед и протянул Дельпешу бинокль:

— Глаза у вас точно лучше моих.

Журналист принялся изучать остров.

Мади обернулась к Арману, топтававшемуся у двери:

— Чего ты там застрял? — И вдруг заметила, что у него подрагивают колени.

— Ты спятила, Мади? — простонал Арман. — Я не хочу упасть.

— Высоты боишься?

— Ага...

— Иди сюда, я буду тебя держать.

— Ничего, мне и отсюда хорошо видно.

Мади вздохнула:

— Ну и дурак. Здесь совсем не страшно.

— Да пошла ты!

Через несколько минут Дельпеш опустил бинокль:

— Ничего. Ничего подозрительного. Шоссе, дороги, дома, все как обычно. И слишком темно. Наверняка они стараются держаться в тени, под деревьями, отсюда их не заметить.

— Дай мне, — попросила Клара.

Она долго исследовала остров, но тоже безуспешно. Руки и лицо у нее заледенели от безжалостного ветра.

Потом наступил черед отца Дюваля.

— Можно я посмотрю? — спросила Мади.

Отец Дюваль протянул ей бинокль.

— С ума сойти! Видно даже полицейские мигалки в развалинах аббатства. Все видно!

— Только то, что освещено, — поправил Дельпеш.

Но вскоре и Мади сдалась:

— Ничего, кроме мигалок. Все на этом острове дрыхнут!

Она повернулась к Арману — тот все еще неподвижно стоял на площадке, так и не шагнув за порог.

— Хочешь взглянуть? — предложила Мади.

— Я же говорил — не могу!

— И не надо, — спокойно сказал отец Дюваль. — Страх высоты — фобия, с которой невозможно справиться, а эта галерея и в самом деле очень опасна.

— Что дальше? — спросила Мади. — Мы ничего не нашли.

— И не найдем, — вздохнул Дельпеш. — Мы попытались. Будем надеяться, что полицейским удалось больше.

Клара стучала зубами. Дельпеш обнял ее.

— Надо уходить. Попробуем придумать что-нибудь еще.

Арман спускался первым, за ним следовали Мади, Клара и отец

Дюваль. Дельпеш запер дверь на галерею и присоединился к остальным.

67. Безумство Мазарини

Воскресенье, 20 августа 2000, 03:13

Площадка для отдыха в Фонтене-ле-Конт

Площадка для отдыха совсем опустела. По всем четырем полосам свободно мчались машины.

Симон замерз. Поднявшийся ветер мешал изучать досье Габриеля Бордери, листы разлетались.

Он собрал все в папку и решил зайти на заправку.

Неоновый свет резанул по глазам. Усталая девушка за кассой улыбнулась Симону — наверное, студентка, подрабатывает летом по вечерам. Кассирша украдкой посматривала на Симона, и при другом раскладе он охотно перекинулся бы с ней парой слов, а может, и не только, но сейчас голова у него была занята другим. Он бросил монетку в раздолбанный автомат, получил кофе.

Омерзительный, зато горячий.

Огляделся. Сесть было негде — из мебели только несколько маленьких круглых белых пластиковых столиков. Симон выбросил пустую чашку в мусорный бак, пристроил на столик папку и открыл.

Он на верном пути. Никаких сомнений. Но надо в последний раз проверить.

Он чувствовал на себе любопытный взгляд молоденькой кассирши. Прости, не сегодня, моя прелесть.

Симон перечитал подробный анализ геологического состава острова. Почва Морнезе была по преимуществу дерново-карбонатной. «Неглубокий почвенный слой формируется на известковой материнской породе и включает в себя горизонт А темного цвета, каменистый и комковатый, с большим количеством гумуса, прикрывающий более или менее измененную породу». Понять вообще невозможно, но вроде бы речь шла о редком для севера Франции и очень своеобразном составе почвы.

Симон извлек большую геологическую карту острова. На круглом пластиковом столике ее не разместить, и он сложил карту, чтобы сосредоточиться на нужном участке, на зоне NA, на Сангвинариях — землях, которые возделывал в 1914 году Люсьен Верже. Это был совершенно особенный участок: «Почва довольно бедна гумусом, с низкой кислотностью; глинистая основа; хороший дренаж и постоянное снабжение

водой».

Убрав карту, стал перебирать листки из досье. Остановился на архивах, касавшихся молодого фермера Люсьена Верже. Опись имущества, сделанная после его смерти. Списки оборудования, купленного, когда он еще работал, очень дорогого для того времени. Еще раз перечитал письма Люсьена Верже:

Я получил твоё «сокровище»... Я и не знал, что в недрах острова Морнезе таится подобное богатство... Вы получите ещё несколько образчиков из моей коллекции. У меня их несколько десятков, и я не намерен на этом останавливаться. Из-за всеобщей мобилизации на проклятую войну мне, возможно, придется всё на время отложить. Но вы прекрасно понимаете, что это не так важно.

У Симона не осталось ни малейших сомнений.

Взять хотя бы само название — Сангвинарии. Если подумать, то всё так очевидно!

Он перечитал письмо мадам де Севинье:

Итальянец Мазарини завоевал двор своим талантом оратора, чутьём в политических интригах и глубокой эрудицией, но главным образом — своим богатством, которое приобрёл благодаря маленькому острову Морнезе. Это единственное в своём роде сокровище, от которого он был без ума, при помощи которого сумел подкупить французскую аристократию, это неисчерпаемый источник богатства, которым восхищался французский двор. Без этого сокровища коронация Людовика XIV не была бы столь великолепной.

Сведения, собранные Жаном Реми, со всей очевидностью указывали, что это за сокровище.

Симон закрыл папку и торопливо направился к выходу. Юная кассирша робко улыбнулась ему вслед. Симон постоял несколько минут, дожидаясь, пока свежий ночной воздух взбодрит его, потом вытащил мобильник.

— Клара?

— Каза? — В трубке слышалось тяжелое дыхание.

— Клара, ты где?

— На лестнице. Двести двадцать три ступеньки. Потом расскажу.

— Клара, думаю, я разгадал секрет Безумства Мазарини. Почва острова обладает исключительными свойствами, это редкая и сложная смесь. Особенно там, где находятся развалины аббатства. Такая земля встречается всего в нескольких уголках Франции. Не буду грузить тебя подробностями...

— Да что в ней такого особенного, в этой почве? — спросила Клара, продолжая спускаться.

— Примерно такая же почва там, где делают лучшие французские вина. Борделе. Бургундия. Этот молодой фермер, Люсьен Верже, был виноградарем. Безумство Мазарини — это вино, одна из лучших марок вина!

Клара резко остановилась. Лестницу маяка освещали редкие маленькие светильники, и отец Дюваль, спускавшийся следом, едва не налетел на нее.

— Отец Дюваль, вы разбираетесь в винах?

— Неплохо, — ответил тот слегка удивленно.

— Держите, вы поймете лучше меня. — И, не дав священнику возразить, сунула ему телефон.

— Алло? Это Дюваль, начальник летнего лагеря.

— Вы что-нибудь понимаете в винах?

— У меня в погребе около тысячи бутылок.

— Отлично! — завопил Симон. — Безумство Мазарини оказалось вином! Если хорошенько подумать, это совершенно очевидно. Сангвинарии — название виноградников, известное со времен Средневековья. Одно из лучших французских вин, которое давно делали монахи-бенедиктинцы, и Мазарини его обнаружил. Потом его производить перестали — революция, аббатство было разрушено, ссоры из-за наследства. Участок был слишком мал, слишком далек от всего. О нем забыли. И не вспоминали — до тех пор, пока в девятьсот четырнадцатом молодой фермер Люсьен Верже не начал снова производить красное вино острова Морнезе.

— Вполне возможно, — согласился отец Дюваль. — Морнезе расположен южнее, чем виноградники Шампани и Эльзаса или долины Рейна и Мозеля с их айсвайнами. К тому же здесь океанический микроклимат, туманы защищают растения от заморозков, участок обращен к югу — да, выглядит правдоподобно. На Джерси и сейчас делают превосходное белое вино. Но почва Морнезе намного богаче, и если найти подходящий сорт винограда... Боже правый... Для полной уверенности... Надо бы попробовать!

— Люсьен Верже был последним, кто делал вино на Морнезе! — Казанова так разволновался, что почти орал. — Его ферма расположена на юго-востоке острова, на одной из самых высоких его точек. Она по-прежнему заброшена, и подняться к ней можно только с берега. Если от Безумства Мазарини на острове что-то осталось, если Жан Реми десять лет назад нашел одну из последних бутылок, то именно там, на заброшенной

ферме Люсьена Верже.

— Нам надо торопиться! — пропыхтел отец Дюваль. — Мы вам перезвоним.

Священник вернул Кларе телефон и протянул бинокль Дельпешу, который шел последним:

— Поднимаемся снова. То есть вы поднимаетесь, а меня увольте... Теперь мы знаем, куда надо смотреть, — на заброшенную ферму Люсьена Верже. От нее до маяка по прямой чуть больше километра.

Дельпеш послушно полез наверх.

— Староват я для такого! — пожаловался он.

— Не ной! — весело откликнулась Клара. — Мы же не успели добраться до самого низа. — И тоже начала подъем.

Снизу донеслись быстрые шаги Мади и шаркающие — Армана. Подростки все поняли и возвращались на галерею.

Наверху Дельпеш тут же направил бинокль на старую ферму. Клара и Мади нетерпеливо топтались рядом, Арман снова занял пост у двери.

— Ну что? — спросила, стуча зубами, Клара.

— Ничего, — хмуро ответил журналист. — Совсем ничего! Все спокойно, окна темные, никакого движения. Еще один ложный след!

— Можно я посмотрю? — попросила Мади.

— Смотри, если хочешь, — ответил журналист. — Только побыстрому, пока мы себе всё не отморозили.

Мади поднесла бинокль к глазам и стала ждать, когда луч маяка на несколько секунд осветит ферму. После десятой попытки она сдалась:

— Все будто вымерло.

— Спускаемся, — сказал журналист.

— Хорошо, — вздохнула Мади и вернула бинокль Дельпешу.

Они спустились уже ступенек на сто, когда Мади неуверенно спросила:

— На всякий случай... Цифры 80.11.00... Это никому ничего не говорит?

Еще четыре ступеньки.

Крик Армана взлетел по винтовой лестнице:

— Что? Что ты сейчас сказала?

Мади резко остановилась.

— На окне фермы. Там цифры. 80.11.00.

— 80! — еще громче заорал Арман. — На 11 часов! Это у нас с Коленом игра такая! Он там! Колен совершенно точно там, на этой ферме!

68. Прощание навсегда

Воскресенье, 20 августа 2000, 03:21

Разрушенная ферма Люсьена Верже, остров Морнезе

Сначала я принял это за луч маяка, но он не двигался по кругу. Луч замер на ферме, залил комнату резким светом.

Валерино бросился к окну, попытался что-нибудь рассмотреть, но его ослепил мощный прожектор.

— Какого черта, что там происходит? — крикнул Максим Приер.

— Я не зна...

Валерино не успел договорить. В комнате загрохотал мужской голос:

— Валерино. Дюкурре. Выходите и сдавайтесь без сопротивления. Вы окружены.

Валерино локтем выбил стекло и, держась от окна сбоку, оглядел заросшее сорняками поле перед фермой. Обернулся к Тьерри и Приеру:

— Легавые! Больше десяти машин. Черт. Как они могли нас найти?

Он злобно посмотрел на меня.

Непонимающе.

Тьерри шагнул вперед. Не скрываясь, подошел к окну.

— Все кончено, Жан-Луи. Мы рискнули и проиграли. Не будем строить из себя ковбоев. Сдаемся!

Валерино бросился к люку, через который мы попали на ферму.

Из тоннеля доносились глухие удары: полиция пробивала завал, устроенный Валерино с сообщниками.

— Мы в ловушке! — истерично выкрикнул Приер. — Заперты как крысы! Вот и все, чего мы добились.

— Нет! — заорал Валерино. — У нас есть козырь! — Он повернулся ко мне, в глазах полыхало безумие, он уже не сдерживал себя. — Заложник! Они не станут стрелять в заложника.

Максим Приер в ужасе уставился на него:

— Все кончено, Жан-Луи. Куда ты пойдешь со своим заложником?

— До лодки меньше километра.

— И что потом? — спросил Приер. — Думаешь, у них лодок нет? И вертолетов?

Через разбитое окно снова загредел усиленный динамиком голос:

— Выходите без сопротивления. У вас нет никаких шансов. Все

выходы под контролем. Сначала выпустите Колена Реми, потом выходите, положив руки на голову, без оружия.

— Все кончено, Жан-Луи, — повторил Максим Приер. — Хватит, поразвлекались десять лет благодаря твоим дурацким выдумкам. От диверсии в тоннеле до похищения малолетки. Ты сказал, что крови не будет. Помнишь, Жан-Луи? Крови не будет. Извини, но я сдаюсь. В конце концов... — Приер внезапно усмехнулся, — в конце концов, лично я никого не убивал. У меня даже оружия нет.

— Я тоже сдаюсь, — хмуро сказал Тьерри.

Брижит промолчала. Так и сидела, съжившись, рядом с камином.

Приер шагнул к двери, ведущей во двор.

— Стой! — крикнул Валерино и направил пистолет на сообщника. — Стой! Сдавайся легавым, если хочешь, а меня они не поимеют.

Теперь он снова целился в меня, знаком приказывая встать. Я подчинился. Он схватил мою правую руку и резко завел за спину. Он боли у меня ноги подкосились.

Он чуть ослабил хватку.

— Шагай. Открой дверь. Мы выходим.

Я буду его щитом! Если попытаюсь что-нибудь сделать, он без колебаний меня пристрелит.

А будут ли стрелять полицейские? Скорее всего, снайперы наготове, но пойдут ли они на риск?

Но лучше шальная пуля, чем бегство с психопатом.

Валерино в последний раз оглядел сообщников — ни один не сдвинулся с места. Похоже, никто не собирался следовать за ним.

— Открой дверь! — заорал он и снова выкрутил мне руку.

Свободной рукой я отодвинул щеколду. Толкнул. Дверь не открылась.

— Ногой, — приказал Валерино.

Я с силой пнул дверь, и она распахнулась. Валерино еще больше заломил мне правую руку, притиснул меня к себе.

В глаза ударил слепящий свет. Я отчетливо расслышал поспешный приказ:

— Не стрелять! Он вооружен. У него мальчик.

Валерино подтолкнул меня.

Чего они ждут?

Валерино заставлял меня медленно продвигаться вперед.

Да стреляйте же, какого черта!

И ничего. Тишина.

Внезапно я понял, что рука моя свободна.

Тишина стояла оглушающая.

Пальцы Валерино разжались, пистолет упал в мокрую траву. Его жилистое тело осело на землю.

Я повернулся.

Валерино лежал у моих ног.

В луже крови.

А передо мной стояла Брижит, растерянная и призрачная в этом режущем белом свете. В руке она сжимала старую ржавую косу, с лезвия текла кровь.

Следом за ней, положив руки за голову, вышли Тьерри и Приер. Я, наверное, виделся Брижит лишь черным силуэтом. Она прошептала:

— За Анну. За твою маму.

Потом все происходило очень быстро. Человек десять в пуленепробиваемых жилетах набросились на Максима Приера, Тьерри и Брижит. Их увели в фургон, взвыли сирены.

Темноволосая женщина в полицейской форме подошла ко мне, отвела в сторону. Наверное, психолог. Вопросов она почти не задавала, но держалась рядом. Я не заметил, как тело Валерино унесли, от этого зрелища меня избавили.

Внезапно на дороге резко затормозила машина с логотипом «Островитянина». Значит, напоследок придется выдержать допрос журналиста.

Но, к моему изумлению, с заднего сиденья выскочили Мади и Арман.

— Восемьдесят на одиннадцать часов! — вопил Арман. — Колен, ты гений! Мы с тобой оба гении!

Мади молчала. Только улыбнулась, крепко обняла меня и долго не отпускала. Я чувствовал, как ее сердце бьется совсем рядом с моим, — так же, как три дня назад, когда няня Мартина прижимала меня к себе, только такой пышной груди, как у няни, у Мади не было. И тянулось это куда дольше, чем дружеское объятие. Наконец Мади меня отпустила. Кажется, она смутилась не меньше моего.

— Я рада, что ты живой, Колен.

Арман так и сиял. Увидев его круглое лицо, его очки, его хилое тело, я начал успокаиваться.

— Похоже, ты миллиардер! Сирота и миллиардер. Вот это да... Про телок теперь и говорить нечего, сам понимаешь...

И, словно подтверждая предсказание Армана, ко мне подошла блондинка в нелепом обтягивающем платье из пурпурного бархата. Настоящая женщина-вамп из кино про гангстеров, разве что чуть старше положенного.

— Клара, — представил ее Арман. — Дико сообразительная секретарша. Но на нее, Колен, не засматривайся, ей только старичье нравится!

Клара улыбнулась, сверкнув белыми зубами.

— Дидье Дельпеш просил его извинить. Уехал в редакцию. Решил выпустить специальный номер «Островитянина».

Я поморщился.

— Ты его должник, — сказала Клара. Она протянула мне мобильник:

— Возьми. С этим человеком ты незнаком, но он хочет с тобой поговорить. Ему ты тоже многим обязан.

Я взял трубку.

— Колен Реми? — произнес молодой и бодрый голос. — Это Симон Казанова, из мэрии, помните меня? Как же я рад, что вы живы.

— Спасибо, — пробормотал я, ничего не понимая.

— Прямо сейчас я, пожалуй, немного посплю, но уже утром буду на Морнезе. Столько всего пропустил, надо наверстать. А главное, у меня есть кое-что от вашего отца, и я должен вручить вам лично. Это передал вам его лучший друг, Габриель Бордери.

— Спасибо, — повторил я растерянно.

— Колен, можете выполнить мою просьбу?

— Да.

— Достаньте для меня из погреба бутылку Безумства Мазарини. Думаю, я ее вполне заслужил.

— Ладно.

Я вернул телефон Кларе, чувствуя себя полным идиотом. Она задумчиво смотрела на меня.

— Этот Симон Казанова слегка задается и упрям как осел, зато далеко не глуп... И довольно красивый парень. Знаешь, Колен, я думаю, что он спас тебе жизнь.

Я промямлил какие-то невнятные слова благодарности, но роковая секретарша уже повернулась ко мне спиной и прижала к уху мобильник.

— Сзади вид лучше, тебе не кажется? — заметил Арман.

Я не ответил.

Мне хотелось помолчать. Побывать одному.

— Колен!

Я узнал монотонный голос отца Дюваля и обернулся. Никогда не видел у него такого красного лица. В одной руке он держал пыльный бокал, который, несомненно, отыскал в старом посудном шкафу на ферме, в другой — бутылку.

Сангвинарии — остров Морнезе — 1914.

Священник с ловкостью профессионального сомелье крутил вино в бокале.

— Колен, я не смог отказать себе в удовольствии и откупорил одну бутылку.

У меня не было сил отвечать.

— И как? — спросил Арман.

— Ну, лучше бы его попробовать несколькими годами раньше. Восемьдесят пять лет хранения многовато даже для особенных вин. Не помешало бы регулярно менять пробку. И надо бы дать ему отстояться...

— Протухло? — встревожился Арман.

Отец Дюваль отпил глоток, подержал вино во рту, потом ответил, взвешивая каждое слово:

— И месяца не прошло с тех пор, как я пил «Шато Кос д'Эстурнель», одно из лучших вин восемьдесят шестого года. Сто пятьдесят евро бутылка. Как минимум. И могу вам сказать, что то вино — кислятина в сравнении с этим.

Мади восхищенно присвистнула.

Отец Дюваль наклонился ко мне:

— Мазарини был прав, Колен, это исключительное вино. Все дело в особенной почве виноградника, такая встречается лишь в нескольких уголках Франции. Старый, забытый всеми виноградник. Твой отец заново его открыл. Если решишь снова возделывать эту землю, возродить виноградник, то слава и богатство, мальчик мой, тебе обеспечены!

Я кивал, толком не понимая, что отвечать, и чувствуя себя дурак дураком.

Мади улыбалась. Мне нравилась ее улыбка.

— Спасибо всем. Спасибо. Можно я побуду один?

С этим я и направился по склону небольшого поля. Я еще раньше заметил этот холм с кривым, старым, засохшим деревом на вершине и теперь опустился на траву, прислонился к теплому стволу. Трава была мокрая, но какое это имело значение. Как я и предполагал, с возвышения

открывался великолепный вид на темное море, на маяк, на черные скалы юго-восточного берега. Было слышно, как волны разбиваются о камни.

Я закрыл глаза. И снова открыл. Я, наверное, ненадолго уснул.
Мне было хорошо.
Шум волн. Бескрайнее море.
Горизонт вдали окрасился сиреневым. Волны замерцали.
Уже восходит солнце.
А теперь — новый день, новая жизнь.

Мне еще надо прочесть прощальное письмо отца, то, что он оставил у нотариуса. Полицейские отдадут его мне, когда найдут. Письмо с обвинениями.

Но теперь это может подождать.
Мне было хорошо.
Я должен был приехать сюда, пройти по обломкам моего детства.
Принять смерть моих родителей. Я сирота.
Я наконец простился с ними.
У меня ушло на это десять лет.
Отец погиб.
Мама была права. Ее пророчество после стольких лет исполнилось.
Когда-нибудь ты встретишься с папой.
Мы с ним не увиделись.
Но встретились.

notes

Примечания

1

Имеется в виду Памела Андерсон, исполнительница одной из главных ролей в «Спасателях Малибу». — *Здесь и далее примеч. перев.*

«Жандарм из Сен-Тропе» (1964, режиссер Жан Жиро) — знаменитый фильм с Луи де Фюнесом в главной роли.

Отрывок из песни «Бабакар», слова и музыка Мишеля Берже ©
Universal Music Publishing, 1987.

Фрагменты песни «Самый долгий день», автор слов Эдди Марне, композитор Пол Анка.

Кайенна — административный центр Французской Гвианы, заморского департамента Франции и единственного в обеих Америках европейского континентального владения.

«M6» — французский частный телеканал. Он не имеет узкой тематической направленности и рассчитан на самую широкую аудиторию.

«Панаше» (или «Радлер») — один из самых простых слабоалкогольных коктейлей: пиво (светлое) — 250 мл, лимонад — 250 мл. Соотношение пива и лимонада зависит от вашего вкуса. В европейских странах существуют различные вариации этого коктейля, даже «Тёмный Радлер»: тёмное пиво с кока-колой.

Из песни «Самый долгий день».

Жан-Жак Гольдман (р. 1951) — один из наиболее популярных французских исполнителей и авторов песен. Наивысшей известности он достиг к 1995 г. Записанный им с Селин Дион альбом стал самой продаваемой франкоязычной пластинкой в истории. Даниэль Балавуан (1952–1986) — французский певец, композитор и автор песен. Паскаль Мишель Обиспо (р. 1965) — французский певец, автор песен. Среди исполнителей его песен — Зази, Джонни Холлидей, Флоран Паньи, Патрисия Каас.

«Деррик» — культовый немецкий криминальный телесериал с Хорстом Таппертом и Фрицем Веппером в главных ролях. Инспектор мюнхенской полиции Штефан Деррик со своим напарником Харри Кляйном расследуют убийства и другие преступления, произошедшие в городе.

Луиза де Вильморен (1902–1969) — французская писательница, поэтесса, сценаристка, хозяйка литературного салона.

Имеется в виду герой популярного комедийного криминального сериала «Старски и Хатч» про двух незадачливых детективов, bruneta Старски и блондина Хатча, разъезжающих на красно-белом автомобиле.